№ 8 (179) 2014
Выпуск 30
НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ
Белгородского государственного университета
История Политология Экономика Информатика

Belgorod State University Scientific Bulletin
History Political science Economics Information technologies

Основан в 1995 г.
Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Учредитель:
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)
Издатель:
НИУ «БелГУ».
Издательский дом «Белгород».
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-21121 от 19 мая 2005 г.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Статьи представлены в авторской редакции.

оригинал-макет *И. Г. Оноприенко, Н. А. Гапоненко*
E-mail: onoprienko@bsu. edu. ru

Подписано в печать 25.06.2014
Формат 60×84/8
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 22,78
Тираж 1000 экз.
Заказ 155

Подписной индекс в каталоге агентства «Роспечать» – 18078

Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в Издательском доме «Белгород»
Адрес: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

№ 8 (179) 2014
Issue 29

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers.

Belgorod State University Scientific Bulletin
History Political science Economics Information technologies

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ
Белгородского государственного университета
История Политология Экономика Информатика

Founder:
Federal state autonomous educational establishment of higher professional education «Belgorod National Research University»

Publisher:
Belgorod National Research University.
Belgorod National Research University Press.
The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-21121 May 19, 2005.

CONTENTS

WORLD HISTORY

RUSSIAN HISTORY

The articles are given in authors` editing.

dummy layout by *I. G. Onoprienko, N. A. Gaponenko*
e-mail: onoprienko@bsu. edu. ru

Passed for printing 25.06.2014
Format 60×84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer's sheets 22,78
Circulation 1000 copies
Order 155

Subscription reference
in Rospechat' agency catalogue – 18078

Dummy layout is replicated at Belgorod National Research University Publishing house "Belgorod"
Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia, 308015

POLITICAL SCIENCE

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94(34)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛЕДАХ МИГРАЦИИ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ ИЗ ЮЖНОЙ АЗИИ ЧЕРЕЗ СТЕПНУЮ ЗОНУ В ЮГО–ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ

А.А. СЕМЕНЕНКО

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение гимназия № 2, г. Воронеж

e-mail: 31071976@bk.ru

Хотя в научной литературе широко распространено мнение об отсутствии археологических и антропологических следов миграции индоевропейцев из Южной Азии, это не соответствует действительности, что показывает данная работа.

Ключевые слова: теория исхода индоевропейцев из Индии, археология, антропология, следы миграции.

Сравнивая теории проникновения индоевропейцев на Индостан и их исхода оттуда, Э.Ф. Браент утверждает: «существует... серия археологических культур, приближение которых к индийскому субконтиненту можно проследить, пусть и не непрерывное. Кажется, то же невозможно сделать в случае с любой гипотетической миграцией с востока на запад»[1]. И.С. Якубович считает теорию исхода из Индии «формально неполной, поскольку её адептов в целом не интересуют хронология и траектории миграций, приведших к возникновению индоевропейских лингвистических сообществ за пределами индийского субконтинента»[2]. Позволяют ли антропология и археология реконструировать степные маршруты миграции населения из Южной Азии в Юго-Восточную Европу в энеолите (так как единые индоевропейцы вели производящее хозяйство (с земледелием и животноводством) и обрабатывали металлы (медь)[3])?

Производящая экономика в Южной Азии возникла независимо в двух очагах – Балучистане на правом берегу Инда (конец VIII тыс. до н.э.: ячмень, пшеница, зебу, козы и овцы)[4] и на северных склонах Виндхья и прилегающей к ним равнине Ганги (начало

[1] Bryant E.F. The quest for the origins of Vedic culture: the Indo-Aryan migration debate. NY, 2003. P. 236.

[2] Якубович И.С. [Рец.:] "The Indo-European Language Family: Questions about its Status. Angela Marcantonio (ed.). Journal of Indo-European Studies, Monograph Series 55. Washington: Institute for the Study of Man, 2009 // Вопросы языкового родства. 2011. № 6. P. 229.

[3] Mallory J.P. The homelands of the Indo–Europeans // Archaeology and language I. Theoretical and methodological orientations / Ed. by R. Blench and M. Spriggs. L.–NY, 1997. P. 100; Mallory J.P., Adams D.Q. The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World. Oxford, 2006. P. 134–141, 163–169 & 241; и др.

[4] Mukherjee, Badal Chandra. Rice cultivation in Bengal. A study in the context of Indian sub-continent // Dimensions of Human Cultures in Central India: Professor S.K. Tiwari Felicitation Volume / Ed. A.A. Abbasi. New Delhi, 2001. P. 127–128; Shaffer J.G. and Lichtenstein D.A. South Asian archaeology and the myth of Indo-Aryan invasions // The Indo-Aryan controversy: evidence and inference in Indian history. L., 2005. P. 82; Possehl G.L. Thoughts on The Evolution and History of Human Populations in South Asia // The Evolution and History of Human Populations in South Asia. Inter–disciplinary Studies in Anthropology, Linguistics and Genetics / Ed. by M.D. Petraglia, B. Allchin. Dordrecht, 2007. P. 455–456; Jarrige J.–F. Mehrgarh Neolithic // Prāgdhārā. No. 18. 2008. P. 141–143.

VII тыс. до н.э.: рис)[5]. Между Индом и Гангой текла р. Сарасвати (совр. Сарсути–Гхаггар–Хакра–Нара: так считают многие инвазионисты/иммиграционисты среди лингвистов[6] и американские археологи[7]). Предхараппская традиция верховий Сарасвати (Бхиррана в Харьяне) датируется 7380–6201 гг. до н.э.[8] Развитие культуры в Северо-Западной Индии с конца VIII тыс. до н.э. (Мергарх) до конца III тыс. до н.э. было непрерывным[9]. Коллапс Хараппской цивилизации ок. 2000 г. до н.э. вызвали, в том числе, пересыхание р. Сарасвати и миграция хараппцев на восток Пенджаба, в Харьяну, на Ямуну и Гангу[10]. Правый берег Инда заняли наследовавшие Хараппе местные культуры (Пирак[11], Сват[12], балучистанская традиция (см. ниже)) и БМАК (археологический комплекс Бактрии–Маргианы)[13], который не проник за Инд[14]. Там и после 2000 г. до н.э. культурная традиция продолжилась без признаков западного влияния до последних веков до н.э. Прямая преемница Индской цивилизации – культура Поздней Хараппы – с теми же носителями существовала в Пенджабе до 1300–1000 гг. до н.э., на сотни лет пережив БМАК[15]. В этом регионе преемственность культуры наблюдается с конца VIII тыс. до н.э. до конца I тыс. до н.э., а стабильное существование человеческой популяции в Северо-Западном Индостане без сколько-нибудь заметных вливаний извне – в 4500–800 гг. до н.э. (данные 6000–4500 гг. до н.э. отсутствуют)[16].

Жители Мергарха (на западном притоке Инда р. Болан) независимо от Ближнего Востока одомашнили в конце VIII тыс. до н.э. животных и злаковые и не были выходцами

---

[5] Sharif M. and Thapar R. Food–producing communities in Pakistan and Northern India. The Bronze Age in Iran and Afghanistan // History of Civilizations of Central Asia / ed. by A.H. Dani, V.M. Masson. Vol. I. Delhi, 1999. P. 150–151; Mukherjee, Badal Chandra. Rice cultivation. P. 128–129; Tewari R. et al. Early Farming at Lahuradewa // Prāgdhārā. No. 18. 2008. P. 364–370; Misra V.D. Beginnings of Agriculture in the Vindhyas (North–Central India) // History of Science, Philosophy and Culture in Indian Civilization. Vol. V. Part I. History of Agriculture in India, up to c. 1200 AD / Ed. by Lallanji Gopal & V.C. Srivastava. New Delhi, 2008. P. 25–27; Varma, Radha Kant. Beginnings of Agriculture in the Vindhya–Ganga Region // Ibidem. P. 34–40 & 42–46.

[6] Mueller F.M. India. What can it teach us? A course of lectures delivered before the University of Cambridge. L., 1883. P. 165; Vedic hymns translated by F.M. Mueller. Part I. Hymns to the Maruts, Rudra, Vāyu, and Vāta. Oxford, 1891. P. 59–60; Macdonell A.A., Keith A.B. Vedic index of names and subjects. Vol. II. L., 1912. P. 125, 434–437; Pargiter F.E. Ancient Indian historical tradition. L., 1922. P. 299 & 313; Елизаренкова Т.Я. "Ригведа" – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа. Мандалы I–IV. Изд. подг. Т.Я. Елизаренкова. М., 1989. С. 442; Idem. Примечания // Ригведа. Мандалы IX–X. Изд. подг. Т.Я. Елизаренкова. М., 1999. С. 476; Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. СПб., 2001. С. 89 и 620. Прим. 36; Бонгард-Левин Г.М. Древняя Индия: История и культура. М., 2008. С. 75. Прим. 40; Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 3: Индийские и иранские языки. Кн. 2. М., 2010. С. 11–14; и мн. др.

[7] Allchin F.R. The end of Harappan urbanism and its legacy // Allchin F.R., Erdosy G. et al. The archaeology of early historic South Asia: the emergence of cities and states. Cambridge, 1995. P. 28–29; Kenoyer J.M. & Heuston K. The ancient South Asian world. NY, 2005. P. 72 & 75–76; Shaffer J.G. and Lichtenstein D.A. South Asian archaeology. P. 84; Kenoyer J.M. Master of Animals and Animal Masters in the Iconography of the Indus Tradition // The Master of Animals in Old World Iconography / Edited by D.B. Counts and B.Arnold. Budapest, 2010. P. 38.

[8] [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://archaeologynewsnetwork.blogspot.ru/2012/11/indus-valley-2000-years-older-than.html#.UvDHN2Pxtjp.

[9] Shaffer J.G. and Lichtenstein D.A. The concept of "cultural tradition" and "palaeoethnicity" in South Asian archaeology // The Indo-Aryans of ancient South Asia: language, material culture and ethnicity / edited by G. Erdosy. Berlin–NY, 1995. P. 126; Jarrige J.–F. Mehrgarh Neolithic. P. 135.

[10] Klostermaier K.K. A survey of Hinduism. 2nd ed. Albany, 1994. P. 36; Allchin F.R. The end of Harappan urbanism and its legacy // Allchin F.R., Erdosy G. et al. The archaeology. P. 28–29; Бонгард-Левин Г.М. Возникновение. С. 94 и 104; Kenoyer J.M. & Heuston K. The ancient South Asian world. NY, 2005. P. 72 & 75–76; Shaffer J.G. and Lichtenstein D.A. South Asian archaeology and the myth of Indo-Aryan invasions // The Indo-Aryan controversy. P. 84–85, 89, 92 & 97, Note 8; Klostermaier K.K. A Survey of Hinduism. 3rd ed. Albany, 2007. P. 23; McIntosh J. The ancient Indus valley: new perspectives. Santa Barbara, 2008. P. 41.

[11] Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Ук. соч. С. 112.

[12] Bryant E.F. The quest. P. 226.

[13] Possehl G.L. Indus civilization: a contemporary perspective. Walnut Creek, 2002. P. 231.

[14] Lal B.B. Let not the 19th Century Paradigms Continue to Haunt Us. Inaugural Address delivered at the 19th International Conference on South Asian Archaeology, held at the University of Bologna, Ravenna, Italy, on July 2–6, 2007 // Purātattva. No. 37. 2006–07. P. 1–19.

[15] Kenoyer J.M. Culture change during the Late Harappan period at Harappa: new insights on Vedic Aryan issues // The Indo-Aryan controversy. P. 23–26 and 30–32.

[16] Hemphill B.E. et al. Biological Adaptations and Affinities of Bronze Age Harappans // Harappa Excavations 1986–1990: A Multidisciplinary Approach to Third Millennium Urbanism / Edited by R.H. Meadow. Madison Wisconsin, 1991. P. 137–182; Kennedy K.A.R. Have Aryans been identified in the prehistoric skeletal record from South Asia? Biological anthropology and concepts of ancient races // The Indo-Aryans. P. 32–66.

из Сиро-Палестины. Сравнение зубов натуфийцев, мергарховцев и современных индоариев показало отсутствие родства последних двух групп с первой и наличие прямой генетической связи между создателями Мергарха и нынешним населением Западной и Центральной Индии[17]. В Мергархе в последнем докерамическом слое (до 6000 г. до н.э.) нашли медные бусины[18]. Отмечено, что «набор артефактов Мергарха архаичен; это индустрия неолитического типа, схожая во многих отношениях с таковой Джейтуна в Южном Туркменистане... Материалы Мергарха обнаруживают близкие аналогии в Джейтуне в Южном Туркменистане, а также в нескольких местах в Северном Иране (Тепе Санг-и Чакмак)»[19]. Но Мергарх возник задолго до или ок. 7000 г. до н.э.[20], а джейтунская культура – ок. 6000 г. до н.э.[21] Её ареал стал первым очагом земледелия в Средней Азии. Здесь и в долине Инда выращивали ячмень и мягкие сорта пшеницы. Белуджистан, Афганистан, смежные районы Таджикистана и Туркменистана являются родиной более 60 разновидностей последней. Влияние Ближнего Востока исключается произрастанием к западу от Иранского нагорья твёрдых пшениц[22]. О связях с Индией говорят находки в Джейтуне раковин–каури из Индийского океана[23]. В Мергархе (с Периода I) умерших хоронили скорченно на боку и посыпали охрой, и джейтунская культура демонстрирует переход к этому погребальному обряду, что говорит о проникновении на юг Средней Азии нового населения[24]. Схожи в Джейтуне и Мергархе приёмы домостроительства и использования камней в очагах для приготовления пищи (что до сих пор делают в Балучистане)[25]. На юге Средней Азии у джейтунской культуры нет предшественников[26].

Индо-афганский вариант средиземноморской расы – древнейшей и морфологически ближайшей к европеоидно-негроидному стволу из всех европеоидных – проник в Среднюю Азию, до Кубани, Аравии и Восточного Средиземноморья[27]. Миграция из Южной Азии в Среднюю ок. 6000 г. до н.э. доказывается отнесением позднеджейтунских черепов (ок. 5000 г. до н.э.) к ранним средиземноморским и их родством с краниосериями энеолита–бронзы из Индии и Ирана[28]. В Европе средиземноморской расе противостоит северный/балтийский ствол европеоидной расы, являющийся «дочерним по отношению к средиземноморскому»[29].

Джейтунский неолит входил в североиранско–среднеазиатскую общность культур VI–V тыс. до н.э. (Сиалк 1, Джебел, Дам–Дам–Чешме 2, Шебир (см. ниже), Джейтун, Кельтеминар), возникших на единой основе[30]. До этого аллювиальные равнины Средней Азии

[17] Lukacs J.R. Dental Morphology and Odontometrics of Early Agriculturalists from Neolithic Mehrgarh, Pakistan // Mémoires du Muséum national d'histoire naturelle: Sciences de la terre. T. 53. P., 1988. P. 285 & 293.

[18] Jarrige J.–F. Mehrgarh. P. 148 & 151.

[19] Sharif M. and Thapar R. Food-producing communities. P. 132 & 151. Ср.: Массон В.М. Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). Л., 1971. С. 28–33, 68 и 70; Sharif M. and Thapar R. Idem. P. 131–132; Jarrige J.–F. Mehrgarh. P. 144–145.

[20] Jarrige J.–F. Mehrgarh. P. 148 & 151.

[21] Массон В.М. Земледельческий неолит юго-запада Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.–Л.:, 1966. С. 77; Idem. Поселение. С. 60 и 76; Коробкова Г.Ф., Массон В.М. Понятие неолит и вопросы хронологии неолита Средней Азии // Краткие сообщения института археологии. Т. 153. М., 1978. С. 106; Коробкова Г.Ф. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. Л., 1987. С. 63.

[22] Хлопин И.Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. Опыт исторического анализа. М.; Л., 1964. С. 93–94; Массон В.М. Поселение. С. 79.

[23] Ibidem. С. 18 и 40.

[24] Jarrige J.–F. Mehrgarh. P. 145–148; Массон В.М. Поселение. С. 22, 49–50, 52 и 54.

[25] Ibidem. С. 10–77; Jarrige J.–F. Mehrgarh. P. 140–141.

[26] Массон В.М. Поселение. С. 76.

[27] Алексеев В.П. Предки тюркских народов // Наука и жизнь. 1971. №5. С. 35–36; Idem. География человеческих рас. М., 1974. С. 208–209 и 188; Idem. Историческая антропология: Учеб. пособие. М., 1979. С. 185; Дерябин В.Е. Этническая антропология современных народов Кавказа. Многомерное количественное изучение. М., 1999. С. 2, 22, 24–25, 27, 55–57, 62–63, 68–72, 74–79, 81–84, 87–88 и 91.

[28] Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972. С. 37 и 40.

[29] Алексеев В.П. Этногенез: Учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по спец. «История». М., 1986. С. 124.

[30] Массон В.М. Поселение С. 62–64 и 77; см. также: Виноградов А.В. Тысячелетия, погребённые пустыней. М., 1966. С. 29–30; Массон В.М. Земледельческий неолит. С. 77 и 90; Окладников А.П. Палеолит и мезолит Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. С. 62–63, 66 и 74; Шишкин И.Б. У стен великой Намазги. М., 1977; Коробкова Г.Ф., Массон В.М. Понятие. С. 106; Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовий Амударьи. Археолого-палеоантропологическое исследование. М., 1986. С. 73–74; Коробкова Г.Ф. Хозяйственные комплексы. С. 63.

были почти необитаемыми[31]. Они заселялись с юга с проникновением «такого специфического типа кремнёвых изделий, как рогатые трапеции», от докерамического Мергарха через Северный Афганистан, Северо-Восточный Иран, Юго-Восточный Прикаспий, юг Средней Азии и Приаралье до левого берега Волги, юга Западной Сибири и Восточного Прибалхашья[32]. Выявлены среднеазиатские корни мезолита–неолита Юго-Восточной Европы[33]. Тогда же на юг Урала и Западной Сибири шли миграции из Средней Азии, сформировавшие Урало-Аральскую культурно-историческую область/общность (КИО) и распространившие наконечники стрел кельтеминарского типа до Среднего Поволжья, низовий Оби и Обь–Иртышского междуречья[34], а «утюжки» из камня/глины – от Юго-Восточного Прикаспия до Днепра, лесов Восточной Европы, Урала, Западной Сибири и Алтая[35]. Как указывает И.Н. Хлопин, «с неолита до эпохи раннего железа не зафиксировано никакого инокультурного вторжения или даже влияния на культуру… Южного Туркменистана. Это значит, что существующее в науке мнение о приходе в эти места людей в эпоху бронзы, говоривших на индо-иранских языках, следует полагать полностью себя изжившим. И если… население юга Средней Азии с эпохи бронзы говорило на иранских языках, то… на этих же языках оно говорило с эпохи неолита… с VII–VI тыс. до н.э.»[36] И.Н. Хлопин доказывает независимость культурного развития юга Средней Азии в эпоху неолита–бронзы от Ближнего Востока[37]. Но влияние Балучистана продолжалось. Керамическая традиция Мергарха

---

[31] Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М.–Л., 1981. С. 162.

[32] Ibidem. С. 162–163 и 169, Прим. 8.

[33] Формозов А.А. Об историческом месте неолитической культуры Левобережной Украины (в связи с выходом в свет книги Д.Я. Телегина «Днепро-Донецкая культура») // Советская археология. 1970. №1. С. 281–283; Idem. О роли закаспийского и приаральского мезолита и неолита в истории Европы и Азии // Советская археология. 1972. №1. С. 33–35; Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974. С. 135–137 и 143–144; Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986. С. 72–75 и 165; Мамонов А.Е. О культурном статусе елшанских комплексов // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара, 1999. С. 16–17 и 41; Юдин А.И. Закономерности и общие тенденции культурно-исторических процессов в Нижнем Поволжье на протяжении неолита и энеолита // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 4. Саратов, 2006. С. 46–47; Сурков А.В. Неолитические памятники Среднего Похопёрья. Воронеж, 2007.С. 92 и 94–99; Федюнин И.В. Мезолитические памятники Среднего Дона. Воронеж, 2007. С. 130–132; Вискалин А.А. Сравнительный анализ кремнёвого инвентаря позднемезолитических и ранненеолитических памятников Волго-Уральской лесостепи // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2, том I. Пенза, 2008. С. 76 и 84; Смольянинов Р.В. Памятники елшанской культуры на Верхнем Дону // Ibidem. С. 89–91; Выборнов А.А. Неолит степного-лесостепного Поволжья и Прикамья. Автореферат дис. … д.и.н. Ижевск, 2009. С. 7, 22 и 38; Idem. Неолит степного лесостепного Поволжья и Прикамья. Диссертация… д.и.н. Ижевск, 2009. С. 13, 169–171, 209–210, 212 и 329–330; Андреев К.М., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Некоторые итоги и перспективы радиоуглеродного датирования елшанской культуры лесостепного Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 14, №3. 2012. С. 195–198; Васильева И.Н., Выборнов А.А., Зайцева Г.И. Новые подходы к изучению неолитических культур степей Поволжья (по данным технологического и радиоуглеродного анализов керамики) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 1. СПб., 2012. С. 373–374; Выборнов А.А. О спорных моментах в изучении раннего неолита Среднего Поволжья // Первобытные древности Евразии: К 60-летию Алексея Николаевича Сорокина. М., 2012. С. 447–448 и 451–452.

[34] Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 32, 39 и 41–42; Виноградов А.В. Неолитические памятники Хорезма. М., 1968. С. 143–144 и 170–171; Иванов В.А. Откуда ты, мой предок? (Взгляд археолога на древнюю историю Южного Урала). СПб., 1994. С. 14–15; Мосин В.С. Каменный век // Древняя история Южного Зауралья. Т. I. Челябинск, 2000. С. 232–233, 235 и 237–238; Кирюшин Ю.Ф. Этнокультурная ситуация в Верхнем Приобье в эпоху энеолита и ранней бронзы // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура: Сборник научных трудов / Под ред. Ю.Ф. Кирюшина и А.А. Тишкина. Барнаул, 2002. С. 51; Малов Н.М. Хлопковский могильник и историография энеолита Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6. Саратов, 2006. С. 52–53; Шмидт А.В. К проблеме развития раннего неолита на территории лесостепного Алтая // Известия Алтайского государственного университета. История. Политические науки. 2008. 4–2(60). С. 232–236; Таиров А.Д. Урало-Аральская культурно-историческая область как результат адаптации древнего населения к условиям вмещающего ландшафта // Уральский исторический вестник. № 2 (27). Екатеринбург, 2010. С. 79, 82–83 и 86.

[35] Панченко Ю.В. К вопросу о восточных связях неолита Северного Причерноморья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V век н.э.): Докл. науч. конф. / под ред. Е.В. Ярового и др. Тирасполь, 2002. С. 33–34; Ковалёва В.Т., Зырянова С.Ю. Неолитические "утюжки» Евразии: проблема генезиса и функции // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.–М.–Великий Новгород, 2011. С. 153–154.

[36] Хлопин И.Н. Афанасьевская культура (историческое содержание) // Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. СПб., 1999. С. 73–74.

[37] Хлопин И.Н. Геоксюрская группа. С. 154–156 и 168–169; Idem. Орнаментальный геоксюрский крест (К вопросу об ирано-месопотамском влиянии в юго-восточной Туркмении) // Краткие сообщения института археологии. Вып. 108. М., 1966. С. 45 и 47–48; Idem. Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркме-

Периодов IA–IB охватила Центр.–Сев. Балучистан и среднюю часть долины Гильменда (слои II–III Тепе А Мундигака), с началом использования гончарного круга в конце V тыс. до н.э. стала технологически наиболее развитой во всём Вост. Иране (в других его частях быстрое гончарное колесо появилось лишь ок. 2600–2500 гг. до н.э.) и проникла от долин Кветты и Гильменда до равнин Калата и предгорий между Синдом и горами Киртхар. Долина Гильменда стала важнейшим очагом урбанизации Восточного Ирана в халколите. Балучистанцы научились достигать более высоких температур и создали серую керамику (в Фазе Тогау А ок. 3800 г. до н.э.), которую ещё 1500 лет распространяли по всему Балучистану и вдоль долины Инда, и на запад, с охватом всей долины Гильменда, Бампура и Кермана. К концу IV тыс. до н.э. она проникла в Гиссар II и Сиалк 4, но лишь в область между Эльбурсом и Горганом[38]. Т.е. серая керамика вырабатывалась не «только в Юго-Восточном Прикаспии в IV–II тыс. до н.э.»[39] В начале IV тыс. до н.э. было минимум два очага её распространения от правобережья Инда до низовий Зеравшана[40] и от Кавказа и Северо-Восточного Ирана до Ферганы. В Юго-Западном Туркменистане выявлены все стадии возникновения катакомб (из полуподземных склепов с боковым входом), в которых обычно и находят серую керамику[41].

Ещё больше археологических и антропологических свидетельств присутствия индийцев среди создателей комплексов Намазги IV–V и БМАК. Основав у слияния Кокчи и Амударьи типично индское поселение Шортугай, хараппцы проникли в Намазгу, оставив в Алтын Депе гравированные сердоликовые бусины и другие вещи. Такие же бусы были найдены в разграбленных могилах Северного Афганистана, а ещё одна вместе с хараппской фигуркой быка – во дворце БМАК в Дашлы–3[42]. Обнаруженные на Алтын Депе аналогии с хараппскими материалами характеризуются как «многочисленные и разнообразные»; наблюдаемые в керамике и металлургии хараппские воздействия объясняются прямым подражанием древнеиндийским образцам; 1/5 часть хараппских форм имеет соответствия в местной керамике; мужские статуэтки говорят о проникновении из долины Инда определённых культов; очевидны следы устойчивого и систематического воздействия Зрелой Хараппы на Алтын Депе времён поздней Намазги IV и Намазги V[43]. По В.М. Массону, «материалы, полученные при раскопках в Алтын–Депе… поднимают вопрос об этнических связях создателей его высокоразвитой культуры. В этом отношении находки… протоиндских печатей в Алтын–Депе, включая таковые с протоиндскими текстами, заставляют нас обратиться к вопросу об этнических связях местного населения в энеолите и бронзовом веке»[44]. Что касается БМАК, то в Маргиане, Афганистане и Бактрии выявлены многочисленные подражания хараппским реалиям, архитектурные заимствования и импорты из долины Инда[45]. Это указывает «на близкое взаимное сходство культуры БМАК в Маргиане и цивилизации долины р. Инд»[46].

нии. Л., 1969. С. 32–34, 36–41, 47–48 и 50; Idem. Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. По материалам Сумбарских могильников. Л., 1983. С. 125–128.

[38] Tosi M., Shahmirzadi S.Malek and Joyenda M.A. The Bronze Age in Iran and Afghanistan // History of Civilizations of Central Asia. P. 201–203.

[39] Хлопин И.Н. Афанасьевская культура. С. 76; см. также: С. 75–77.

[40] См.: Кирчо Л.Б. Север и Юг – встреча на Зеравшане // Культуры. Кн. 2. С. 284–285.

[41] Хлопин И.Н. Юго-западная Туркмения. С. 58–68 и 132–133; Idem. Могильник Пархай II (некоторые итоги исследования) // Советская археология. 1989. №3. С. 113–115, 117–119 и 121–127; Сверчков Л.М. К вопросу о происхождении и распространении катакомбного способа захоронения // Культуры. Кн. 2. С. 287–291.

[42] McIntosh J. The ancient Indus valley. P. 167–168. См. также: Erdosy G. Language, material culture and ethnicity: Theoretical perspectives // The Indo-Aryans. P. 9; Lamberg-Karlovsky C.C. Mesopotamia, Central Asia and the Indus Valley: so the kings were killed // Archaeological thought in America / Ed. by C.C. Lamberg-Karlovsky. Cambridge, 1995. P. 264.

[43] Массон В.М. Протогородская цивилизация юга Средней Азии // Советская археология. 1967. № 3. С. 174–176, 180–183 и 188–189; Щетенко А.Я. Раскопки на Алтын–Депе в Южной Туркмении // Краткие сообщения института археологии. Вып. 114. М., 1968. С. 44. Рис. 14; Idem. О торговых путях эпохи бронзы по материалам туркменистано-хараппских параллелей // Краткие сообщения института археологии. Вып. 122. М., 1970. С. 59–62; Кирчо Л.Б. Металлические изделия эпохи энеолита и бронзы Алтын–Депе // Советская археология. 1980. №1. С. 172–173; Masson V.M. Altyn–Depe / Transl. by H.N. Michael. Philadelphia, 1988. P. 72–73 & 93.

[44] Ibidem. P. 118.

[45] Сарианиди В.И. Древнейшие топоры Афганистана // Советская археология. 1978. № 2. С. 191 и 193. Прим. 22; Idem. Necropolis of Gonur / English trans. by I. Sarianidi. Athens, 2007. P. 64; Idem. Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане // Труды Маргианской археологической экспедиции. Том 2. М., 2008. С. 20; Idem. К семантике некоторых изображений на медно-бронзовых амулетах Маргиа-

Среди древних европеоидов юга Средней Азии конца V–II тыс. до н.э. присутствовал антропологический тип с экваториальными признаками Индостана, схожий, прежде всего, с краниосериями энеолита и бронзы из Ланганжа и Латгала. Среднеазиатские черепа родственны таковым из Мохенджо Даро, Хараппы и Тимагархи (Северо-Западный Пакистан), где также преобладает восточносредиземноморский долихокранный расовый тип[47]. Он же доминирует к югу и западу от Амударьи уже с эпохи бронзы (например, Анау и Намазга) и до настоящего времени (Туркмения, Иран, Северная Индия, юг Гиндукуша). К нему относились южные памирцы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. и саки до середины I тыс. до н.э. В эпоху бронзы он был распространён к северу от Амударьи, в Бактрии, Согде и в Фергане[48]. Выявлено, что «население экваториального облика проникало на территорию Средней Азии неоднократно с глубокой древности с племенами, двигавшимися с юга по Теджену – Герируду из бассейна Инда… Веддоидный долихокранный прогнатный тип известен на нескольких памятниках…: Тепе-Гиссар, Киш, Сиалк, Мох[е]нджо–даро… Тимаргарха»[49]. Краниосерия R 37 Хараппы почти идентична черепам из Гонура и Хасанлу (Иран). Серия G289 Хараппы очень близка иранской (Шахри-Сохта) и таджикской (Макони Мор) и чуть менее – туркменской из Пархая 2 и иранской из Тепе Гиссар III. По Н.А. Дубовой, гонурцы «ближе всего по своим антропологическим характеристикам к Хараппе R37, иранскому Хасанлу, пакистанской Тимаргархе и туркменскому Кара Депе… Базовым компонентом населения Маргианы является неолитическое земледельческое население, проживавшее в более южных и юго-западных по отношению к древней дельте р. Мургаб районах, в том числ, и в северных предгорьях Копетдага. Учитывая наличие сближения обеих частей гонурской серии (некрополь и «руины») с памятниками цивилизации долины р. Инд, с одной стороны, и с другой, – с группами, жившими к югу от Копетдага, можно говорить о том, что… между этими регионами имели место… волнообразные перемещения населения»[50].

В конце VI тыс. до н.э. на Среднюю Волгу проникли носители шебирской энеолитической культуры Мангышлака и создали на пространствах от Волги до Дуная хвалынско-среднестоговскую КИО V тыс. до н.э.[51] Сходства в технологии обработки камня и росписи посуды уводят в Сиалк 2 и Джейтун[52]. Шебирско-хвалынская культура стала основой для образования древнеямной КИО[53]. Афанасьевскую энеолитическую культуру Ал-

---

ны и Бактрии // Индоевропейская история в свете новых исследований (Сборник трудов конференции памяти профессора В.А. Сафронова). М., 2010. С. 311; Дубова Н.А. Погребения животных в стране Маргуш // Труды Маргианской археологической экспедиции. Том 4. М., 2012. С. 118; Сарианиди В.И. Переднеазиатские арии в Бактрии и Маргиане // Ibidem. С. 22, 24, 26.

[46] Сарианиди В.И. Переднеазиатские арии. С. 28; см. также: Kohl Ph.L. The Archaeology of Bronze Age Eurasia. Cambridge, 2007. P. 203–205.

[47] Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Ук. соч. С. 37, 40, 42–46, 80 и 86–88.

[48] Гинзбург В.В. Антропологические материалы к этногенезу таджиков // Краткие сообщения института археологии. Вып. 61. М., 1956. С. 46–47.

[49] Нечвалода А.И. Черепа веддоидного облика из погребений на территории дворцово-храмового комплекса Гонур Депе: краниология и антропологическая реконструкция // Труды Маргианской археологической экспедиции. Том 4. С. 87–88.

[50] Дубова Н.А. Антропологический покров Туркменистана в древности и наши дни // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 3. СПб., 2010. С. 493 и 498–501.

[51] Барынкин П.П. Северный Прикаспий в период энеолита и ранней бронзы // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара, 2003. С. 49 и 51–52; Васильев И.Б. Хвалынская энеолитическая культура Волго-Уральской степи и лесостепи (некоторые итоги исследования) // Ibidem. С. 61–66, 68, 71–73; Горащук И.В. Технология изготовления каменных орудий на стоянках хвалынской культуры // Ibidem. С. 122–125; Юдин А.И. Закономерности. С. 50; Idem. Культурно-исторические процессы в эпохи неолита и энеолита на территории Нижнего Поволжья. Диссертация… д.и.н. Саратов, 2006. С. 375–376, 399–404; Моргунова Н.Л. К вопросу о происхождении хвалынской культуры и о формировании хвалынско-среднестоговской общности // Индоевропейская история. С. 81–83; Таиров А.Д. Урало-Аральская. С. 83–84.

[52] Юдин А.И. Культурно-исторические процессы. С. 404.

[53] Васильев И.Б. Расцвет энеолитических культур в Волго-Уральской лесостепи // Комплексные общества Центральной Евразии в III–I тыс. до н.э.: региональные особенности в свете универсальных моделей. Материалы к конференции. Челябинск, 1999. С. 93; Моргунова Н.Л. Становление комплексного общества эпохи ранней и средней бронзы на юге лесостепи Волжско-Уральского междуречья // Ibidem. С. 98; Хохлов А.А. Палеоантропология эпохи бронзы Самарского Поволжья // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2. Самара, 2002. С. 311–313; Васильев И.Б. Хвалынская энеолитическая культура Волго-Уральской степи и лесостепи (некоторые итоги исследования) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. С. 63 и 73; Юдин А.И. Закономерности. С. 51–53; Дергачев В.А. О скипетрах, о лошадях, о войне: Этюды в защиту миграционной концепции

тая выводят из хвалынско-среднестоговской КИО[54] или непосредственно из Юго-Восточного Прикаспия[55] или Южного Приаралья[56]. Антропологи фиксируют присутствие средиземноморского либо среднеазиатского типа в долине Волги ещё в дохвалынское время и его переход из хвалынской и раннеямную эпоху[57].

Миграция из степи к югу Средней Азии началась только после коллапса Урало-Аральской КИО ок. 2000 г. до н.э.[58] Но тогда же кельтеминарцы Южного Приаралья создали суярганскую культуру[59]. Суярганцы, как и носители тазабагъябской культуры середины – 2-й половины II тыс. до н.э., обладали, в том числе, и средиземноморскими европеоидными чертами с индо-дравидоидными признаками, выводимыми из Хараппы и прослеживаемыми до IV в. н.э.[60] Есть мнение, что и андроновскую КИО образовали ушедшие на север жители юга Средней Азии[61]. Средиземноморский антропологический тип присутствует в погребениях андроновцев у Самарканда и в Казахстане[62]. Т.е. и во II тыс. до н.э. юг Средней Азии не был пассивным реципиентом степных миграций. Следов андроновцев в Иране и Индии нет[63]. Катакомбный способ погребения в Средней Азии возник самостоятельно (см. выше) и не проник на Индостан, что исключает возможность отождествления катакомбников с мигрирующими на юг из степи индоиранцами[64].

Итак, археология и антропология не только опровергают теорию проникновения индоиранцев в Среднюю и Южную Азию, но и позволяют (в общих чертах) проследить миграцию населения из Индостана через Среднюю Азию и степи Евразии в Юго-Восточную Европу, если принять теорию исхода индоевропейцев из Индии.

М. Гимбутас. СПб., 2007. С. 124–125, 132, 142–144, 146–148, 281–282; Кузнецов П.Ф. Население степного пояса в эпоху ранней бронзы от Приуралья до Поднепровья // Индоевропейская история. С. 96–98; Хохлов А.А. Краниологические материалы из древнейших подкурганных захоронений бережновского типа // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 15, №1. 2013. С. 196. См. также: Мерперт Н.Я. Некоторые вопросы истории Восточного Средиземноморья в связи с индоевропейской проблемой // Краткие сообщения института археологии. Вып. 83. М., 1961. С. 7–8; Даниленко В.Н. Неолит Украины. Главы древней истории Юго-Восточной Европы. Киев, 1969. С. 224–230; Idem. Энеолит Украины. Этноисторическое исследование. Киев, 1974. С. 59, 62, 84–86; Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы. С. 79–80, 104, 111, 124, 135–137, 141 и 143–146.

[54] Солодовников К.Н. Население горного и лесостепного Алтая эпохи ранней и развитой бронзы по данным палеоантропологии. Автореферат дис. … к.и.н. Барнаул, 2006. С. 12–13 и 17–18.

[55] Хлопин И.Н. Афанасьевская культура. С. 73–78 и 81; Миягашев Д.А. Роль миграций в древней истории Хакасии (эпоха энеолита – средней бронзы) // Известия Алтайского государственного университета. История. Политические науки. 2009. 4–4(64). С. 172–173.

[56] Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. С. 65–66.

[57] Хохлов А.А. К палеоантропологии энеолита Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 13, №3(2). 2011. С. 550; Богданов С.В., Хохлов А.А. Энеолитический могильник в урочище Красноярка // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 14, №3. 2012. С. 205–206 и 210–212; Хохлов А.А. Палеоантропология Волго-Уралья в эпохи неолита и энеолита. Обзор источника и подробный анализ. LAP Lambert Academic Publishing. 2012. С. 14–15, 49–50, 55–56, 77–78, 84, 89–93, 97–98; Idem. Краниологические материалы. С. 196–198.

[58] Мосин В.С. Каменный век. С. 237–238; Таиров А.Д. Урало-Аральская. С. 79; Массон В.М. О продвижении носителей культур степной бронзы и процессах культурогенеза в древней Средней Азии // Комплексные общества. С. 72–77.

[59] Виноградов А.В. Тысячелетия. С. 35; Idem. Неолитические памятники Хорезма. М., 1968. С. 152 и 174–176; Формозов А.А. О роли. С. 35.

[60] Толстов С.П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955–1956 гг. // Советская археология. 1958. № 1. С. 106, 109 и 112; Idem. По древним дельтам. С. 46–47, 58–59, 61–62 и 64; Аскаров А. Могильник эпохи бронзы в Муминабаде // Краткие сообщения института археологии. Вып. 122. С. 64–66; Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Ук. соч. С. 86–88; Нечвалода А.И. Черепа. С. 87–88.

[61] Хлопин И.Н. Проблема происхождения культуры степной бронзы // Краткие сообщения института археологии. Вып. 122. С. 57; Сарианиди В.И. Степные племена эпохи бронзы в Маргиане // Советская археология. 1975. № 2. С. 26 и 28; Крижевская Л.Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л., 1977. С. 122 и 124; Кукушкин И.А. К проблеме андроновского «арийства» // Северная Евразия. С. 84–86.

[62] Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Ук. соч. С. 98.

[63] Массон В.М. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии // Советская археология. 1957. №4. С. 54; Idem. Узловые проблемы археологии Средней Азии // Краткие сообщения института археологии. Вып. 122. С. 11; Членова Н.Л. Археологические материалы к вопросу об иранцах доскифской эпохи и индоиранцах // Советская археология. 1984. №1. С. 89 и 91; Литвинский Б.А. Виктор Иванович Сарианиди – легенда археологии Центральной Азии // У истоков цивилизации. Сборник в честь 75–летия В.И. Сарианиди / Ред. Косарев М.Ф., Кожин П.М., Дубова Н.А. М., 2004. С. 18; Lamberg-Karlovsky C.C. Archaeology and language: the case of the Bronze Age Indo-Iranians // The Indo-Aryan controversy. P. 168–171; Kuz'mina E.E. The origin of the Indo-Iranians / Transl. By S. Pitina and P. Prudovsky. Ed. by J.P. Mallory. Leiden, 2007. P. 322, 327–328, 336, 340, 345; Mallory J.P. The Indo-European Homeland and the Steppe Hypothesis: Research Agenda // Индоевропейская история. P. 78–79.

[64] Клейн Л.С. Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. СПб., 2010. С. 193–194, 198, 205, 249–252.

PRELIMINARY DATA ON ANTHROPOLOGICAL AND ARCHAEOLOGICAL TRACES OF INDO-EUROPEAN MIGRATION FROM THE SOUTH ASIA THROUGH THE STEPPE ZONE INTO THE SOUTH-EASTERN EUROPE

A.A. SEMENENKO

Municipal educational institution Gimnasium № 2, Voronezh

e-mail: 31071976@bk.ru

Although the opinion about the absence of anthropological and archaeological traces of Indo-European migration from South Asia is widespread in the scientific literature, it is not the fact.

Key words: Out–of–India Theory, archaeology, anthropology, migration traces.

УДК 94 (38).01-04

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВОИНСКИХ СОЮЗАХ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ (АХИЛЛ И ПАТРОКЛ В «ИЛИАДЕ» ГОМЕРА)

Д.Н. БАРУТКИН

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

e-mail: sexserpens@gmail.com

В работе рассматривается эволюция представлений о воинских союзах в Древней Греции на примере союза гомеровских героев Ахилла и Патрокла. Автор считает, что важной основой воинских союзов греков была мужская дружба и любовь.

Ключевые слова: воинские союзы, Древняя Греция, эволюция, Гомер.

Мифологизация истории на ранних этапах развития этноса, бесспорно, является основой любой высокоразвитой культуры. Миф несет в себе характерные черты конкретного этноса, отражает понимание им собственной истории и особенностей развития. Кроме того, именно миф служит образцом развития, неким фундаментом, на котором базируется направление исторического развития этноса[1]. Отличительной чертой каждого мифического этапа истории является так называемый «героический век»; для древних греков, в данном случае, основными событиями данной эпохи служили события Троянской войны: отправная точка к истории Античной Греции. В этих событиях греки видели исторические прецеденты, на которые следовало равняться при построении собственных моделей общественного развития[2].

Отношения между Ахиллом и Патроклом являются одним из ключевых элементов сказания о Троянской войне. Предваряя более подробный анализ различных точек зрения на природу отношений Ахилла и Патрокла, следует сказать о самой поэме и ее авторе. Современная наука локализует жизнь Гомера приблизительно в VIII в. до н.э. и, тем самым, ставит под сомнение авторскую подлинность дошедшего до нас варианта текста Илиады, существование которого документально зафиксировано лишь со II пол. VI в. до н.э. Однако сам факт авторства Гомера не ставится под сомнение, считается лишь, что поэмы Гомера (вместе с Одиссеей) передавались устно, поскольку автор жил в бесписьменное время. В пользу подобного подхода свидетельствуют противоречия в текстах поэм, наличие в них разновременных слоёв, пространные отступления от основного сюжета. Существует также немало других теорий и точек зрения по вопросам периодизации жизни Гомера, времени написания Илиады и Одиссеи, их авторства и т.д.[3]

Подобная (проблемная) постановка вопроса о происхождении Илиады крайне важна при анализе взаимоотношений Ахилла и Патрокла. В самой поэме отношения двух героев проходят красной нитью через весь текст повествования, однако Гомер не конкретизирует их природу, создавая лишь общую духовную концепцию. В связи с этими прочнейшими отношениями смерть Патрокла становится для Ахилла настоящим ударом. Она лежит в основе всех дальнейших действий героя и является основным стимулом к войне: ранее «обиженный соотечественниками, Ахилл отказывался сражаться против троянцев, но, не задумываясь, кинулся в бой, чтобы отомстить за смерть Патрокла»[4]. Оставив, на время, в стороне рассуждения о природе отношений двух героев, можно с уверенностью сказать, что сам факт их сильной межличностной связи представлял для Ахилла особую жизненную ценность. По словам антиковеда Грегори Нэдджи, «что касается Ахилла… в его растущей привязанности, которая драматически описывается на протяжении всей сюжетной линии Илиады, центральное место должно всегда принадлежать Патроклу…

[1] Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии. СПб., 1998. С. 168.

[2] Там же. С. 171-172.

[3] Page D. History and the Homeric Iliad. Calif. Un., 1959; West M.L. Studies in the text and transmission of the Iliad. München, 2001; Шестаков С.П. О происхождении Илиады. Казань, 1898; Шталь И.В. Гомеровский эпос: опыт текстологического анализа Илиады. М., 1975; Клейн Л.С. Анатомия Илиады. СПб., 1998.

[4] Кон И.С. Лунный свет на заре: лики и маски однополой любви. М., 2006. С. 141.

Вне всякого сомнения, Патрокл был для Ахилла πολὺφίλτατος ... ἑταῖρος [самым близким (любимым) ... товарищем по оружию] – примечательно то, что hetaîros ставится здесь рядом с phílos»[5].

Размышляя над приведенным Г. Нэдджи примером, нельзя не заметить, что указанные им термины, в разные периоды истории Греции, при сохранении единого денотата могли иметь разные конотативные оттенки. В классический период греческой истории hetaîros уже значило быть братьями по оружию, сражаться бок о бок, жить в одном шатре, делить стол и постель[6], однако в более ранний период, при жизни Гомера, этот термин мог использоваться и как простое определение отношений типа солдат/командир. Примечательно так же, что в то время как женская форма термина, hetaîra, приблизительно, с нач. VI в. до н.э. начинает использоваться для обозначения элитных проституток, hetaîros еще сохранит значение воинской дружбы в эллинистический и византийский периоды. Понятием же phílos, в древних текстах обозначались общий тип любви (родственной, дружеской), желание или осуществление действия, а также любовная связь. Однако последнее значение этого слова достоверно известно лишь по литературной традиции классического периода, и невозможно точно сказать, применимо ли данное значение к тексту Илиады.

Большинство воинов сражались с целью прославить себя и свои полисы, в том числе, порой, и Ахилл: «Греки опустошили землю близ Трои, разграбили ее богатства, похитили женщин. Агамемнон, разделив добычу, прекраснейшую из девушек, Брисеиду[7], определяет в долю Ахилла»[8]. Тем не менее, в определенные моменты действия Илиады, Ахилл борется ради Патрокла. Ему снится, что все греки погибнут в этой войне, и слава завоевания Трои достанется лишь им с Патроклом. После того, как Патрокл погибает, Ахилл мучается, касаясь его тела, посыпает голову пеплом, и голодает. Он оплакивает смерть Патрокла, произнося речи, сходные с теми, которыми Андромаха скорбела по Гектору[9]. В кратчайший промежуток времени меняется образ Ахилла: из сильного, несокрушимого воина он превращается в эмоционально-уязвимого человека. Тем не менее, благодаря словам Фетиды[10], Ахилл возвращается на поле боя, с единственной целью – отомстить за смерть Патрокла, покарав его убийцу Гектора, хотя боги предупредили, что это будет стоить ему жизни.

Основываясь на факте подобного страдания и самопожертвования, Уоррен Йоханнсон полагает, что ахиллова привязанность к Патроклу является образцом архетипической мужской сексуальной связи[11]. В тоже время, занимая более философскую позицию, Дэвид М. Хэлперин пишет: «Гомер, конечно, не изображает Ахилла и Патрокла как любовников, хотя некоторые мыслители классических Афин (Эсхил, фрагменты 135, 136; Платон «Пир» 179e-180b; Эсхин «Против Тимарха, 133, 141-150) полагали именно так[12], но он также не сделал ничего, чтобы исключить подобную интерпретацию»[13].

Как уже было сказано выше, классическая Афинская традиция V-IV вв. до н.э., в лице Эсхила, Платона, Эсхина и др., эротизирует отношения Ахилла и Патрокла и изображает их как однополую любовь[14].

В V в. до н.э. Эсхил в ныне утраченной трагедии «Мирмидоняне» характеризовал связь воинов как сексуальную и предписывал Ахиллу роль erastes или старшего друга, защитника (так как он отомстил за смерть своего любовника, несмотря на то, что боги предупредили его о неминуемой смерти), а Патроклу - роль eromenos.

Платон также представил Ахилла и Патрокла любовниками в «Пире», написанном около 385 г. до н.э. Здесь Федр в монологе «О древнейшем происхождении Эрота»

---

[5] Nagy G. The Best of the Achaeans. Johns Hopkins Un., 1999.P. 105.
[6] Кон И.С. Указ. соч. С. 141.
[7] Гомер. Илиада, I, 392 (Л., 1990); Гигин. Мифы, 106 (СПб., 2000); Овидий. Героиды III 47-50 (М., 1973); Проперций. Элегии II 9, 9-14 (М., 1963).
[8] Calimach A. Lovers' Legends: The Gay Greek Myths. NewRochelle, 2002. P. 102.
[9] Гомер. Илиада, XVIII, 80; XIX, 320-325.
[10] Гомер. Илиада, I, 413; Гомер. Одиссея, XI, 547 (М., 1985); Псевдо-Гесиод. Эгимий, фр. 300 (М., 2001).
[11] Johansson W. Encyclopedia of Homosexuality. N.Y., 1990.
[12] Cooksey T.L. Plato's Symposium: A Reader's Guide. London, 2010. P. 36-39.
[13] Hornblower S., Spawforth A. Oxford Classical Dictionary. Oxford Un. P., 1996.P. 721.
[14] Symonds J.A. A Problem in Greek Ethics. London, 1901.

говорит, что за отмщение любимого «восхищенные боги почли Ахилла особым отличием». Он также утверждает, что Эсхил ошибался, говоря, будто Ахилл был erastes[15]. Тем не менее, современник Платона Ксенофонт, в своем «Пире», приписывает Сократу утверждение, что Ахилл и Патрокл были связаны сугубо духовными отношениями и высоко ценили друг друга[16].

Еще одно свидетельство развитости этой дискуссии можно найти в речи афинского политика Эсхина «Против Тимарха», во время судебного разбирательства в 345 г. до н.э. Эсхин, уделяя особое внимание важности педерастии в греческом обществе, утверждал, что хотя Гомер и не указывает на эти отношения явно, образованные люди должны уметь читать между строк[17]. Так же Ликофрон в своей «Александре» (III (II) в. до н.э.), упоминает, что безответная любовь Ахилла стала мотивом к убийству Троила. Подобный взгляд сохраняется и в литературе периода эллинизма, и в древнеримской традиции[18]. Однако следует сказать, что система педерастических отношений erastes/eromenos, вполне может являться анахронизмом по отношению к Илиаде, так как прямо в ней не упоминается, а первые свидетельства их доподлинного существования относятся к более позднему времени (II пол. VI в. до н.э.).

Попытки искусственно изменить принятый текст поэмы Гомера были предприняты Аристархом Самофракийским в Александрии во II в. до н.э. Аристарх считал, что Гомер не намеревался изображать двух героев любовниками. Хотя он соглашался, что фраза «Еслиб и Трои сыны и ахеяне, сколько ни есть их, все истребили друг друга, а мы лишь, избывшие смерти, мы бы одни разметали троянские гордые башни!»[19] подразумевает любовные отношения, но считал ее позднейшей вставкой в оригинальный текст[20]. Не смотря на подобное утверждение, большинство древних и современных историков склонны считать эту фразу оригинальной.

Очередное упоминание об Ахилле и Патрокле содержится в хронике походов Александра Македонского, написанной древнегреческим историком и географом Аррианом (ок. 85–175 гг. н.э.): «Когда он [Александр Великий] шел в Илион [...] он возложил венки на могилу Ахилла, а Гефестион, говорят, возложил венки на могилу Патрокла»[21]. Действия эти, вполне резонно, могли быть восприняты как заявление об их собственной любви, а сам факт поклонения служит наглядным примером распространенности и значения такого рода отношений в то время (около 334 г. до н.э.). В этом же русле мыслит историк-антиковед Николас Дж. Л. Хэммонд, говоря, что нет ничего удивительного в том, что «Александр был так привязан к Гефестиону, как Ахилл к Патроклу»[22].

Дальнейшая пост-античная традиция, как правило, рассматривала взаимоотношения Ахилла и Патрокла вне интимного контекста, однозначно говоря лишь о гетеросексуальной дружбе. Средневековые христианские моралисты предпочитали не рассуждать о возможном гомоэротическом контексте[23]. Современные же исследователи склонны видеть в них интимную «солдатскую дружбу», либо рассматривать двух воинов как эгалитарную гомосексуальную пару[24].

Несмотря на все спорные вопросы, возникающие в ходе изучения Илиады и попыток постичь истинную природу отношений Ахилла и Патрокла, сам факт подобных исследований уже в Древней Греции имел глубокие литературные и художественные последствия. Как говорил Кеннет Довер в своей книге «Греческая гомосексуальность», был ли Ахилл erastes, а Патрокл eromenos, либо же их любовь была эгалитарной, знание об

[15] Платон. Пир, 180 a-b (СПб., 2007).
[16] Ксенофонт. Пир, VIII, 31 (М., 2003).
[17] Эсхин. Против Тимарха, 132 // Вестник древней истории. 1962. № 3. С. 239.
[18] Percy III W.A. Reconsiderations about Greek Homosexualities.Binghamton, 2005. P. 19.
[19] Гомер. Илиада, XVI, 95-100.
[20] Crompton L. Homosexuality and Civilization. Harv. Un., 2003. P. 6.
[21] Арриан. Анабасис (Поход) Александра. 1.12.1 (СПб., 1993).
[22] Hammond N.G.L. Alexander the Great: King, Commander and Statesman. Bristol, 1980. P. 16.
[23] King K.C. Achilles: Paradigms of the War Hero from Homer to the Middle Ages. Calif. Un., 1987.
[24] Halperin D.M. Before Sexuality: The Construction of Erotic Experience in the Ancient Greek World. Princeton Un., 1990; Ackerman S. When Heroes Love: The Ambiguity of Eros in the Stories of Gilgamesh and David. Columbia Un., 2005; Shay J. Achilles in Vietnam: Combat Trauma and the Undoing of Character. N.Y., 1995.

этом часто имело решающе значение для понимания тематического состава Илиады, с точки зрения более поздних греков[25].

В свою очередь, смерть Патрокла представляет собой не меньший литературный интерес. Герой погибает в доспехах Ахилла[26], что подталкивает окружающих оплакивать его как «лучшего из Ἀχαιοί» (ахаян, ахейцев), хотя эта реплика обычно использовалась по отношению к Ахиллу. Попытка Патрокла скрыть свою личность под чужими доспехами в будущем породит целую чреду подобных литературных приемов, а тема сокрытия и раскрытия личности станет неотъемлемой в рамках греческого эпоса[27].

Подводя итоги всему вышесказанному, можно с уверенностью утверждать, что в основе общественного развития древних греков, формирования их этнопсихологии лежат черты героической эпохи мифологического периода их истории. Особенно остро это ощущается при анализе Архаической эпохи развития Аттики, когда основное место в системе общественных ценностей занимала война и все, от нее производное. Безусловно, с развитием и усложнением греческой цивилизации, определяющимся эволюцией экономической системы, выражающейся в установлении товарно-денежных отношений как базы экономического благополучия, а, впоследствии, и ориентацией социума на бытовой комфорт и культурный досуг, в данной системе происходило значительное смещение акцентов. В этих условиях не оставался неизменным и героический идеал древних греков. Его смысловой компонент также менялся, сообразно историческим реалиям общественного развития Античной Греции.

EVOLUTION OF IDEAS ABOUT MILITARY UNION IN THE SOCIAL DEVELOPMENT OF ANCIENT GREECE (ACHILLES AND PATROCLUS IN THE «ILIAD» OF HOMER)

D.N. BARUTKIN

Belgorod National Research University

e-mail: sexserpens@gmail.com

The paper describes the evolution of ideas about military alliances in ancient Greece on the example of Union Homeric heroes Achilles and Patroclus. The author believes that an important foundation of military alliances Greek-ing was male friendship and love.

Keywords: military alliances, Ancient Greece, evolution, Homer.

[25] Dover K.J. Greek Homosexuality. N.Y., 1978.

[26] Konstan D. Friendship in the Classical World. Cambridge Un., 1997 ; Stern-Gillet S. Aristotle's Philosophy of Friendship. N.Y., 1995.

[27] Kakridis J.T. Homeric Researches. N.Y., 1987; Seaford R. Reciprocity and Ritual: Homer and Rragedy in the Reveloping Rity-Rtate. Oxford Un., 1994.

УДК 94(38).07

ТАКСИС КЕНА И ЕГО ГИППАРХИЯ: АНАЛИЗ ОДНОГО ПАРАДОКСА КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

А.А. КЛЕЙМЕНОВ

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

e-mail: alek-klejmenov@yandex.ru

В статье рассматриваются сообщения Арриана о командных постах, которые занимал Кен в армии Александра Македонского. Первоначально он был командиром таксиса элимиотов – подразделения, занимавшего ответственную позицию на крайнем правом фланге пехотной линии в битвах при Иссе и Гавгамелах, а также чаще других полков педзетайров входившего в состав возглавляемых Александром мобильных корпусов. В битве при Гидаспе Кен выступил в роли гиппарха, однако продолжает упоминаться Аррианом и как командир таксиса. Определяется, что Кен действительно мог занимать две должности, командуя с 328 г. до н.э. и гиппархией, и таксисом одновременно. Возникновение этой ситуации может быть связано со спецификой кампании против Спитамена 328 г. до н.э.

Ключевые слова: Александр Македонский, Кен, таксис, гиппархия.

Противоречия в письменных источниках, освещающих те или иные исторические события и процессы, наблюдаются нередко. Конечно, их наличие весьма осложняет труд историка, однако корректный анализ информации, на первый взгляд кажущейся противоречивой, позволяет с неожиданной стороны раскрыть предмет исследования, превратить ранее непреодолимый парадокс в новое знание. Не является исключением и сочинение Флавия Арриана «Анабасис Александра», с одной стороны, служащее ценнейшим источником при изучении военных событий эпохи Александра Македонского, благодаря активному использованию автором трудов очевидцев и участников эпохального Восточного похода, с другой стороны, эта работа содержит немалое количество ошибок, связанных с неправильным истолкованием данных первичных источников[1]. Любопытное противоречие, выявленное современными исследователями в труде Арриана, и, безусловно, заслуживающее особого рассмотрения, связано с обозначением должностей Кена, одного из самых заметных и востребованных военачальников в армии Александра.

К сожалению, о жизни и карьере Кена до восшествия на македонский престол Александра III Великого нам известно весьма немного, несмотря на то, что он, судя по всему, успел хорошо себя зарекомендовать во времена правления Филиппа II. По данным эпиграфики, последний пожаловал и самому Кену, и его отцу Полемократу земельные владения на Халкидском полуострове[2]. Ситуация меняется в начале правления будущего завоевателя Азии, в военных кампаниях которого Кен принял самое активное участие в качестве командира таксиса – одного из подразделений фаланги сариссоносцев. Согласно Диодору, укомплектован вверенный Кену таксис был элимиотами (XVII, 57, 2), то есть жителями Элимиотиды, одной из самых густонаселенных и близких к центральным районам царства областей Верхней Македонии[3]. Безусловно, это было самое заметное подразделение македонских фалангитов. Из текста Арриана известно, что таксис Кена играл особую роль в полномасштабных полевых сражениях при Иссе и Гавгамелах, занимая чрезвычайно ответственную позицию на правом крыле фаланги рядом с гипаспистами и конницей гетайров (Anab., II, 8, 3; III, 11, 9). Следует признать сомнительными выводы А.Б. Босворта, в соответствии с которыми расположение таксиса элимиотов на правом

---

[1] Bosworth A.B. Errors in Arrian // CQ. Vol. 26. 1976. №1. P. 117.

[2] Burn A.R. The Generalship of Alexander // GR. Vol. 12. №2. P. 142-143; Heckel W. The marshals of Alexander's empire. London – New York, 1992. P. 48–49; Lane Fox R. Philip's and Alexander's Macedon // Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC-300 AD / Edited by R. J. Lane Fox. Leiden, 2011. P. 371.

[3] Bosworth A.B. Philip II and Upper Macedonia // CQ. Vol. 21. 1971. №1. P. 100.

фланге во время двух из трех генеральных сражений с персами является результатом случайности и не может свидетельствовать об особом статусе этого подразделения[4]. Отметим, что при Гранике таксис Кена также занимал важное место в боевых порядках – он был вторым, располагаясь возле занимавшего крайнюю правую позицию таксиса Пердикки (Arr. Anab., I, 14, 2). Безусловно, постоянное расположение полка Кена в непосредственной близости от ударного правофлангового отряда кавалерии и гипаспистов говорит об особой роли этого подразделения в сражениях, элитном статусе и высокой боеспособности[5]. Свои исключительные боевые качества данный таксис проявлял не только в масштабных полевых сражениях. Он сыграл важную роль во время штурма Тира, став единственным подразделением сариссоносцев, вместе с гипаспистами поднявшимся по перекидным мостикам с кораблей на городские стены (Anab., II, 23, 2 – 24, 3).

Как справедливо заметил Р. Гейбел, в течение длительных перерывов между генеральными сражениями Александр решал многочисленные боевые задачи, используя специально созданные для этого смешанные отряды из пехоты и кавалерии[6]. Для быстрого перемещения к району сосредоточения противника (в том числе по пересеченной местности и в темное время суток), нанесения по нему внезапного удара и преследования отступавших Александр из наиболее подвижных и боеспособных подразделений своей армии формировал мобильные корпуса, действовавшие автономно от основного войска. Здесь снова на первый план выходит таксис элимиотов, который чаще других полков педзетайров входил в соединения подобного типа. Так, в составе возглавляемых царем мобильных ударных групп он участвовал в ночной атаке вражеского лагеря под Пелионом в рамках балканской кампании 335 г. до н.э. (Arr. Anab., I, 6, 9-11), обходном маневре для деблокирования Персидских Ворот зимой 331-330 гг. до н.э. (Arr. Anab., III, 18, 6; Curt., V, 4, 20-30), погоне за персидским царем Дарием III (Arr. Anab., III, 20, 1 – 21, 10), кампании против иранского племени мардов (Arr. Anab., III, 24, 1-4), подавлении восстания Сатибарзана в Арии (Arr.Anab., III, 25, 6), разгроме войск индийского племени аспасиев в 327 г. до н.э. (Arr. Anab., IV, 23, 5 – 24, 5), форсированном марше в земли гуреев (Arr. Anab., IV, 25, 5-7), быстром переходе к Аорну (Arr. Anab., IV, 28, 8), ночном форсировании Гидаспа и сражении с войсками индийского царя Пора (Arr. Anab., V, 12, 2).

Особый статус таксиса Кена сказался не только на специфике его боевого применения: для обозначения этого подразделения при описании осады Тира Арриан использовал слово ’ασθέταιροι (Anab., II, 23, 2). Несмотря на то, что на сегодняшний день существует немало вариантов расшифровки данного термина[7], следует полагать, что это было почетное наименование, которого удостаивались лишь немногие подразделения македонской пехоты, причем воины из таксиса Кена получил статус астетайров одними из первых[8]. Вооружение фалангитов из Элимиотиды вполне соответствовало их особому статусу и специфике боевого применения. В частности, Арриан, сообщая о стремительном марше Александра от Эмболим к Аорну, указывает, что полководец помимо лучников, агриан, двухсот всадников-гетайров и сотни конных лучников, взял с собой таксис Кена, а также самых подвижных (легковооруженных) и, в то же время, хорошо экипированных из остальной фаланги (Anab., IV, 28, 8). Включение в состав мобильного корпуса элимиотов вместе с наиболее подвижными и лучше вооруженными бойцами из других таксисов свидетельствует о том, что качеством экипировки и мобильностью полк Кена превосходил остальные подразделения сариссоносцев.

---

[4] Bosworth A.B. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander, Vol. 1. Oxford, 1980. P. 252.

[5] Milns R.D. The Army of Alexander the Great // Alexandre le Grand. Image et réalité / Edited by E. Badian. Geneva, 1976. P. 101; Heckel W., Jones R. Macedonian Warrior. Alexander's elite infantryman. Oxford, 2006. P. 31–32.

[6] Gaebel R.E. Cavalry Operations in the Ancient Greek World. Norman, 2002. P. 194.

[7] Bosworth A.B. ΑΣΘΕΤΑΙΡΟΙ // CQ. Vol. 23. 1973. № 2. P. 250–251; Hammond N.G.L. A Cavalry Unit in the Army of Antigonus Monophthalmus: Asthippoi // CQ. N.S. Vol. 28. 1978. № 1. P. 130–131; Griffith G.T. The Reign of Philip the Second // Hammond N.G.L., Griffith G.T. A History of Macedonia. Vol. II: 550 – 336 BC. Oxford, 1979. P. 711–712; Milns R.D. The Army of Alexander the Great. P. 100–101; English S. The Army of Alexander the Great. Barnsley, 2009. P. 26–27; Heckel W. The Asthetairoi: A Closer Look // Alexander and His Successors / Edited by P. Weatley and R. Hanna. Claremont, 2009. P. 99–117; Anson E.M. The Asthetairoi: Macedonia's Hoplites // Philip II and Alexander the Great. Father and Son, Lives and Afterlives / Edited by E. Carney and D. Ogden. Oxford, 2010. P. 89.

[8] Griffith G.T. The Reign of Philip the Second. P. 711–712; Anson E.M. Op. cit. P. 84–85.

Одним из важнейших новшеств периода Восточного похода в области организации македонской армии стало введение гиппархии как основной кавалерийской единицы, включавшей от трех до девяти сотен всадников[9]. К сожалению, сколь-нибудь подробных описаний этой реформы нет. Как сообщает Арриан, после казни Филоты конница гетайров была разделена между Гефестионом и Клитом, двумя «гиппархами». Автор объясняет это решение царя политическими соображениями: Александр не хотел, чтобы один человек, даже самый близкий к нему, возглавлял столько всадников, превосходящих всю конницу по значению и качествам (Anab., III, 27, 4). Вероятно, эти два военачальника осуществляли общее руководство кавалерией, в то время как собственно «гиппархий» было значительно больше. Во всяком случае, тот же Арриан при описании индийской кампании упоминает гиппархии Кратера (Anab., V, 11, 3), Кена (Anab., V, 16, 3), Пердикки (Anab.,V, 12, 2; VI, 6, 4), Гефестиона (Anab., V, 12, 2; 21, 5), Деметрия (Anab., IV, 27, 5; V, 12, 2; 16, 3; 21, 5; VI, 8, 2), Клита Белого (Anab., V, 22, 6; VI, 6, 6). Сложно точно установить, когда именно указанные командиры возглавили гиппархии, однако большинство современных исследователей считает, что гиппархии были образованы не позднее 328 г. до н.э.[10] С этого же периода и прослеживается интересующий нас парадокс, связанный с указанием командных должностей Кена. Известно, что новоиспеченные гиппархи Кратер, Пердикка и Кен в предшествующее время были командирами таксисов[11], однако если двое первых полностью перешли на должности гиппархов и упоминание вверенных им подразделений фаланги в источниках больше не прослеживается (о единственном исключении будет сказано ниже), то в случае с Кеном дела обстоят несколько иначе. Так, в приведенном Аррианом описании битвы при Гидаспе этот военачальник назван командиром и таксиса пехоты (Anab., V, 12, 2), и гиппархии (Anab., V, 16, 3), причем в качестве командира таксиса Кен упоминается и в дальнейшем повествовании о ходе кампании (Anab., V, 21, 1), а касательно его гиппархии данных больше нет. В историографии представлены различные оценки данного обстоятельства.

По мнению В. Хеккеля, Кен, подобно Кратеру и Пердикке, полностью перешел на должность гиппарха, а таксис, называемый его именем, фактически возглавлял Пифон[12]. У. Тарн также считает, что таксис Кена сменил командира, но называет новым начальником Антигена[13], в чем его поддерживают Дж. Эшли[14] и С. Инглиш[15]. Действительно, Пифон и Антиген упоминаются как командиры пехоты в ходе индийской кампании Александра. Таксис астетайров Пифона участвовал в походе на маллов (Arr. Anab., VI, 6, 1; 7, 2; 8, 2). Антиген назван одним из начальников пехоты в битве при Гидаспе (Arr. Anab., V, 16, 3) и являлся командиром таксиса, вместе с Кратером отправленного в Карманию на последнем этапе индийского похода (Arr. Anab., VI, 17, 3). Тем не менее, с представленными выводами исследователей о смене командира таксиса элимиотов сложно согласиться: полк Кена не поменял своего наименования, в то время как таксис Пердикки, начиная с 328 г. до н.э., назывался таксисом Алкеты по имени своего нового командира, брата Пердикки, а в качестве командира прежнего таксиса Кратера фигурирует Горгий, на что указывает сам В. Хеккель[16]. Принцип обозначения подразделений по имени их командиров соблюдался в македонской армии достаточно строго[17]. О его нарушении свидетельствует только один фрагмент «Анабасиса Александра»: античный историк, описывая действия, предпринятые македонским царем после смерти Гефестиона, указывает, что для сохранения его имени в войсковом построении хилиархия конницы гетайров, которой он ко-

---

[9] Нефедкин А.К. Конница эпохи эллинизма: дисс.... докт. ист. наук. Ставрополь, 2007. С. 103–108.

[10] Brunt P.A. Alexander's Macedonian Cavalry // JHS. Vol. 83. 1963. P. 30; Hammond N.G.L. Cavalry Recruited in Macedonia down to 322 BC // Historia. Bd. 47. 1998. Hf. 4. P. 418; Heckel W. The marshals of Alexander's empire. P. 52. Anm. 16; P. 127; Gaebel R.E. Op. cit. P. 181. Anm. 95; Нефедкин А.К. Конница эпохи эллинизма. С. 103–104.

[11] Шофман А.С. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976. С. 296; Нефедкин А.К. Конница эпохи эллинизма. С. 104.

[12] Heckel W. The marshals of Alexander's empire. P. 53.

[13] Tarn W.W. Alexander the Great. Vol. 2. Cambridge, 1948. P. 190.

[14] Ashley J.R. The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359–323 BC. Jefferson, 1998. P. 39.

[15] English S. The Army of Alexander the Great. Barnsley, 2009. P. 15.

[16] Heckel W. The marshals of Alexander's empire. P. 52. Anm. 16; P. 127, 297.

[17] Bosworth A.B. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. 2. Oxford, 1995. P. 294.

мандовал, не получила нового командира, а именовалась «Гефестионовой», и перед ней несли знамя, выбранное Гефестионом (Anab., VII, 14, 10). Как мы видим, Александр под воздействием глубокого личного горя специальным распоряжением отменил действие обычного принципа наименования войскового подразделения. У. Тарн, проводя аналогии с «хилиархией Гефестиона», предполагает, что таксису Кена было оставлено царем прежнее наименование, так как оно было связано с предыдущими подвигами[18]. Эта гипотеза представляется малоубедительной. В случае с таксисом Кена у Александра не было каких-либо причин нарушать заведенный порядок, как это было в более позднем случае, когда утрата ближайшего друга побудила царя сохранить в «хилиархии Гефестиона» память о нем[19]. Пифон и Антиген называются командирами таксисов только после смерти Кена, а упоминание Аррианом Антигена как начальника пехоты в сражении при Гидаспе может иметь великое множество трактовок. Если бы за таксисом Кена было закреплено прежнее наименование лишь как дань памяти о былых заслугах командира и его полка, то это обозначение было бы введено после скоропостижной смерти Кена, а не на период пребывания этого военачальника в должности гиппарха.

Н. Хаммонд предлагает принципиально иное решение выявленного противоречия. Согласно его мнению, проблема «двойных должностей» Кена и Кратера (управлявших одновременно таксисами и гиппархиями) связана с тем, что Арриан, описывая сражение при Гидаспе, назвал их гиппархами лишь в техническом смысле этого слова: Кен и Кратер возглавили в бою кавалерийские подразделения, закрепленные за Пердиккой и Клитом Белым соответственно[20]. А.Б. Босворт также придерживается мнения о временном характере пребывания Кена в должности гиппарха. Справедливо критикуя выводы У. Тарна о смене командира в таксисе Кена, этот исследователь отмечает, что военачальник выступал в роли командира таксиса вплоть до своей смерти, гиппархом же был лишь при Гидаспе, командуя не подразделением всадников-гетайров, а среднеазиатской кавалерией, управлять которой Кену уже приходилось во время военных действий против Спитамена[21]. Тем не менее, обстоятельства реформирования кавалерии Александром Македонским в совокупности с иными данными о военных кампаниях 328-327 гг. до н.э. не позволяют согласиться с указанными выводами.

Касаясь предположения Н. Хаммонда, отметим, что Кратер начал исполнять функции командира крупного кавалерийского соединения сразу после реорганизации конницы. Судя по данным источников, в 328 г. до н.э., пока сам Александр был занят усмирением Согдианы, лидер повстанцев Спитамен атаковал македонян в Бактрии (Arr. Anab., IV, 16, 4; Curt., VIII, 1, 3). Там ему в начале удалось уничтожить отряд македонской кавалерии возле Бактр-Зариасп (Arr. Anab., IV, 16, 5-7; Curt., VIII, 1, 3-5), однако затем восставшие были разбиты и обращены в бегство Кратером (Arr. Anab., IV, 17, 1-2; Curt., VIII, 1, 6). Как сообщает Курций Руф, для противодействия Спитамену и его союзникам Кратер прибыл со своей конницей (cum omni equitatu supervenit) (VIII, 1, 6). Весной 327 г. до н.э. этот же военачальник был направлен против войск Австана и Катана в земли паретаков, имея в своем распоряжении шесть сотен всадников-гетайров, а также таксисы пехоты – собственный, Полиперхонта, Аттала и Алкеты (Arr. Anab., IV, 22, 1). Видимо, в обоих случаях кавалерия, которой располагал Кратер, являлась его гиппархией, тем же самым соединением, которым он командовал при Гидаспе. В описании кампании против Австана и Катана под упомянутым Аррианом «собственным» таксисом Кратера, предположительно, скрывается полк, уже вверенный Горгию в связи с переводом самого Кратера на должность гиппарха[22]. Как справедливо отметил А.Б. Босворт, гипотеза Н. Хаммонда о временной замене в сражении при Гидаспе Клита и Пердикки как гиппархов Кратером и Кеном имеет и другие недостатки, в том числе необоснованное сокращение кавалерии, участвовавшей в битве с Пором, до четырех гиппархий[23].

---

[18] Tarn W. W. Op. cit. P. 143.
[19] Bosworth A.B. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. 2. P. 294.
[20] Hammond N.G.L. Collected studies III: Alexander and his successors in Macedonia. Amsterdam, 1994. P. 76.
[21] Bosworth A. B. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. 2. P. 294-295.
[22] Tarn W. W. Op. cit. P. 145.
[23] Bosworth A. B. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. 2. P. 294.

Впрочем, выводы самого А.Б. Босворта по рассматриваемой проблеме также не безупречны. Как отметил в диссертационном исследовании А.К. Нефедкин, разделение тяжелой македонской кавалерии на гиппархии в военном отношении было обусловлено необходимостью создания крупных соединений, способных взаимодействовать с легкой конницей и пехотой в составе экспедиционных корпусов, применение которых активизировалось на втором этапе Восточного похода[24]. Это предназначение гиппархий прекрасно иллюстрируют последовавшие вслед за реформой военные события. Известно, что весной 328 г. до н.э. Александр осуществил марш по территории Согдианы, разделив свое войско на пять частей. Во главе первой части армии находился Гефестион, второй руководил Птолемей, третьей – Пердикка, четвертым отрядом командовали Кен и Артабаз. Во главе пятой части сам Александр двинулся к Маракандам, а остальные военачальники действовали по своему усмотрению, захватывая укрепления и принимая в подданство сдававшихся. Пройдя по большей части Согдианы, войско в полном составе прибыло к Маракандам (Arr. Anab., IV, 16, 1-3). Представляется неслучайным, что трое из четырех упомянутых Аррианом командиров в последующих разделах его сочинения названы гиппархами. Следует согласиться с В. Хеккелем, отмечающим, что конница была во время этой операции главной ударной силой[25]. Большую часть македонской пехоты Александр, отправляясь в Согдиану, оставил в Бактрии: Арриан указывает, что для обеспечения контроля над этим регионом были оставлены Полиперхонт, Аттал, Горгий и Мелеагр (Anab., IV, 15, 7), то есть командиры четырех таксисов фаланги[26]. Впрочем, считать действовавшие в Согдиане корпуса чисто кавалерийскими, как это делает Дж. О'Брайн[27], нет никаких оснований, так как они решали весьма широкий спектр задач – от принятия в подданство покорившихся до штурма укреплений. Для последнего, конечно, была нужна пехота.

Корпусу Кена и Артабаза, как показывают дальнейшие события, была поручена особая миссия: после соединения войск в Маракандах Александр отправил его против скифов, у которых, согласно имеющимся донесениям, скрывался Спитамен (Arr. Anab., IV, 16, 3). Включение Артабаза в состав отряда было связано, видимо, со спецификой поставленной задачи. Восточный вельможа должен был сыграть важную роль в ходе переговоров с местными жителями, подтолкнуть их к сотрудничеству с Александром[28]. Однако, заметим, что считать проведение переговоров главной задачей, возложенной на Кена и Артабаза, как утверждают некоторые исследователи[29], не следует. Корпус Кена при поддержке лояльно настроенной части местных жителей должен был либо ликвидировать Спитамена, либо лишить его свободы маневра и не дать поддержать восставших в Согдиане.

Как известно, сковать действия отряда Спитамена Кену на том этапе кампании не удалось – восставшие объявились в Бактрии, откуда после нанесенного Кратером поражения отступили. Арриан сообщает, что македонский царь, покидая Согдиану, оставил на прежних позициях Кена вместе с таксисами его и Мелеагра, четырьмя сотнями всадников-гетайров, всеми конными дротометателями и теми согдийцами и бактрийцами, которыми командовал Аминта. Они все подчинялись Кену и должны были остаться в Согдиане на зимовку, чтобы держать ее под контролем, а если выясниться, что зимой в каком-либо месте появился Спитамен – устроить ему засаду и захватить его (Anab., IV, 17, 3). Прежние позиции, на которых остался Кен – северо-западная часть Согдианы на границе со скифскими землями, куда ранее он был отправлен со своим отрядом для противодействия Спитамену[30], а не сами Мараканды, как об этом говорит ряд исследователей[31]. Видимо, бóльшая

---

[24] Нефедкин А.К. Конница эпохи эллинизма. С. 107.

[25] Heckel W. The marshals of Alexander's empire. P. 65. Anm. 85.

[26] Bosworth A.B. Alexander the Great Part I: The events of the reign // The Cambridge Ancient History. Vol. VI / Edited by D.M. Lewis, J. Boardman. Cambridge, 1994. P. 823; Шофман А.С. Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976. С. 478.

[27] O'Brien J. Alexander the Great: The Invisible Enemy. London – New York, 1994. P. 135.

[28] Holt F. Alexander the Great and Bactria: The Formation of a Greek Frontier in Central Asia. Leiden, 1988. P. 60.

[29] Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И. Александр Македонский и Восток. М., 1980. С. 262.

[30] Holt F. Into the Land of Bones. Alexander the Great in Afghanistan. Berkeley – Los Angeles – London, 2005. P. 79.

[31] Bosworth A.B. Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. Cambridge, 1988. P. 116; Пьянков И.В. Древний Самарканд (Мараканды) в известиях античных авторов (Собрание отрывков и комментарии). Душанбе, 1972. С. 49.

часть оставшихся с Кеном подразделений входила в состав корпуса, которым он командовал в начале кампании. В частности, среднеазиатские воины, возглавляемые Аминтой, предположительно, ранее подчинялись предыдущему сатрапу Бактрии Артабазу[32]. Исключением являлся таксис Мелеагра, который весной 328 г. до н.э. находился в Бактрии. Это подразделение, как полагают, было специально переброшено из Бактрии в Согдиану и присоединено к отряду Кена для его усиления[33]. Возможно, упомянутые Аррианом «все конные дротометатели» (Anab., IV, 17, 3) также были переданы Кену непосредственно перед зимовкой для помощи в борьбе с подвижной конницей восставших. Дальнейшие события показали, что Александр не зря возложил на этот экспедиционный корпус большие надежды, так как именно он нанес Спитамену решительное поражение, вынудив понесших большие потери восставших отступить в пустыню (Arr. Anab., IV, 17, 4-7; ср.: Curt., VIII, 2, 14-17), где Спитамен вскоре был предательски убит[34]. Возвращаясь к предмету нашего исследования, подчеркнем, что Кен в рамках кампании 328 г. до н.э. вместе с Пердиккой и Гефестионом, также занявшими должности гиппархов, участвовал в раздельном марше по Согдиане, затем самостоятельно выполнял особое задание в землях кочевников и в итоге разгромил основные силы Спитамена и его союзников, причем командовал не только упомянутой А.Б. Босвортом среднеазиатской конницей и таксисом элимиотов, но и весьма крупным соединением из четырех сотен всадников-гетайров, которое, видимо, и следует идентифицировать как вверенную ему гиппархию[35].

Анализ военной кампании 328 г. до н.э. заставляет признать несостоятельными попытки обнаружить ошибку, якобы допущенную Аррианом при характеристике командных должностей Кена. Античный историк последовательно использовал терминологию своих источников, что весьма характерно для него как для автора[36]. Упоминая оба командных поста, занимаемых Кеном, Арриан просто передает информацию раннеэллинистического времени. Все это заставляет внимательней отнестись к выводу, предложенному в свое время Г. Берве, согласно которому Кен действительно занимал две должности, командуя и гиппархией, и таксисом одновременно[37]. Понять причину возникновения этого парадокса кадровой политики Александра несложно. Македонский царь, назначая Кена на пост гиппарха и выделяя ему часть армии в преддверии кампании 328 г. до н.э., насколько позволяют судить имеющиеся данные, с самого начала поручил этому военачальнику выполнение чрезвычайно важной и ответственной задачи, заключавшейся в разгроме Спитамена. Сопоставляя информацию о подразделениях, оставленных с Кеном в Согдиане на зимовку, и данные о пребывании Мелеагра в Бактрии в предшествующее время, следует полагать, что ядром корпуса Кена в начале кампании являлись вверенная ему гиппархия и таксис элимиотов, усиленные вспомогательными подразделения согдийцев и бактрийцев. Здесь нет ничего необычного: как было справедливо отмечено еще А.С. Шофманом, новая структура македонской кавалерии позволяла Александру, в зависимости от обстоятельств, образовывать военную группировку путем временного объединения гиппархии с каким-либо подразделением педзетайров или гипаспистов[38]. Уникальность рассматриваемого случая заключается в том, что оба основных компонента корпуса (гиппархия и таксис фалангитов) имели одного общего постоянного командира. Судя по всему, Александр посчитал неразумным в преддверии решающей кампании против Спитамена и его союзников искать нового начальника для лучшего подразделения сариссоносцев и сохранил за Кеном должность командира полка астетайров, отличавшихся не только высокой боеспособностью, но и большой степенью мобильности по сравнению с другими подразделениями фаланги: это качество могло весьма пригодиться в борьбе с летучими отрядами восставших. Кратер и Пердикка, также как и Кен, ставшие гиппархами, должны были в 328 г. до н.э. выполнять

---

[32] Holt F. Into the Land of Bones. Alexander the Great in Afghanistan. P. 79.

[33] Hamilton J. R. Three Passages in Arrian // CQ. Vol. 5. 1955. № 3-4. P. 220; Heckel W. The marshals of Alexander's empire. P. 108.

[34] Разные версии смерти см. Arr. Anab., IV, 17, 7; Curt., VIII, 3, 1-16.

[35] Heckel W. The marshals of Alexander's empire. P. 52. Anm. 16.

[36] Bosworth A.B. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. 1. P. 155.

[37] Berve H. Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd. I. München, 1926. S. 109–110.

[38] Шофман А.С. Указ. соч. С. 298.

задания иного рода, в связи с чем у царя не было необходимости сохранять за ними предыдущие должности.

Упоминание гиппархии Кена и его таксиса в описании сражения при Гидаспе позволяет заключить, что этот военачальник продолжал занимать оба поста и после кампании 328 г. до н.э. Расширение практики использования экспедиционных корпусов во второй половине Восточного похода раскрывает смысл этого парадоксального на первый взгляд кадрового решения Александра. Р. Гейбел, констатируя активное применение македонским завоевателем автономных боевых соединений, справедливо поставил вопрос об организации взаимодействия подразделений, входивших в экспедиционные корпуса, боевой потенциал которых, как верно отмечается, превосходил простую сумму образовывавших их частей[39]. В рассматриваемом случае у нас есть ответ: необходимое взаимодействие входивших в автономные боевые соединения подразделений было организационно обеспечено их постоянным подчинением общему командиру. Александр мог использовать эту своеобразную связку пехотного и кавалерийского подразделений в операциях, проводившихся Кеном независимо от остальной части армии. Известно, что их в рамках индийской кампании было не так уж и мало – это экспедиция против города Базиры (Arr. Anab., IV, 27, 5-8)[40], транспортировка речных судов от Инда к Гидаспу (Arr. Anab., V, 8, 4-5), обеспечение контроля над переправой через Акесин для нужд снабжения армии (Arr. Anab., V, 21, 1), сбор продовольствия в междуречье Акесина и Гидраота (Arr. Anab., V, 21, 4). К сожалению, подробными данными об этих операциях мы не располагаем из-за специфики источниковой базы: Арриан не мог извлечь из сочинения Птолемея Лагида сколь-нибудь детальных сведений о действиях тех автономных отрядов, которыми Александр не руководил лично, так как подобная информация отсутствовала в «Эфемеридах», да и сам диадох знал об этом мало[41]. Следует полагать, что Кен осуществлял общее руководство своим смешанным корпусом, по необходимости акцентируя внимание на обязанностях кавалерийского или пехотного начальника, а также часто прибегая к помощи своих заместителей. Так, его помощником при управлении таксисом элимиотов мог быть Пифон – вероятнее всего, именно он стал преемником Кена на посту командира этого подразделения астетайров[42]. Заместителем Кена как гиппарха У. Тарн называет Клита Белого[43], однако, прямые указания источников заставляют усомниться в обоснованности этого вывода – Клит Белый именуется командиром гиппархии не только после смерти Кена (Arr. Anab.,VI, 6, 6), но и до нее (Arr. Anab., V, 22, 6)[44]. Возможно, Кен делегировал часть своих командных полномочий одному из илархов, в источниках не упоминаемому.

Боевое применение элитного таксиса элимиотов в плотной связке с кавалерией гетайров продолжилось, как свидетельствуют источники, и после смерти Кена, когда этот полк астетайров возглавил Пифон. Так, есть данные о том, что Пифон со своим таксисом и двумя гиппархиями всадников штурмом взял некое укрепление маллов, причем именно Пифон упомянут Аррианом как командир всего отряда (Anab., VI, 7, 2-3). Тот же военачальник со своим полком при поддержке гиппархии Деметрия и некоторого количества легковооруженных провел зачистку берега Гидраота от укрывшихся индов (Arr. Anab., VI, 8, 1-3). Примечательно, что, организовывая боевое применение таксиса элимиотов в привычном формате, Александр не объединил его с гиппархией на постоянной основе под началом одного командира. Видимо, доверить эту «двойную» должность македонский царь мог лишь Кену, военачальнику, хорошо проявившему себя в большом количестве мобильных боевых операций. С другой стороны, Александр после скоропостижной смерти Кена мог сознательно отказаться от идеи назначения какого-либо лица сразу на обе освободившиеся должности. Дело в том, что незадолго до своей смерти Кен был активным участником событий на Гифасисе: согласно античной письменной традиции, именно он на войсковом собрании первым озвучил царю позицию войска, не желавшего идти дальше во внутренние районы Индии, указал на усталость солдат от даль-

---

39 Gaebel R. E. Op. cit. P. 196.

40 Ср.: Curt., VIII, 10, 22.

41 Hammond N.G.L. Sources for Alexander the Great: An Analysis of Plutarch's Life and Arrian's Anabasis Alexandrou. Cambridge, 1993. P. 330.

42 Bosworth A.B. ΑΣΘΕΤΑΙΡΟΙ. P. 249; Heckel W. The marshals of Alexander’s empire. P. 53.

43 Tarn W. W. Op. cit. P. 165.

44 Bosworth A.B. A Historical Commentary on Arrian’s History of Alexander. Vol. 2. P. 152–153.

них походов (Arr. Anab., V, 27, 2-9; Curt., IX, 3, 3-15)[45]. Сопоставляя данные о выступлении Кена и его внезапной смерти, некоторые из специалистов приходят к выводу о причастности к ней Александра[46]. В данном случае можно провести параллель с последовавшей вслед за казнью Филоты реорганизацией конницы, одной из причин которой Арриан называет нежелание Александра доверять одному, пусть даже самому близкому человеку, командование всей кавалерией гетайров (Anab., III, 27, 4). Возможно, царя насторожила оппозиционная речь Кена, в связи с чем он решил предостеречься и больше не поручал одному человеку постоянное командование несколькими подразделениями сразу. Случай с Кеном так и остался единственным примером объединения подразделений конницы и пехоты под началом одного человека на постоянной основе, уникальным прецедентом, информация о котором была воспринята современными исследователями как ошибка в источнике.

COENUS' TAXIS AND HIS HIPPARCHY: THE ANALYSIS OF ALEXANDER THE GREAT'S PERSONNEL SELECTION PARADOX

A.A. KLEYMEONOV

L. Tolstoy Tula State Pedagogical University

e-mail: alek-klejmenov@yandex.ru

The references in Arrian's Anabasis of Coenus' taxis and his hipparhy is under consideration in the article. Initially Coenus was a commander of the infantry taxis. His battalion was recruited from Elimiotis. It held the extreme right honor position in the heavy infantry at Issos and Gaugamela and often found in circumstances requiring great mobility. Later, by the time the Macedonians reached the Hydaspes, Coenus became a hipparch. We also know that the infantry taxis that Coenus had formerly commanded continued to bear his name. Probably, Coenus in fact held both commands simultaneously. Occurrence of this situation is connected with features campaign against Spitamenes in 328 B.C.

Key words: Alexander the Great, Coenus, taxis, hipparchy.

---

[45] Обзор мнений о подлинности речей см. Руденко М.Н. Завоевательные планы Александра Великого в Индии и оппозиция в македонской армии // Вестник Самарского государственного университета. 2007. №5/3 (55). С. 85–87.

[46] Badian E. Harpalus // JHS. Vol. 81. 1961. P. 22; Bosworth A.B. Conquest and Empire. P. 133–134; Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И. Указ. соч. С. 306.

УДК 94 (3)

ПОЛИБИЙ О ДОЛЖНОСТИ АЛЕКСАНДРА В ФОКИДЕ В ПЕРИОД СОЮЗНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н.Ю. СИВКИНА

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

e-mail: natalia-sivkina@yandex.ru

Александр стоял во главе Фокиды в конце Союзнической войны. Неопределенная формулировка, использованная Полибием для обозначения его должности, порождает нечеткое понимание, какими именно полномочиями он располагал. Такие же расплывчатые наименования встречаются в труде Полибия и для других должностных лиц. Это объясняется тем, что специфическая лексика еще была не развита. Но используемая Полибием терминология все же позволяет говорить о стремлении историка подчеркнуть различия в положении представителей власти, показать многообразие военных и гражданских должностных лиц в эллинистических государствах. Александр, вероятно, был македонским офицером, который в военное время охранял вверенную ему территорию, после войны он, видимо, был отозван царем, т.к. Филипп V был вынужден считаться с мнением союзников.

Ключевые слова: Македония, Антигон Досон, Филипп V, Эллинская лига, Союзническая война, Фокида.

В 224 г. до н.э. в ходе так называемой Клеоменовой войны Ахейский союз, не располагая собственными силами для дальнейшей борьбы со Спартой, стал инициатором образования Эллинской лиги, в которую помимо ахейцев вошли Македония и ряд других государств. Считается, что от этого соглашения наибольший выигрыш достался македонскому царю Антигону Досону, который вновь мог вмешиваться во внутренние дела греков (Polyb. II. 54. 2; 70. 4; V. 93. 8). На первых порах политика Антигона была весьма осторожной, что иногда объясняется отсутствием у него цели непрерывной экспансии; эта цель якобы проявилась позднее во внешней политике его преемника Филиппа V[1].

Тем не менее, в разных городах и областях Греции после 224 г. до н.э. появились представители македонской власти и усилилось военное присутствие македонян в Греции. Первых представителей Македонии установил в Греции Антигон Досон – это Таврион и Брахилл (Polyb. IV. 6. 4; 87. 8; XX. 5. 12). В период Союзнической войны в Средней Греции появляется Александр, которому подчинялся некий Ясон (Polyb. V. 96. 4–7).

Однако должности этих представителей македонской власти в нарративной традиции переданы с помощью неопределенных формулировок. Терминология Полибия – основного источника по истории Греции конца III в. до н.э. – порождает нечеткое понимание, какими именно полномочиями располагали эти люди, подчинялись ли они македонскому царю как гегемону Эллинской лиги или как правителю Македонии. Выяснение данных вопросов позволит, в частности, сделать вывод о масштабах задуманной македонянами системы контроля за греческими государствами.

Интерес в данном исследовании представляет должность Александра, под контролем которого в 217 г. до н.э. оказалась Фокида. У Полибия сохранилось несколько упоминаний об Александре. Предположительно, прежде он входил в состав опекунского совета при молодом македонском царе Филиппе V и возглавлял отряд дворцовой стражи (επι της θεραπειας – Polyb. IV. 87. 8), т.е., возможно, ему подчинялись царские телохранители. Есть версия, что он был командиром гипаспистов[2]. Его пытался сместить Апеллес, возглавлявший опекунский совет, но безрезультатно. Свою преданность царю Филиппу Александр, видимо, неоднократно доказал, даже Полибий не может подобрать «достой-

[1] Briscoe J. The Antigonids and the Greek states, 276 – 196 B.C. // Imperialism in the Ancient World. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. P. 153 f.

[2] Hatzopoulos M.B. L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides: problèmes anciens et documents nouveaux // ΜΕΛΕΤΗΜΑΤΑ. 30. Athènes, 2001. P. 60.

ных выражений для того, чтобы изобразить» его расположение и преданность (Polyb. VII. 12. 6). В Фокиду Александр, видимо, прибыл после раскрытия так называемого заговора Апеллеса (218 г. до н.э.). Согласно туманным замечаниям Полибия, царь в конце военного сезона 218 г. до н.э. намеревался плыть в Фокиду, где рассчитывал на важные приобретения (Polyb. V. 24. 12), возможно, основной целью царя были Дельфы[3]. Но или из-за заговора[4], или по другим причинам, предприятие не удалось, в руках царя оказалось лишь несколько городов Восточной Фокиды, куда и был направлен Александр[5]. Его должность Полибий называет как ο τεταγμενος επι της Φωκιδος υπο Φιλιππου (Polyb. V. 96. 4).

Использование ахейским историком нечетких обозначений объясняется, в частности, тем, что специфическая лексика вообще не была развита в тот период, поэтому в эллинистических царствах для обозначения высшего круга чиновников использовали предлог επι и существительное в генитиве[6]. Этот оборот в самом общем смысле означает «находиться на попечении»; при этом, когда речь идет о Македонии, нарративные источники часто употребляют такой оборот для обозначения военных должностей. Например, Леонтий при Филиппе V командовал пельтастами, Полибий называет его επι των πελταστων (Polyb. IV. 87. 8), а Александр, возглавляя отряд дворцовой стражи, назван επι της θεραπειας (Polyb. IV. 87. 8).

Г. Бенгтсон считает, что Фокида находилась под македонским протекторатом, а Александр в ней был стратегом или «постоянным македонским военным губернатором», которому подчинялись правители фокидских городов[7]. О полномочиях Александра судить довольно сложно, т.к. он упоминается лишь в одном эпизоде. В последний год войны (кампания 217 г. до н.э.) этолийский стратег Агет предпринял нападение на земли Акарнании и Эпира, которые и разграбил беспрепятственно (Polyb. V. 96. 1). Но неудачей для Агета закончилась попытка захвата города фанотеян в Фокиде (Polyb. V. 96. 4–8). Рассчитывая на измену главы города Ясона, этолийцы проникли в акрополь. Однако здесь их поджидал отряд Александра, организовавшего эту ловушку. Потеряв сто отборных воинов, Агет был вынужден отступить. Из данного эпизода следует, что в распоряжении Александра находился отряд солдат, численность которых нам неизвестна. Можно лишь предположить, что воинов было недостаточно, чтобы вступить в открытый бой с этолийцами, поэтому Александр и прибег к хитрости.

Таким образом в распоряжении Александра были македонские солдаты, но удивление вызывает тот факт, что в источниках Александр стратегом (ο στρατηγος) не назван. При этом Полибий стратегами называет не только высших должностных лиц Ахейского или Этолийского союзов (например, Polyb. IV. 6. 4; 82. 6; 67. 1; 77. 6; V. 30. 7; 91. 1; 107. 5–7; XXII. 10. 1; XXIII. 16. 1), но и командиров на местах. В частности Лик из Фар назван «местным стратегом» (военачальником) в родном округе (Polyb. V. 94. 1).

Ставка Александра, вероятно, была в Элатее – самом крупном городе Фокиды. Возможно, Филипп ввел гарнизон в крепость города во время неудачного похода 218 г. до н.э. Полибий говорит, что царь дошел тогда до Элатеи и повернул назад (Polyb. V. 26. 16). Вероятно, после окончания Союзнической войны гарнизон из города не был выведен, т.к. в годы второй римско-македонской войны Элатея была одним из немногих городов, захватить которые римлянам долго не удавалось; лишь после штурма города и переговоров, гарантировав жизнь царским воинам, консул занял крепость (Liv. XXXII. 24).

Закономерен вопрос: не был ли Александр командиром македонского гарнизона? Сильвия Ле Боек полагает, что оборот с генитивом (ο επι της) использовался для обозна-

---

[3] Сивкина Н.Ю. Последний конфликт в независимой Греции: Союзническая война 220–217 гг. до н.э. СПб., 2007. С. 242.

[4] Подробнее о заговоре: Errington R.M. Philip V, Aratus and the «Conspiracy of Apelles» // Historia. XVI, 1. 1967. P. 19–36; Сивкина Н.Ю. Заговор Апеллеса в 218 г. до н.э. // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 21. М., Магнитогорск, Новосибирск, 2008. С. 233–241.

[5] Walbank F. W. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1957. P. 625; Bengtson, H. Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd. 2. München: C.H. Beck, 1944. S. 363.

[6] Juhel P. {O επι + substantif au génitif}, titre des fonctionnaires de l`administration hellénistique en général et des hauts fonctionnaires royaux de la Macédoine antigonide en particulier // Tyche. Beiträge zur Alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik. 24. 2009. P. 73.

[7] Bengtson H. Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd. 2. S. 363–364.

чения стратегов, размещенных в Греции в качестве командиров гарнизонов[8]. Так, в частности, Диодор (XIX. 77. 6) называет Плейстарха επι της εν Χαλκιδι φρουρας, т.е. командиром гарнизона в Халкиде. Иногда понятие «командир гарнизона» применялось не в смысле «комендант крепости», а более широко. Например, Диоген в правление Досона, по словам Плутарха (Plut. Arat. 34), был ο επι της φρουρας, но контролировал Пирей, Мунихий, Саламин и Суний, т.е. ему подчинялись все македонские силы, расположенные в этой области. С одной стороны, Александр, как и Диоген, мог быть командиром гарнизона и контролировать все подчинявшиеся ему военные силы области. Но, с другой стороны, следует обратить внимание на то, что и Диодор, и Плутарх в упомянутых выше случаях употребили существительное της φρουρας, четко подчеркнув должность Плейстарха и Диогена как командиров гарнизонов.

Во многих греческих городах находились гарнизоны царя Филиппа: в Коринфе (Polyb. II. 52. 4; 54. 1; IV. 6. 5; XVIII. 11. 5; 45. 5; Plut. Arat. 16; Liv. XXXII. 16. 18), в Деметриаде и в Атраке (Liv. XXXII. 17. 4–18. 3), в Орее и в Эретрии (Polyb. XVIII. 45. 5, Liv. XXXII. 16. 12), в Орхомене (Polyb. IV. 6. 6; Plut. Arat. 45), в Элатее (Liv. XXXII. 24), в Лепрее (Polyb. IV. 80. 15), вероятно, в Каристе (Liv. XXXII. 16. 8), в Опунте (Liv. XXXII. 32. 4), а согласно недавним находкам, еще в одном пункте Восточной Локриды, в Кине[9], поскольку там был найден военный устав гарнизонной службы, идентичный известному ранее из Халкиды[10]. Гарнизоны македонского правителя устанавливались не одновременно во всех перечисленных выше городах и не произвольно: их присутствие обычно оправдывалось условиями военного времени. Филипп V, видимо, планировал в будущем оставить военные силы лишь в опорных пунктах Греции (так называемых «цепях Эллады»), необходимость содержать остальные контингенты со временем отпала бы[11]. Численность солдат в гарнизонах не влияла на наименование должности командира: и в Халкиде, одной из составляющей «цепей Эллады», и в менее значимом Кине действовал единый устав гарнизонной службы. Согласно ему[12] (1 I, v. 1, 5, 7, 9–11, 26–28, 33–34, 37, 40, 47; 1 II, v. 2, 4, 10), командиры гарнизонов называются ο φρουραρχος, которым по хозяйственным вопросам подчинялись экономы (οι οικονομοι). Полибий не употребляет существительное της φρουρας в отношении Александра, хотя в другом пассаже, говоря о Коринфе, Полибий высказывается вполне определенно – εν Κορινθω βασιλικης φρουρας εγκαθημενης (Polyb. XVIII. 11. 6). Поэтому, Александр, вероятнее всего, не был командиром гарнизона в Элатее.

В таком случае, его должность следует сравнить с должностью Тавриона, который был оставлен в качестве «царского уполномоченного» в Пелопоннесе (Polyb. IV. 6. 4: … ο επι των εν Πελοποννησω βασιλικων πραγματων υπο του Αντιγονου κατα λελειμμενον…). В завещании Антигона он указан как επι των κατα Πελοποννησον (Polyb. IV. 87. 8). Употребленная формулировка показывает, что на его попечении находился весь Пелопоннес.

О функциях Тавриона можно судить по отдельным пассажам Полибия и Плутарха. Во время Союзнической войны 220–217 гг. до н.э. Таврион принимал участие в военных действиях, иногда подчиняясь ахейскому стратегу (Polyb. IV. 6. 4; 10. 2), иногда действуя самостоятельно (IV. 19. 7–8). К сожалению, количество войск у Тавриона неизвестно, но вероятнее всего, оно не могло быть больше 1 000 человек, так как Тавриону негде было бы расквартировать слишком большое войско. К тому же значительное присутствие македонских воинов вызывало бы постоянное раздражение местных властей. Как полагал Г. Бенгтсон[13], штаб-квартира этого офицера находилась в Коринфе. Но, возможно, следует внимательнее отнестись к словам Полибия (IV. 6. 6), что в Орхомене, в Аркадии, располагался македонский гарнизон и собранные там военные силы. Этот пассаж следует

[8] Le Bohec-Bouhet S. Antigone Doson, roi de Macédoine. Nancy, 1993. P. 263–266.

[9] Полибий упоминает Кин в эпизоде, относящимся к 219 г. до н.э., когда Филипп переправился из Фессалии на Эвбею, оттуда достиг Кина, а затем через Беотию и Мегариду подошел к Коринфу (Polyb. IV. 67. 6–7). Возможно, именно тогда Кин получил македонский гарнизон.

[10] Hatzopoulos M.B. L'organisation de l'armée macédonienne… P. 29 suiv.

[11] Сивкина Н.Ю. К вопросу о македонской системе контроля над Грецией // Научные ведомости БелГУ. Серия История, политология, экономика. Вып.6. № 2 (42). 2008. С. 19.

[12] Цит. по: Hatzopoulos M.B. L'organisation de l'armée macédonienne… App. 1.

[13] Bengtson H. Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd. 2. S. 357–360.

понимать в том смысле, что именно в Орхомене была ставка Тавриона, и там базировалось его войско, которое не могло быть многочисленным.

Как и Александр, Таврион не просто входил в ближайшее окружение македонского царя, но был в составе опекунского совета (Polyb. IV. 87. 8). Тавриону, вероятно, подчинялся эпистат Спарты[14] – беотиец Брахилл, чья семья имела давние связи с македонским царским домом[15]. В подчинении у Александра находился Ясон, должность которого Полибий называет как τεταγμενος επι της των Φανοτεων πολεως (Polyb. V. 96. 4). Пьер Жюэль считает[16], что Александра и Ясона в период Союзнической войны следует рассматривать в том же контексте, что и Тавриона и Брахилла: Александр в качестве ο τεταγμενος επι της Φωκιδος (Polyb. V. 96. 4) являлся губернатором Фокиды, а Ясон как τεταγμενος επι της των Φανοτεων πολεως (Polyb. V. 96. 4) был комендантом Фанотеи.

Но Таврион действовал от имени Эллинской лиги; полномочия его были весьма широкими. В частности, его участие вместе с ахейцами в битве при Кафиях накануне войны (Polyb. IV. 6. 4; 10. 2), хотя Македония официально находилась в мире с Этолией, и попытки привлечь Деметрия Фарского к перехвату этолийцев (IV. 19. 7–8), разграбивших Кинефу, не были санкционированы македонским царем. Право принимать подобные решения Таврион получил вместе с должностью.

Его титул – ο επι των εν Πελοποννησω βασιλικων πραγματων κατα λελειμμενον (Polyb. IV. 6. 4.) примерно соответствовал наименованию так называемых «стражей мира» или «поставленных для общей стражи» в союзе Филиппа II с греками, созданному в 338 г. до н.э. – οι επι τη κοινη φυλακη τεταγμενοι. Хотя формулировки содержат некоторые отличия, но функции должностных лиц имеют много общего.

В союзе 338 г. до н.э. на неких людей, «поставленных на страже общего дела» возлагалась охрана существующего порядка. В речи Псевдо-Демосфена «О договоре с Александром» (XVII. 15) сказано: «…В договоре значится, что члены общего совета и лица, поставленные на страже общего дела, должны заботиться о том, чтобы в государствах, участниках мирного договора, не применялись ни казни, ни изгнания, вопреки установленным в этих государствах законам, ни отобрания в казну имуществ, ни передел земли, ни отмена долгов, ни освобождение рабов в целях государственного переворота…». Включая в себя ряд новшеств, в целом, условия договора 224 г. до н.э. были сходны с принципами, на которых основывались прежние союзы под эгидой Македонии (в 338 и в 302 гг. до н.э.). Прежде всего, гарантировалась неизменность государственных устройств, которые существовали у участников лиги на момент заключения договора, и их автономия; запрещалось введение гарнизонов и выплата дани (Polyb. IV. 25. 7). Сохранение существующего положения (мир, недопущение переворотов, выступлений против Македонии) должно было относиться к сфере заботы о «царских делах» (των βασιλικων πραγματων). В союзе 224 г. до н.э. Таврион располагал даже большими полномочиями, чем «лица, поставленные для общей стражи» в союзе 338 г. до н.э., кроме того, назначен он был не для выполнения какой-то одной операции, а в конкретный регион, в данном случае, в Пелопоннес.

Однако, если существовал один «страж мира» или «царский уполномоченный», то почему их не могло быть больше? Ведь политическая обстановка в Греции оставалась сложной. Если вспомнить список союзников Македонии, то наиболее подходящими регионами для резиденции «стража мира» могли быть Акарнания, соседствующая с Этолией, и Амбракия – наиболее важный в стратегическом отношении пункт. Однако, Акарнания, вероятно, не могла быть ставкой «стража мира». Страна была окружена одними этолийскими союзниками, наблюдение за которыми потребовалось бы установить, если бы в ходе войны эти территории (частично или полностью) были бы завоеваны. Тогда их положение соответствовало бы позиции Спарты после Клеоменовой войны. Но до завоевания этого региона «попечитель» был бесполезен в Акарнании. Удобным местом была

---

[14] Самохина Г.С. Панэллинская идея в политике Македонии конца III в. до н.э. // Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982. С. 117.

[15] Ma J. Court, King, and Power in Antigonid Macedonia // Brill's companion to ancient Macedon: studies in the archaeology and history of Macedon, 650 bc–300 ad / Fox R. J. L. (ed.). Leiden–Boston, 2011. P. 528. Назначение Брахилла, вероятно, связано с услугой, оказанной царю, его отцом Неоном во время Карийского похода (Polyb. XX. 5. 7–12).

[16] Juhel P. {Ο επι + substantif au génitif}, titre des fonctionnaires de l`administration hellénistique… 2009. P. 61.

Амбракия, в которую еще Филипп II вводил гарнизон, но до начала Союзнической войны Амбракия выступала на стороне Этолии, а после захвата была передана Эпиру (Polyb. IV. 63. 3). Еще одна область могла стать ставкой для наблюдателя лиги – это Фокида, находящаяся в центре Средней Греции, которая частично контролировалась Этолийским союзом, что могло стать причиной конфликтов. Параллель в положении Фокиды и Спарты очевидна. Однако до войны и в первые годы военных действий никаких «царских уполномоченных» в Средней Греции источники не фиксируют.

Тем не менее, есть версия, что Александру было поручено осуществлять функцию надзора за Средней Грецией[17]. Но Полибий сообщает, что он занимал должность о τεταγμενος επι της Φωκιδος υπο Φιλιππου, т.е. его власть не распространялась за пределы этой области. Еще одно отличие в положении Александра и Тавриона можно увидеть в отсутствии задачи при обозначении должности. Таврион заботился о «царских делах» (βασιλικων πραγματων), так называемые «стражи мира» в союзе 338 г. до н.э. назначались для «общей охраны» (τη κοινη φυλακη). Эти расплывчатые формулировки как раз и намекают на обширные полномочия, которыми располагали люди, занимающие данные должности.

Что касается Александра, то о его полномочиях судить довольно сложно, т.к. он упоминается лишь в одном эпизоде, когда Полибий описывает неудачную попытку этолийцев захватить город фанотеян в Фокиде (Polyb. V. 96. 4–8). Кроме того, употребленная ахейским историком фраза о Ясоне, позволяет утверждать, что именно Александр назначил Ясона на его должность главы города: τινος Ιασονος ος ευτυχανεν υπο αυτου… О дальнейшей судьбе Александра ничего не известно. По сравнению со страстями, кипевшими в Пелопоннесе, в Средней Греции ситуация была спокойной. Возможно, Александр после войны вернулся в Македонию, т.к. в мирное время для контроля за регионом вполне достаточно было гарнизона в Элатее, тем более, что в случае кризиса помощь могла прийти из Халкиды.

Возвращаясь к полномочиям Александра, можно отметить, что перед ним стояли гораздо более скромные задачи, чем перед Таврионом. Его появление в Фокиде было вызвано военной необходимостью, поэтому его позиция не соответствовала уровню «царского уполномоченного» по делам Средней Греции. На это же намекает наименование его должности, которое ограничивает место его «работы» одной областью и не указывает, что в сфере его компетенции была забота об «общем деле», «общей страже» или «царских делах». Поэтому его не следует рассматривать как должностное лицо Эллинской лиги.

Нельзя провести параллель между его должностью и должностью Брахилла (Polyb. XX. 5. 12), на попечении которого находилась побежденная в Клеоменовой войне Спарта. Во-первых, Брахилл был эпистатом, Александра Полибий так не называет. Во-вторых, назначение эпистата после сражения при Селассии должно было получить одобрение союзников или основного партнера по лиге, т.е. ахейского стратега. Фактически, Брахилл, в отличие от Александра, был должностным лицом лиги. Предположение Г. Бенгтсона[18], что Брахилл обладал широкими военными и гражданскими полномочиями, вызывает сомнение, поскольку он оказался не в состоянии разрешить крупный конфликт, который имел место накануне Союзнической войны (Polyb. IV. 22. 4–12). Кроме того, нет никаких указаний в источнике, что Брахиллу подчинялись какие-либо военные силы.

Если воспользоваться терминологией Ливия, Александра можно назвать «царским префектом» (regius praefectus), именно так римский автор называет еще одно доверенное лицо царя Филиппа (Polyb. XXII. 18. 11; XXIII. 1. 5) – Филокла, который в годы второй римско-македонской войны базировался в Халкиде (Liv. XXXII. 23. 11), а позднее в Коринфе (Liv. XXXII. 38. 2; 40. 5). Хотя мы располагаем лишь римским термином, обозначающим его должность, но Ливий довольно точно показал, что Филокл был военным. Как и Александр, он был полководцем Филиппа, выполнявшим военные операции по приказу царя (Liv. XXXI. 16. 2; 26. 1–9; XXXII. 16. 12; 23. 11; 25. 1–10; 38. 2–5). При этом он

---

[17] Walbank F. A historical commentary on Polybios. Vol. 1. P. 625; Bengtson, H. Die Strategie in der hellenistischen Zeit. Bd. 2. S. 363.

[18] Bengtson H. Die Inschriften von Labranda und die Politik des Antigonos Doson. Bayer. Akad. Wiss. München, 1971. S. 44.

не был должностным лицом лиги: эта организация фактически прекратила свое существование, хотя формально существовала до 197 г. до н.э., т.е. до объявления Т. Фламинина о «свободе греков».

В сущности, Александр был македонским офицером, который в военное время выполнял поручение царя – охрану вверенной ему территории, Александр в Греции защищал македонские интересы и подчинялся македонскому царю как главе своего государства. Вероятно, отсутствие упоминаний о нем после войны следует трактовать в том смысле, что царь отозвал его из Фокиды, не желая конфликта с союзниками. Иными словами, македонский царь был вынужден учитывать мнение партнеров по союзу. Таким образом, установление гарнизонов и появление в Греции царских полководцев при преемнике Антигона Досона было вызвано конкретными военными задачами. Поэтому обвинение в адрес Филиппа V, что он установил жесткий македонский диктат в Греции, следует признать несправедливым.

POLYBIUS ON THE POST ALEXANDER IN FOKIDA DURING SOCIAL WAR: TERMINOLOGICAL ASPECT

N. Yu. SIVKINA

N. Novgorod State University

e-mail: natalia-sivkina@yandex.ru

Alexander was a head of Phocis at the end of the Social war. The uncertain wording used by Polybius creates a fuzzy understanding what exactly the power he had. And other officials have the same unspecified name. This is because the specific vocabulary was still not developed. But the Polybius` terminology lets talk about the desire of the historian to emphasize differences in the powers of officials, show a variety of military and civilian officials in the Hellenistic States. Probably Alexander was the Macedonian officer who in time of war guarded the trusted him region, after the war he was recalled by the King, because Philip V had to take into account the opinion of the allies.

Keywords: Macedonia, Antigonus Doson, Philip V, Hellenic League, Social war, Phocis.

УДК 94(37).08

ОБРАЗ ДРУГОГО У АММИАНА МАРЦЕЛЛИНА: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е.А. СЕМИЧЕВА

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

e-mail: semicheva@bsu.edu.ru

В работе рассматривается терминологический аспект проблемы «другого» у Аммиана Марцеллина – римского историка 2-й половины IV в. Именно в это время в позднеантичном мире резко возрастает значение этой категории, что потребовало напряженного осмысления.

Ключевые слова: другой, Рим, поздняя античность, история, Аммиан Марцеллин.

Проблема «Я-Другой» принадлежит к числу активно разрабатываемых сегодня в гуманитарном дискурсе. Она находится в проблемном поле культурологии и других философских наук, социологии, психологии, истории, а также междисциплинарных исследований. Методологические работы позволяют выделить несколько видов Другого, наиболее часто репрезентируемых в различных культурных формах. Эти репрезентации отражают отношение к Другому в культуре и, в то же время, конструируют его, особенно в массовом сознании. В этой связи продуктивным представляется применение имагологического подхода, поскольку в понятийном аппарате имагологии «образ» в узком значении трактуется как один из инструментов рецепции и репрезентации других. Каждая культура по-своему воспринимает, воссоздает и закрепляет в памяти образы других/чужих, которые характеризуют либо отдельные стороны, черты и свойства этих «других», либо в целом их сущность, идентичность, на фоне собственных представлений о норме и ценностях.

Современные подходы к истории и источниковедению ориентированы на повышение информативности исторических источников, разработку новых методов исследования текста для выявления латентной информации. При исследовании менталитета человека древности важнейшее значение приобретает язык, терминология, контекст использования тех или иных понятий. Одним из важнейших приёмов изучения столь значимых и многозначных терминов «другости» является их наблюдение в различных контекстах, благодаря чему мы сможем понять причины использования того или иного слова, характер ситуаций применения, и его значение в системе ценностей автора и/или социальной группы.

Один из наиболее ценных в этом смысле источников – «Res gestae» Аммиана Марцеллина. Несмотря на постоянный интерес антиковедов к данному тексту и автору и разнообразие аспектов, исследуемых на материале «Деяний»[1], его эвристический потенциал далеко не исчерпан. С одной стороны, сохраняется устоявшееся мнение о негативном отношении Марцеллина к варварам[2]. С другой стороны, Р.У. Ибатуллин пишет о существующей в современных штудиях тенденции минимизировать различия не только между регионами империи, но и между римлянами и «варварами». Вслед за П. Гарнси и К. Хамфресс, он отмечает, что германцы IV в. н.э. были скорее маргиналами римского мира, чем представителями мира альтернативного[3]. Между позднеримской и «варварской» знатью в V веке и позже не было никаких социальных барьеров, их тесно связывали брачные, дружеские, политические и другие отношения. «Варвары» как чужие дикие

---

[1] Дмитриев В.А. Аммиан Марцеллин и персы (восточная цивилизация в восприятии римского историка IV в. н.э.). Автореф. канд. дисс. Великий Новгород, 2003. 28 с.; Ермолова И.Е.Северное Причерноморье в представлении римлян первых веков нашей эры (по данным Аммиана Марцеллина). Автореф. канд. дисс. М., 1985. 20 с.; Ибатуллин Р.У. Аммиан Марцеллин: проблемы биографии в контексте эпохи. Автореф. канд. дисс. Казань, 2000. 24 с.; Рубцова М.В. Репрезентация политической организации Римской империи IV в. в «Res gestae» Аммиана Марцеллина. Автореф. канд. дисс. Барнаул, 2005. 25 с.; Харченко Ю.В. Социально-политическая эволюция римского общества во 2-й пол. IV в. (по данным Аммиана Марцеллина). Автореф. канд. дисс. Белгород, 2012. См. также: Харченко Ю.В. «Res gestae» Аммиана Марцеллина в зарубежной историографии // Вестник ВГУ, серия: История, политология, социология. 2006. № 2. С. 206-208.

[2] Ермолова И.Е. Историко-этнографические экскурсы в «Деяниях» Аммиана Марцеллина // Молодая наука на рубеже веков. Сборник статей молодых ученых РГГУ. М., 1997. С. 16-17.

[3] Garnsey P., Humfress C. The Evolution of the Late Antique World. Cambr., 2001. P. 99.

народы, вторгающиеся извне – всего лишь штамп имперской пропаганды[4]. Сохраняет дискуссионный характер вопрос об отношении Аммиана Марцеллина к отдаленным народам. В частности, В.А. Дмитриев[5] полемизирует с И.Е. Ермоловой[6], считая, что автор «Деяний» добросовестно следует за своими предшественниками и продолжает традиции, восходящие еще к Геродоту, наделяя малоизвестные или вовсе не знакомые ему азиатские народы несвойственными им идеальными качествами. Далека от однозначности и единства понимания интерпретация терминов, которыми в источниках обозначаются различные группы варварского населения.

Терминологический анализ труда Марцеллина позволяет уточнить некоторые аспекты эволюции образа Другого в представлениях человека Поздней античности. В частности, показателен контекст употребления термина и связанное с ним оценочное суждение. Спектр понятий другости у Марцеллина достаточно разнообразен: можно выделить термины advena, barbarus, exteras, alienus, hosticus и их производные. Данная работа посвящена анализу того восприятия и репрезентации Другого, которое передано у Марцеллина термином «peregrinus». Прежде всего, следует отметить, что в тексте «Деяний» он упоминается в 23 случаях, один из которых представляет собой имя собственное и принадлежит знаменитому философу (XXIX, I). Смысловой оттенок термина «peregrini» в историко-филологической традиции, как правило, связывается с чужеземцами как таковыми, но их гражданско-правовой статус эволюционирует. Общеизвестно, что после эдикта Каракаллы перегринами стали считаться только пребывающие на территории римского государства не подданные Рима: славяне, германцы и т.п., а также совершившие определенные преступления и отпущенные на волю рабы, наказанные клеймением во время пребывания в рабстве. Так как вне пределов Римской империи стояли в это время лишь нецивилизованные с точки зрения римлян народы, во взгляде на иностранцев происходит перемена: их чуждость передается терминами pagani и barbari.

Ни в одном из фрагментов «Деяний» термин «peregrinus» не имеет негативного оценочного оттенка. В некоторых случаях Марцеллин употребляет его, когда акцентирует внимание читателя на отдаленности и неизведанности земель и пространств: «Вас удерживает любовь к родине, страшат чужие и неведомые земли» (XX, IV,16) или «Галлы, пострадавшие от продолжительных тревог и испытавшие много тягчайших бедствий, не будут в состоянии … поставлять рекрутов в далекие чужие земли» (XX, VIII,15). См. также XXII, XIII,3 и XXXI, II,4. Пребывание в этих землях представляется автору участью незавидной, но по необходимости вполне приемлемой и даже почетной (XXI, VI,1). Кроме того, в одном месте Марцеллин говорит «peregrini» о ближайших окрестностях, откуда люди собрались под защиту городских стен во время военных действий. Очевидно, здесь для автора имеет значение аспект перемещения, пришлости (XVIII, VIII, 13). Исследуемый термин в контексте описания или упоминания человека/людей имеет несколько иной оттенок, указывая, как правило, не на отдаленность проживания человека, а на его статус по отношению к персонажам текста. Лишь однажды Марцеллин говорит «peregrinus», имея в виду тех, кто не жил в Риме. В остальных фрагментах речь идет об иноземцах вообще (XVI, XII,66), о галлах, включая неодобрительный отзыв об их нравах (XV, XII, 1), либо о пришлом человеке, который воспринимается окружающими как чужой (XXX, I, 12; XIX, IV, 3). Нейтральную окраску имеет употребление термина, связанное с упоминанием чужеземного божества (XXXI, III, 8) и названия пищи (XXX, IV, 17).

Представляется принципиально важным, что большинство примеров употребления термина «peregrinus» связано с противопоставлением чужеземцев и римлян в контексте осуждения последних и явного сочувствия к первым. Этническая и территориальная чуждость иноземцев уходит для Марцеллина на второй план в сравнении с неприем-

---

[4] Ибатуллин Р.У. Античность в современном измерении // Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 35-летию научного кружка «Античный понедельник». Казань: Новое знание, 2001. С. 74-75.

[5] Дмитриев В.А. К вопросу об идеализации варваров в античной историографии (по данным Аммиана Марцеллина) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 1(7). С. 86-88. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.gramota.net/materials/3/2011/1/18.html

[6] Ермолова И.Е. Историко-географические экскурсы в «Деяниях» Аммиана Марцеллина // Молодая наука на рубеже веков: сборник статей молодых ученых РГГУ. М., 1997. С. 12–18.

лемыми для него действиями и поведением римских граждан. Показателен отрывок, посвященный изгнанию чужеземцев из-за нехватки продовольствия. Марцеллин возмущен тем, что римляне полезных представителей науки изгнали «без всяких послаблений», оставив слуг, танцовщиц и музыкантов (XIV, VI,19).

В тексте есть еще более категоричное осуждение нравов черни, связанное с чужеземцами: «… следуя обычаю племени тавров, начинают реветь противными и бессмысленными голосами, что надо выгнать из города всех чужаков, хотя Рим во все времена был силен поддержкой пришлого элемента» (XVIII, IV, 32). «Peregrinus» используется Марцеллином в описании римских традиций и правил этикета, контекст также показывает благожелательное отношение автора к чужеземцам и неприятие им высокомерности и дурных манер римлян в общении с иностранцами (XIV, VI, 14; XVIII, IV, 10, 17). В особенности позорным считает Марцеллин недостойное поведение в связи с иноземцами, перешедшими на службу Рима, что вполне согласуется с его мировоззрением в целом (XXXI, IV, 10). Нечестивым деянием он называет нарушение законов гостеприимства и пролитую на пиру кровь чужеземца, немыслимые для ушедших эпох, к которым он обращается в поисках утраченной морали (XXX, I, 22).

Особенно интересно, что наряду с предками образцом для подражания «в проявлении человечности…», по мнению Марцеллина, вполне могут выступать «peregrini», к примеру которых он и призывает обратиться (XXX, VIII,4). Следует отметить, что речь в приведенном фрагменте идет о персах, которых Марцелллин отчасти идеализирует[7]. Лишь в одном случае термин «peregrini» использован автором как синоним слова «чужой» в смысле противопоставления «своему» и, соответственно, имеет выраженный аспект неприятия: «…он допускал включение в состав городских советов вопреки справедливости людей, которые были или чужими в тех городах, или же совершенно свободны от этой повинности…» (XXV, IV, 21).

Таким образом, можно говорить о том, что благожелательное отношение Марцеллина к чужеземцам как таковым в представленных сюжетах определяется не столько следованием традиции или обращением к конкретным этносам, сколько ситуативным контекстом. Употребляя термин «peregrinus», Марцеллин в одних случаях обозначает отдаленность пространства и чуждость человека, выражая совершенно нейтральное отношение к этим, второстепенным для его повествования, явлениям. В других случаях эта чуждость, вероятно, подчеркивается им специально, а предпринимаемое не в пользу римлян сравнение позволяет предположить, что этническая и территориальная «другость» для него здесь менее значимы, чем поведенческие характеристики: недостойно ведущий себя римлянин более Другой, чем иноземец. Поиск причин подобного отношения Марцеллина коррелирует со множеством дискуссионных вопросов и, прежде всего, попытками проследить связь между критикой различных страт современного ему общества и происхождением автора, его политическими и этическими взглядами, степенью зависимости от предшествующей традиции. Верифицирование полученных предварительных результатов возможно на основе анализа контекстов употребления Марцеллином терминов alienus, hosticus и advena, выражающих иные аспекты образа Другого.

IMAGE OF «OTHER» IN AMMIANUS MARCELLINUS: TERMINOLOGICAL ASPECTS

E.A. SEMICHEVA

Belgorod National Research University

e-mail: semicheva@bsu.edu.ru

This paper considers the problem of the terminological aspect of the «other» in AmmianusMarcellinus - Roman historian 2nd half of the IVcent. It was at this time in the world of Late sharply increases value of this category, which required intense reflection.

Keywords: other, Rome, late antiquity, history, AmmianusMarcellinus.

[7] Дмитриев В.А. К вопросу об идеализации варваров… С. 86.

УДК 94.3:930

СОБОРЫ ГАЛЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ В КОНЦЕ IV – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ V ВВ., НАДПИСЬ ГАЛЛЫ ПЛАЦИДИИ И ГРЕЧЕСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ АРАБИИ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ДАТИРОВКУ ЗАПАДНОГО И ВОСТОЧНОГО СПИСКА NOTITIA DIGNITATUM

Е.А. МЕХАМАДИЕВ

Санкт-Петербургский государственный университет

e-mail: mehamadiev@gmail.com

Ни один другой период истории римского государства, кроме поздней Римской империи, не знает столь подробного и, в то же время, столь противоречивого документа, как Notitia Dignitatum. Этот административный справочник, детальный список всех военных и гражданских должностей поздней Римской империи, стал объектом интенсивных дискуссий еще в последней трети XIX в. и продолжает им оставаться вплоть до сегодняшнего дня. Исследователи предлагали множество самых разных трактовок содержания, цели и самое главное – даты составления этого документа, в основном настаивая на периоде 395-413 гг. для восточной половины ND и 425-430 гг. – для западной. Автор предлагает новую версию датировки источника, обратившись к греческой строительной дедикации из Арабии и рассмотрев данные соборных постановлений (протоколов) Галльской церкви рубежа IV-V вв. Сопоставление этих сведений с текстом латинской надписи из Равенны, также мало привлекавшей внимание ученых, позволило автору серьезно пересмотреть тезис о датировке восточного списка 401 годом и поставить западный список в контекст матримониальной (династийной) политики Равенны и Константинополя конца 30-х гг. V в.

Ключевые слова: Notitia Dignitatum, собор в Турине, префект претория, комит, vir spectabilis, Галла Плацидия, Арабия.

Датировка такого важного документа поздней Римской империи, как Notitia Dignitatum – список всех официальных военных и гражданских должностей обеих половин империи (западной и восточной) – несомненно, представляет собой одну из самых дискуссионных и сложных проблем позднеримской истории и государственности. Не ставя перед собой чрезмерно обширную и практически неразрешимую задачу полного и подробного анализа всех глав Notitia, мы обратим внимание только на некоторые документы, позволяющие уточнить или скорректировать ранее утвердившиеся в историографии мнения и оценки по вопросу о датировке западного и восточного списков этого источника. Вполне логично, как нам кажется, начать с восточного списка ND, поскольку по ряду объективных критериев мы можем поместить составление указанного документа в период, более ранний по сравнению с ND.Occ. – А.Х.М. Джоунс в свое время определил, что восточную половину Notitia следует отнести к 395-413 гг., из которых первая дата – верхняя хронологическая граница (terminus post quem), а вторая – нижний временной рубеж, своеобразный terminus ad quem[1]. Последнюю и самую новую на сегодняшний день попытку датировки ND.Or предложил в 1998 г. К. Цукерман – директор «Центра истории и цивилизации Византии» при Сорбоннском университете, известный специалист по военной истории ранней Византии–позднего Рима. Исследователь помещает составление и окончательную редакцию восточного списка ND в 401 г., аргументируя свой тезис теми изменениями в титулатуре, которые претерпела должность комита Египта в самом конце IV в. – до 399 г. этот чиновник носил звание vir clarissimus, в то время как в 399 г. папирусы впервые фиксируют его в более привилегированном и высоком ранге vir spectabilis, с которым указанный офицер фигурирует и в тексте восточного списка Notitia[2].

---

[1] Jones A.H.M. Late Roman Empire: A Social, Economic, and Administrative Survey. Oxford, 1964. Vol. III. P. 347, 350-351.

[2] Zuckerman C. Comtes et ducs en Égypte autour de l'an 400 et la date de la Notitia Dignitatum Orientis // Antiquité Tardive. Vol. 6. 1998. P. 143-144, 146.

В этом смысле мы можем представить несколько свидетельств того же папирологического материала, доказывающих спорный и дискуссионный характер выводов К. Цукермана, который, как нам представляется, преувеличил и предельно абсолютизировал значение документов из Египта, ограничившись только одним регионом, в то время как при рассмотрении столь объемного и широкого вопроса следует учитывать данные по другим провинциям и проводить их *сравнительный* анализ.

В 1964 г. Э. Босвинкель опубликовал неизданный ранее греческий папирус из Египта P. Graec. Vindob. inv. 25838, хранящийся в коллекции папирусов Национальной библиотеки Австрии – этот документ, составленный в Гермополисе по приказу «энарха» и «меллопроедра» (судя по всему, председателя городского совета, главы коллегии декурионов) Флавия Фойбаммона, представляет собой официальный циркуляр, направленный на имя нескольких чиновников, должность которых обозначена как «стратиги или экзакторы» (букв. – сборщики налогов)[3]. Содержание документа затрагивает прежде всего вопросы продовольственного снабжения т.н. «верхней части», а именно – Нижнего Египта, в который Флавию Фойбаммону было предписано отправить 400 000 фунтов хлеба, соответственно, по данным этого источника мы можем прийти к новым выводам о времени учреждения и функциях должности «стратига или экзактора», но для нашей темы наиболее важными представляются датировка папируса и идентификация того чиновника, который приказал Флавию Фойбаммону собрать условленное количество зерна.

Сам издатель, Э. Босвинкель, отнес составление текста к широкому периоду *после* 307/8 гг., когда была создана должность «стратига и экзактора»[4], но хронология, предложенная исследователем, выглядит предельно общей и лишенной каких-либо точных ориентиров относительно ее нижней границы (terminus ante quem). Тем не менее, подчеркнем, что в тексте венского папируса можно выделить определенные сведения, позволяющие не только поместить документ в более узкие временные рамки, но и определить некоторые новые и специфические черты в динамике позднеримских придворных титулов. С связи с этим цитируем вторую половину текста, в которой обозначены имя и титул чиновника, отдавшего приказ о сборе продовольственной анноны:[5]

P. Graec. Vindob. inv. 25838, линии 7–9

Προ[σ]ταχθεὶς παρὰ τῆς μεγαλοπρεπείας τοῦ/ κυρίου μου τοῦ μεγαλοπ[ρ]επεστάτου κόμετος προ[σ/τά[ξα]ντος καὶ δοῦκος Φλ(αουίου) Ἐλευθερίου...	«Было приказано великолепием / моего владыки, самого величественного комита, отдающего поручения, / и дукса Флавия Элевтерия...»

Р. Ремондон, в 1965 г. обративший внимание на формально-юридическое и административно-техническое значение слова μεγαλοπρέλεια, совершенно справедливо, как нам кажется, установил, что прилагательное в превосходной степени μεγαλοπρελεστάτος в тексте папируса из Гермополиса в действительности представляло собой не что иное, как греческий синонимом латинскому придворному титулу vir spectabilis, занимавшему в позднеримской ранговой иерархии самую высокую позицию. Поскольку применительно к обозначению должности Флавия Элевтерия слово μεγαλοπρελεστάτος не было просто почетным или хвалебным эпитетом этого персонажа, Р. Ремондон предлагает новое, исправленное и более приемлемое чтение 7-9 строк документа: τοῦ μεγαλοπ[ρ]επεστάτου κόμετος πρώ[του / τά[γμ]ατος καὶ δοῦκος Φλ(αουίου) Ἐλευθερίου, т.е. должность Флавия Элевтерия может быть определена как «комит первого ранга и дукс» (comes primi ordinis et dux)[6].

---

[3] В определении должности στρατηγός ἤτοι ἐξάκτωρ следуем статье Д.Дж. Томаса, в которой он пришел к выводу, что соединительный союз ἤτοι («или») подразумевал только одну должность, наделенную двумя титулами, из которых термин στρατηγός был старым греческим обозначением этого чиновника, в то время как слово ἐξάκτωρ представляло собой новое и официальное латинское наименование, слабо входившее в практику повседневного употребления: Thomas D.J. Strategos and exactor in the Fourth Century: One Office or Two? // Chronique d'Égypte. Vol. 70. Fasc. 139-140. 1995. P. 238–239.

[4] Boswinkel E. Ein Wiener Papyrus mit Bezug auf die Exactores Civitatis. // Actes du xᵉ Congrès international de papyrologie. Varsovie–Cracovie, 3-9 septembre 1961. Wrocław, 1964. S. 119.

[5] Ibidem. S. 118.

[6] Rémondon R. Le P.Vindob. inv. 25838 et les commandants militaires en Égypte au IVᵉ siècle et au Vᵉ. // Chronique d'Égypte. Vol. 40. N. 79. 1965. P. 180–182, 185.

Блестящий анализ законодательных источников (прежде всего, закон императора Феодосия I от 381 г. в CTh. VI. 10. 2-3) и их сопоставление с текстом венского папируса позволили исследователю заключить, что датировка документа падает на достаточно узкие хронологические рамки 381–391 гг., когда комиты первого ранга получили более привилегированный придворный титул vir spectabilis, но территория египетского диоцеза еще не была разделена на три отдельных области военного командования, поэтому и пределы власти Флавия Элевтерия указаны в тексте без каких-либо региональных уточнений[7]. В данном случае нет смысла повторять и подробно воспроизводить аргументацию Р. Ремондона, отметим главное – мы солидарны с его позицией именно в том плане, что уже в конце 80-х – начале 90-х гг. IV, а не только в 399–401 гг., как доказывает К. Цукерман, военный комит и дукс Египта обладал званием vir spectabilis, которое было предоставлено ему не в рамках какой-либо плановой и системной административной реформы, повысившей титулы всех офицеров подобного рода, но исключительно за личные заслуги, в виде почетного вознаграждения, очевидно – как знак признания его авторитета и опыта.

Подтверждением этому выводу могут служить три греческие надписи из провинции Арабия, т.е. совершенно другого региона, офицерский корпус которого не был затронут динамикой ранговых преобразований в пределах Египта. Первый из эпиграфических памятников, датированный *392 г.,* упоминает Марка Флавия Бона – комита первого ранга и дукса провинции Арабия в ранге λαμπρότατος = vir clarissimus[8]:

Wadd. no. 2293a, p. 526

Ἐπὶ Φ[λ]. Βόνου τοῦ λαμπρ(οτάτου) κόμ(ητος) καὶ δουκὸς ἡ ἐκ[κλ]ησία ἐκτίσθη ἐτ(ε)ι σπζ´

О том, что Флавий Бон был наделен комитивой первого ранга, свидетельствует и другая надпись, в которой этот военный офицер равным образом обозначен со званием λαμπρότατος = vir clarissimus – очевидно, обе надписи относятся к одной эпохе и вполне возможно, что они были воздвигнуты в одном и том же году, отражая тем самым широкие строительные работы по реставрации и укреплению лимеса, развернувшиеся по приказу Флавия: Ὁ κύριος Μ(ᾶρκος) Φλ(άβιος) Βόνος, ὁ λαμπρ(ότατος) πρώτου | τάγ(ματος) κό(μης) καὶ δοὐ[ξ] – OGIS II 613, 1-2 (p. 310). Наконец, третья, самая важная в этом контексте надпись представляет собой памятник эпохи восточноримского императора Феодосия II (408–455 гг.) – она была составлена в 412/13 гг. и упоминает Флавия Пелагия Антипатра, комита и дукса Арабии, который фигурирует в тексте с рангом vir clarissimus:

PPUAES IIIA, part 3, p. 136, no. 237, линии 1-3 и 7

ἐπὶ Φλ(αουίου) Πελαγίου
Ἀντιπάτρου τοῦ λαμπρ(οτάτου)
κόμ(ιτος) καὶ δουκὸς…
ἔτο[υς τζ´ τη´?, ἰνδ(ικτιῶνος) ι]α´

Безусловно, мы можем признать совершенно справедливым дополнение 7 строки, предложенное Э. Литтманном и Д. Мэгги, поскольку фортификационная деятельность этого персонажа (Флавия Пелагия) засвидетельствована и в другой надписи, впервые опубликованной еще в монументальном справочнике А. фон Домашевского и предельно точно датированной 411 г.: ἐπὶ Φλ(αουίου) Πελαγ(ίου) Ἀντιπάτρου δουκὸς… ἔτ(ε)ι τς´ (PPUAES IIIA, 21 = AE. 1911. 241). Представленные выше эпиграфические памятники свидетельствуют, на наш взгляд, только об одном – даже после 399 г., когда, как полагает К. Цукерман, состоялось повышение ранга комитов и дуксов от clarissimus к spectabilis (при этом исследователь настаивает, что этот процесс произошел не только в Египте, но затронул все провинции Восточной Римской империи, распространил свою юридическую

[7] Ibidem. P. 185–186.
[8] См. великолепную подборку папирологического материала, свидетельствующую о синонимичности двух терминов (λαμπρότατος = *clarissimus*) в позднеримском правовом и административно-техническом лексиконе: *Mason H.J.* Greek terms for Roman institutions. A Lexicon and Analysis. Toronto, 1974. P. 65.

силу на весь кадровый состав ее административного аппарата), эти чиновники продолжали носить титул clarissimus, но не spectabilis.

Как видим, даже несмотря на издание в 381 г. упоминаемого выше закона CTh. VI. 10. 2-3, перестроившего систему придворной иерархии и наделившего комитов титулом spectabilis, командный состав и военная знать восточноримских провинций обладали только званием clarissimus, и следовательно, восточный список Notitia, который обозначает дукса Арабии в ранге vir spectabilis (ND.Or. XXXVII. 13), не мог быть составлен и оформлен в виде завершенного документа до 412/13 гг., поскольку, как мы видели ранее, в этом году дукс Арабии все еще продолжал носить менее привилегированный титул vir clarissimus. Notitia Orientis, т.о., отражает следующий этап развития как почетной комитивы, так и всех других ведомств и служб административного персонала Восточной половины империи, более того, надписи из Арабии и указанный выше венский папирус позволяют сделать вывод, что процесс повышения придворной титулатуры ни в коей мере не был синхронным применительно к каждой отдельно взятой провинции, поскольку предоставление спектабилитата дуксу Египта Флавию Элевтерию в 381–391 гг. совпало по времени с наличием у дуксов и комитов другой провинции, Арабии, старого и менее привилегированного титула clarissimus. Развитие придворных рангов в прямом смысле было результатом изменений придворной политики – спектабилитат, как нам представляется, получали конкретные чиновники в зависимости либо от стратегической важности подотчетной им территории в тот или иной момент, либо в силу авторитета и влияния, которое они могли оказать на высшие круги управления империей.

Возникает вполне закономерный вопрос, в какой период мы можем поместить нижнюю хронологическую границу (terminus ante quem) западного списка Notitia Dignitatum – ответ на поставленный вопрос позволит уточнить время и причины объединения двух списков в единый документ, сохранивший нам столь ценные сведения об административном и государственном устройстве поздней Римской империи. Соглашаясь с названием статьи одного из современных авторов («Какова была цель Notitia Dignitatum?»), мы в то же время можем более критически отнестись к главному тезису исследователя – западный список документа, по мнению Дж. Мэнна, в своей основе был подготовлен в равеннской канцелярии императора Гонория (395-423 гг.) уже к 408 г., в то время как некоторые дополнения, касающиеся глав по военной организации империи, были внесены в текст позднее, в 428 г.[9] Как мы полагаем, при оценке вопросов хронологии Notitia следует рассматривать данные по западной и восточной половинам не изолированно друг от друга, но в тесной и неразрывной связи, прежде всего пытаясь найти элементы и критерии, общие для обеих половин интересующего нас источника. В этом контексте нам кажется целесообразным обратить внимание на пассажи Notitia, упоминающие о существовании в императорских дворцах обеих половин империи т.н. tabularium – «архива», комплекса официальных документов, где, очевидно, хранились тексты всех императорских указов и рескриптов. Следует отметить, что составитель Notitia выделяет только «табуларий» императорских жен или дочерей, упоминая о наличии в Восточной Римской империи архива нескольких женщин с титулом Augusta (Tabularium dominarum Augustarum – ND.Or. XVII. 8), в то время как для Западной половины документ регистрирует «табуларий» только одной Августы (Tabularium dominae Augustae – ND.Occ. XV. 9).

Еще в 1920 г. Дж. Бьюри в своем обстоятельном комментарии к наиболее дискуссионным и сложным главам Notitia подчеркнул, что различия в данных о составе императорского архива позволяют сделать вывод о примерном terminus post quem для датировки восточного списка ND. По мнению исследователя, фраза о нескольких женщинах-Августах наводит на мысль о 423 г. как о наиболее ранней дате составления ND.Or., поскольку именно в этом году жена императора Феодосия II, Евдокия, получила титул Augusta, в то время как еще с 414 г. этим же титулом обладала и сестра Феодосия, Пульхерия[10]. Но, как мы попытались доказать ранее, эпиграфические документы из Арабии да-

---

9 Mann J.C. What was the Notitia Dignitatum for? // Aspects of the Notitia Dignitatum / Ed. by R. Goodhurn and Ph. Bartolomew. Oxford, 1976. P. 4, 8.

10 Bury J.B. The Notitia Dignitatum // JRS. Vol. 10. 1920. P. 136. Сведения по биографии и политической деятельности Пульхерии и Евдокии с подробной и обстоятельной разработкой источников см.: PLRE II (Aelia Pulcheria), p. 929–930; PLRE II (Aelia Eudocia 2), p. 408–409.

ют основание заключить, что восточный список ND отражает период после 412/13 гг., т.е. верхняя хронологическая граница может быть перенесена на более ранний срок[11].

Но тем не менее, эпиграфические свидетельства, как мы полагаем, указывают и на время итогового издания восточного списка как завершенного и полностью оформленного документа, более того – раскрывают нам обстоятельства и временной контекст объединения двух половин Notitia в единый и полноценный правовой документ (в данном случае – административный справочник). Как известно, утерянный к настоящему времени «Шпайерский кодекс» представил Notitia в виде сдвоенного документа, состоящего из должностных списков по Западной и Восточной половинам империи, при этом не подлежит какому-либо сомнению, что *к моменту* объединения двух текстов на Западе Римской империи была только одна императрица с титулом Augusta. В этом случае большая и пространная латинская надпись из Равенны, составленная и установленная на мозаике церкви San Giovanni Evangelista, не только сохранила детальные сведения о структуре и матримониальных связях правящих династий обеих половин империи середины V в., но в своем содержании не оставляет сомнений и относительно личности этой императрицы.

Надпись представляет собой текст торжественной клятвы Августы Галлы Плацидии, матери юного императора Валентиниана III, взошедшего на престол в 425 г. после подавления и разгрома очередной узурпации на Западе Римской империи (Galla Placidia Augusta / pro se et his omnibus / hoc votum solvit – ILCV 20 b, 4–6). Один из фрагментов надписи предельно четко зафиксировал хорошо известный факт политической биографии Галлы Плацидии – в 423 г. она вместе со своим сыном и несколькими другими родственниками вынуждена была бежать морем в Константинополь, спасаясь от неминуемой физической расправы со стороны узурпатора Иоанна, захватившего императорский престол в этом году. Перенесенные в тот период сложные жизненные перипетии были отражены в тексте документа в виде следующей фразы: Galla Placidia Augusta / cum filio suo / Placido Valentiniano Augusto / et filia sua / Iusta Grata Honoria Augusta / liberationis periculum maris / votum solvent – «Галла Плацидия Августа со своим сыном Плацидием Валентинианом Августом и дочерью своей Юстой Гратой Гонорией Августой за освобождение от опасности моря несут клятву» – ILCV 20 e, 3–9).

Цитированный пассаж позволяет определить, что именно Галла Плацидия была после восстановления законной императорской власти в Западной Римской империи единственной женщиной, обладавшей титулом Augusta, но этот же факт рождает и определенные противоречия, поскольку в тексте указаны и другие представительницы правящей династии из дома Феодосия I Великого (Галла Плацидия была его дочерью от второго брака), носившие титул Augusta, а именно – жена Валентиниана III Лициния Евдоксия, дочь восточноримского императора Феодосия II, которому, в свою очередь, юный Валентиниан приходился родным племянником (d(omina) n(ostra) Eudoxia Aug(usta) – ILCV 20 d2, 2). Безусловно, на основании представленных выше сведений необходимо подчеркнуть, что надпись из церкви San Giovanni Evangelista в Равенне может быть датирована периодом после 425 г., поскольку в тексте документа фигурируют уже три Августы, тогда как в 425 г. подобный титул держала в своих руках только одна женщина – Галла Плацидия. Как блестяще доказал в своей статье Р. Шарф, торжественная дедикация Галлы Плацидии была составлена и установлена на мозаике равеннской церкви не ранее 439/40 гг., поскольку в 437/8 гг. сестра Валентиниана III Гонория получила от своего брата почетный титул Augusta, предоставленный ей в качестве компенсации за ее безбрачие, в то время как Лициния Евдоксия, супруга Валентиниана, была наделена аналогичным рангом в августе 439 г. – в этом плане исследователь совершенно справедливо отмечает, что тем самым «через личность Лицинии Евдоксии были объединены династические линии» Западной и Восточной половин империи[12].

Несмотря на шаткость и недолговечность подобной династической концепции (планам по восстановлению единой империи так и не суждено было сбыться), политиче-

---

[11] В целом Г. Клементе также склоняется к мысли о возможной хронологической привязке ND.Or к состоянию дел в административном устройстве империи после 414 г., когда у Пульхерии появился собственный евнух и была учреждена официальная должность «хранителя покоев императрицы», которая фигурирует и в тексте восточного списка: Clemente G. La «Notitia Dignitatum». Cagliari, 1968. P. 96.

[12] Scharf R. Die «Apfel–Affäre» oder gab es einen Kaiser Arcadius II? // BZ. Bd. 83. Hft. 2. 1990. S. 440, 445.

ская программа, выраженная в надписи из Равенны, косвенно указывает и на другой, не менее важный факт, а именно – восточный список Notitia был объединен с западным в тот период, когда на Западе Римской империи титулом Augusta обладала только Галла Плацидия, т.е. между 425 и 437/8 гг. Наличие среди ближайших родственников и членов семьи Валентиниана III женщин с этим титулом свидетельствует, что *к моменту возведения надписи на мозаике из Равенны восточный список уже существовал как готовый и завершенный документ*, поэтому мы можем предложить в качестве его верхней и нижней хронологической границы условный период между 412/13 и 437/8 гг.

Следовательно, идея, высказанная К. Цукерманом о жесткой датировке восточного списка Notitia только 401 г., не получает подтверждения в эпиграфических источниках по другим провинциям, прежде всего – Арабии. Динамика почетных титулов, таких как vir clarissimus и spectabilis, на деле определялась исключительно вопросами кадровой политики и перемещениями центра тяжести в придворном окружении императора, но не соображениями какой-либо сознательной и четко продуманной административной реформы. Следовательно, необходимо поставить еще один вопрос, который мы хотели бы рассмотреть в данной работе – какова была цель Notitia, в чем состояла природа этого документа, каковы его главные особенности? Как нам кажется, совершенно новое освещение этот старый вопрос получает благодаря дошедшим до нас актам галльских поместных соборов конца IV – первой половины V вв. Сопоставив сведения соборных постановлений с данными Notitia, мы можем увидеть определенные изменения в административном устройстве и лексиконе Западной половины империи. Протоколы провинциального собора в Ниме, состоявшегося в 396 г. (INCIPIT SANCTA SYNODVS QUAE CONVENIT… KAL. OCTOBRIS, DOMINIS ARCHADIO ET HONORIO, AVG(VSTIS). CONSVLIBVS, в данном случае – первый совместный консулат братьев-императоров Гонория и Аркадия, который они занимали именно в этом году), сохранили в официальном заглавии документа важное административное наименование – Episcopis per Gallias et septem provincias salutem («Благополучия епископам Галлии и семи провинций»)[13]. И, в то же время, титул другого собора Галльской церкви, проведенного в италийском Турине, содержит совершенно иную формулировку – SANCTA SYNODVS QVAE CONVENIT IN VRBE TAVRINATIVM DIE DECIMO KALENDAS OCTOBRIS, FRATRIBVS DILECTISSIMIS PER GALLIAS ET QVINQVE PROVINCIAS CONSTITVTIS[14].

Как видим, название или заголовок соборных деяний не оставили нам точных сведений, когда именно проходил собор в Турине, но важно подчеркнуть, что Notitia как строго официальный документ донесла до нас только административное, техническое наименование галльского диоцеза – Septem provinciarum XVII, ND.Occ. III. 14 (т.е. диоцез как более крупная единица территориального деления включал в себя уже 17 более мелких провинций). Но протоколы церковных документов, и в особенности – сами каноны (правила), принятые епископами, дают возможность проследить не только динамику названий провинций и диоцезов. Во втором каноне Туринского собора мы найдем сведения, позволяющие сделать вывод об отчетливом возвышении Арля (Арелата) в рамках провинции Gallia Viennensis, центром которой был город Вьен. Согласно данным канона, между епископами Вьена (Виени) и Арля (Арелата) разгорелся спор о старшинстве (первенстве, примате) каждого из городов в пределах указанной провинции (inter episcopos urbium Arelatensis et Viennensis qui de primatus apud nos honore certabant), результатом которого стало компромиссное решение: «если кто из них (т.е. епископов – *Е.М.*), определит, чтобы свой город был метрополией, этот (город) пусть во всей провинции обладает почетом первенства» (ut qui ex his approbaverit suam civitatem esse metropolim, is totius provinciae honorem primatus obtineat)[15]. Т.е. фактически провинция в церковном отношении была разделена на две епархии, во главе каждой из которых стоял собственный епископ.

Подобное положение совершенно не случайно было связано с изменением административного статуса Арелата с рубежа IV-V вв., когда он становится местом резиденции двух чиновников – галльского префекта претория и викария «семи провинций». Не бу-

---

[13] Цитируем текст по критическому изданию Ш. Мунье: Concilia Galliae. A. 314-506 / Ed. Ch. Munier (Corpus Christianorum series latina 148). Turnhout, 1963. P. 50.

[14] Ibidem. P. 54.

[15] Ibidem. P. 55-56.

дем в связи с этим специально останавливаться на вопросах трактовки и хода проведения Туринского собора Галльской церкви, подчеркнем лишь, что проблема его датировки неизбежно подводит исследователей к определению даты самого переноса резиденции галльского префекта из Трира, где она размещалась ранее, в Арль. В 1934-1935 гг. Ж.-Р. Паланк высказал идею, что собор прошел в 398 г., и более того, был созван через два года после переноса резиденции префекта в Арль (396 г.). По мнению ученого, перемещение ставки галльской префектуры было реакцией центрального правительства в Равенне на многочисленные узурпации конца IV в. (Магн Максим в 384 г. и Евгений-Арбогаст в 392 г.), которые в основном развернулись именно на территории Галлии – благодаря размещению провинциальной администрации в регионе, соседнем с Северной Италией, равеннский двор мог легче контролировать местную гражданскую власть в лице ее важнейших представителей, галльского префекта и викария[16]. Эта позиция вызвала возражения А. Шастаньоля, который отнес проведение собора к 417 г., а перенос резиденции префекта – к 407 г., связав административные реорганизации с необходимостью эвакуации из Галлии, захваченной очередным узурпатором Константином III, местного провинциального управления[17].

Несмотря на то, что в качестве аргумента в пользу своей гипотезы А. Шастаньоль привел данные эпиграфики (латинскую надпись из Рима, опубликованную в 1952 г.), мы полагаем, что позиция Ж.-Р. Паланка выглядит более обоснованной, поскольку датировка собора 417 годом совершенно не учитывает изменения в административном лексиконе, столь рельефно отраженные в Notitia. Напомним, что в документах Туринского собора содержится старая формулировка о *пяти галльских провинциях* – это вновь заставляет согласиться с блестящей догадкой Ж.-Р. Паланка о временном разрыве между реформой, учредившей 7 провинций галльского диоцеза, и самим *внедрением этого наименования* в официальные документы империи. Как нам кажется, исследователь справедливо отметил, что даже перемещение властей к италийским рубежам заняло не один год, поскольку надпись 1952 г. говорит лишь о бегстве из Виенны (Вьени) губернатора (консулярия) этой провинции, тогда как сам префект мог разместить свою резиденцию в Арле намного раньше, еще в 396 г[18].

Но и утверждение (своеобразное признание де-юре) реального положения вещей, сложившегося еще в 396 г. (собор в Ниме, впервые упоминающий диоцез *семи провинций*) растянулось на несколько лет – этот процесс с переменным успехом продолжался вплоть до 418 г. (Data XV Kalendas Maias, accepta Arelate X Kalendas Iunias, domno nostro Honorio XII. et Theodosio VIII), когда на имя галльского префекта Агриколы была издана конституция императора Гонория, предписывавшая собрать епископов галльской церкви на собор в Арле. Примечательно, что законодатель предельно четко отмечает – действие указа распространяется именно на епископов семи провинций, которые должны были отправить свои делегации в Арелат (id est per Septem Provincias… id est in Arelatensi urbe, incipiant Septem Provinciae haber concilium – MGH. Epistolae, t. III, p. 13-14). Несомненно, циркуляр Гонория представляет собой официальный документ, поэтому мы можем сделать вполне закономерный вывод, что к 418 г. наименование Septem provinciarum, как оно фигурирует в Notitia, полностью и безвозвратно вошло в практику употребления уже на уровне центральной администрации. Строго официальный характер, который был придан формуле Septem provinciarum, перевел ее из разряда литературных обозначений в ранг бюрократического термина, который с этого времени упоминался даже в частных документах. Например, в надгробной надписи из Рима, датированной 438 г. (крайний terminus ante quem для западного списка Notitia), мы можем встретить сведения о влиятельном чиновнике Ацилии Глабрионе Сибидии, который на одном из этапов своей карьеры занимал должность викария семи провинций Галлии, т.е. возглавлял вышеназван-

---

[16] Palanque J.-R. Les dissensions des Églises des Gaules à la fin du IVe siècle et la date du concile de Turin // Revue d'histoire de l'Église de France. Tome 21. N. 93. 1935. P. 484; Idem. La date du transfert de la Préfecture des Gaules de Trèves à Arles // Revue des etudes anciennes. Tome 36. N. 3. 1934. P. 364-365.

[17] Chastagnol A. Le repli sur Arles des services administratifs gaulois en l'an 407 de notre ère // Revue Historique. T. 249. Fasc. 1 (505). 1973. P. 31-33, 39-40.

[18] Palanque J.-R. Le nouveau sur la date du transfert de la Préfecture des Gaules de Trèves à Arles? // Provence Historique. Tome 23. Fasc. 93-94. 1973. P. 31, 33-34.

ный галльский диоцез (Spedii / Acilio Glabrioni Sibidio v(iro) c(larissimo)... vicario per Gallias / septem provinciarum – CIL. VI. 1678 = D 1281).

Все это, безусловно, подводит нас к главному выводу – западный список Notitia Dignitatum в главе III, перечисляющей административный аппарат галльского префекта, отразил в своем содержании реальное положение дел в галльских провинциях на момент *после* 418 г., более того, главы, посвященные военному устройству империи (V-VII), в своей основе восходят по происхождению даже к более позднему периоду, а именно – к 425-430 гг. И в то же время пример с наименованием Septem provinciarum показывает еще одну характерную особенность западного списка – многие главы и даже секции внутри глав были составлены в более ранний период и в плане хронологии передают сведения о состоянии дел в провинциях до 418 г. В частности, тот же галльский диоцез в XII главе ND.Occ. (рубрика 14) обозначен старой формулой per Quinque provincias, что подразумевает собой механическое включение этой главы в текст западной половины Notitia без каких-либо последующих изменений и правок. Другими словами, отметим, что как на центральном уровне (структура императорской канцелярии, военная организация экспедиционных армий, командный состав армии), так и на уровне местной власти (военная и гражданская администрация в провинциях) западный список ND не дает примеров синхронности и однородности своего состава, поскольку сведения по разным главам вполне логично воспроизводят состояние разных временных периодов.

По сути, можно сказать, что в отличие от ND.Or (восточного списка) западная половина представляет собой компиляцию множества глав, противоречащих друг другу в своем содержании, соответственно, объединение двух списков в единый и завершенный документ, скорее всего, было результатом династийной, а не какой-либо другой политики двух империй. В 437 г. в Константинополе состоялась свадьба уже упоминаемой выше Лицинии Евдоксии, дочери восточноримского императора Феодосия II, и Валентиниана III, сына западноримской императрицы (единственной на тот момент!) Галлы Плацидии. Правящие круги обоих дворов империи определенно вынашивали планы создания новой династии, способной восстановить былое единство империи, и в этом смысле подготовка и издание в том же 437 г. списка всех должностей обеих половин империи были вполне своевременным шагом подобной политики. По крайней мере, на наш взгляд, 437 г. можно рассматривать как наиболее вероятный terminus ad quem для составления ND как *единого* и полностью оформленного документа, и это, в свою очередь, косвенно подтверждает нашу идею, высказанную в одной из более ранних статей, что в качестве terminus post quem для издания *западного списка* ND как сведенной воедино компиляции нескольких текстов можно назвать 432 г[19].

Учитывая, что Валентиниан III прибыл на свою свадьбу в Константинополь в октябре 437 г. (PRLE. II. Placidus Valentinianus 4, p. 1139), а вернулся в Равенну вместе с супругой в августе 438 г. (Chron. Min. I. p. 301: et facta est domna Eudoxia Augusta Ravennae VIII idus Augusti), можно сделать вывод, что именно в этот промежуток в Константинополе по приказу восточноримского примицерия нотариев (чиновника императорской канцелярии, возглавлявшего делопроизводство при дворе императора) был подготовлен единый документ, Notitia Dignitatum, включавший в себя два списка – восточный и западный. При этом восточный список, как мы попытались доказать ранее, был составлен после 412/13 гг., и скорее всего, к 437 г. он уже долгое время существовал в виде отдельного и самостоятельного документа. В свою очередь список по Западной половине империи был сведен воедино *по случаю свадьбы*, к конкретной дате (ad hoc) из имеющихся под рукой восточноримского примицерия сведений по западноримским провинциям. Иначе просто невозможно объяснить огромное количество прямых противоречий в тексте западной половины Notitia, поскольку восточноримская администрация объективно плохо была осведомлена о положении дел в Западной империи и не имела доступа к архивным документам своих равеннских коллег. Все это заставляет предположить, что единый текст ND был преподнесен Валентиниану III в качестве своеобразного дара в ознаменование свадебного торжества – действия не только семейного, но и глубоко политического в тех условиях.

---

[19] Мехамадиев Е.А. Войсковое подразделение Cimbriani, комит Бонифаций и вторжение вандалов в Северную Африку: к вопросу о датировке западного списка Notitia Dignitatum // Вестник Пермского университета. Сер. «История». Вып. 2(22). 2013. С. 40-49.

THE GALLIC CHURCH COUNCILS IN THE END OF IV – FIRST QUARTER OF V A.D., INSCRIPTION OF GALLA PLACIDIA AND GREEK INSCRIPTION FROM ARABIA: A NEW VIEW ON DATING OF WESTERN AND EASTERN LISTS OF NOTITIA DIGNITATUM

E.A. MEKHAMADIEV

Saint-Petersburg State University

e-mail: mehamadiev@gmail.com

No period of Roman state history, except for Late Roman Empire, knows so thorough and at the same time so controversial document, as Notitia Dignitatum – this administrative handbook, a detailed list of all the Late Roman military and civilian offices, became an object of intensive discussions yet in the last third of XIX c. and continues to be as a such up to now days. Scholars proposed a variety of different treatments on content, aims and most essential – dating of Notitia Dignitatum' compiling, mainly insisting on the frameworks of 395-413 for eastern half of ND and on the limits of 425-430 – for the western half. The author proposes a new view on dating of this source, when applied to Greek building dedication from Arabia and considering the data of Gallic church Councils reports of the border of IV-V A.D. The comparison of these evidences with the text of Latin inscription from Ravenna, which also has received a little attention from the scholars, allowed the author to revise in-depth the statement on dating of eastern list by 401 and permitted to place the western half of ND in the context of matrimonial (dynastic) policy of Ravenna and Constantinople, held in the end of 30th of V A.D.

Key words: Notitia Dignitatum, the Council of Turin, the praetorian prefect, count, vir spectabilis, Galla Placidia, Arabia.

УДК 94(495).01

АНТИЧНАЯ РИТОРИКА В ВИЗАНТИИ VI В.: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЧИ (ВСТУПЛЕНИЯ) ХОРИКИЯ

А.М. БОЛГОВА

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

e-mail: bolgova@bsu.edu.ru

В работе рассматриваются «Предварительные речи», или Вступления к речам ранневизантийского ритора Хорикия из Газы (VI в.). Эти учебные тексты являются важным свидетельством сохранения классических традиций как в сюжетах, так и в словесности в целом, несмотря на два столетия христианизации.

Ключевые слова: риторика, Хорикий, Газа, вступления, речи.

От крупнейшего ранневизантийского ритора Хорикия из Газы (VI в.), яркого представителя Газской школы[1], сохранилось 23 маленьких сочинения, обычно называемых Dialexeis. Данный термин обычно переводится как «Предварительная речь (Вступление)» и используется как синоним Lalia, которое следует перевести как «речь»[2] с поправкой на ее размер. Ритор Менандр Лаодикейский[3] дал многочисленные характеристики dialexis/lalia, впрочем, относящиеся только к последнему термину. Lalia, по его мнению, использует «простой, скромный, неприукрашенный» стиль. Это «преимущественно бессоюзная, не составленная из фраз, но, большей частью, по манере, не ораторская проза» (Men. Rhet. 2.4 [393, 22]; 2.7 [411, 26-29]. В lalia предписанным правилам порядка речи не следуют строго (Men. Rhet. 2.4 [391, 19-28; 392, 9-14]). Цель говорящего – очарование (ηδονη), сладость (γλυκυτης) и утонченность (αβροτης). Для объяснения он использует exempla и истории (2.4 [389, 9-28]; 2.5 [395, 3-4]), придумывает сказки и сообщения, поговорки и пословицы, анекдоты, использует стихотворения и все прочее, что может помочь (2.4 [390, 4-13; 392, 31; 393. 5-16]). Говорящий призывает слушателей открыть свои эмоции (2.4 [388, 26-8; 390, 19; 393. 18-20]). Lalia может быть обсуждением, и «может тщательно рассматривать любой предмет, подходящий оратору» (2.4 [388, 19; 394, 30-31]. Эта облегченная форма рассуждения - короче, чем обычное ораторское выступление (2.15 [434, 2]). Dialexis/lalia может использоваться и одна, как самостоятельная речь. Один из примеров - это хорикиева эпиталама Захарии (Dialex.4[V]). Эту речь определяют как dialexis, отмечая два свойства этого жанра: относительная краткость и очарование, создаваемое «утонченными описаниями[4]». Другой пример, по-видимому, самостоятельного dialexis – речь, произнесенная по случаю Брумалий Юстиниана (Dialex.7 [XIII])[5]. Тем не менее, dialexis/lalia не всегда используется как самостоятельная речь; она может также служить как вступление, подготавливающее к основной речи.

Так как существуют несколько, несомненно, созданных до Хорикия Предварительных речей (Вступлений), Роберт Пенелла включил в свое издание 2009 г. примеры из Хорикия, вошедшие как в «Речи», так и в «Декламации»[6].

---

[1] См.: Westberg D. Celebrating with Words. Studies in the Rhetorical Works of the Gaza School. Uppsala universiteit, 2010.

[2] О Хорикии и его творчестве см. подробнее: Penella R. Introduction // Rhetorical Exercises from Late Antiquity: A Translation of Choricius of Gaza's Preliminary Talks and Declamations / Ed. Robert J. Penella. Cambridge: Univ. Press, 2009. P. 1-32. О сходстве рассматриваемых понятий см.: Menander Rhetor / Eds. D.A. Russel, N.G. Wilson. Oxford, 1981. P. 295; Pernot L. La rhetorique de l'eloge le monde Greco-romain. 2 vols. Paris, 1993. P. 558-559.

[3] Греческий ритор 2-й пол. III в., из Лаодикеи, предполагаемый составитель двух важных для софистического красноречия сочинений «De encomiis», 2-я пол. III в., учитель красноречия в Афинах. См.: Рубцова Н.В. Менандр Лаодикейский и его сочинение «О торжественном красноречии» // Античная поэтика: риторическая теория и литературная практика. М., 1991. С. 158-180 (с фрагментами перевода); Cairns F. Generic composition in Greek and Roman Poetry. Edinburgh, 1972. Оригинальный текст: Rhetores Graeci. Vol. 9. Tubingae, 1836.

[4] Об эпиталаме в основе lalia см.: Men. Rhet. 2.6 [399, 16-18].

[5] См. об этом празднике: Ельницкий Л.А. Византийский праздник Брумалий и римские Сатурналии // Античность и Византия. М., 1975. С. 340-350. Автор, однако, ни разу не упоминает указанную речь Хорикия, опираясь, в основном, на информацию Иоанна Лида и Малалы.

[6] Р. Пенелла здесь следует за тёйбнеровским изданием Фёрстера и Рихтштига в сохранении названия Orationes (Речи) за речами на реальные жизненные темы. В общем, конечно, это название может также применяться и для декламаций. См.: Penella R. Introduction // Rhetorical exercises from Late Antiquity. Cambridge, 2009. P. 27.

Когда lalia используется как Предварительная речь, Р. Пенелла предлагает называть ее prolalia[7]. Другие термины: пролог («предварительная речь») или proagon («Предварительное соревнование[8]»). Она может еще предполагать prodialexis - слово, которое встречается только в латинском словаре[9]. В корпусе Хорикия, если общее название и сохраняется для Вступлений, то это dialexis, но в ходе речи или в особом названии, или в открытом объявлении темы Хорикий использует термин «пролог»[10].

Предварительная речь - это вид prooemium, как (pro)theoria, но имеет свои особенности и не является частью последующей речи[11]. К тому же содержание Предварительной речи (Вступления) Хорикия не нуждается в пересказе в последующей «большой« речи полностью. Было, по-видимому, более правильным для говорящего произносить эти Вступления, сидя, а перед тем как представить основную речь, было уместнее встать[12].

Вот список Предварительных речей (Вступлений) Хорикия и речей и декламаций, которым они предшествуют, как представлено в стандартном издании Foerster-Richtsteig (Teubner) и повторено у Р. Пенеллы: 1 [I]: Orat. 1 [I]; 2 [II]: [Orat. 2 [II]; 3 [III]: Orat. 3 [III]; 5 [IX]: Decl. 1 [X]; 6 [XI]: Decl. 2 [XII]; 8 [XV] и 9 [XVI]: Decl. 4 [XVII]; 10 [XVIII] и 11 [XIX]: Decl. 5 [XX]; 12 [XXI] и [XXII]: Decl. 6 [XXIII]; 14 [XXIV] и 15 [XXV]: Decl. 7 [XXVI]; 16 [XXVII] и 17 [XVIII]: Decl. 8 [XXIX]; 18 [XXX] и 19 [XXXI]: Orat. 8 [XXXII]; 20 [XXXIII] и 21 [XXXIV]: Decl. 9 [XXXV]; 22 [XXXVI] и 23 [XXXVII]: Decl. 10 [XXXVIII]; 24 [XXXIX]: Decl. 11 [XL]; 25 [XLI]: Decl. 12 [XLII].

За исключением случая с Предварительной речью 24, это свидетельствует о том, что Вступления, или речи, начинающие отдельную речь, или декламации – преимущественно связаны с кодексом Martensis 4641. В основе издания Р. Пенеллы расположение Вступлений идет непосредственно перед основной речью (последняя сопровождает объявление темы и theoria), которую они, вероятно, начинают. Вступление 25 и Декламация 12, отсутствующие в Martensis 4641, сохранились как пара в Athonensis 123, Вступление непосредственно предшествует декламации с объявлением темы и theoria.

Месторасположение в рукописи иногда подтверждается содержанием Предварительной речи: Вступления 1, 2, 3, 12.4-5, 13.4, 17.3, 23.5 и 25.3 отсылают прямо или больше обычного[13] к темам речей, к которым они присоединены в рукописи.

Что касается Предварительной речи 24, то она не дается в Martensis 4641 в связи с Декламацией 11. Тёйбнеровское издание расположило ее впереди этой декламации, предположив, что она предшествует ей, но доказательств этому нет.

Вопрос, который немедленно возникает из вышеуказанного списка: почему многие из декламаций и одна речь имеют по две Предварительных речи, связанных с ними -

---

7 Менандр Ритор использовал только термин lalia, но он делал различия между их использованием как самостоятельного элемента и Вступления (2.4 [393, 24-26]; 2.15 [434, 1-4]). Самое лучшее общее введение к lalia и prolalia: Pernot L. La rhetorique de l’eloge le monde Greco-romain. Paris, 1993. P. 346-368. См. также: Stock A. De prolaliarum usu rhetorico. Konigsberg, 1911; Mras K. Die prolalia bei den griechischen Schriftstellern // Wiener Studien. 64. 1949. S. 71-81. О prolalia Лукиана см. также: Anderson G. Patterns in Lucian’s Prolaliae // Philologus. 121. 1977. P. 313-315; Branham R.B. Introducing a Sophist: Lucian’s Prologues // TAPA. 115. 1985. P. 237-243. О термине prolalia см.: Pernot L. La rhetorique de l’eloge le monde Greco-romain. Paris, 1993. P. 558. О prolaliai в своде Гимерия см.: Penella R. Man and the Word: The Orations of Himerius. Berkeley; Los Angeles, 2007. P. 9-10.

8 Prologos: Lucian. De electro 6 (слово согласуется в общем с prolalia); Liban. Orat. 4.8. Proagon: Ael. Aristid. Orat. 51.33; Liban. Orat. 34.3; Eunap. Vitae phil. et soph. 10.4.8 [389]; 18.2 [497].

9 См.: Corpus glossarum latinorum. Vol. II / Ed. G. Goetz. Leipzig, 1888. P. 417, где dialexis приравнивается к praefatio, латинский термин для обозначения prolalia (см.: Pernot L. La rhetorique de l’eloge le monde Greco-romain. Paris, 1993. P. 548, 551, 553, 558).

10 Предварительные речи 9 [XVI]. 9; 11 [XIX]. 3; 14 [XXIV]. 4; 16 [XVII]. 1; 17 [XXVIII]. 1;18 [XXX]. 4; 19 [XXXI] в заявлении тем; 20 [XXXIII]. 2.

11 О (pro)theoria как prooemium см.: Penella R. Introduction // Rhetorical exercises from Late Antiquity. Cambridge, 2009. P. 15. Комментарии о проэмической природе предварительных бесед см.: Stock A. De prolaliarum usu rhetorico. Konigsberg, 1911. P. 105-106, 108-110, 115-121); ср.: Pernot L. La rhetorique de l’eloge le monde Greco-romain. Paris, 1993. P. 557-558. Известно, что софист Тиберий написал трактат «О пролалиях и проэмиях» (Suda T 550). В заглавии Вступления I [I] сказано: «добиться благоволения аудитории» – главная цель проэмия.

12 См.: Sen. Controv. 3, pref. II; Ael. Aristid. Orat. 51.33; Eunap. Vitae phil. et soph. 10.4.8 [489].

13 Вступление 1 предлагает отметить церковный праздник – отпраздновать постройку или восстановление церкви св. Сергия, о котором рассказывается в Orat. 3, к которой оно добавлено. Вступление 3 поясняет, что Хорикий обращается к официальной аудитории, «богоподобным людям, которые командуют армиями и правят» - предположительно, Аратию и Стефану, которых чествует Orat. 3, к которой оно присоединено.

в шести из восьми случаев, в которых здесь используются две Предварительных речи, вторая из двух (11, 13, 15, 17, 19, 25 [для Decl. 12 Предварительная речь утрачена]).

Хорикий, по всей видимости, часто произносил свои речи в две сессии, с перерывом в середине речи, и каждая сессия имела собственную Предварительную речь (Вступление). Это можно сравнить с Либанием, который произносил речи в два дня, по-видимому, в две сессии (Epp. 405.13). Во времена Хорикия Иоанн из Газы[14] выступал со стихами в две сессии, по-видимому, с перерывом на обед между ними (II, 361-364). В шести случаях у Хорикия отмечены комментарии к этой традиции. Перерыв, который мог продолжаться до 24 часов, и вторая Предварительная речь давала «атлетам» (следует понимать «ораторам») отдых от их соревнования, а зрителям от их сильного «энтузиазма[15]» (II.2-3, cf. 13; 17.2; 19.2). Но когда Хорикий делал перерыв в середине речи, он принимал обязательство продолжить и закончить это выступление (15.1-2; 25). Вторая Предварительная речь могла быть придумана как часть этого «долга» (15.1). Эта речь также необходима «как край у тарелки, или сестра у брата» (19.2), вторая часть декламации, произносимая после перерыва, «подобна остаткам пищи, которые с удовольствием съедают» (15.3). Использование перерыва могло привести к обвинению в том, что речь слишком длинна, и с ответов на эти обвинения Хорикий начинает Предварительную речь 17.

Хорикий иногда дает риторические инструкции в своих Предварительных речах[16]. В дополнение к инструкции (не просто комментарии) он дает ораторские перерывы, вторую Предварительную речь и обязательство выступить со второй половиной речи после перерыва (11; 13; 15; 19; 25). Мы находим его утверждения о том, что выступающий должен полностью и убедительно представлять персонажа, которого изображает (12; 21). В Предварительной речи 14 он объясняет, что выступление на эротические темы не влияет на способность выступать одинаково хорошо и на неэротические темы. Это Вступление предшествует речи, тема которой никак не связана с любовью; так Хорикий намерен доказать, что он успешно может выступить с декламацией, которую он начинает, несмотря на то, что ранее выступал с декламациями на эротические темы. Другая Предварительная речь (10) рассказывает ученикам, что им следует практиковаться и усердно работать, если они хотят быть хорошими риторами. Совет в беседе может быть также моральным: не быть самонадеянным и не уповать на судьбу (18), а полагаться лишь на добродетель (20).

Хорикий использовал Предварительную речь для разъяснения недоразумений в своей практике и для ответа на критику. Когда ученики требовали, чтобы он говорил, и обвиняли его в трусости, когда он проявлял нежелание выступать, он, наконец, соглашался показать свое красноречие, но не без объяснений для них, что оратор должен быть уверен в том, что его аудитория обладает знаниями о риторике, до того как говорить[17] (5). В другом случае, когда ученики были снова недовольны тем, что он выступает не слишком часто, он объясняет им, что аудитории становится скучно с оратором, который выступает слишком часто (16). В Предварительных речах 17 и 23 он отвечает на критику в том, что он многословен. Во Вступлении 8, которое предшествует декламации, он отвечает на обвинения в том, что в эпиталаме, с которой он недавно выступал, он использовал ссылки на Гомера самовольным образом. В одном случае, также до выступления с декламацией, он защи-

---

[14] Cameron, Alan. On the Date of John of Gaza // The Classical Quarterly. New Series. Vol. 43. № 1. 1993. P. 348-351; Bargellini, Francesco. Questioni di cronologia relativa e assoluta nell'opera di Giovanni di Gaza // Prometheus. 34. 2008. P. 65-86; Gigli Piccardi, Daria. L'occasione della *tabula mundi* di Giovanni di Gaza // Prometheus. 32. 2006. P. 253-266; Lauritzen, Delphina. Exegi monumentum: l'Ekphrasis autonome de Jean de Gaza // Ekphrasis. Réalités et Imaginaires / Ed. V. Vavřínek, P. Odorico, V. Drbal / Byzantinoslavica. 69/3 suppl. 2011. P. 61-79; Renaut, Luc. La description d'une croix cosmique par Jean de Gaza, poète palestinien du VIe siècle // Iconographica. Mélanges offerts à Piotr Skubiszewski. Poitiers, 1999. P. 211-220; Talgam, Rina. Johannes of Gaza's *Tabula Mundi* Revisited // Between Judaism and Christianity. Art Historical Essays in Honor of Elisheva (Elisabeth) Revel-Neher / Edited by Kogman-Appel, Katrin and Meyer, Mati. Leiden: Brill, 2009. P. 91-120; Алимова О.В. Иоанн Газский как ранневизантийский поэт // Каразінські читання (історичні науки). Харків, 2014. С. 60-61.

[15] Перерыв позволял слушателям усвоить урок, извлеченный из услышанного в первой половине речи, прежде, чем переходить к другой части.

[16] Ср.: Himer. Orat. 68, если это Вступление.

[17] Milovanovic C. Sailing to Sophistopolis: Gregory of Nazianzus and Greek Declamation // Journal of Early Christian Studies. 13. 2005. P. 203. Этот фрагмент не является выдержкой из декламации.

щает своего учителя Прокопия из Газы[18], который присутствовал среди аудитории, от обвинений в том, что он не очень долго говорит публично: «старому человеку следует предоставить возможность наслаждаться уединением» (6).

История о розе – бывшая первоначально историей о розе и Афродите – появляется в двух Предварительных речах (9, 24). Это не может быть случайным. В древней Газе праздновались «Дни Роз» (Розалии), по-видимому, весной[19]. Они нашли отражение у Иоанна Газского в двух его Анакреонтиках (4; 5). Предварительные речи Хорикия 9 и 24, наверное, предшествовали речам, которые он произнес по случаю этого праздника: во Вступлении 9 он говорит, что это весна, а во Вступлении 24 спрашивается в конце «Какое другое лакомство (кроме истории об Афродите и розе) можно предложить вам в этом случае?» Иоанн из Газы связывал розу и весну с Афродитой. Эта история в Предварительной речи 9 у Хорикия рассказывает о том, как после смерти Адониса Афродита наступила на шип розы, и цветок в первый раз стал красным от ее крови, появляется в первых шести из семи dialexeis и ethopoiai Прокопия из Газы. В одном из них он молится, чтобы «снова увидеть весну и услышать гимн розе» (Decl. 3.65-66). В одном из его писем он отмечает, что весной от софиста можно было ожидать выступления на одну из тем: Адонис, Афродита или роза (Epp. 18; cf. 11[20]).

Предварительные речи Хорикия показывают множество оценок, данных Менандром lalia, у которого они появляются в особых случаях. Они являются простыми и спокойными произведениями, стремящимися доставить удовольствие. Они изобилуют exempla, историями и используют примеры из стихотворений. Пословицы и крылатые высказывания можно найти среди них, так же, как и выражение эмоций говорящего[21], и они изложены кратко. Они показывают сходство ранних примеров Предварительных речей – с ограниченным кругом знаний, что мы имеем об этом жанре из определенно или вероятно (более часто) сохранившихся примеров у Иоанна Златоуста, Лукиана, Апулея, Филострата и Гимерия и из других источников[22] – для примера, в их попытках завоевать внимание и расположение аудитории и в самопредставлении говорящего, которое может включать преуменьшение его способностей[23] (льстивая тактика) и его предупреждение или ответ критикам. Тем не менее, они дают нам лучшие ощущения, чем мы могли иначе получить из многих других жанров. Риторическая традиция консервативна: не похоже, что стиль Хорикия во Вступлениях являлся отклонением от традиций.

Названия Предварительных речей (Вступлений) Хорикия[24]

1 (I). Это Вступление, смелее, чем обычно, своевременно ищет доброжелательности аудитории.

2 (II). Это Вступление утверждает, что каждый должен возвращать (добро) своим благодетелям, в меру своей способности.

---

[18] Procopius Gazaeus. Opuscula rhetorica et oratoria / omnia primum collegit, edidit, apparatu critico instruxti E. Amato, adiuvante G. Ventrella. Berlin-New York: W. de Gruyter, 2009 (coll. Bibliotheca Scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana); Romeny B. ter Haar. Procopius of Gaza and His Library // From Rome to Constantinople. Studies in Honour of Averil Cameron / Eds. H. Amirav, B. ter Haar Romeny. Leiden, 2007. P. 173–190; Talgam R. The Ekphrasis Eikonos of Procopius of Gaza: The Depiction of Mythological Themes in Palestine and Arabia During the Fifth and Sixth Centuries // Christian Gaza in Late Antiquity / Ed. B. Bitton-Ashkelony, A. Kofsky. Brill-Leiden-Boston, 2004. P. 209-234; Westberg D. The Rite of Spring: Erotic Celebration in the Dialexeis and Ethopoiiai of Procopius of Gaza // Ed. I. Nilsson. Plotting with Eros: Essays on the Poetics of Love and the Erotics of Reading. Copenhagen: Museum Tusculanum Press, 2009. P. 187-211; Болгова А.М. Прокопий Газский: ритор и богослов // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 4. М.-Магнитогорск-Новосибирск, 2014.

[19] См.: Cinque poeti bizantini: Anacreontee dal Barberiniano Greco 310 / Ed. F. Ciccolela // Hellenica. 5. Alessandria, 2000. P. LV–LVI, 143-145.

[20] См. также: Renaut D. Les declamations d'ekfraseis: une realite vivante a Gaza au VIe siecle // Gaza dans l'Antiquite Tardive: Archeologie, rhetorique et histoire. Salerno, 2005. P. 214-216. Dialexeis и athopoiai Прокопия неправильно отнесены к декламациям в кн.: Procopii Gazaei Epistolae et declamations / Eds. A. Garzya, R.-J. Loenertz. Ettal, 1963.

[21] Пословицы: 5 [IX]; 20 [XXXIII]; 6 (цитата Еврипида является пословицей?); 23 [XXXVIII].1 (приписываемые далее одному из семи мудрецов). Крылатые выражения: 8 [XV].2 (для зависти нет места в круге богов); 9 [XVI].4 (что общего у войны и Афродиты?); 15 [XXV].1 (время не списывает долги, оно их только увеличивает). Эмоции: 3[III].5; 5 [IX].6.

[22] Первые три «декламации» Прокопия из Газы - действительно dialexeis.

[23] См. Вступления 2 [II].4; 3 [III].1, 2.

[24] Вступления 4 (Эпиталама Захарии) и 7 (К Брумалиям Юстиниана), как уже отмечалось выше, одновременно являются полными Речами, поэтому обычно не включаются в перечень Предварительных речей.

3 (III). Эта вступительная речь объясняет, как впервые перед официальной аудиторией чувствовать себя свободным, чтобы говорить.

5 (IX). Эта вступительная речь объясняет, почему, хотя (его) ученики часто просили его говорить, он медлит делать это до сих пор.

6 (XI). Эта вступительная речь говорит, что, услышав, что некоторые лица не ищут недостатки у моего божественного учителя (Прокопия Газского), чтобы не показать свое красноречие на общественных собраниях, указывает, что в старости отдых с деятельностью - хорошее дело.

8 (XV). После недавнего разговора [с Хорикием] сравнил его с Евмелом, и так создается впечатление, что он презирает [других]; это вступление дается вместе, чтобы пройти общественное испытание [для более ранних речей].

9 (XVI). Эта вступительная речь о том, как брать пример с нынешнего времени года [весна], и гордиться тем, что в рассказах уместно для этого времени года.

10 (XVIII). Цель данного вступления - стимулировать молодых на большее усердие. Оно показывает, что без достаточно больших усилий, умения тех, кто применяет любой навык, - шатки.

11 (XIX). Это вступление, поставленное в середине речи, к которой требовалось повторное обращение, показывает, что его размещение здесь подходит для этого.

12 (XXI). Те, кто далее выйдет вперед, чтобы заговорить, должен попытаться представить характеры людей, которые воплощены в их декламациях.

13 (XXII). В связи с этой речью необходима повторная встреча.

14 (XXIV). Что фиктивные речи на эротические темы не имеют пагубного влияния на декламации, как бывает с другими темами.

15 (XXV). Что не следует оставлять ни одной речи незавершенной.

16 (XXVII). Юные [студенты] думают, что я должен выступать, чтобы говорить чаще, но это вступление показывает, что делать разумный интервал времени [между публичными демонстрациями красноречия] полезно.

17 (XXVII). Со времени моей речи необходима вторая встреча; это вступление защищает длину речи.

18 (XXX). О том, как скромность позволяет сохранить достигнутые успехи.

19 (XXXI). О том, когда речь длинна, оратору следует вставить пролог в ее середине.

20 (XXXIII). О том, что добродетель нерушима для того, кто ею владеет.

21 (XXXIV). О том, что человек, который берется произносить речь, должен вживаться в предмет, о котором он говорит, который он воплощает в декламации своей речи.

22 (XXXVI). О том, что следует выполнять обязанность ежегодно произносить речь перед своей аудиторией.

23 (XXXVII). Человеку, который критикует оратора [Хорикия] за то, что длина его речи не под силу его собственным способностям.

24 (XXXIX). В качестве темы этой вступительной речи выбрана роза. Зная, что вы уже пресытились [общей] темой, она предлагает вам новый рассказ.

25 (XLI). Эта вступительная речь была составлена, чтобы доказать, что необходимо представить ту часть речи, которая осталась непроизнесенной. Тут также говорится несколько добрых слов о речи, [к которой она относится].

ANCIENT RHETORIC IN VI SENT. A.D.: PRELIMINARY TALKS OF CHORICIUS

A.M. BOLGOVA

Belgorod National Research University

e-mail: bolgova@bsu.edu.ru

We consider «preliminary question» or coming to the speeches of the early Byzantine rhetorician Choricius from Gaza (VI cent.). These educational texts are important evidence preservation of classical traditions both in the subjects and in literature in general, despite two centuries of Christianity.

Keywords: rhetoric, Choricius, Gaza, the entry, the speech.

УДК 94(495).01

ОСОБЕННОСТИ ВОЕННЫХ СОЧИНЕНИЙ РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

Е.В. ГУЩИН

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

e-mail: Johngushin@yandex.ru

В работе рассматриваются некоторые специфические особенности полемологических сочинений Ранней Византии. Прослеживаются как античные традиции, так и византийская специфика. Подчеркивается нормативный характер этих сочинений, которые могли достаточно значительно отходить от реальности.

Ключевые слова: военное дело, Византия. Трактаты, тактика, стратегия.

Позднеантичное (ранневизантийское) военное дело нашло отражение в ряде теоретических сочинений, составляющих полемологическую традицию Поздней античности.

Первым в ряду этих сочинений можно поставить позднеримский трактат Флавия Вегеция Рената «Epitoma Rei Militaris» («Краткое изложение военного дела»). Вопросы о том, когда написан и кому адресован трактат Вегеция, не решен в исторической науке до настоящего времени. Вместе с тем, идентификация адресата и точная датировка сочинения исключительно важны для правильного понимания содержащихся в данном источнике сведений[1]. Большинство исследователей согласны с тем, что трактат написан не ранее 383 г., после смерти императора Грациана, поскольку Вегеций упоминает его как предшественника правящего императора и называет «божественным» (Veg. I. 20), и не позднее 450 г., так как несколько манускриптов IX-X вв. содержат указания, что текст трактата выправлен в 7-е консульство Валентиниана III, приходившееся на этот год[2]. Император, получивший трактат, правил довольно долго, т.к. между написанием первой книги и оставшейся части трактата прошло длительное время, а все четыре книги адресованы одному императору: «Книжку о наборе и обучении новобранцев я уже давно преподнес тебе» (Veg. Praef.). На этом основании в качестве адресата Вегеция чаще всего называют западных императоров Валентиниана III, Гонория, Валентиниана III, восточных императоров Аркадия и Феодосия II, а также Феодосия I, правившего в 394-395 гг. в обеих частях империи[3]. В трактате упоминается продолжительный мирный период, в котором боеспособность римской армии снизилась (Veg. I.28), а пехота отказалась от использования защитного вооружения, чем и были вызваны, по мнению автора, последовавшие поражения римлян от готов (Veg. I.20). По мнению ряда историков, Вегеций говорит о военном затишье при Грациане[4]. Если Вегеций имел в виду разгром римлян в 378 г. под Адрианополем, то это произошло на Востоке империи. Нашествие готов Алариха в Грецию в 390-х гг. также происходило на Востоке. Нельзя сопоставить эти события и с взятием Аларихом Рима в 410 г., поскольку I книга трактата была написана, вероятно, до 404 г., т.к. Вегеций упоминает о проводимых гладиаторских боях (Veg. I. 11), запрещенных в 404 г. указом императора Гонория[5]. Это ставит под сомнение кандидатуры Феодосия II и Валентиниана III, правивших позднее. Другим аргументом против «западной версии» является перечисление Вегецием народов, способных дать пригодных для службы рекрутов. Вегеций называет жителей Италии, Македонии, Дакии, Мезии и Фракии (Veg. I. 28). Очевидно, что речь идет о единой империи[6]. Таким образом, описания Вегеция относятся к обеим частям империи, а скорее всего, к целостной империи, до ее раз-

---

[1] Банников А.В. Датировка трактата Вегеция Epitoma rei militaris // Мнемон. Вып. 4. СПб., 2002. С. 333.

[2] Мишуров Н.В. Проблемы датировки трактата Вегеция «Epitoma Rei Militaris» и идентификации императора-адресата // Путь в науку. Вып. 13 / В.М. Марасанова, Е.В. Спиридонова (отв. ред.). Ярославль, 2009. С. 14.

[3] См.: Charles M.B. Vegetius on Armour: The pedites nudati of the «Epitoma Rei Militaris» // AncSoS. 30. 2003. P. 127-167; Банников А.В. Император - адресат Вегеция в его трактате о военном деле // Мнемон. Вып. 4. СПБ., 2002. С. 397-422.

[4] Банников А.В. Император-адресат Вегеция в его трактате о военном деле. С. 398.

[5] М. Бансон относит запрещение гладиаторских боев к 399 г., когда Гонорий закрыл последнюю гладиаторскую школу. См.: Бансон М. Римская империя. М., 2001. С. 160.

[6] Мишуров Н.В. Проблемы датировки трактата Вегеция «Epitoma Rei Militaris» и идентификации императора-адресата // Путь в науку. Вып. 13. Ярославль, 2009. С. 15.

деления на две части[7], и считать адресатом Вегеция только западного императора не представляется возможным. Наилучшим образом в таком случае в качестве адресата Вегеция подходит кандидатура Феодосия I. В 388 г. он сверг в Риме узурпатора Магна Максима и вернул западный престол Валентиниану II, а в 394 г. объединил обе части империи под своей властью. Валентиниан II не имел реальной власти даже в Западной империи. Кандидатуры сыновей и внуков Феодосия I, правивших после его смерти, неприемлемы на том основании, что при них раздел империи стал реальностью, и обращение Вегеция к правителю одной части при описании всей империи выглядит нелогично.

При идентификации императора важным является указание на выдающиеся успехи правителя в стрельбе из лука и верховой езде, на быстроту бега и владение оружием (Veg. III. 26). Однако отсюда, по-нашему мнению, не следует, что адресатом Вегеция был непременно молодой человек. Стрельба из лука и верховая езда вполне возможны и в зрелом возрасте, тем более что Феодосий I, доживший до 49 лет, занимался физическими упражнениями[8]. Таким образом, есть все основания считать императором, которому Вегеций адресовал трактат, Феодосия I, а временем написания трактата – 383–395 годы[9]. Однако, нельзя не учитывать мнение П.В. Шувалова, который говорит об адресате трактата достаточно определенно: «Вегеций, по всей видимости, написал свой военный трактат для молодого императора Валентиниана II около 386 г.»[10]. Несмотря, на возможную дискуссионность адресата Вегеция, то что, он закончил свой труд в конце IV в., не может вызывать сомнений. Главная его цель - показать, что достижения римлян в военном деле можно использовать и в его время, делает Вегеция достаточно ценным источником по военной истории.

Военный трактат, названный «Византийским анонимом», открывает ряд памятников, которые уже можно именовать византийскими. Утрата начального листа в списке этого труда не позволяет установить его точного наименования. Наши сведения о личности автора ограничиваются теми краткими замечаниями, которые встречаются в тексте сочинения. Однако, не подлежит сомнению факт достаточной образованности автора. Одновременно он обладает и специальными познаниями в области инженерного искусства, проявляя особую компетентность в строительстве мостов и других сооружений[11]. Н.В. Пигулевская говорит о возможности участия автора трактата в дунайских походах в качестве военного инженера. Он предметно знаком с методами осады и обороны городов, сообщая на этот счет такие детальные подробности, которые близки или совпадают с сообщениями других (в том числе иноязычных) авторов, описывавших события VI веке[12]. Возможно, что при написании своего трактата автор располагал письменными источниками. Однако прямые заимствования установить трудно: глубокая авторская переработка исходного материала фактически сводит такую возможность на нет; замечание Н.В. Пигулевской, что автор «не подчиняется своим источникам, а владеет ими»[13], представляется нам совершенно точным. Перечисленные достоинства трактата позволили оценить его как «выдающееся по самостоятельности и самобытности сочинение»[14].

«Стратегикон» Псевдо-Маврикия является, пожалуй, самым известным памятником византийской военной литературы[15]. Изданный впервые в 1664 г.[16], он сразу же привлек внимание как богатством и разнообразием содержания, спорностью авторства и да-

---

7 Кучма В.В. Военная организация Византийской империи. СПб., 2001. С. 119.

8 Мишуров Н.В. Проблемы датировки трактата Вегеция «Epitoma Rei Militaris» и идентификации императора-адресата // Путь в науку. Вып. 13. Ярославль, 2009. С. 16.

9 Кучма В.В. Военная организация Византийской империи. СПб., 2001. С. 119.

10 Шувалов П.В. Секрет армии Юстиниана. СПб., 2006. С. 13.

11 Пигулевская Н.В. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М.; Л., 1946. С. 20.

12 См.: Пигулевская Н.В. Оборона городов в Месопотамии в VI в. // УЗ ЛГУ. Вып. 12. 1941. С. 49, 77.

13 Пигулевская Н.В. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. С. 22.

14 Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897. S. 635.

15 Сведения об изданиях и переводах трактата суммированы Д. Моравчиком (см.: Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. I. Berlin, 1958. S. 417-420). Также «Стратегикон» был критически издан Х. Михаэску (см.: Mauricius. Arta militarà. Edifie critica, traducere si introducere de H. Mihäescu // Scriptores byzantini, VI. Bucuresti, 1970). Большой интерес здесь представляет введение издателя (P. 5-21), ранее опубликованное во французском переводе (см.: Mihâescu H. Prolégomènes à une édition critique des TACTICÀ-STRATEGICA de Maurice-Urbicius // RESEE. V. 1967. P. 401-407). Представляет интерес работа: Dain A. Urbicius ou Mauricius? // REB. 1968. P. 123-136.

16 Arriani Tactica et Mauricii artis militaris libri duodecim. Graece primus edit, Versione latina notisque illustrât J. Schefferus. Uppsaliae, 1664.

тировкой. Так как рукописная традиция донесла до наших дней сразу два имени автора трактата (Урбикия и Маврикия), мнения ученых разделились. Авторство Урбикию приписывали Р. Вари и Р. Гроссе.[17] С именем Маврикия трактат связывали И. Шеффер, Г. Кехли, Ф. Гаазе, Р. Ферстер, Ф. Осарес, Ю.А. Кулаковский и др. Высказывались компромиссные точки зрения, а также имели место и попытки приписать авторство «Стратегикона» другим лицам. Исходя из того, что вопрос об авторстве труда оказался столь спорным, в современной историографии оно именуется «Стратегиконом» Псевдо-Маврикия.

В связи с проблемой авторства трактата оживленно обсуждался вопрос о том, является ли упомянутый в рукописях Маврикий византийским императором, правившим в 582-602 гг., или речь идет о его омониме. Наиболее последовательного сторонника первая точка зрения нашла в лице Ф. Осареса, это мнение имеет поддержку и в более поздних работах, вплоть до наших дней. Однако большинство исследователей не склонно решать вопрос столь однозначно, поскольку, в самом трактате нет прямых указании на принадлежность автора к императорской династии. Но, с другой стороны, из источников неизвестны факты о писательской деятельности императора Маврикия.

С решением проблемы авторства труда связан вопрос о его датировке. Начиная с Р. Фёрстера, все исследователи делали попытки датировать трактат, опираясь не только на формальные основания, но и исходя из внутренней критики источника. Большинство предложенных датировок не выходит за рамки одного полустолетия (2-я пол. VI – начало VII в.).

При всей спорности проблем, связанных с авторством и датировкой трактата, бесспорным и общепризнанным является то обстоятельство, что мы имеем здесь дело с профессиональным военным, имеющим как определенную теоретическую подготовку (автор работы демонстрирует знакомство с сочинениями Асклепиодота, Элиана, Арриана, Онасандра, Вегеция), так и значительный практический опыт, накопленный в военных кампаниях против целого ряда враждебных империи народов. К тому же, в отличие от Византийского Анонима VI в., автор «Стратегикона» занимал, очевидно, гораздо более значительное место в военной иерархии, вплоть до самых высоких чинов[18]. Поэтому проводимые им идеи явились, наиболее, полным отражением господствовавших в его эпоху военно-теоретических концепций.

Данный трактат составил целую эпоху в военной науке. Строгий учет требований места, времени и высокий профессионализм в решении специальных вопросов, практический характер рекомендаций, простота и доступность изложения материала, все это объясняет причины долговечности «Стратегикона», не имеющей аналогии во всей византийской военной традиции.

Рассматривая привычные, и ставшие практически обязательными источники, мы можем получить из них множество новых сведений. Обратимся к труду Прокопия Кесарийского, и взглянем на него с позиции военного, коим и был Прокопий, относительно военно-морского дела, о котором он достаточно много пишет.

Говоря об описании античных и византийских кораблей и мореплавания, исследователи часто обращаются к археологическим и эпиграфическим источникам как более наглядным и точным по сравнению с литературными[19]. Однако, едва ли можно надеяться создать объемную и полную реконструкцию того или иного судна исключительно по останкам найденных на морском дне или одномерным изображениям кораблей[20]. Нужные данные используются в основном выборочно. Следует учитывать и то, что в историографии практически отсутствует описание кораблей ранней Византии. Обращения к данным Прокопия о военном флоте Ранней Византии может существенно помочь в рассмотрении самого флота, так и морских операций.

---

[17] Grosse R. Das römische-byzantinische Marschlager vom IV.-X. Jahrhundert // BZ. 1913. P. 22.

[18] Кучма В.В. Военная организация Византийской империи. СПб., 2001. 426 с.

[19] Петерс Б.Г. Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1982; Ханке Х. Люди, корабли, океаны: 6000 лет мореплавания / Пер. с нем. М., 1984. С. 27–54; Makris G. Ships // The Economic History of Byzantium: From the Seventh through the Fifteenth Century. Washington, 2002. P. 95–97; Castagnini Berlinghieri E.F., Paribeni A. Byzantine Merchant Ships and Marble Trade: New Data from Central Mediterranean // SKYLLIS. Bd. 11. 2011. S. 64–75.

[20] Серов В.В. Прокопий Кесарийский о мореплавании и плавательных средствах// Ῥωμαῖος: сборник статей к 60-летию проф. С.Б. Сорочана // Нартекс. Byzantina Ukrainensis. Т. 2. Харьков, 2013. С. 329.

Прокопий упоминает лишь два основных понятия плавательного средства – корабль и лодка, которые конкретизирует дополнительными уточнениями. Сведения нашего историка о кораблях и плавании на них можно разделить на три части. В первой помещаются данные о типах плавсредств в зависимости от их назначения, вторая включает описание деталей корабельной конструкции, в третьей сведены знания о судоходстве. Наиболее общие понятия, обозначавшие в древнегреческом языке плавательные средства, восходят к глаголам со значением «плыть».[21]

С понятием судна связывался также термин «дромон», обозначавший особый тип, приспосабливаемый к выполнению военных задач[22]. Он имел небольшой размер и преимущественно весельное вооружение. В одном пассаже Прокопий показывает, каким образом малые транспортные речные суда могли превратиться в полувоенные и при этом приобретали название «дромоны»: на их бортах создавалась в виде дощатых стенок защита для воинов и, вероятно, для корабельного экипажа, между гребцами помещались стрелки[23]. Прокопий, говоря о флоте Велизария, отправленном в 533 г. к побережью Северной Африки, – говорит о том, что в его составе имелись длинные корабли, подготовленные для морского боя, что эти корабли быстроходны, и потому их называют «дромонами» (B.V. I.11.15-16.).

Прокопий обозначает дромоном быстроходный корабль. Сверхскорость дромону придавали весла, расположенные по всей длине бортов. Таким образом, дромон у Прокопия – это легкое речное или прибрежное судно, привлеченное для выполнения специальных задач в открытом море и для этого оборудованное. Для его именования историк воспользовался давно известным термином, ранее применявшимся бессистемно. Типологически обособиться «дромону Прокопия» позволила в 30-е – 40-е гг. VI в. практика массового перемещения войск по морю на значительное расстояние. Дромоны той эпохи редко участвовали в сражении непосредственно, так как не обладали достаточным для этого вооружением и снаряжением; эти корабли привлекались для срочной переброски небольших воинских контингентов и грузов, могли служить почтовыми и сторожевыми кораблями.

В экспедиции Велизария принимали участие транспортные суда грузоподъемностью от нескольких до нескольких сотен, а, возможно, и тысяч тонн[24]. Один корабль мог перевозить одновременно приблизительно от 40 до 250 вооруженных воинов, возможно, вместе с их лошадьми, необходимым снаряжением и продовольствием (B.V. I.11.23; II.15.9; B.G. IV.20.26.).

Прокопий упоминает несколько судов различной «национальной» принадлежности, однако почти не различает их по конструктивным особенностям. По-видимому, все суда, плававшие в водах Средиземноморского бассейна, были сходны по конструкции и внешнему виду, так как имели универсальных прародителей – позднеантичные плавательные средства[25].

Обращаясь к военным источникам по истории Византии и трудам современников событий, мы можем почерпнуть множество сведений, а также подтвердить или опровергнуть существующие предположения. Таким образом, данные сочинения оставляют обширное поле для исследований.

FEATURES OF MILITARY WORKS IN EARLY BYZANTIUM

E.V. GOUSHCHIN

Belgorod National Research iversity

e-mail: Johngushin@yandex.ru

The paper discusses some specific features of polemologic works in Early Byzantium. Traced both ancient tradition sand Byzantine specifics. Emphasizes the normative nature of these works, which could quite significantly deviate from reality.

Keywords: military, Byzantium, treatises, tactics, strategy.

---

[21] Там же. С. 330.
[22] Downey G. Gaza in the Early Sixth Century. Norman, 1963. P. 38-39.
[23] Серов В.В. Прокопий Кесарийский о мореплавании и плавательных средствах. С. 332.
[24] Серов В.В. Финансовая политика Юстиниана Великого. Новосибирск; Барнаул, 2011. С. 45–47.
[25] Серов В.В. Прокопий Кесарийский о мореплавании и плавательных средствах. С. 333.

УДК 94(569.4).024

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГАЗСКОЙ ОБЛАСТИ VI ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ «ПЕРЕПИСКИ ВАРСАНУФИЯ И ИОАННА ГАЗСКИХ»)

А.В. КУРБАНОВ

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

e-mail: abasso@yandex.com

В статье исследуются как отношения между различными религиями, так и внутрихристианские, в Газской области в VI в. Исследование основывается на важном источнике христианского происхождения, «Переписке Варсануфия и Иоанна», который содержит около 850 писем, адресованных мирянам, монахам и епископам. Её корреспонденты описывают последствия принятия законодательства Юстиниана в сфере религии; свидетельствуют о том, что языческие праздники сохраняли своё значение вплоть до VI века, и рассказывают нам о своих друзьях нехристианах. Также отмечается необычно толерантное отношение к представителям других богословских точек зрения, вызванное их нежеланием обострять сложные взаимоотношения между христианами различных воззрений, которые были характерны для того времени.

Ключевые слова: Варсануфий и Иоанн, Газа, Палестина, межрелигиозные отношения.

В доисламский период своей истории Газа являлась крупным торговым перекрёстком Римской империи. С востока город омывало Средиземное море, связывавшее его с основными центрами Средиземноморья, на север шла дорога в Сирию и Ливан, на восток – в Аравию и в Персию, а на юг отходил единственный сухопутный путь в Египет. В Газе не только пересекались торговые пути, но и, благодаря её многонациональности, встречались различные религиозные течения: христианство, язычество, иудаизм и манихейство. Необходимо заметить, что самоидентификация жителей византийской Палестины проходила не по национальному признаку, а по религиозной принадлежности[1]. О численности их представителей достоверно ничего не известно, кроме того, что, несмотря на долгое сопротивление христианству, к VI веку большую часть населения Газы стали составлять христиане.

Представителей всех религий, существовавших в Палестине, объединяла общая греческая культура и язык. Эллинизация достигла здесь значительных успехов. В ходе археологических раскопок палестинских синагог были обнаружены мозаики с надписями не только на иврите и арамейском, но и на греческом[2], который, очевидно, стал разговорным языком в городских иудейских общинах[3]. В домах некоторых богатых евреев VI в. были обнаружены фрески на античные языческие сюжеты[4]. Примечательно также, что в Газе мозаики как церквей, так и синагог были сделаны одними и теми же мастерами[5].

Другим объединяющим фактором являлось римское государство и его законы. Как известно, главное средство укрепления внутреннего единства империи Юстиниан усматривал в унификации, именно поэтому он стремился ослабить любые группы, основанные на этнических, конфессиональных или корпоративных связях. Он желал, чтобы в государстве был один закон и одна вера. При подобном убеждении не могло быть и речи о терпимом отношении к представителям других религий и еретических учений.

Юстиниан, однако, делал различия между верованиями. Например, в отношении к манихейству законодательство было наиболее строгим: за исповедование этой религии полагалась смертная казнь. Несколько иной характер носили преследования язычников:

---

[1] Dauphin C. La Palestine byzantine: Peuplement et population. Oxford, 1998. P. 165.

[2] Ibid. P. 148; Ovadiah A. The Synagogue at Gaza // Ancient Synagogues Revealed / ed. L.I. Levine. Jerusalem, 1981. P. 129-132.

[3] Dauphin C. Op. cit. P. 151.

[4] Irshai Od. Confronting a Christian Empire: Jewish Life and Culture in the World of Early Byzantium // Jews in Byzantium: Dialectics of Minority and Majority Cultures. Leiden; Boston, 2012. P. 29.

[5] Ovadiah A. Les mosaïstes de Gaza dans l’antiquité chrétienne // Revue biblique. 82. 1975. P. 552-557.

языческий культ был запрещён законом, сами его адепты были лишены права занимать какие-либо должности на государственной и общественной службе (кроме муниципальных должностей). Впрочем, на деле антиязыческие преследования были не столь суровыми, и если отдельные его представители не были откровенно настроены против христианства, то их оставляли в покое. Особым образом имперское законодательство выделяло иудаизм, последователи которого, в отличие от язычников, не подвергались официальным гонениям. За иудеями признавалось право на общинную и религиозную жизнь, но, в то же время, запрещалось сооружение новых синагог, хотя, как свидетельствует археология, этот запрет соблюдался не очень строго[6].

Разумеется, по одним только законодательным актам нельзя судить об отношении христианской общины к другим вероисповеданиям и тем более о взаимоотношениях их представителей друг с другом. Для освещения этой темы требуется привлечь источники личного происхождения. В данной статье мы рассмотрим сведения из «Переписки Варсануфия и Иоанна Газских».

Варсануфий и Иоанн жили в VI в. в монастыре под управлением аввы Серида близ деревни Тавата (Θαυβαθα) в Газской области. В этой обители существовала необычная практика: монахи, миряне и даже епископы писали свои вопросы на дощечках, которые затем настоятель относил Варсануфию, а другой служитель - Иоанну; получив ответы, они передавали их вопрошавшим. Часть этой большой переписки дошла до нас – это около 850 писем и записок.

В переписке Варсануфия с неким епископом, по всей видимости, патриархом Иерусалимским Петром[7], мы встречаемся со случаем, который наглядно показывает отношение самих христиан к представителям других религий. Так, некто из иноверцев (ἀλλοεθνής) был схвачен в «пространстве верных» (χώρατῶν πιστῶν), то есть на литургии верных, во время которой было запрещено присутствовать некрещёным. Народ предложил его убить или сжечь. Варсануфий, конечно, ответил, что убийство - это нехристианское дело, но всё же посчитал, что такой поступок нельзя оставить без наказания, и предложил высечь нарушителя и взять с него штраф, после чего передать какому-нибудь богобоязненному человеку, чтобы тот его просветил и научил христианской вере (QS 822).

Этот же епископ рассказал Варсануфию, что после опубликования предписания Юстиниана, направленного против язычества, многие изъявили желание креститься. Речь здесь идёт, скорее всего, о событиях 529 г., когда Юстиниан начал активную антиязыческую кампанию. Епископ находился в затруднительном положении, ему хотелось отказать пришедшим в стремлении креститься. Во-первых, искренность их желания стать христианами вызывала у него сомнения. А, во-вторых, они обратились с просьбой совершить обряд крещения на Светлой Седмице, тогда как в древней Церкви, по сложившейся традиции, желающие стать христианами проходили катехизацию в течение всего Великого поста, которая затем заканчивалась их крещением в Лазареву Субботу или в Великую Субботу. К VI веку эта практика постепенно отмирает в ряде регионов империи по той причине, что большинство крещаемых начинают составлять дети, неспособные пройти курс оглашения[8]. Подобная ситуация свидетельствует о том, что традиция оглашениябыла ещё достаточно жива на тот момент в Палестине, где еще далеко не все были христианами. Варсануфий считал, что желающих стать членами Церкви надлежит принять и совершить над ними крещение либо на праздник Вознесения Господня, то есть примерно через месяц после их обращения, либо через год, как и полагалось, в Великий пост. В эти дни им надлежало готовиться, а не праздновать вместе с «верными» Пасху. Интересно, что в случае, если окажется, что кто-либо из них действовал, руководствуясь лишь одним страхом перед императорским предписанием, тотакого следовало не изгонять, а увещевать и ещё больше наставлять (QS 821).

Далее епископ сообщил, что манихеи, избегая наказания, удалились в другое место, чтобы креститься формально, без прохождения положенной катехизации и бесед с епископом. Варсануфий в этом случае оказался намного более принципиальным, и тон его письма сменился с благодушного на весьма строгий. В отношении этой ситуации он при-

---

[6] Irshai Od. Op. cit. P. 42-41.

[7] К такому выводу пришёл Дервас Читти: Читти Д. Град пустыня: Введение в изучение египетского и палестинского монашества в христианской империи. СПб., 2007. С. 223.

[8] Гаврилюк П.Л. История катехизации в древней церкви. М., 2001. С. 262-267.

вёл евангельскую цитату: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями» (Мф 7:6). Он ответил, что необходимо написать всем священникам, особенно тем, которые невнимательно относятся ктакого рода делам, и объяснить им, кто такие манихеи, и как долго их нужно катехизировать, чтобы стало возможным их принятие в лоно Церкви. Мы видим, что Варсануфий, как и современное ему законодательство, был гораздо более суров к манихеям, чем к язычникам.

С чем связана подобная жёсткость по отношению к манихейству? Это можно объяснить тем, что, в отличие от традиционного иудаизма и язычества, манихейство вело активную миссионерскую деятельность. Причём при таких суровых гонениях на представителей этой религии в Византии оставались жить лишь самые преданные последователи Мани. Появление таких проповедников, лишь формально крещёных, могло смутить малообразованные или легковозбуждаемые умы в христианской среде и в дальнейшем привести к возникновению различных толков. В этой связи следует заметить, что многие христиане и сами нуждались в катехизации. Так, некоторые из корреспондентов говорили о том, что ходят к чародеям сами, или их знакомые, или слуги (QS 753-755).

Несмотря на многочисленные запреты, язычество продолжало жить, отмечались языческие праздники, во время которых устраивались театральные представления (QS 836) и конные бега, которые христиане с удовольствием посещали (QS 645). Интересно, что устроителями языческих празднеств с театральными представлениями был сам газский правитель (ἄρχων) (QS 836) и один из газских граждан, «великий и сильный» (τις μέγας καὶ δυνατὸς πολίτης) (QS 837), проживавший в Константинополе. Из ответа явствует, что оба они были христианами, и потому получили соответствующее вразумление от Варсануфия.

Создаётся впечатление, что настороженность к иноверцам со стороны христиан проявлялась, прежде всего, в вопросах, связанных с совершением религиозных практик, и мало касалась повседневной жизни, в которой представители разных религий мирно сосуществовали. Многие торговые люди в Газе были иноверцами, и на своих праздниках приносили кровавые жертвы, после чего продавали идоложертвенное на рынке. Старцы, следуя апостольским наставлениям, одобряли покупки таких продуктов (QS 777). У христиан были друзья среди иудеев и язычников, которые даже приглашали их на свои праздники и присылали в эти дни подарки, и печалились, если их друзья христиане не приходили или не принимали подарков (QS 775-776). Подобный случай мы встречаем в «Переписке», когда у Варсануфия спросили, что делать, чтобы не обидеть в такой ситуации друга, к тому же человека значительного (μέγας). Старец предложил этому христианину призвать друга войти в его положение, сказав ему так: «ведь ты из-за твоей любви ко мне никогда не станешь нарушать заповеданного преданием вашим, и я не заключу из этого, что ты презрел любовь твою ко мне. И мы также имеем предание от Бога через святых отцов наших и учителей никогда не вкушать ничего на празднике иноверцев (ἀλλοεθνής). Итак, этим я отнюдь не оскорбляю свою любовь к тебе» (QS 776).

Таким образом, Варсануфий чётко разграничивал две разные сферы жизни: религиозную, изолированную от проникновения иноверцев, и общественную, где поощрялись добрые отношения с представителями других вероисповеданий. Это подтверждает и другой случай. Один благочестивый мирянин задал вопрос: «Вино, которое я хочу выжать на своём прессе, принадлежит иудеям: не грех ли будет сделать это?» Старец ответил с иронией, сделав аллюзию на евангельскую цитату (Мф 5, 45): «Если, когда идёт дождь, Бог посылает дождь только на твоё поле, а иудейское оставляет, тогда и ты не выжимай вина для них. Однако Бог человеколюбив ко всем, и посылает дождь на праведных и неправедных» (QS 686). По этой же причине Варсануфий одобрил давать благословлённую священниками пищу иноверцу, ибо благословение не может потерпеть от него никакого вреда, но, наоборот, способно привести его к «познанию истины» (QS 752).

Таким образом, «Переписка Варсануфияи Иоанна» даёт представление о сложной атмосфере религиозных противоречий в 30-40-е годы VI в. Несмотря на трудности, последователям разных религий удавалось мирно сосуществовать в одном обществе вплоть до начала VII в., пока с востока не пришли арабские завоеватели и не разрушили как церкви, так и синагоги.

Проблемы взаимопонимания между сторонниками разных богословских партий внутри самого христианства были зачастую более напряжёнными, чем между иноверца-

ми. В то время в Палестине существовало три противоречащих друг другу направления богословской мысли: ортодоксальное, несторианское и монофизитское. В течение более полувека газское монашество оставалось форпостом антихалкидонского сопротивления в империи. Смена политики в связи с приходом Юстина и его племянника Юстиниана привела к выдворению монофизитских епископов и монахов в Египет (525-531), что положило конец оплоту монофизитства в регионе Газы. Газское монашество вынуждено было принять халкидонское вероисповедание.

Безусловно, борьба между различными партиям на этом не окончилась, что отражается и в «Переписке Варсануфия и Иоанна». Несторианство было менее распространено, но влияние соседней Сирии, где эта ересь имела больше всего адептов, сказывалось и в этом вопросе.

В VI в. палестинский мир всколыхнули новые споры, на этот раз касающиеся оригенистского наследия. Они были не менее ожесточёнными, чем прежние, и вызвали повсеместную борьбу в палестинских монастырях того времени.

Если мы обратимся к «Переписке Варсануфия и Иоанна», то не обнаружим там никакого обсуждения догматических вопросов. «Переписка» двух старцев сосредотачивается исключительно на нравственном богословии, не затрагивая высокие богословские темы.

Арье Кофский и Брурия Биттон-Ашкелони объясняют отсутствие рассмотрения богословских вопросов в «Переписке Варсануфия и Иоанна» тем, что, по их мнению, Варсануфий и Иоанн, исповедуя монофизитское учение тайно, выбрали уход в монашеское благочестие и богословскую терпимость, так как открыто показывать своё несогласие с оросом Халкидонского Собора было опасно[9]. Свою точку зрения они основали на 703, 786 вопросоответах, посвящённых теме гонений. Первый из них принадлежит некоему мирянину, который спрашивал у Иоанна, что ему делать в случае гонений. Непонятно, отражает ли он реальные исторические события или является исключительно теоретическим вопросом. Второй рассказывает о волнениях, возникших после царского указа о рукоположении лиц, не имевших евхаристического общения с Церковью. Некоторые люди начали бояться гонений с последующей конфискацией имущества и вопросили о том Иоанна. Речь идёт о годах после 543 г. (на основании того, что в этой группе писем упоминается указ «О трёх главах»), когда палестинский клир был в основном халкидонским. По предположению Б. Биттон-Ашкелони и А. Кофского, эти вопрошавшие были монофизитами, которые бежали от прохалкидонской политики Юстиниана[10].

Не ввязываясь в долгую дискуссию о возможной принадлежности Варсануфия и Иоанна к монофизитству, можно лишь сказать, что пока никому не удалось найти в «Переписке» или в сочинениях их учеников влияние монофизитского учения. Здесь же мы остановимся лишь на их отношении к представителям других христианских течений.

Старцы запрещали своим подопечным ввязываться в любые богословские споры и дискуссии, даже в тех случаях, когда в споре проигрывал представитель правильной, с их точки зрения, стороны (QS 694; 695). В беседах ими рекомендовалось остерегаться произносить слова, способные привести к спорам или смутить слушающих (QS 696). И тем более неприемлемыми казались старцам попытки кого-либо анафематствовать. По их мнению, христиане не имеют права никого проклинать и осуждать, даже если тот будет заведомо еретик (QS 694-696; 699-701).

Единственным условием, при котором Варсануфий и Иоанн одобряли участие в богословских дискуссиях, являлись лишь неопределившиеся позиции беседующих и сомнения, которые можно было разрешить. И даже в этом случае следовало говорить со смирением, и воздерживаться от учительства (QS 697).

Также старцы советовали простым людям не размышлять на высокие богословские сюжеты, а сосредотачиваться на исследовании собственного духовно-нравственного состояния. На вопросы о своей вере они учили отвечать, излагая веру никейских отцов (QS58, 701), то есть ту, с которой соглашались все, как несториане и монофизиты, так и православные.

Особую категорию писем составляют вопросы, касающиеся оригенизма. В течение 1-й пол. VI в. эта тема являлась самой напряжённой в богословских дискуссиях. Соответ-

---

[9] Bitton-Ashkelony B., Kofsky A. The Monastic School of Gaza (=Supplements to Vigiliae Christianae. Texts and Studies of Early Christian Life and Language, Vol. 78.). Leiden; Boston, 2006. P. 213-222.

[10] Ibid. P. 218.

ственно, существовало два противоположных лагеря, критерием причастности к которым было принятие или непринятие творений Оригена и Евагрия. Варсануфий Великий старался цитировать только практическую часть сочинений этих авторов. Иоанн Пророк был более лоялен и разрешал ученикам читать у Евагрия всё то, что было полезно для души (QS 602), в том числе, даже отдельные места из «Гностических глав». Он сравнивал такое чтение с трудом апостолов, которые после улова хорошее собрали в сосуды, а худое выбросили вон (Мф 13:48). Их ученик, авва Дорофей, даже открыто цитировал гностические сочинения Евагрия[11].

С другой стороны, Варсануфий и Иоанн огорчались, когда какой-нибудь брат заражался духовными исканиями оригенистов. Одному такому брату Варсануфий писал: «Небеса ужасаются, о чём любопытствуют люди! Земля сотрясается, как они хотят исследовать непостижимое! Это догматы языческие. Это пустословие людей, которые думают о себе, что они нечто значат. Это слова людей праздных» (QS 600).

При этом старцы призывали не осуждать иноков, принимавших «Гностические главы» Евагрия. При этом, по мнению Иоанна, увлечение подобными идеями не вредило их репутации разумных и хороших иноков и даже отцов. Объяснил же он их заблуждения только тем, что эти братья не просили Бога открыть им, что истинно из излагающегося в этом сочинении, а что ложно (QS 603).

Таким образом, ни Варсануфий, ни Иоанн не дерзали считать оригенистов и самого Евагрия еретиками, а потому пользовались их сочинениями в тех аспектах, которые, им казались полезными. Еретиком же, согласно старцам, был тот, кто хулил Христа и соблюдал заповеди только на словах (QS 536).

Какова же была причина столь нехарактерно толерантного отношения к представителям других богословских точек зрения? Мы усматриваем здесь нежелание обострять сложные взаимоотношения между христианами различных воззрений, и так приводившие нередко к жестоким битвам за чистоту веры. Очевидно, что для Варсануфия и Иоанна важность представляли не теоретические построения и концепции, а воплощение на практике евангельских идеалов, прежде всего, любви к ближнему, каким бы он ни был по своим убеждениям.

Принятые сокращения:

QS – Barsanuphe et Jean de Gaza. Correspondance / Introd., texte crit., notes Neyt F., Angelis-Noah P. de, trad. Regnault L. T. I-III (=Sources Chrétiennes 426, 427, 450, 451, 468). Paris, 1997–2002.

INTERFAITH RELATIONS IN GAZA REGION IN 6TH CENTURY A.D. (BASED ONTHE LETTERSOF BARSANUPHIUS AND JOHN OF GAZA)

A.V.KURBANOV

Belgorod National Research University

e-mail: abasso@yandex.com

This article explores the interreligious and interconfessional relations in the Gaza region of the 6th century A.D. Our research relies on an important source of Christian origin, the Correspondence of Barsanuphius and John of Gaza, which contains about 850 letters to lay people, ascetics, and bishops. It offers rich details in our field: the correspondents narrate on the consequences of Justinian religious laws, testify that the pagan festivals survived well into the 6th century and tell us about their non-Christian friends. The author also indicates the unusual tolerant attitude to the people of different theological views that was caused by complex relationships between Christiansof this period.

Keywords: Barsanuphius and John of Gaza, Gaza, Palestine, Interreligious relationship.

[11] Hombergen D. The Question of Dorotheus of Gaza’s position in the Second Origenist Controversy // Analecta Monastica 9: Church, Society and Monasticism: Acts of International symposium (Rome, May 31 – June 3 2006). Roma, 2009.

УДК 94(5) (479.24)

ГЕЙДАР АЛИЕВ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ НАХИЧЕВАНИ

А.Г. ДЖАББАРЛЫ

Нахичеванский государственный университет, Азербайджанская Республика

e-mail:
xanbala.rustamov@yandex.com

Статья посвяшена выдающимся историческим личностям азербайджанского народа, уроженцам Нахичеванской АР. Начиная с XI века, особенно в средние века, выдающиеся сыны Нахичеванского края внесли свою лепту во все сферы науки, образования и культуры. Развивалась торговля, ремесла. В разностороннем развитии края огромную роль сыграли нахичеванские правители - Абу Дулаф, Атабеки-Эльденизы, Кызыл Аслан и др. Бывший президент Азербайджана Гейдар Алиев высоко ценил великих деятелей, организовывал проведения юбилейных и др. мероприятий.

Ключевые слова: Абу Дулаф, Аджеми Нахчывани, Насреддин Туси, Фахраддин Хиндушах, Фазлуллах Наими, Гусейн Джавид, Нахчыванские, Бекташи, Шахтахтинские, Кенгерли, Гейдар Алиев.

Нахичеванский край, будучи одной из первых колыбелей мировой цивилизации, был известен как центр торговли, ремесла, науки и культуры Востока, а также как край, одаренный выдающимися сынами. Этот край «с небольшой территорией, но с богатым содержанием» на всех этапах истории даровал мировой политике, науке, культуре уникальные личности, прославившие этот регион. Этот небольшой край смог взрастить большое количество выдающихся личностей, знаменитостей, государственных деятелей, корифеев науки.

В средние века выдающиеся сыны Нахичеванского края внесли свой вклад во все сферы жизни и деятельности, познакомили мир с государственностью, наукой и культурой Азербайджана. Согласно историческим источникам, в 60-е года XI века в Нахичевани собирались ученые и мыслители из ряда стран Ближнего Востока. Это, прежде всего, было связано с тем, что город Нахичевань стал центром Нахичеванского шахства. Нахичеванский правитель Абу Дулаф, относясь с большим почтением к деятелям науки и культуры, собирал их при своем дворце. Существующее положение получило развитие в период правления в Азербайджане Атабеков-Эльденизов. Эльденизы в стране, в том числе, в Нахичевани, ставшей в дальнейшем центром государства, покровительствовали развитию науки и культуры. Арабский ученый Ягут аль-Хемеви в своем труде «Муджам-альбулдан» отмечает то, что город Нахичевань взрастил немало ученых, к имени которых добавлялось ан-Нашави.

В X-XI века Нахичевань была знаменита такими мыслителями, как Хаддад ан-Нашави, Абу Абдуллах ан-Нашави. Абу Аббас ан-Нашави и др. В I-й половине XI века среди азербайджанских философов особое место занимал нахичеванец Абу Омар. Видные представители зодчества Амираддин Масуд Нахчывани, Ахмед ибн Эйюб аль-Хафиз Нахчывани, Джамаладдин Нахчывани, Аджеми Нахчывани прославились созданием в городе Нахичевань и вокруг него памятников-мавзолеев, дворцов, мечетей, караван-сараев, мостов. Основатель нахичеванской школы зодчества Аджеми Нахчывани задал новое направление в архитектуре Азербайджана, придал ей тонкость и динамичность, оказал мощное влияние на архитектуру Ближнего Востока. Видные мыслители Востока присвоили ему почетное имя «Шейхуль-мухендис» (глава инженеров). Другой выдающийся сын этого края - общенациональный лидер азербайджанского народа Гейдар Алиев дал высокую оценку деятельности Аджеми и уделил особое внимание увековечению его имени и сохранению его произведений для будущих поколений. Благодаря его вниманию и заботе, в 1976 г. в нашей стране с широким размахом был отмечен 850-летний юбилей Аджеми Акпер оглы Нахчывани.

Азербайджанское государство Атабеков-Эльденизов, основанное Шамсаддином Эльденизом на территории Азербайджана, долгое время управлялось из Нахичевани. В

период правления Мухаммеда Джахана Пехлевана исключительную роль в развитии края сыграл нахичеванский правитель Кызыл Арслан, а после его смерти его жена Захида хатун.

В XIII-XIV века, несмотря на сложность исторических условий, город Нахичевань продолжал свое социально-экономическое и культурное развитие. В этот же период города Нахичевань, Ордубад, Джульфа занимали важное место в городской жизни Азербайджана. В Нахичевани осуществляли деятельность видные государственные деятели, а также деятели науки и культуры. Будучи родом из Нахичевани, видный азербайджанский ученый Насреддин Туси занимает достойное место среди мировых корифеев науки. Он был известен как великий энциклопедист, видный мыслитель, философ, общественно-политический деятель. В 1259 году в городе Марага Н. Туси основал обсерваторию, что является одной из его важнейших заслуг в истории мировой науки и культуры. Гениальный ученый создал ряд солидных трудов в области астрологии, богословия, философии, политики, этики, логики, математики, астрономии, финансов, музыки и пр.

При поддержке лидера азербайджанского народа Г.А. Алиева в 1981 году был проведен 780-летний, а в 2000 году – 800-летний юбилей Н. Туси, в его честь была учреждена медаль, воздвигнуты его памятники, созданы его портреты, ряду научных, учебных и культурно-просветительских учреждений и улицам было присвоено имя Туси[1]. По инициативе Азербайджанской Республики и по решению ЮНЕСКО 800-летний юбилей Н. Туси был отмечен в мировом масштабе и внес большой вклад в историю мировой науки и культуры. За его исключительные способности, глубокий ум и неоценимые заслуги ему было присвоено имя «мастер человечества» и «владелец одиннадцатой стихии (ума)». Дети Н. Туси тоже выбрали путь науки, его потомки стали знаменитыми деятелями науки, литературы и искусства.

В этот период Нахичевань продолжала оставаться одним из центров науки и культуры Востока. Выдающиеся деятели науки и культуры Нахичевани были известны в Азербайджане, в различных областях государств Хулагуидов и Джелаиридов и во многих странах мира и прославились своей целенаправленной деятельностью и произведениями. Среди них были звездочеты, философы, богословы, историки, лингвисты, законоведы (факихы), математики, врачи, а также мыслители и др. Научная деятельность известных ученых, философов и мыслителей Востока, таких как Акмаладдин Нахчывани, Камаледдин Нахчывани, Наджмеддин Нахчывани, Гасан Нахчывани и других свидетельствовала о высоком развитии науки и культуры в Нахичевани, мировой славе нахичеванских ученых. В этот период своими потомками прославился род Санджара ибн Абдулла ан-Нахчывани, которым принадлежит историческая заслуга в развитии науки. Среди его сыновей, внуков и правнуков произведения, научная и государственная деятельность Хиндушаха Нахчывани, Мухаммеда ибн Хиндушаха Нахчывани, Камаледдина ибн Мухаммеда Нахчывани, Сейфяддовле Нахчывани были высоко оценены видными учеными мужами и мыслителями того времени.

Фахраддин Хиндушах был специалистом в области литературы, философии, астрономии, математики и музыки. Им были созданы прекрасные образцы поэзии на персидском и арабском языках. Кроме того, Фахраддин Хиндушах является автором антологии «Маваивид ал-араб» и персидско-тюркского словаря «Таджарюб ас-салаф» и «Ас-Сихах ал-Аджамия», содержащего 4000 слов. Произведение Хиндушаха Нахчывани «Таджарюб ас-салаф», написанное на персидском языке, также является важным источником для изучения общественно-политической истории Азербайджана, а также некоторых стран Ближнего Востока.

Шамседдин ибн Фахраддин Хиндушах ан-Нахчывани занимался языкознанием, литературоведением. Он является автором словаря «Сихах ал-фурс». Мухаммед ибн Фахраддин Хиндушах Нахчывани же был одним из выдающихся ученых и известных государственных деятелей XIV века. Его произведение «Дастур ал-катиб фи теин алмаратиб», созданное им в 1360 году, по сей день вызывает интерес с научной точки зрения. Это произведение было посвящено правителю из династии Джелаиридов Султану Шейху Увейсу.

---

[1] Гасымов А.Г. Стратегия развития Г. Алиева и Нахичеванская Автономная Республика (70-80 гг. XX века). Баку, 2009. С. 302.

Это произведение М. Хиндушаха, написанное им в пожилом возрасте, посвящено одному из правителей того времени. С.А. Моллаев в своей книге «Средневековые азербайджанские мыслители о воспитании» причину этого посвящения раскрывает так: «Ввиду того, что в Азербайджане часто сменяемые династии не одинаково относились к выдающимся деятелям своего времени, и в стране существовала анархия, Мухаммед ибн Хиндушах для того, чтобы обеспечить себе жизнь и уберечь себя от казни и преследований, посвятил свое произведение «Дастур» одному из правителей династии Джелаиридов Шейху Увейсу… »[2].

М. Н. Нахчывани как известный ученый, общественный деятель, историк, литератор и поэт своего времени завоевал большую славу не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и в Западной Европе. Различные копии рукописи произведения «Дастур алкатиб фи теинюл-маратиб», которые хранятся в национальных библиотеках Лейдена, Британии, Парижа, Вены, Стамбула, еще раз доказывают, что Мухаммед Хиндушах Нахчывани был прославленной личностью.

Основоположник хуруфизма и один из величайших суфиев Азербайджана Фазлуллах Наими родился в Нахичевани в городе Астарабад, где хуруфистское учение впервые получило распространение. Хуруфиты сыграли важную роль в борьбе с тимуридами.

В период правления шаха Аббаса I назначенный визирем Хатамбек Ордубади сыграл большую роль в управлении Великой Сефевидской Империи, в ее политической и экономической жизни. Город Ордубад был дарован Хатамбеку в качестве союргала, в котором он с широким размахом организовал проведение строительных работ и освободил жителей от уплаты налогов.

В XVII веке Ибрагим Зейнаддин слыл даровитым лекарем, «главным врачевателем», а также был автором серьезных исследований в области фикх. Овлия Челеби отмечал, что в XVII веке в Нахичевани жили «прекрасные ученые и поэты».

Нахичеванский край был знаменит прославленными родами и их выдающимися потомками, такими как Кенгерли, Нахчыванские, Шахтахтинские, Бекташи, Алиевы, Миришли, Везировы, Тахмасибы и др. Каждый из тех или иных родов даровал азербайджанской государственности, политике, военному делу, науке и культуре уникальные и неповторимые личности.

В этом плане исторические заслуги представителей рода Кенгерли в политической, военной, экономической науке и культурной жизни Нахичевани и в целом Азербайджана неоценимы. Глава рода Кенгерли Гейдаргулу хан, последний нахичеванский хан Эхсан хан, а также полководцы, принадлежащие роду Кенгерли, но по понятным причинам известные как Нахчыванские - Исмаил хан, Калбалы хан, Гусейн хан, Джафаргулу хан, Джамшид хан прославились в русской и советской армии своей отважностью и талантом военного организатора. Видный военный деятель Джамшид Нахчыванский в 1921-1931 гг. был первым командиром национальной стрелковой дивизии Азербайджана. Он сыграл важную роль в подготовке высококвалифицированных военных кадров.

Общенациональный лидер азербайджанского народа Гейдар Алиев еще в советское время увековечил имя видного военного деятеля Д. Нахчыванского. В его честь был учрежден военный лицей. В Нахичевани был создан его дом-музей, в Баку и Нахичевани улицам было присвоено его имя.

Среди выдающихся сынов, исторических личностей Нахичевани свое место занимают Шахтахтинские. Научный ум и отвага Шахтахтинских особо проявились в XIX-XX века. Еще во II половине XIX века два брата из села Шахтахты – Исасултан и Абульфат Шахтахтинские получили образование в известных центрах науки и образования - сначала в России, а затем в таких городах Европы, как Гейдельберг, Париж, Цюрих. Они прослыли видными учеными, журналистами, общественными деятелями и военными. Еще до них, сначала в Лейпцигском университете, а затем в Париже получил образование Мухаммед ага Шахтахтинский. Дипломат и государственный деятель Бехбуд-ага Шахтахтинский, академики Хабибулла Шахтахтинский, Тогрул Шахтахтинский, Мухаммед Шахтахтинский, профессора Адиля и Захра Шахтахтинские, общественно-политический деятель Гамид-бек Шахтахтинский, народный художник Эльмира Шахтахтинская, ди-

[2] Моллаев И.А. Азербайджанские мыслители средневековья об учении-воспитании. Баку, 1996. С. 170-171.

пломат Алексис (Алескер) Шахтахтинский и другие представители этого рода гордились ношением фамилии Шахтахтинский. За исторические заслуги Шахтахтинских перед нашей страной и народом, в деревне Шахтахты Кенгерлинского района был создан «Музей Шахтахтинских».

В XX веке одним из родов, сыгравших важную роль в общественно-политической и культурной жизни города Нахичевань, был род Бекташи. Род Бекташи, живший в Нахичевани на протяжении XIV – XX веков, своими знаниями и благородством завоевал среди населения уважение и хорошую репутацию. Представители этого рода были учителями, наставниками и чиновниками.

В развитии науки, культуры, литературы и искусства в Азербайджане велика заслуга таких деятелей науки и культуры, как Мухаммед Таги Сидги, Джалил Мамедгулузаде, Мамед Саид Ордубади, Алигулу Гемкюсар, Гусейн Джавид, Бахруз Кенгерли, Азиз Шариф, Кязим Зия, Юсиф Мамедалиев, Ислам Сафарли, Мамед Араз, Гусейн Рази, Гусейн Ибрагимов и др.

Мухаммед Таги был знатоком литературы. Для распространения своих литературных идей он в своей чайхане создал литературный меджлис. Ордубадская интеллигенция, собравшись здесь, начала передовую деятельность. Вскоре Мухаммед Таги этот меджлис организовал своем доме и назвал его «Энджумани-Шуара», тем самым, возродив литературный меджлис созданный еще в 1838 году видным азербайджанским поэтом Шихали Наибом. Этот меджлис, действовавший до 1894 года, даровал литературному миру таких известных личностей, как Фагир Ордубали, Алигулу Музниб, Уста Зейнал Наггаш, Ахмедага Шами, Кудси Вененди, Мешади Гасан Даббаг, Молла Гусейн Бикес. На этом меджлисе Мухаммед Таги взял себе псевдоним «Сидги» и с тех пор стал творить под этим псевдонимом[3].

Одной из личностей, взращенной нахичеванской литературной средой, был Гусейн Джавид. Таинственно-философский поэтический мир Гусейна Джавида – это таинственный океан, не окунувшись в который невозможно почувствовать и постичь его волшебства. В XX веке личности, подобной Гусейну Джавиду, не было не только в азербайджанской поэзии и философии, но и на Ближнем Востоке и в Закавказье. В его произведениях поэзия была поднята на философский уровень[4].

Таким образом, как видно из вышесказанного, на всех этапах истории Нахичеванский край, благодаря своим выдающимся уроженцам, крупным историческим личностям, внес достойный вклад в развитие Азербайджана, а также в сферу его управления. Великий сын азербайджанского народа, бывший президент Азербайджана Гейдар Алиев высоко ценил вышеуказанных великих деятелей, организовывал проведение юбилейных мероприятий.

HEYDAR ALIYEV AND THE HISTORICAL PERSONALITIES OF NAKHICHEVAN

A.H. JABBARLI

Nakhichevan State University, Azerbaijan Republic

e-mail: xanbala.rustamov@yandex.com

The article is devoted to the prominent historical personalities of the people of Azerbaijan in the Nakhchivan Autonomous Republic. Especially in the Middle Ages outstanding sons of the Nakhichevan region have contributed in all areas of science, education and culture, eveloping trade and craft. In the diverse development of the region played a huge role Nakhichevan ruler - Abu Dulaf, Atabeks-Eldeniz, Kyzyl Arslan et al. Former President of Azerbaijan Heydar Aliyev highly appreciated the great figures of organized anniversary and other events.

Key words: Abu Dulaf, Ajami Nakhchivan, Nasreddin Tusi, Fahraddin Hindushah, Fazlullah Naimi, Huseyn Javid, Nakhchivan, Bektashi, Shakhtakhtinskaya, Kengerli Heydar Aliyev.

[3] Ахундов А., Эфендиев Э. Яркие личности (О выдающихся людях Нахичевани). Баку, 2000. С. 207.
[4] Сафаров Г., Гулиев А. Философский мир Гусейна Джавида. Баку, 1998.

УДК 327 (477)

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ УКРАИНЫ И ПОЛЬШИ В ОСВЕЩЕНИИ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Н.Н. ЧЕРНАЯ

Винницкий торгово-экономический институт Киевского национального торгово-экономического университета, Украина

e-mail: nana260782@mail.ru

В статье совершен анализ трудов украинских исследователей, посвященных современным социокультурным связям Украины и Польши. Определено степень научного осмысления проблемы в украинской историографии, указано на необходимость ее дальнейшего изучения.

Ключевые слова: Украина, Польша, социокультурные связи, отношения, украинская историография.

Ознакомление с историографией проблемы сегодняшних украинско-польских отношений показало, что, несмотря на очевидную актуальность и устойчивый интерес, их социокультурный аспект остается недостаточно изученным. Так, он еще ни разу не становился объектом специального исследования. Кроме того, многие ученые рассматривают социокультурные отношения не как самостоятельное направление взаимодействия, а как составляющую системы двусторонних межгосударственных отношений, уровень развития которой непосредственно определяется успехами политического и экономического сотрудничества и является, так сказать, их «продолжением» или «отражением». Таковыми, в частности, являются публикации Д. Васильева и Л. Чекаленко[1], О. Знахоренко[2], В. Моцока[3], А. Пивоварова[4].

В последнее время из печати вышел ряд публикаций, в которых исследователи освещают отдельные аспекты социокультурных взаимоотношений двух стран. Ключевые тенденции научного и образовательного сотрудничества проанализированы в работах Е. Коваленко[5], Н. Медведчук[6], С. Мякушка и А. Мирончука[7]. Культурное взаимодействие должным образом рассмотрено в публикациях И. Винниченко[8], Е. Коваленко[9], Б. Сюты[10], Ж. Тоценко[11]. Важные вопросы сотрудничества религиозных учреждений, церковной жизни украинцев и поляков отражены в работах В. Лишко[12].

---

[1] Васильєв Д., Чекаленко Л. Українсько-польські відносини наприкінці ХХ ст. // Нова політика. 1998. №4. С. 13–17.

[2] Знахоренко О.М. Стратегічне партнерство в українсько-польських відносинах // Історичний архів. Наукові студії: Зб. наук. пр. Миколаїв, 2008. Випуск 2. С. 90–98.

[3] Моцок В. Польський вектор зовнішньої політики України (деякі аспекти стратегічного партнерства) // Науковий вісник Чернівецького університету: Зб. наук. пр. Випуск 73–74. Історія. Чернівці, 2002. С. 218–227.

[4] Пивоваров А.С. Основні аспекти українсько-польського стратегічного партнерства // Держава і право. 2008. №1 (39). С. 710–716.

[5] Коваленко О.М. Освітнє та наукове співробітництво України та Польщі (2000–2005 рр.) [Електронний ресурс]. Режим доступу: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Ltkp/2012_69/teor/teor9.pdf

[6] Медведчук Н.А. Українсько-польське співробітництво в галузі освіти і науки наприкінці 80-х – у 90-х рр. ХХ ст. // Науковий вісник Волинського державного університету імені Лесі Українки. Серія: Історичні науки. 2001. №11. С. 112–117.

[7] Мякушко С., Мирончук А. Стан та перспективи українсько-польського міжакадемічного співробітництва // Україна і Польща – стратегічне партнерство. Історія. Сьогодення. Майбутнє. Київ, 2002. Ч. ІІ. С. 159–165.

[8] Винниченко І. Про перспективи розвитку гуманітарних та культурних польсько-українських взаємин // Україна і Польща – стратегічне партнерство. Історія. Сьогодення. Майбутнє. Київ, 2002. Ч. ІІ. С. 146–150.

[9] Коваленко О.М. Культурно-освітні організації України та Польщі (2000–2005 рр.) [Електронний ресурс]. Режим доступу: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/Ltkp/2012_70/teor/teor7.pdf

[10] Сюта Б. Сучасна польська музика в Україні: сторінками міжнародних фестивалів // Україна і Польща – стратегічне партнерство. Історія. Сьогодення. Майбутнє. Київ, 2002. Ч. ІІ. С. 224–227.

[11] Тоценко Ж.М. Українсько-польські культурні зв'язки: історичний поступ сучасних реалій // Вісник Державної академії керівних кадрів культури і мистецтв: щоквартальний науковий журнал. 2011. №2. Київ, 2011. С. 68–71.

[12] Лишко В.В. Культурно-освітні та релігійні товариства як гарант добросусідства між Україною та Польщею // Вісник Київського інституту "Слов'янський університет". Історія. Випуск 7. Київ, 2000. С. 90–100;

Удачным исключением из общего числа научных работ, представляющих исследования проблемы социокультурных взаимоотношений Украины и Польши, стали диссертационные работы В. Лишко[13], Н. Медведчук[14], публикации Д. Горуна[15], К. Киндрата и С. Трохимчука[16].

В контексте изучения проблемы культурного взаимодействия двух государств диссертационное исследование В. Лишко[17] заслуживает исключительного внимания. Анализируя украинско-польские отношения в 1991–1999 гг., автор выделяет в них собственно культурное, а также образовательное и научное сотрудничество. Очевидным достижением работы является выделение в культурном сотрудничестве отдельных его составляющих, среди которых – деятельность культурно-просветительных организаций, возвращение и сохранение культурных и культовых ценностей, контакты в области кинематографа и театрального искусства, гастрольное, выставочное и фестивальное взаимодействие. Рассматривая развитие двусторонних связей в области культуры в русле политических отношений, исследовательница отмечает, что с выходом отношений на уровень стратегического партнерства они существенно активизировались и углубились. В подтверждение этого в работе приводится ряд конкретных примеров взаимодействия сторон[18].

Несмотря на достижения, автор указывает на проблемы, отягощающие сотрудничество двух государств. Среди них, в частности, упоминаются недостаточные объемы финансирования совместных проектов и промедление в решении вопросов, связанных с выполнением установленных договоренностей. Одним из препятствий, которое продолжает тормозить сотрудничество, в работе названо негативные стереотипы и предвзятость, а иногда и враждебность, ставшие последствиями конфликтов и драматических событий общей истории. При условии большего осознания необходимости изменения и соответствующего переосмысления общего прошлого, четкого определения приоритетов внутренней и внешней политики, дальнейшего укрепления контактов и прогрессирующего стремления к диалогу, украинско-польское партнерство, – убеждена В. Лишко, – получит дополнительные толчки к развитию и сможет подняться на качественно новый уровень[19].

Украинско-польское сотрудничество в гуманитарной сфере должное теоретическое обоснование получило в диссертационном исследовании Н. Медведчук[20]. Однозначно на пользу работе сказывается взвешенный анализ историографии проблемы, представленной трудами украинских и польских ученых. Отличительной чертой исследования является рассмотрение эволюции духовной жизни двух народов с древнейших времен и до сего дня. Изучая современные межгосударственные отношения, автор не случайно совершает ретроспективное их осмысление: связи между двумя государствами, – справедливо замечает она, – являются «продуктом» исторического опыта взаимодействия двух народов, в котором нашли свое отражение события общего прошлого. «При условиях независимой Украины и демократической Польши сложилась ситуация для налаживания двустороннего сотрудничества в гуманитарной сфере на межгосударственном и региональном уровнях. А традиции украинско-польских связей были использованы как конструктивные предпосылки их эффективного развития на качественно более высокой ступени», – отмечается в работе[21].

Лишко В.В. Політика України та Польщі щодо повернення культових цінностей релігійним організаціям // Вісник Київського інституту "Слов'янський університет". Історія. Випуск 10. Київ, 2001. С. 53–60.

[13] Лишко В.В. Українсько-польські зв'язки в галузі культури 1991–1999 рр.: автореф. дис. ... канд. істор. наук. Київ, 2002. 16 с.

[14] Медведчук Н.А. Українсько-польське співробітництво в гуманітарній сфері: кінець 80-х – 90-ті роки XX століття: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Львів, 2004. 20 с.

[15] Горун Д. Українсько-польські гуманітарні взаємини в 1991–2001 рр. // Історія в школі. 2002. №5/6. С. 40–49.

[16] Кіндрат К., Трохимчук С. Українсько-польські стосунки на зламі тисячоліть. Львів, 2002. 112 с.

[17] Лишко В.В. Українсько-польські зв'язки в галузі культури 1991–1999 рр.: автореф. дис. ... канд. істор. наук. К., 2002. 16 с.

[18] Там само. С. 8–11.

[19] Там само. С. 12.

[20] Медведчук Н.А. Українсько-польське співробітництво в гуманітарній сфері: кінець 80-х – 90-ті роки XX століття: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Львів, 2004. 20 с.

[21] Там само. С. 12.

Достижения в сфере гуманитарного взаимодействия Н. Медведчук называет производными от успехов политического и экономического сотрудничества, а потому рассматривает их в непосредственной связи с ними. Приняв во внимание культурный и социальный факторы, исследовательница разработала обобщенную периодизацию гуманитарного взаимодействия двух государств в период конца 80-х – 90-х гг. XX ст. С выходом украинско-польского партнерства на уровень стратегического отношения в гуманитарной сфере, прежде всего, культурные, стали определяться «фундаментом всей системы двусторонних связей», – убеждена автор[22].

В контексте исследования сегодняшних украинско-польских связей в сфере гуманитарного взаимодействия исключительного внимания заслуживает третий раздел работы. В нем на основе анализа конкретных примеров определено содержание научно-образовательных, культурных, молодежных, туристических связей, освещены обмен опытом по совершенствованию системы здравоохранения. Отличительным признаком исследования является выделение основных достижений сторон, а также определение факторов, которые, учитывая негативное влияние, требуют скорейшего преодоления.

Важное место в историографии проблемы украинско-польского сотрудничества занимают исследования Д. Горуна. В 1999 г. историк защитил диссертационное исследование, посвященное украинско-польским отношениям в 1991–1997 гг.[23]. В нем автор основательно проанализировал культурную составляющую взаимоотношений двух стран. Исследование культурного сотрудничества осуществлено на уровне взаимоотношений между украинцами и поляками в негосударственных организациях, а также на уровне официальных контактов – между министерствами культуры и образования двух государств.

Отличительной признаком исследования является обоснование целесообразности начать отсчет официальных отношений в гуманитарной сфере между независимыми Украиной и Польшей с периода контактов между украинцами и поляками в польских интеллектуальных кругах, наиболее знаковым среди которых был круг авторов парижской «Культуры» во главе с Е. Гедройцем. Апеллируя к основополагающим аспектам «идеи Гедройца», ученый подчеркивает необходимость преодоления негативных стереотипов прошлого путем осуществления разного рода культурных акций, образовательных и научных проектов. Определяющую роль в их реализации, по мнению историка, призваны сыграть общественные объединения украинцев в Польше и поляков в Украине. Конкретные результаты их деятельности, а также просветительская и религиозная работа греко-католической и православной церквей в Польше и римско-католической церкви в Украине надлежащим образом проанализированы ученым[24].

В 2002 г. Д. Горун опубликовал специальное исследование, непосредственно посвященное рассмотрению гуманитарных взаимоотношений Украины и Польши[25]. Работа характеризуется основательным анализом деятельности неправительственных организаций. Исключительное внимание автор уделил исследованию достижений, которых удалось достичь крупнейшим из организаций – Объединению украинцев Польши и Союзу поляков Украины. Отдельное место в публикации занимают религиозные проблемы. Рассматривая значение римско-католической церкви для поляков в Украине и греко-католической церкви для украинцев в Польше, Д. Горун расценивает его как эквивалентное и такое, что заключается, прежде всего, в сохранении и воспитании национального самосознания. Весомым толчком на пути украинско-польского примирения исследователь назвал визит Папы Римского Иоанна Павла II в Украину в июне 2001 г.

Важным направлением украинско-польского гуманитарного взаимодействия Д. Горун считает образовательное и художественное сотрудничество двух государств[26]. Проанализировав динамику изучения польского языка в Украине и украинского языка в Польше, взаимный обмен специалистами и студентами, исследователь обнаружил в ней

---

[22] Там само. С. 14.

[23] Горун Д.О. Українсько-польські відносини (1991–1997 рр.): автореф. дис. ... канд. іст. наук. Одеса, 1999. 17 с.

[24] Там само. С. 13.

[25] Горун Д. Українсько-польські гуманітарні взаємини в 1991–2001 рр. // Історія в школі. 2002. №5/6. С. 40–49.

[26] Там само. С. 43.

положительную динамику. Так, по инициативе правительственных и неправительственных организаций в обеих странах постоянно происходят различного рода мероприятия, призванные консолидировать польскую общину в Украине и украинскую общину в Польше. Одним из наиболее знаковых среди них, по мнению ученого, стал первый Фестиваль польской культуры Украины и Польши, проведенный 5–10 октября 1996 г. по инициативе общественных организаций Польши[27].

Надлежащим образом оценив официальные заявления, многочисленные совместные мероприятия и торжества, Д. Горун пришел к противоречивым выводам: очевидные успехи гуманитарного взаимодействия часто сопровождались необдуманными шагами и пустыми декларациями. Так, обратившись к Совместному заявлению «К пониманию и единению», историк объяснил обусловленность ее подписания ничем иным, как «позицией значительной части польского общества, которая, в обмен на осуждение Сенатом акции «Висла» в 1990 г., добивалась от украинских властей официального признания насилия против поляков со стороны воинов УПА на Волыни в 1942–1943 гг.»[28]. Весьма красноречивым в публикации названо распоряжение МОН Украины, согласно которому, несмотря на существующие договоренности, в Украине было ликвидировано факультативное изучение польского языка. Не было воплощено в жизнь решение об усовершенствовании школьных учебников по истории и географии. Серьезные проблемы во взаимоотношениях двух народов продолжали вызывать многочисленными отказами вернуть в распоряжение польской общины недвижимое имущество, принадлежавшее ей в 1930-х гг. Но наибольшую огласку – и уже на уровне международного взаимодействия, – отмечается в работе, – приобрело дело, связанное с восстановлением и торжественным открытием на Лычаковском кладбище во Львове мемориала польским солдатам, павших в событиях 1918–1919 гг. Проанализировав эти, а также другие факты, никоим образом не вписывающиеся в рамки стратегического партнерства, развитием которого заняты в Киеве и Варшаве, ученый пришел к выводу о необходимости активизации взаимодействия, а также присоединения к нему не только интеллектуальных кругов двух стран, но и широкой общественности[29].

Видное место в историографии проблемы занимают исследования Т. Кондратюка и Л. Кондратюк. В одной из работ[30], проанализировав украинско-польское сотрудничество в гуманитарной сфере, ученые пришли к выводу о его успешности и перспективности. Положительные оценки получило сотрудничество в сфере образования и науки, обмен между культурно-художественными и спортивными центрами, научными учреждениями. Указывая на успехи двух государств, авторы упоминают об открытии в ноябре 2001 г. в Варшаве памятника молодому Т. Шевченко, проведение в рамках празднования «Года Польши» в Украине V фестиваля польской культуры, а также презентацию романа польской писательницы А. Токарчук «Беглецы», состоявшуюся в сентябре 2009 г. во Львове. Кроме того, в работе приводятся примеры контактов в области образования и науки.

В публикации[31], рассматривая опыт культурно-гуманитарного взаимодействия, исследователи подробно проанализировали так называемую «народную дипломатию» – проекты, которые «способствуют общению и укреплению дружбы простых людей». Так, согласно начатому в 2003 г. по инициативе Опольского воеводства проекту «Польша без предубеждений – учебно-практическое турне для польской и украинской молодежи», стороны определили целью укрепление партнерского сотрудничества между Украиной и Польшей, а также обогащение культуры и быта двух народов[32]. Лучшим образцом сотрудничества на уровне «народной дипломатии» исследователи назвали отношения между гминами Польши и тер-

---

[27] Там само. С. 44.

[28] Там само. С. 45.

[29] Там само. С. 47–48.

[30] Кондратюк Т.М., Кондратюк Л.Ф. Україна – Польща: відносини добросусідства та стратегічного партнерства у контексті євроінтеграції // Проблеми політичної історії України: Зб. наук. пр. 2010. Випуск 5. С. 236–243.

[31] Кондратюк Т.М., Кондратюк Л.Ф. Українсько-польський діалог у світлі євроінтеграційної перспективи України // Проблеми політичної історії України: Зб. наук. пр. 2011. Випуск 6. С. 155–162.

[32] Там само. С. 159–160.

риториальными общинами Винницкой области. По состоянию на 2009 г., 180 территориальных общин региона имели соглашения с польскими гминами.

«Мировая практика показывает, что народная дипломатия является одним из лучших и эффективных «строителей» добрососедских отношений между странами», – указывается в статье И. Винниченко[33]. Проанализировав современное состояние гуманитарной и культурной составляющей украинско-польского сотрудничества, исследователь определил наиболее весомые достижения сторон, а также обозначил перспективы на будущее.

Отдельные упоминания об успехах научного и культурного сотрудничества между Украиной и Польшей присутствуют в работе А. Антонюка[34]. Большое значение автор придает подписанному в мае 1992 г. протоколу о временном урегулировании вопросов взаимного признания эквивалентности документов об окончании средних и высших учебных заведений, а также документов о присвоении ученых степеней и званий. С целью активизации совместного научного поиска в феврале 1997 г. в Варшаве был создан Научный центр НАН Украины, а во Львове соответственно – Научный центр Польской Академии наук. «Сближению двух народов и одновременно их вхождению в объединенную Европу, – отметил ученый, – способствовала торжественная инаугурация Европейского коллегиума украинских и польских университетов в Люблине 8 октября 2003 г.»[35]. Выражением «высокого доверия» А. Антонюк назвал присвоение одной из центральных улиц в Днепропетровске имени польского поэта, драматурга Ю. Словацкого, а также открытие в Варшаве памятника Т. Шевченко.

Традиционно возвращаясь к проблеме урегулирования негативного исторического опыта, А. Антонюк высоко оценивает успехи, которых удалось достичь каждому из государств. Обратившись к подписанному Л. Кучмой и А. Квасьневским Совместному заявлению «К пониманию и единению», исследователь называет непосредственным ее продолжением Совместное заявление «Примирение – в 60-ю годовщину трагических событий на Волыни». Его принятие, – убежден автор, – небезосновательно можно считать успешно сданным экзаменом по политическому мужеству и ответственности[36].

Заслуживает внимания научная статья Н. Буглай[37]. Анализируя сегодняшние межгосударственные отношения Украины и Польши, исследовательница касается проблемы гуманитарного взаимодействия. Так, перспективным было названо научно-техническое сотрудничество. Попутно вспоминая о научно-практических конференциях, обмене студентами и профессорско-преподавательским составом, которые стали традиционными формами взаимодействия, Н. Буглай обращается к рассмотрению «сравнительно самостоятельных направлений взаимодействия» общеобразовательных, специальных и высших учебных заведений Украины и Польши. В статье упоминается, в частности, о научно-исследовательской программе «Расточье», к реализации которой были привлечены Львовский государственный лесотехнический университет и Университет им. М. Складовской-Кюри в Люблине.

В контексте изучения проблемы социокультурного взаимодействия Украины и Польши заслуживает внимания работа Я. Турчин[38]. Анализируя стратегию «мягкой силы» Украины в Польше, призванную формировать в польском обществе привлекательный положительный имидж Украинского государства, автор останавливается на рассмотрении отдельных ее компонент. Изучая образовательную составляющую взаимодействия, ученая, в частности, отметила, что только за 2004–2005 гг. МОН Украины финансировало 16 совместных исследовательских проектов. Действующими в то время были 87 соглашений между 38 украинскими и 62 польскими научно-исследовательскими

---

[33] Винниченко І. Про перспективи розвитку гуманітарних та культурних польсько-українських взаємин // Україна і Польща – стратегічне партнерство. Історія. Сьогодення. Майбутнє. Київ, 2002. Ч. ІІ. С. 146–150.

[34] Антонюк О.С. Становлення та розвиток українсько-польських відносин (1991–2003) // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Історія. Випуск 74–76. Київ, 2004. С. 4–7.

[35] Там само. С. 7.

[36] Там само.

[37] Буглай Н.М. Республіка Польща і Україна: міждержавне співробітництво нового формату // "Гілея (науковий вісник)": Зб. наук. пр. Київ, 2012. Випуск 59. С. 188–194.

[38] Турчин Я. "М'яка сила" України в Польщі: особливості та механізми реалізації // Українська національна ідея: реалії та перспективи розвитку: Зб. наук. пр. Львів, 2012. Випуск 24. С. 119–125.

учреждениями, почти 100 вузов Украины были задействованы в сотрудничестве с учебными заведениями РП, а полторы тысячи украинских студентов и преподавателей с целью обучения и преподавания выехали в Польшу. Одновременно в воскресных школах Украины, – упоминается в труде, – работали 30 учителей польского языка и 12 преподавателей вузов[39]. В пользу обоим государствам сказывается деятельность ячеек университетской украинистики в Польше. Наиболее влиятельными среди них автор назвала кафедру украинистики Варшавского университета, кафедры украинской филологии и украинистики Ягеллонского университета.

Еще одним фактором, который в культурологическом аспекте осуществляет мощное влияние на взаимоотношения двух государств, в публикации названа деятельность в Польше украинской общины. Как известно, в Польше исторически сложившейся является этническая община украинцев. Получив в 1989 г. право на создание общественных объединений, до сегодняшнего дня украинцы основали их немало. Среди наиболее влиятельных из них в работе названо Объединение украинцев Польши, Союз украинцев Подляшья, Объединение лемков, Украинское общество в Люблине, Фонд Св. Владимира Крестителя Киевской Руси в Кракове. Кроме того, украинцы в Польше объединяются вокруг храмов греко-католической церкви, имеющихся в 13 городах. Решать актуальные для украинского общества проблемы призван созданный при Посольстве Украины в РП Координационный совет украинского меньшинства. Важное место в работе занимает анализ влияния, которое оказывает на формирование имиджа Украины в Польше трудовая община украинцев. Учитывая постоянный рост ее численности, Я. Турчин отмечает усиление ее влияния на взаимоотношения двух государств.

К рассмотрению проблемы украинского и польского национальных меньшинств исследователи и ученые в своих трудах обращаются достаточно часто. Среди работ, предметом исследования в которых стало сегодняшнее положение украинцев в Польше, на первоочередное внимание заслуживают исследования Л. Васильевой[40], В. Заставного[41], Ю. Макара[42], В. Трощинского и А. Шевченко[43]. Дельные замечания на счет деятельности украинского меньшинства в Польше содержит коллективная монография черновицких исследователей В. Моцока, В. Макара и С. Попика «Украинцы и украинская идентичность в современном мире»[44].

Заметное место в историографии проблемы занимает исследование отечественного ученого В. Кирилича[45]. В работе рассмотрены внутренние и внешние факторы сохранения национальной самобытности украинского сообщества в Польше. С началом демократических преобразований, имевших место в Польше на рубеже 80-х – 90-х гг. XX в., автор констатирует начало нового этапа национального возрождения украинской общины. Видное место в работе занимает анализ политики государственного руководства Польши относительно украинцев и Украины. Проанализировав ее, а также ряд других факторов, среди которых – деятельность образовательных, культурных и церковно-религиозных учреждений и организаций, демографическая динамика и социальный статус украинского меньшинства, восприятие поляками украинцев и т. д., автор приходит к выводу о наличии предпосылок, которые положительно влияют на этнонациональное развитие украинцев.

Важное место в изучении этнонациональных аспектов взаимодействия Украины и Польши занимает работа О. Бабак[46]. Указанную проблему исследовательница рассматри-

---

[39] Там само. С. 121.

[40] Васильєва Л.Д. Українська діаспора у Польщі // Український історичний журнал. 1992. №10. С. 54–62.

[41] Заставний Ф.Д. Українська діаспора. Розселення українців у зарубіжних країнах. Львів, 1991. 119 с.

[42] Макар Ю.І. Українці в Польщі: кількість і сучасне становище // Міжнародні зв'язки України: наукові пошуки і знахідки: Зб. наук. пр. Випуск 8. Київ, 1999. С. 135–153.

[43] Трощинський В.П., Шевченко А.А. Українці в світі. Київ, 1999. 352 с.

[44] Моцок В., Макар В., Попик С. Українці та українська ідентичність у сучасному світі. Чернівці, 2005. 400 с.

[45] Кирилич В.П. Українці в Польщі: проблема збереження етнонаціональної ідентичності як чинник українсько-польських відносин: автореф. дис. … канд. політ. наук. Київ, 2001. 20 с.

[46] Бабак О.І. Політика Польщі щодо України (кінець 1980-х – 1990-ті роки): автореф. дис. … канд. іст. наук. Київ, 2002. 19 с.

вает в двух плоскостях: с одной стороны, изучается политика Польши относительно украинского меньшинства, которое на сегодня является самым многочисленным на территории РП, а с другой, рассматривается деятельность польского меньшинства за границей, прежде всего, в Украине, Беларуси и Литве.

Проанализировав политико-дипломатическую активность официальной Варшавы, О. Бабак выяснила, что национальный фактор исторически служил мощным средством воздействия на нее. Среди неотъемлемых элементов этнокультурной политики Польши исследовательница называет «преодоление стереотипов во взаимоотношениях поляков и украинцев, наращивание позитивного имиджа Польши и поляков в мире, решение ряда гуманитарных проблем в отношениях между польским и другими народами»[47]. Проследив эволюцию национальной составляющей во взаимоотношениях украинцев и поляков и выяснив характер отношений между ними, О. Бабак назвала их соответствующими интересам двух народов.

Проблема обеспечения прав поляков в Украине, деятельность польского меньшинства, а также некоторые другие вопросы украинско-польского этнического взаимодействия проанализированы в работах Л. Вахниной[48], В. Загурской-Антонюк[49], В. Моцока[50], С. Рудницкого[51], М. Середюк[52]. В комплексе положение поляков в Украине изучено в монографическом исследовании А. Калакуры «Поляки в этнополитических процессах на землях Украины в ХХ веке»[53].

Сравнительный анализ деятельности украинского и польского меньшинства в Польше и Украине проделала Л. Стрильчук[54]. Анализируя положение украинского и польского меньшинств, исследовательница указывает на его нетипичность для Центральной и Восточной Европы. Принудительные депортации, инициированные польской и советской властью, привели к тому, что на сегодня украинцы и поляки преимущественно не живут вблизи границы и не образуют большинства ни в одной территориально-административной единице. Разбросанность по территории государства вызывает устойчивые ассимиляционные процессы, как следствие, официальная статистика констатирует постоянное снижение количества этнических поляков и украинцев в Украине и Польше соответственно.

В работе присутствует информация о культурно-образовательных учреждениях, объединяющих вокруг себя украинцев в Польше и поляков в Украине, приводятся факты из деятельности греко-католической церкви в Польше и римско-католической церкви на Украине. Не обошла вниманием исследовательница вопрос связей польского и украинского меньшинства со странами своего материнского происхождения[55]. Проделанный анализ позволил автору прийти к следующему выводу: «социально и экономически украинцы в Польше чувствуют себя гораздо лучше, чем поляки в Украине», вместе с тем, украинская община значительно больше обеспокоена нерешенными вопросами и является очевидно более активной в отстаивании своих прав.

Таким образом, как показал анализ трудов украинских ученых, проблема социокультурного взаимодействия Украины и Польши с разной мерой предметности поднима-

---

47 Там само. С. 13–14.

48 Вахніна Л. Відродження польської діаспори в Україні // Україна і Польща – стратегічне партнерство. Історія. Сьогодення. Майбутнє. Київ, 2002. Ч. ІІ. С. 137–145.

49 Загурська-Антонюк В.Ф. Політична суб'єктивація національних меншин в Україні (на прикладі суспільно-громадянської діяльності польської національної меншини) // "Гілея (науковий вісник)": Зб. наук. пр. Київ, 2010. Випуск 40. С. 464–468.

50 Моцок В. Польська меншина в Україні в 1990-х рр.: досвід національного життя // Міжнародний науковий конгрес "Українська історична наука на порозі ХХІ століття". Чернівці, 16–18 травня 2000 р. Доповіді та повідомлення. Чернівці, 2001. Т.2. С. 329–333.

51 Рудницький С.В. Чинник українсько-польської співпраці у процесі реалізації інтересів польської національної меншини в сучасній Україні // Політологічний вісник : збірник наукових праць. Київ, 2011. Випуск 52. С. 371 –382.

52 Середюк М. Музичне і фестивальне життя польської меншини в Україні у 1991–2009 рр. // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Зб. наук. пр. Наукові записки Рівненського державного гуманітарного університету. Випуск 22. Рівне, 2011. С. 120–123.

53 Калакура О.Я. Поляки в етнополітичних процесах на землях України у ХХ столітті. Київ, 2007. 508 с.

54 Стрільчук Л.В. Питання національних меншин у відносинах між Україною та Польщею // Історичні студії Волинськиого національного університету імені Лесі Українки. 2009. Випуск 8. С. 96–102.

55 Там само. С. 100.

ется во многих из них. Характерной чертой большинства работ является обоснование продуктивности сотрудничества, его перспективности. Вместе с тем, исследователи указывают на ряд проблем, которые усложняют социокультурное взаимодействие.

Важность вопроса при условии недостаточности его научного осмысления обуславливает необходимость продолжения исследовательского поиска, заполнения существующих пробелов.

MODERN SOCIO-CULTURAL COMMUNICATION UKRAINE AND POLAND FROM THE POINT OF VIEW OF UKRAINIAN HISTORIOGRAPHY

N.M. CHORNA

Vinnytsia Trade and Economics Institute of Kyiv National University of Trade and Economics, Ukraine

e-mail: nana260782@mail.ru

The article analyzes the works of Ukrainian scientists dedicated to the modern socio-cultural communication Ukraine and Poland. The degree of scientific grounding of the issue in Ukrainian historiography has been established and the necessity for further studies in this area has been highlighted in the article.

Keywords: Ukraine, Poland, socio-cultural communication, Ukrainian historiography.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 327(477) "1991/2012"

О РОЛИ ВЕЛИКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ В СОЗДАНИИ СЛАВЯНСКОЙ ПИСМЕННОСТИ (К 1150-ЛЕТИЮ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ)

Н.Н. ОЛЕЙНИК[1)]
Ю.А. ОЛЕЙНИК[2)]

[1)] Белгородский государственный национальный исследовательский университет
[2)] Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С. Сковороды, Украина

[1)] e-mail: oleinik@bsu.edu.ru
[2)] e-mail: hitalex@ua.fm

В статье на основе различных источников освещается жизненный путь и формирование взглядов великих славянских просветителей Кирилла и Мефодия. Особое внимание при этом уделяется их миссионерской деятельности. Раскрывается их роль в развитии духовной и культурной жизни славянских народов.

Ключевые слова: Кирилл, Мефодий, Древняя Русь, миссионерская деятельность, церковь, славяне, азбука, письменность.

Приблизительно 1150 лет тому назад появилась собственная славянская письменность. Её создание связано с подвижнической деятельностью и духовным подвигом великих славянских просветителей Кирилла и Мефодия. Славянская письменность является одним из истоков нашей культуры. С её помощью среди славян на родном языке распространялось божье слово, которое способствовало утверждению среди них христианских идеалов. С жизнью и деятельностью святых Кирилла и Мефодия тесно связаны страницы древнерусской истории.

Среди отечественных учёных в отношении славянской письменности, а, значит, и определение роли великих просветителей Кирилла и Мефодия существуют разнообразные точки зрения. Большинство учёных-культурологов считают, что если письменность рассматривать как способ фиксации и передачи информации, то в этом случае следует согласиться с выводами ряда учёных о существовании славянской письменности ещё в глубокой древности. А. А. Формозов[1], А. С. Львов[2], Н. А. Константинов[3], С. П. Обнорский[4], В.Г. Власов[5] и другие считали что славянская

[1] Формозов А.А. Сосуды срубной культуры с загадками и знаками // Вестник древней истории. 1953. № 1. С. 193.

[2] Львов А. С. К истории слова грамота в древнерусской письменности // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 88-103.

[3] Константинов Н.А. О начале русской письменности // Нева. 1957. № 7. С. 178-182.

[4] Обнорский С.П. Язык договоров русских с греками. Сб. «Язык и мышление» Вып. V-VI. М.-Л., 1936. С. 5.

письменность возникла в конце I тыс. до н.э. или VI в. н.э. Эти утверждения базируются на группе археологических памятников, содержащих знаки и обрывки текстов древнего письма которые были обнаружены на территории Херсонеса, Керчи, Ольвии, алекановской надписи - группы из 14 знаков на глиняном сосуде X-XI вв., найденой на территории Рязани. В Севернянских курганах у Чернигова также найдены изображения (нарезки) на кости, относящиеся к X в., возможно представляющие собой одну из разновидностей древнего славянского письма. Сообщения о древнеславянском письме содержатся и в VIII главе Паннонского (Жития Константина Философа)[6]. Согласно этому «Житию» Константин (в монашестве Кирилл), нашёл в Крыму, в Херсонесе, Евангелие и Псалтырь, написанные «русскими письменами». Затем Константин встретил человека, говорившего по-славянски, вступил с ним в беседу и быстро изучил этот язык[7].

Первая русская летопись «Повесть временных лет» документально свидетельствует о том, что Древняя Русь в начале X в. имела письменность, причём следует учесть, что первая запись в летописи датируется 852 годом, который является более ранним периодом, чем созданная письменность Кириллом и Мефодием (863 г.). Очевидно, монах Нестор пользовался более ранними историческими записями, а значит, начало древнерусского летописания должно быть отнесено к середине IX в. По мнению академика Б. А. Рыбакова[8] первые реальные следы древнерусского летописания относятся к 60-м годам X в. и связываются с деятельностью князя полян Аскольда, а затем древнерусских князей Олега, Игоря и Святослава, которые заключали договоры с Византией и которые были переведены с греческого на славянский язык.

Все данные исследования не противоречат друг другу. Очевидно, следует согласиться с Л. В. Черепниным[9], который предположил, что эволюция славянского письма прошла путь от рисунка, изображающего определённый образ или понятие, через изображение, соответствующее словам, то есть на первых порах ему были свойственны и пиктографические и идеографические (символические) знаки. Отсюда следует, что подвиг Кирилла и Мефодия в создании славянской письменности следует понимать как то, что они её создали не на пустом месте[10]. Созданная ими славянская письменность сразу вошла в культурный фонд большинства славянских народов. Одним из развитых вариантов этой письменности (кириллицы) пользуется Россия и иные славянские государства.

Мера важности трудов Кирилла и Мефодия, оценка из вклада в сокровищницу славянской, а значит и мировой культуры может быть оценена представлением их жизненного пути и творчества.

О жизни и деятельности Кирилла и Мефодия известно из ряда старославянских, латинских и греческих источников. Особенно важным является «Житие» Константина и Мефодия, написанные лицами, хорошо знавшими основные вехи жизни славянских праучителей.

Мефодий и Кирилл (в мирской жизни Михаил и Константин) родились в греческом городе Солуни (ныне Фесалоники) в семье византийского военачальника среднего ранга, грека по происхождению, по имени Лев. Их мать была славянкой. Поскольку Солунь IX века был двуязычным местные жители разговаривали на греческом и болгаро-македонском диалекте, то святые Кирилл и Мефодий ещё с детства хорошо знали славянский язык. Среди 7 детей Льва – Михаил был самым старшим, а Константин – самым младшим ребенком.

Михаил (Мефодий) (805/815-885 гг.) продолжил карьеру своего отца военнослужащего. Позже император назначил его воеводой в одну из славянских областей Византии. Там он прожил с 843 по 856 гг. Это, очевидно, дало ему возможность ознакомиться с языком, обычаями, культурой местных жителей. Позже по неизвестным причинам Михаил отказался от военно-государственной службы, семейной жизни он

[5] Власов В.Г. Славянская азбука и славянские просветители //Научный коммунизм. 1989. № 6. С. 6.
[6] Сказание о начале славянской письменности / сост. Б.Н. Флоря. М., 1981. С. 145.
[7] Начало славянской письменности. Режим доступа: http://slawianie.narod.ru/str/pismo/ naczalo.html
[8] Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 221.
[9] Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1961. С. 82–83.
[10] Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930.

имел жену и двух детей) и посвятил себя служению богу, став настоятелем небольшого монастыря, недалеко от горы Олимп. Именно в это время Михаил и получил монашеское имя – Мефодий[11].

Младший из братьев – Константин (826-869 гг.) получил образование в Магнаврской школе в Константинополе, в наилучшем учебном заведении Византии. Среди её преподавателей были известные учёный-энциклопедист Лев Математик (впервые использовал литеры как алгебраические символы), богослов, писатель, а позже Патриарх Фотий (автор сборника «Библиотека», где содержатся некоторые сведения о древней Руси) и другие учёные и богословы. На культурную жизнь византийской столицы I половины IX столетия заметно влияло творчество философа и богослова Иоанна Грамматика, поэтессы и гимнографика Кассии. В этой школе Константин изучал грамматику, диалектику, риторику, арифметику, геометрию, астрономию, музыку, проявлял заинтересованность поэм Гомера, трагедии Софокла, философских произведений Платона и Аристотеля, а также творчества Григория Богослова – одного из наиболее ярких церковных мыслителей. Григория Богослова Константин считал своим духовных пастором. После окончания школы Константин становится её профессором, где он прославился не только как философ, но и как знаток языков. Кроме греческого он владел славянским, латинским, а также староеврейскими языками, поскольку при составлении славянской азбуки он использовал ряд элементов гебрейско-самаритянской письменности. После окончания школы некоторое время Константин работал библиотекарем в соборе святой Софии в Константинополе. Через некоторое время он принял сан Дьякона и был назначен первым секретарём Патриарха. В его обязанности входило ведение текущего деловодство патриаршей канцелярии и её архива. Ещё позже Константин совершенствовал свои знания в одном из монастырей на берегу Босфора. Приблизительно в 851 году император назначил Фотия государственным канцлером, а вместо него должность преподавателя философии занял Константин – для обучения «своих» и «чужаков». С этого времени он принимал участие в разных дискуссиях на философские и богословские темы. Фрагменты с его полемики зафиксированы в «Житиях». Они свидетельствуют, что Константин обладал искусством красноречия, логикой изложения и взвешенной аргументацией утверждений. Победы в словесных поединках с известными учёными принесли ему широкую популярность. В связи с эти византийский император Михаил III вместе с патриархом Фотием постоянно отправляли Константина послом Византии к соседним народам с миссионерской деятельностью для укрепления и распространения христианского учения, которое сопровождалось навязыванием дипломатических отношений. В то время главной идеологической концепцией Византии было не просто завоевание новых территорий и стран, но прежде всего приобщение их к христианству. В первую очередь это касалось славянских народов. К середине I тысячилетия н.э. славяне заселяли огромные территории в центральной, Южной и Восточной Европе. Их соседями на юге были Греция, Италия, Византия – своего рода культурные эталоны тогдашней человеческой цивилизации.

Молодые славянские народы постоянно нарушали границы южных соседей. Чтобы обуздать их, Рим и Византия начали предпринимать попытки обратить славян в христианскую веру, подчинив их дочерние церкви главной – западно-римской (латинской) в Риме и греческой (православной) в Константинополе. На славянские земли стали направлять миссионеров. Среди посланцев церкви, без сомнения, было немало тех, кто искренне и убеждённо исполнял свой духовный долг, да и сами славяне, живя в тесном соприкосновении с европейским средневековым миром, всё более склонялись к необходимости войти в лоно христианской церкви. В начале IX века славяне начали активно принимать христианство.

И тогда встала новая задача. Как сделать доступным для новообращённых огромнейший пласт мировой христианской культуры – священные писания, молитвы, послания апостолов, труды отцов церкви? Славянский язык, различаясь диалектами, долгое время оставался единым: все прекрасно понимали друг друга. Однако письменности у славян ещё не было. «Прежде славяне, когда были язычниками,

[11] Сказание о начале славянской письменности. С. 72.

не имели письмен, – говорится в Сказании черноризца Храбра „О письменах“ – но [считали] и гадали с помощью черт и резов»[12]. Однако при торговых сделках, при учёте хозяйства или когда нужно было точно передать какое-нибудь послание, вряд ли «черт и резов» оказывалось достаточно. Возникла потребность в создании славянской письменности.

«Когда же славяне крестились, – рассказывал черноризец Храбр, – то пытались записывать славянскую речь римскими [латинскими] и греческими письменами без порядка»[13]. Эти опыты частично дошли до наших дней: звучащие по-славянски, но записанные в X веке латинскими буквами главные молитвы, распространённые у западных славян. Или другой интереснейший памятник – документы, в которых греческими буквами записаны болгарские тексты, причём тех времён, когда болгары говорили ещё на тюркском языке (позже болгары будут говорить на славянском)[14].

И всё же ни латинский, ни греческий алфавиты не соответствовали звуковой палитре славянского языка. Слова, звучание которых невозможно правильно передать греческими или латинскими буквами, приводил уже черноризец Храбр: живот, чаяние, юность, язык и другие[15]. Но выявилась и иная сторона проблемы – политическая. Римские (латинские) миссионеры вовсе не стремились сделать новую религию понятной верующим. В Римской церкви было распространено убеждение, что существуют «лишь три языка, на которых подобает славить Бога с помощью (особых) письмен: еврейский, греческий и латинский». К тому же Римо-католической церкви твёрдо придерживались позиции, что «тайна» христианского учения должна быть известна только духовенству, а простым христианам достаточно немногих специально обработанных текстов – самые зачатки христианского знания[16].

В Византии на всё это смотрели, видимо, несколько иначе, здесь начали подумывать над созданием славянских букв. «Дед мой, и отец мой, и иные многие искали их и не обрели», – скажет будущему создателю славянской азбуки Константину Философу император Михаил III.

Таким образом, политика соединялась с религией. В IX веке ареной византийского миссионерства были Балканы и Центральная Европа, а также восточные земли, зависимые от Константинополя. Великим успехом Византии стала христианизация сербов и болгар в 850-860 гг.

Константин, имея большую популярность в миссионерской деятельности, принимал участие в дипломатической миссии в арабские страны, в частности в Багдад, где проявил себя глубоким знатоком не только Библии, но и Корана.

В середине IX века политического и военного могущества достигает древнерусское государство с центром в Киеве. Византия, не надеясь с помощью военной силы противостоять экспансии этого государства, принимает решение защищать свои интересы с помощью распространения в Северном Причерноморьи христианства. Тогда эта территория входила в сферу влияния Хозарского каганата, в среде которого постепенно укоренялись иудаизм и ислам, но были и христиане. Для усиления позиций христианства и была организована миссионерская поездка Константина и Мефодия в Хозарское государство. По дороге братья останавливались в Херсонесе (Корсуне). Считается, что именно в это время они и крестили князя полян Аскольда (в крещении он получил имя Михаил) и его дружинников, возвращавшихся с византийского похода. Проводя проповеди среди восточных славян, Кирилл и Мефодий, как утверждает «Житие»[17], познакомились с церковными книгами на старославянском языке, разыскали и забрали с собой часть останков Папы Климента, который погиб там мученической смертью в 101 году. Из древнерусских летописей известно, что часть останков святого Климента после византийского похода 987 года князя Владимира Святославовича

[12] 1150 лет славянской письменности. Режим доступа: http://www.chaltlib.ru/articles/resurs /jubilei_goda/ god_rossiiskoy_istorii /1150_let_slavyanskoi_pismennosti

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] Там же.

[16] Там же.

[17] Сказание о начале славянской письменности. С.96.

оказалось в Киеве и сначала сохранялось в Десятинной церкви. С этой реликвией связан один из наиболее важных моментов истории русской православной церкви – попытка получения самостоятельности и независимости русской церкви от Константинополя. Русский собор епископов в своем решение указывал, что благословение мощами святого Климента равнозначно патриаршей хиротонии, поэтому на русской земле должен быть свой митрополит. Им в 1153 году стал Климент Смолятич[18].

После возвращения в Константинополь Мефодий стал игуменом Полихронского монастыря. Именно тогда Константин и Мефодий стали активно создавать славянскую азбуку которая точно отражала б звуковой состав славянского языка. Используя новый созданный алфавит братья начали перевод на славянский Евангилия – сложнейшего, многослойного, внутренне ритмизованного литературного произведения, требующий тщательного и адекватного подбора слов[19]. Одновременно Константин в 861 году написал свой первый известный труд «Слово на перенесение мощей святого Климента»[20].

В это время Константин и Мефодий получили приглашение на миссионерскую деятельность в мощное славянское государство – Великую Моравию, где её князь Ростислав стремился через христианскую церковь усилить свою государственную власть. Он пытался объединить разрозненные церковные службы в единый епископат. Поэтому князь и обратился за помощью к византийскому императору с просьбой прислать образованных людей, которые могли бы ему в этом помочь, проводя литургию не на латыни, а на славянском языке и при этом обучали бы данному делу других. В моравской миссии византийский император и константинопольский патриарх видели прекрасный повод вырвать Великую Моравию из сферы влияния римской церкви. Во время предыдущих арабской и хозарской миссий Константин и Мефодий овладели новыми языками, навыками ведения проповедей и полемики. Не в последнюю очередь направление их в Великую Моравию было связано и со знанием ими культуры и менталитета славянских народов. В это время Константин и Мефодий ещё не осознавали, что эта миссия станет чуть ли не самой важной как для них, так и для всего славянского мира.

Посланцы Константин и Мефодий вместе с большой дипломатической миссией попали в Велиград в 863 году, где и принялись проводить просветительскую и духовную деятельность среди местных жителей: создали славянскую азбуку, переводили с греческого языка на славянские церковные книги, служили литургию святого Иоанна Златоуста. В их задачу также входила подготовка священников из числа местного населения, которых они обучали в специально созданной церковной школе. Учеников было 50 человек, которых обучали славянскому письму, ведению проповедей и церковной службы на славянском языке. Деятельность Константина и Мефодия вызвала острое сопротивление римского духовенства в сфере влияния, которого находилась Великая Моравия. Папа обвинил братьев в ереси, поскольку божью службу они вели на славянском языке, а в то время законным языком считалась только латынь, греческий и староеврейский язык. Константину и Мефодию римская церковь отказала в посвящении их учеников в сан священников и поэтому братья приняли решение о возвращении в Византию. По дороге они успели ещё заняться миссионерской деятельностью на территории славянского государства – Блатонского княжества, где они также подготовили священников для ведения христианской службы на славянском языке. Пребывая в Венеции, солоунские братья получили приглашение к римскому Папе, где они передали ему останки святого Климента. В то время в западной и восточной церквях владение реликвиями имело не только религиозный, но и политический характер. В ответ римский папа Адриан II взял под свою защиту богослужение Константина и Мефодия на славянском языке. В церкви святой Марии Ясной были созданы церковные книги на славянском языке, прошли богослужения на их освящение. Всё это свидетельствовало о признании духовных трудов Константина и Мефодия. Позже за великие заслуги Кирилла в церкви святого Петра высветили на епископа, а его брата на священника, их ученикам присвоили различный духовный сан.

В конце 868 года Константин заболел и отказался от епископства став монахом.

[18] Власов В.Г. Кирилл и Мефодий // Культура и религия. 1992. № 3. С. 27.
[19] 1150 лет славянской письменности.
[20] Сказание о начале славянской письменности. С. 9.

Именно тогда он и принял имя Кирилл Александрийский, а 14 февраля 869 года – умер. Его тело было похоронено с церковными почестями рядом с мощами святого Климента, где находятся и сейчас[21].

Перед смертью Кирилл сказал своему брату Мефодию: «Мы с тобой, как два вола: от тяжёлой ноши один упал, другой должен продолжать путь»[22]. Папа Иоанн VIII рукоположил Мефодия в сан архиепископа Моравии и Паннонии. Он с учениками, получившими сан священников, вернулся в Паннонию, а позже в Моравию.

К этому времени обстановка в Моравии резко изменилась. После того, как Ростислав потерпел поражение от Людовика Немецкого и в 870 году умер в баварской тюрьме, моравским князем стал его племянник Святополк, который подчинился немецкому политическому влиянию. Деятельность Мефодия и его учеников протекала в очень сложных условиях. Латинско-немецкое духовенство всячески мешало распространению славянского языка как языка церкви. Им даже удалось на три года заключить Мефодия в один из швабских монастырей — Райхенау[23].

Узнав об этом, папа Иоанн VIII запретил немецким епископам совершать литургию, пока Мефодий не будет освобождён. Правда, он же запретил богослужение на славянском языке, разрешив только проповеди. Будучи в 874 году восстановленным в правах архиепископа, Мефодий, несмотря на запрещение, продолжал богослужение на славянском языке, крестил чешского князя Боривоя и его супругу Людмилу. В 879 году немецкие епископы организовали новый процесс против Мефодия. Однако Мефодий в Риме блестяще оправдался и даже получил папскую буллу, разрешающую богослужение на славянском языке[24].

В 881 году Мефодий по приглашению императора Василия I Македонянина приехал в Константинополь. Там он провёл три года, после чего вместе с учениками вернулся в Моравию. С помощью трёх учеников он перевёл на славянский язык Ветхий Завет и святоотеческие книги. В 885 году Мефодий тяжело заболел. Перед смертью своим преемником назначил ученика Горазда. 19 апреля, в Вербное воскресенье он попросил отнести себя в храм, где прочитал проповедь. В тот же день он скончался. Отпевание Мефодия происходило на трёх языках — славянском, греческом и латинском[25].

В чём же величие духовного подвига святых Кирилла и Мефодия и их заслуги перед славянскими народами. Во-первых они разработали первую упорядоченную славянскую азбуку и этим положили начало широкому развитию славянской письменности[26]. Во-вторых, перевели с греческого языка много церковных книг. Это стало началом формирования старославянского литературного языка и славянского книжного дела. К тому же Кириллом были созданы и оригинальные произведения. В-третьих Кирилл и Мефодий в течении долгих лет среди западных и южных славян активную просветительскую работу и тем самым способствовали распространению грамотности у этих народов. В продолжении всей их деятельности в Моравии и Паннонии Кирилл и Мефодий вели, кроме того, самоотверженную борьбу против попыток немецко-католического духовенства запретить славянскую азбуку и книги. В-четвертых: Кирилл и Мефодий были основоположниками первого литературно-письменного языка славян – старославянского языка, который в свою очередь явился своеобразным катализатором для создания древнеболгарского, древнерусского и литературных языков других славянских народов[27].

Наконец, оценивая просветительскую деятельность солунских братьев, следует иметь в виду, что они не занимались христианизацией населения как таковой (хотя и способствовали ей), ибо Моравия ко времени их прибытия была уже христианским государством. Кирилл и Мефодий, составив словянскую азбуку, осуществляя переводы

---

[21] Власов В.Г. Славянская азбука и славянские просветители. С. 49.

[22] Кирилл и Мефодий. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/ %CA%E8%F0 %E8%EB%EB%E8%CC %E5% F4%EE%E4%E8%E9

[23] Там же.

[24] Там же.

[25] Там же.

[26] Истрин В. А. Возникновение развитие письма. М., 1961. 301 с.

[27] Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 351.

с греческого, обучая грамоте и приобщая местное население к богатой по содержанию и формам христианской и энциклопедической литературе, были именно учителями и просветителями славянских народов.

Дошедшие до нас славянские памятники X-XI вв. свидетельствуют о том, что, начиная с эпохи Кирилла и Мефодия, в течение трех веков славяне пользовались в принципе единым книжно-литературным языком с рядом местных вариантов. Славянский языковой мир был довольно единообразным, если сравнивать его с современным. Таким образом, Кирилл и Мефодий создали интернациональный, интерславянский язык.

ON THE ROLE OF THE GREAT ENLIGHTENERS CYRIL AND METHODIUS IN THE CREATION OF THE SLAVIC ALPHABET (THE 1150th ANNIVERSARY OF THE ORIGINATION OF SLAVIC WRITING)

N.N. OLEINIK[1]
Yu.A. OLEINIK[2]

[1] Belgorod National Research University

[2] Kharkiv National pedagogical university name GSSkovoroda, Ukraine

[1] e-mail: oleinik@bsu.edu.ru

[2] e-mail: hitalex@ua.fm

On the basis of various sources illuminated life and formation of the views of the great Slavic educators Cyril and Methodius. Particular attention is paid to their missionary work. Reveals their role in the development of the spiritual and cultural life of the Slavic peoples.

Keywords: Cyril, Methodius, Ancient Russia, missionary work, church, Slavs, alphabet, writing.

УДК 355.4:94(430).041

РАБОТА Д.А. МИЛЮТИНА «ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА (1618-1648)» О ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ

Д.Е. ГАБЕЛКО

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», г. Воронеж

e-mail: dmitry.gabelko@yandex.ru

В статье рассказывается о работе Д.А. Милютина над очерком о Тридцатилетней войне (1618-1648) для курса военной истории офицерам Военной академии. Основное внимание автор уделяет военному искусству воюющих сторон. Кроме того, показана стратегия шведского короля Густава II Адольфа.

Ключевые слова: Тридцатилетняя война, военное устройство государства, военное искусство.

Дмитрий Алексеевич Милютин (1816-1912) – военный министр России (1861-1881) и последний русский генерал-фельдмаршал (1898), крупный государственный деятель и военный реформатор, превративший русскую армию в современную массовую армию. Милютин – видный военный теоретик, основоположник военной статистики, инициатор и непосредственный руководитель военно-статистического описания губерний Российской империи, являлся членом-корреспондентом Императорской Академии Наук, получил звание доктора русской истории от Императорского Петербургского университета, профессор Императорской Военной академии по кафедре военной географии, затем военной статистики[1]. Нас интересует его военно-теоритическое наследие, в том числе и труды по военной истории, которые до сих пор мало известны читателю, но являются ценным источником для изучения истории русской армии и военного искусства.

В начале 1838 года поручику Милютину «явились навстречу» два предприятия, в которых ему было предложено участвовать: с одной стороны, профессор кафедры военной истории и стратегии Военной академии князь Н.С. Голицын (1809-1892) задумал составить коллективный труд по курсу военной истории для руководства офицерам Военной академии, с другой – книгопродавец И.И. Глазунов (1786-1849) предпринял издание «Военной библиотеки» из переводов известных иностранных сочинений по военной истории и военному искусству. Такое стечение обстоятельств произошло не случайно. Профессор князь Голицын, ещё раньше рекомендовал его в сотрудники «Военного Энциклопедического Лексикона».

В своих «Воспоминаниях» Милютин писал: «В первом из этих предприятий, по плану князя Голицына, предполагалось весь курс военной истории разделить на несколько периодов, и каждый период поручить особому редактору, который должен был, за установленную плату, изложить свой отдел в данном объёме, соответственно программе преподавания в Военной Академии. На покрытие расходов как в уплату сотрудникам, так и на само издание полагалось испросить субсидию от казны, с рассрочкою на известное число лет. План этот, одобренный академическим начальством, восходил чрез военного министра на Высочайшее разрешение. Работа была распределена между офицерами Генерального штаба, бывшими слушателями в Военной Академии; кроме меня, были сотрудниками: Штюрмер, Богданович, Горемыкин, Вуич, Кузьминский и ещё несколько. На мою долю досталась Тридцатилетняя война, к составлению которой и приступил я неотлогательно»[2].

В течение осени 1838 года Милютин закончил свой «отдел» о Тридцатилетней войне и исправил его по замечаниям князя Голицына.

В начале 1848 года профессор князь Голицын вышел в отставку с чином действительного статского советника и получил место директора Училища правоведения. Работа

---

[1] Габелко Д.Е. Штрихи к портрету Д.А. Милютина // Проблемы модернизации современной России. Сборник научных трудов / под ред. проф. В.В. Галкина. Вып.2. Воронеж, 2011. С.117–121.

[2] Милютин Д.А. Воспоминания. 1816-1843 / под ред. Л.Г. Захаровой. М., 1997. С.184.

по курсу военной истории осталась незаконченной. В 1851 году, после увольнения от должности, последний вновь был зачислен на военную службу по Генеральному штабу. В 1867 году генерал-лейтенант князь Голицын стал членом Военно-ученого комитета Главного штаба и возобновил научную деятельность. Подготовленная Милютиным работа о Тридцатилетней войне в дополненном виде составила первую часть «Всеобщей военной истории новых времен»[3].

7 января 1876 года военный министр Милютин записал в «Дневнике»: «По выходе моём из Академии я принимал некоторое время участие в предпринятом князем Голицыным составлении полного Курса военной истории, от древнейших до наших времен. На мою долю досталась Тридцатилетняя война; но я недолго оставался сотрудником в этой работе: уезжая на Кавказ, я представил подготовленную мною статью в полное распоряжение главного редактора и позабыл совсем о предпринятом составлении Курса военной истории; да и сам князь Голицын должен был покинуть эту пенелопину работу, получив место директора Училища правоведения. Лет пять тому назад, т.е. по прошествии более 30 лет после прекращения работы, князь Голицын задумал вернуться к ней и закончить её единоличным трудом»[4].

Книга «Тридцатилетняя война» состоит из Предисловия, рубрики «Источники и исторические пособия для исследования и изучения военной истории 30-летней войны», 6 разделов из 57 параграфов и Приложения. Основная часть работы, автором которой является Милютин, хорошо структурирована хронологически и тематически, написана хорошим литературным языком и с интересом читается. Текст иллюстрируют 2 карты Тридцатилетней войны и планы трех главных сражений, что характерно для научных исследований Милютина. В Приложении, которое составил редактор князь Голицын, приведены более или менее краткие жизнеописания и характеристики главных военных деятелей Тридцатилетней войны, основное внимание уделено шведскому королю Густаву II Адольфу (1594-1632).

В Предисловии книги князь Голицын отметил: «Настоящая первая часть всеобщей военной истории новых времен, заключающая в себе изложение Тридцатилетней войны, была первоначально составлена в 1838 году, согласно с общим планом составления и изложения всеобщей военной истории всех времен и народов, и мною тогда и ныне пересмотрена, пополнена и приготовлена к изданию»[5]. Книга была опубликована в 1872 году без указания автора, поэтому первое крупное военно-историческое сочинение Милютина выпало из поля зрения исследователей его жизни и деятельности. «Тридцатилетняя война» Милютина представляет несомненный военно-теоретический интерес, так как политические события и связанные с ними военные действия на территории Европы он рассматривает с позиции «образа и искусства ведения войны».

Работу открывает рубрика «Источники и исторические пособия для исследования и изучения военной истории 30-летней войны», где указаны разного рода военные и некоторые общеисторические сочинения об этой войне, «по порядку времени издания».

В Главе I «Краткое обозрение военного устройства государств и состояние военного искусства во время тридцатилетней войны» автором рассмотрено: военное устройство европейских государств вообще и Швеции в особенности; тактическое устройство войск вообще и пехоты в особенности; конница; артиллерия; строй и образ движений и действий войск; управление, содержание и продовольствие армий; дух и воинский порядок в войсках; полевая фортификация; строение, осада и оборона крепостей. Такой обстоятельный обзор позволил Милютину провести сравнительный анализ состояния вооруженных сил воюющих государств и сделать вывод в пользу военного устройства Швеции.

Далее Милютин исследует ход военных действий, стратегию и тактику воюющих сторон. Так, в Главе II «Первый период тридцатилетней войны, от начала войны в Богемии до прибытия Густава-Адольфа в Германию (1618-1630 г.)», он делает общий вывод о действиях в первом периоде Тридцатилетней войны: «…в усилиях протестантов, всегда

---

[3] Всеобщая военная история новых времен. Часть первая. Войны первой половины XVII века в Западной Европе. Тридцатилетняя война. 1618-1648 / издана под ред. кн. Н.С. Голицына. Петербург, 1872.

[4] Милютин Д.А. Дневник. 1876-1878 / под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2009. С. 31.

[5] Всеобщая военная история новых времен. Часть первая. Войны первой половины XVII века в Западной Европе. Тридцатилетняя война. 1618-1648. С. V.

отдельных, частных, не было ни согласия, ни единства, ни искусства, император (Фердинанд II – *автор*) умел совокупность всех своих сил устремлять постоянно, непрерывно, с единством и решительностью, к одной общей цели. И полководцы, которым вверены были войска императорские и католические: герцог баварский, Тилли и Валленштейн, действовали в том же духе. Совокупность усилий, единство, решительность и искусство действий их решили войну в Богемии, в верхнем и нижнем Пфальце и покорили эти страны власти императора»[6].

Касательно «образа ведения войны», Милютин указывает на то, что он был «неправильный, неосновательный», по характеру – крайне жестокий. Полководцы действовали без всякого «предначертания», сообразно со средствами и обстоятельствами, направляясь туда, где край представлял больше важности в политическом отношении, либо более выгодном для содержания войск, обогащения себя грабежом. Армии производили быстрые и дальние движения во всех направлениях не заботясь об удержании края. От этого действия армий походили больше на набеги, чем на правильную войну. При движениях армии встречали укрепленные лагеря, позиции, города, крепости и во время осады действовали медленно и нерешительно. «Причинами тому были: при осадах – недостаток осадных принадлежностей, ошибочное либо неискусное ведение атаки, а в поле – несовершенство тактики и предрассудки времени»[7].

В Главе III «Второй период тридцатилетней войны, со времени прибытия Густава-Адольфа в Германию до сражения при Нёрдлингене включительно (1630-1634 г.)», Милютин в самом начале показывает план войны, приготовления к войне и первоначальные военные действия Швеции в Германии. Он сообщает, что когда в Швеции рассматривали вопрос, какую войну должно вести государство, наступательную в Германии или оборонительную в собственных пределах, то король Густав-Адольф признал, что в тогдашних обстоятельствах для Швеции было выгодно вести против императора Фердинанда II (1578-1637) наступательную войну в самой Германии. Милютин замечает, что приняв план ведения войны, Густав-Адольф обеспечил себя со стороны соседних государств договорами, устроил внутренние дела, заготовил значительные денежные суммы и всякого рода запасы, усилил свой флот, построил большое число транспортных судов, составил для высадки в Германию 15-ти тысячный отряд отборных войск из 12500 человек пехоты (92 роты) и 2 тысячи человек конницы (116 рот), при надлежащем числе полевых орудий[8].

26 июня 1630 года состоялась высадка шведской армии в Германии. Милютин обратил внимание на то, что Густав-Адольф снова проявил высокие военные дарования: «…для высадки избраны острова, образуемые устьями Одера. Заняв оные, утвердившись на них, доставив тем флоту своему надежное убежище и обеспечив сообщения своей армии морем с Швецией, Густав-Адольф предполагал занять все ближайшие на обеих сторонах нижнего Одера крепости и города, преимущественно же Штеттин – главный город Померании и единственный пункт, не занятый в этой стороне императорскими войсками, утвердиться таким образом на нижнем Одере и иметь в Штеттине главное складочное место своё и твёрдый опорный пункт для действий по произволу либо вверх по Одеру, либо на правой, либо на левой стороне этой реки.

Таков был превосходно соображенный план первоначальных военных действий в Германии, составленный Густавом-Адольфом»[9].

В Главе IV, которая также носит название «Второй период тридцатилетней войны, со времени прибытия Густава-Адольфа в Германию до сражения при Нёрдлингене включительно (1630-1634 г.)», Милютин уточняет положение воюющих сторон после победы Швеции при Лейпциге 17 сентября 1631 года, анализирует стратегический план Густава-Адольфа и дает ему оценку. За последние 14 месяцев политический, военный и нравственный перевес перешёл на сторону Густава-Адольфа и протестантов, но задача освобождения последних и Германии не была решена. Возник важный вопрос, куда и как должны быть направлены дальнейшие действия и главные усилия Швеции и протестантов – в Западную

---

[6] Всеобщая военная история новых времен. Часть первая. Войны первой половины XVII века в Западной Европе. Тридцатилетняя война. 1618-1648. С. 45–46.

[7] Там же. С. 47.

[8] Там же. С. 52.

[9] Там же. С. 52–53.

Германию против разбитых полков главнокомандующего императорской армией И. Тилли (1559-1632) и рейнских католических владетелей или в Южную Германию против родовых владений императора Фердинанда II? Милютин сделал здесь следующее стратегическое наблюдение: «Всего выгоднее и сообразнее с обстоятельствами Густав-Адольф признал действовать в одно время против родовых владений императора, против Тилли и в юго-западной Германии. С главными силами шведской армии предположил он двинуться из Саксонии через Тюрингию и Франконию в Швабию, способствовать восстанию и вооружению протестантов юго-западной Германии, ...отрезать южную Германию от западной, и утвердившись на всей полосе Германии между Балтийским морем, нижним Одером и верхним Рейном, равно и на среднем Рейне, тогда уже с запада обратиться против Баварии и Австрии. ...Таков был план действий Густава-Адольфа, основанный на верном, глубоком и дальновидном соображении всех современных политических и военных обстоятельств. И этот превосходно соображенный план был и исполнен столько же искусно, по крайней мере в том, что касалось действий самого Густава-Адольфа»[10].

В начале Главы V, которая также называется «Второй период тридцатилетней войны, со времени прибытия Густава-Адольфа в Германию до сражения при Нёрдлингене включительно (1630-1634 г.)», Милютин дает представление о состоянии обеих воюющих сторон после сражения при Лютцене 16 ноября 1632 года, где победили шведы, но был убит Густав-Адольф. Смерть Густава-Адольфа внесла существенные изменения в положение Германии и других воюющих стран. Предметом исследования Милютина становятся боевые действия в Западной и Южной Германии, в Силезии и Саксонии в 1633 году, в Баварии и Франконии в 1634 году, сражение при Нёрдлингене 6 сентября 1634 года, в котором потерпела поражение шведская армия. В конце главы он делает вывод об образе и искусства ведения войны во втором периоде Тридцатилетней войны вообще и Густавом-Адольфом в особенности. Милютин считает, что: «Действия Густава-Адольфа в Германии вообще, сходные между собою в главных своих основаниях, имеют однако же различный характер в 3-х главных периодах своих: в 1-м со времени прибытия Густава-Адольфа в Германию до перехода его через Эльбу и движения к Лейпцигу, во 2-м от перехода через Эльбу до начала действий при Нюрнберге и в 3-м от начала действий при Нюрнберге до смерти Густава-Адольфа»[11].

В результате наблюдения за первоначальными действиями Густава-Адольфа после прибытия в Германию, Милютин считает, что он прочно утвердился в Померании благодаря тому, что: «1) постепенно, медленно, шаг за шагом, но прочно утверждаясь в краю занятием всех крепостей, укрепленных городов и важнейших пунктов, ставя гарнизоны и собирая запасы продовольствия в них; 2) обеспечивая себя со всех сторон, в особенности же сообщения свои с важными складочными местами в тылу и морем с Швецией; 3) постепенно усиливая себя войсками и союзами; 4) приобретая доверенность и расположение жителей края кротким обращением с ними, поддержанием в войсках своих строжайшего воинского порядка и правильным содержанием их, не допускавшими грабежа; 5) искусно уклоняясь от боя с превосходящими силами неприятеля...»[12].

Изучив военное искусство Густава-Адольфа, Милютин утверждает, что: « ...действия Густава-Адольфа были всегда правильны, осторожны, решительны и сообразны с обстоятельствами. С изменением обстоятельств, столь непостоянных на войне, изменялся и характер его действий, и в них, как объяснено выше, преобладали: 1) до перехода через Эльбу – правильность и осторожность, не исключавшие решительности, когда обстоятельства допускали это; 2) от перехода через Эльбу до начала действий при Нюрнберге – необыкновенная решительность, смелость и даже отважность, не исключавшие, однако, обычных правильности и осторожности, и наконец 3) в окончательных его действиях до его смерти, при такой-же правильности, усматриваются попеременно то большая осторожность, то большая решительность»[13].

Милютин поясняет, что, с его точки зрения, содержат правильность, осторожность и решительность в образе ведения войны Густава-Адольфа: «И так, в превосходном испол-

---

[10] Там же. С. 74–75.
[11] Там же. С. 110–111.
[12] Там же. С. 111.
[13] Там же. С. 113.

нении им искусных своих соображений, т.е. в благоразумном сочетании правильности, осторожности и решительности, и в усугублении, сообразно с обстоятельствами, той или другой из двух последних – заключается тайна важных, обширных, блистательных и, пока он был жив, столь прочных успехов Густава-Адольфа. Источником же искусных соображений его и превосходного исполнения их, и всего достойного удивления в его действиях, были высокие личные качества и дарования его. Равно великий как человек, как государь и как полководец, он соединил в себе всё искусство политика и полководца, все доблести гражданские и военные»[14]. Всё это, считает Милютин, вполне отразилось «в образе ведения им войны вообще, и в военных действиях его в частности».

Здесь Милютин делает короткий общий вывод об образе и искусстве войны во втором периоде Тридцатилетней войны противников Швеции и замечает, что уже было не раз «говорено о неправильном, беспорядочном образе ведения войны во времена предшествующие. Действия в виде набегов, производимые войсками, походившими на шайки разбойников, без всякой правильности, порядка, связи и единства, и сопровождаемые грабежом и опустошением края и жителей – картина всё таже и столь же мало утешительная и занимательная, что и прежде»[15].

В Главе VI «Третий период тридцатилетней войны, от сражения при Нёрдлингене до заключения Вестфальского мира (1634-1648)» изложено политическое положение Германии и Европы после Нёрдлингенского сражения 6 сентября 1634 года, имеется краткий обзор хода, характера и результатов войны Франции с Испанией (1635-1659) и обстоятельный рассказ о военных действиях французских и шведских войск в Германии (1635-1648). Наибольший интерес здесь представляет общий вывод Милютина об образе и искусстве войны в третий период Тридцатилетней войны. Он полагал, что война в Германии и война Франции с Испанией, имели некоторые общие черты сходства и некоторые особенности, «однако война эта вообще представляет мало замечательного в отношении к искусству».

Страны-участницы преследовали следующие политические цели: религиозно-политическую свободу Германии, поддержание политического равновесия в Европе, явное и тайное стремление к распространению своих пределов, могущества и власти. Всё это увеличивало влияние политики на военные действия[16]. Франция действовала в Германии только частью своих войск, главные силы армии воевали против Испании в Нидерландах, Северной Италии, Руссилионе, Испании и на море. Все действия имели общий характер, при важности политических целей, цели военных действий ограничивались большей частью осадой, обороной и прикрытием крепостей и городов. Война все более становилась крепостной. При таком образе действий происходили «неважность результатов их и продолжительность войны»[17]. Действия в Германии имели характер более решительный. В продолжение 12-ти лет шведские и французские генералы совершали быстрые и дальние движения с севера – в Саксонию, Силезию, Богемию и Моравию, с запада – от Рейна к Дунаю, в Баварию и Австрию. И те и другие одерживали неоднократно частные победы и проникали почти до Вены, но не были в состоянии упрочить свои успехи или получить важные результаты. Таким образом, война в Германии, обязанная Густаву-Адольфу «правильностью и сочетанием решительности с осторожностью», получила прежний «неправильный и беспорядочный» характер. Важнейшие тому причины заключались в том, что война велась уже не в известной части Германии, а на всем пространстве и во всех частях края, круг военных действий значительно расширился, а силы и средства обеих воюющих сторон уменьшились. Продолжительная война и жестокий образ её ведения, истощив край, разорив жителей, усилил всеобщее желание мира[18]. Вестфальский мир, заключенный 24 октября 1648 года, положил конец Тридцатилетней войне.

По мнению Милютина, все это вместе взятое придает третьему периоду войны особый, отличительный характер, в котором присутствует старый «неправильный» образ ведения войны и уже положено начало к развитию и усовершенствованию того искусства, прочные основы которому положил Густав-Адольф. И в этом смысле третий период

[14] Там же. С. 115.
[15] Там же. С. 117.
[16] Там же. С. 118–128.
[17] Там же. С. 129–130.
[18] Там же. С. 130.

Тридцатилетней войны можно рассматривать как «эпоху дальнейшего развития новейшего искусства ведения войны»[19].

Таким образом, в работе «Тридцатилетняя война», Д.А. Милютин делает обозрение военного устройства европейских государств, показывает их планы и приготовления к войне, проводит сравнительный анализ состояния вооруженных сил воюющих сторон, освещает боевые действия и особое внимание обращает на военное искусство.

THE WORK OF D.A. MILUTIN «THIRTY YEARS` WAR (1618-1648)» ART OF WAR

D.E. GABELKO

Military educational scientific center of Military and air forces «Military and air academy of a name of Professor N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin», Voronezh

e-mail: dmitry.gabelko@yandex.ru

The article is devoted to the work of D.A. Milutin on the sketch of the Thirty Years` War (1618-1648) for the course of the military history for the officers of the Military Academy. The main attention is given to the art of war of both sides. The strategy of war the King of Sweden Gustav II Adolph is shown.

Keywords: Thirty Years` War, the military structure of the state, military art.

[19] Там же. С. 131–132.

УДК 94 (47)

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ МЕДИКИ И НАРОДНЫЕ ЦЕЛИТЕЛИ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (РОССИЯ, ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)[1]

З.С. ГАТИНА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

e-mail: rizhaya8989@mail.ru

Данная статья посвящена изучению представлений российских ученых медиков о народной медицине в первой половине XIX в. Статья написана на основе комплекса медико-топографических описаний регионов Российской империи, отложившихся в архиве Московского университета (Центральный исторический архив Москвы) и отчасти опубликованных в медицинских изданиях. В статье говорится о сложной системе взаимодействия между научным медицинским знанием, транслятором которого выступали выпускники врачебных отделений, и домашним лечением, основанным на традиционных народных практиках врачевания.

Ключевые слова: Российская империя, Императорский Московский университет, медицинский факультет, медико-топографические описания, народная медицина.

Одним из приоритетных направлений в социальной и культурной истории медицины, тесно переплетающимся с медицинской антропологией, является изучение народного целительства и субъектов этого знания. Медицинский словарь дает следующее определение народной медицине – это «совокупность передаваемых народом из поколения в поколение (в устной и письменной форме) эмпирических знаний и практических методов, применяемых для распознавания, лечения и предотвращения болезней»[2]. К определению понятия «народной медицины» можно подойти с нескольких точек зрения. С одной стороны, ее можно рассматривать как пространство практики лекарей, не имеющих университетского образования, (знахарей и знахарок, костоправов и прочих «шарлатанов»). С другой стороны, это популярная форма знания, разработанная учеными врачами для самолечения. Она возникла как попытка ученых формировать массовые представления о здоровье и нездоровье, или, по крайней мере, влиять на их бытование среди населения.

Изучением различных аспектов народной медицины занимаются как отечественные, так и западные исследователи. Некоторых из них интересует этнографическая сторона проблемы[3]. Таким авторам важно выявить этническую специфику[4] описываемого ими объекта. Другие исследователи стремятся теоретически осмыслить категории народной медицины, соотнести это понятие с культурно-историческими контекстами исследуемой эпохи[5]. Составной частью такого подхода является изучение взаимодействия и точек соприкосновения научной медицины и альтернативных ей практик лечения, именуемых народной медициной. В последнее время появились работы, в которых преоблада-

---

[1] В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Конструирование традиции: проблема преемственности и разрывов в университетской истории России», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 году.

[2] Народная медицина. Режим доступа: http://enc-dic.com/enc_medicine/Narodnaja-medicina-10849.html

[3] См., например: Семенцов М. Состав народных медицинских знаний кубанских казаков в XIX – начале XX веков // Фольклорно-этнографические исследования этнических культур Краснодарского края. 1995. С. 5-34; Charlotte Furth, Ch'en Shu-yueh. Chinese Medicine and the Anthropology of Menstruation in Contemporary Taiwan // Medical Anthropology Quarterly, New Series, Vol. 6, No. 1 (Mar., 1992), pp. 27-48.

[4] Власов В.Г. Онтология народной медицины // Человек. 2001. №3. Власов под этноспецифичностью понимает: «направленность каждой народномедицинской системы на врачевание представителей своего, "титульного" народа (этноса)».

[5] См., например: James B. WaldramThe Efficacy of Traditional Medicine: Current Theoretical and Methodological Issues // Medical Anthropology Quarterly, New Series, Vol. 14, No. 4, Theme Issue: Ritual Healing in Navajo Society (Dec., 2000), pp. 603-625; David Gentilcore. Was There a «Popular Medicine» in Early Modern Europe? // Folklore, Vol. 115, No. 2 (Aug., 2004), pp. 151-166.

ние народной медицины не только не признается свидетельством культурной отсталости народа, но наоборот, рассматривается как «отражение процесса модернизации в области здравоохранения»[6]. При этом ненаучному медицинскому знанию приписывают такие свойства, как рациональность, долговечность и последовательность[7].

Подобные воззрения свойственны сторонникам теории медикализации[8]. Долгое время ее сторонники считали конфронтацию между местными лекарями, не имеющими университетской подготовки, и учеными-медиками следствием процесса медикализации в Российской империи[9]. Однако, анализ текстов, написанных российскими врачами в первой половине девятнадцатого столетия, убедил меня в том, что врачи не столько противопоставляли экспертное знание знанию народному, сколько себя – шарлатанам и прославляли прогрессивную роль медицинского образования. В свое время аналогичное наблюдение было сделано на другом источниковом материале историками Германии и Англии М. Линдеманн[10] и Р. Портер[11]. Они предположили, что между народной медициной и медицинскими теориями были устойчивые каналы взаимодействия и обмена достижениями. Наряду с ученой медициной всегда существовало самолечение и действовали группы населения, за которыми были закреплены разные врачебные функции (повивальные бабки, цирюльники, костоправы, знахари и многие другие).

Не уходя далеко в историю формирования знания о практиках народного врачевания и не останавливаясь на вкладе, внесенном в их изучение Гиппократом, Галеном, Авиценной и другими, я ограничусь 1830-40-ми годами в России. Выбранные для исследования время и место не случайны. Именно тогда, по мнению ряда влиятельных историков медицинского образования[12], произошло становление научной медицины на врачебных факультетах российских университетов. Несмотря на создание школы, сориентированной на западные образцы, народное целительство продолжало существовать и развиваться. Об этом свидетельствовали в своих профессиональных записках университетские выпускники медицинских факультетов, которые на месте службы столкнулись с врачевателями и сообщали о них в рапортах начальству.

Кроме этого, к середине XIX века в России получила распространение новая форма народной медицины - переводные и оригинальные издания по самолечению[13]. Они пред-

---

[6] Тиммерман К. Рационализация «народной медицины» в Германии в межвоенный период: вера, бизнес и наука у «Dr. Madaus and Co» // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины. 2008. С. 198.

[7] Grossmann A. Gender and Rationalizatoin: Questions about the German-American Comparison // Social Politics. 1997. Voi. 4. P. 6-18.

[8] Социологический словарь дает следующее определение термина «медикализация»: Медикализация - процесс, в ходе которого происходит распространение влияния медицины на все новые сферы общественной жизни. Медикализация характеризуется проникновением в массовое сознание медицинского языка и стиля мышления, медицинских концепций и представлений о причинах, формах протекания и лечении болезней, возрастанием зависимости от медицины повседневной жизни и деятельности людей, закреплением медицинских «ярлыков» за некоторыми человеческими свойствами или типами поведения (инвалид, наркоман, алкоголик и т.д.), которые могут способствовать исключению стигматизированных лиц из процесса нормального социального взаимодействия. Термин «медикализация». используется теми критиками современной медицины, которые обращают внимание на усиление в современном обществе социальной власти представителей медицинских профессий, главным образом, власти медицинского знания и компетенции.

[9] Ramsey M. Professional and Popular Medicine in France, 1770-1830: The Social World of Medical Practice. Cambridge, 1988.

[10] Lindemann M. Health and Healing in Eighteeth Century Germany. Baltimore, 1996.

[11] Портер Р. Взгляд пациента. История медицины «снизу» // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины. 2008. С. 41-72; Porter D., Porter R. Patient's Progress: Doctors and Doctoring in Eighteenth Century England. Cambridge, 1989.

[12] См., например, работы: Сточик А.М С.Н., Пальцев М.А., Затравкин С.Н. Медицинский факультет Московского университета в реформах просвещения первой трети XIX века. М., 1998; Андреев А. Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в. М., 1999; Андреев А. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М, 2009; Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования России в 4 т.

[13] Приведу для примера несколько лечебников, хранящихся в отделе старопечатных книг Российской государственной библиотеки: Пекен Х. Домашний лечебник или Простый способ лечения. Сочинен Христианом Пекеном медицины доктором и коллежским советником, ; А по аппробации Государственной Медицинской коллегии на российский язык переведен Алексеем Протасовым Императорской Академии наук экстраординарным профессором и доктором медицины / Х. Пекен. Спб., 1765; Чулков М. Д. Сельский лечебник, или Словарь врачевания болезней, бываемых в роде человеческом, также в роде скотском, конском, и птиц домашних: Собранный из печатных сочинений / М. Д. Чулков. М., 1789-1805; Енгалычев П.Н. Простонародный

ставляли собой научно-популярные книжки – «лечебники» и «травники», написанные на опрощенном не научном языке учеными врачами. Такие издания изготавливались в качестве медиумов для диалога с простонародьем, для формирования в нем характерного для западной культуры представления о границах болезни. Специфической для таких изданий является подобная риторика: чтобы «простому народу, а особливо жителям отдаленных провинций, где не всегда врача сыскать можно, подать наставление, каким образом в болезнях своих самому себе помогать; но, что еще полезнее, то есть, чтоб показать при том и способ, как самое здоровие свое сохранять невредимо»[14].

В данной статье я буду применять термин «народная медицина» в его этническом, а не стилизованном значении. Чуть ли не единственным источником сведений о русских целителях первой половины XIX века и их знаниями является комплекс медико-топографических описаний, сохранившийся в архиве Московского университета и частично опубликованный в профессиональных медицинских изданиях того времени. Каждый такой текст содержит раздел, посвященный народной медицине. Их создателями были гражданские и военные врачи, порой только что закончившие медицинский факультет и отправленные на службу в разные уголки Российской империи. Ведя медицинскую практику и описывая эпидемиологическое состояние вверенных им территорий, уездные и городские врачи рассказывали коллегам и людям власти о встреченных ими знахарях, использованных ими травах и иных средствах врачевания, об отношении к ним местного населения.

Изучая медико-топографические отчеты, я интересовалась тем, что знали ученые врачи о местной медицине, как воспринимали традиционные представления жителей о здоровье и болезни, как использовали их способы защиты жизни. В данной статье на примере медико-топографических отчетов я хочу показать, каким образом проходил процесс заимствования западноевропейского медицинского знания, а на примере отношения уездных лекарей к народной медицине проиллюстрировать, каким образом западное научное медицинское знание преломлялось локальной практикой. Эти преломления фиксировались уездными врачами при описании ими топографического, медицинского устройства отдельных предприятий, районов, городов или регионов. Выпускники медицинских факультетов по европейским руководствам и учебникам обучались в университетах теоретическим основам медицины, то есть комплексу естественнонаучных знаний, а сидя у постели больного, овладевали практикой врачевания. Выйдя из университетов, они поступали на государственную службу, уже имея опыт и практические навыки излечения. Направленные в разные части империи, они познавали местные способы народного врачевания. И тогда на воспринятые западноевропейские теории и знания о способах лечения недугов накладывались опыты локального врачевания, открытие «народных» способов излечения и изготовления лекарств, в результате чего рождалось сложное, многослойное синкретическое знание.

***

Среди составителей медико-топографических сочинений были как те, кто был поклонником народной мудрости, так и те, кто относился к познаниям знахарей и травников скептически. Лекарь Алексей Орнатский, составивший «Медикотопографическое описание губернскаго города Владимира», уравнивал способности местных лекарей и по-

---

лечебник, содержащий в себе пользование разных часто приключающихся болезней домашними лекарствами без помощи лекаря, и важнейшия наставления о предупреждении оных и хранении своего здравия / П.Н. Енгалычев. М., 1799; Лоевский Ф.М. Полный, настоящий простонародный, российской лечебник / Ф.М. Лоевский. М., 1818; Килиан К.И. Домашний лечебник, или Обстоятельное и ясное показание как во всех опасных, скоропостижных и хронических, как наружных, так и внутренних болезнях при отсутствии врача, можно подать нужную помощь посредством одних домашних средств и диэты; сверх того, как поступать касательно предупреждения болезней и хранения своего здравия. Ручная книга для всякаго, а наиболее для помещиков, живущих в деревнях и путешествующих. К.И. Килияна. Доктора медицины и профессора. Перевод с немецкаго С.П.б. Императорской медико-хирургической академии студента Петра Бутковскаго / К.И. Килиан. Спб., 1823.

[14] Пекен Х. Домашний лечебник или Простый способ лечения. Спб., 1765.

следователей Гиппократа[15]. Исходя из этого, он подробно описал лекарственные растения Владимира, их свойства, случаи их применения и болезни, при которых они необходимы: «при перемежающейся лихорадке, простудном кашле и других страданиях груди, против задержания месячных очищений, в золотухе, против цынги, чесотки, лишаев снаружи, ожогов, ознoблений, нарывов, при ранах и для остановления из оных кровотечения, при язвах и лихорадочных текстах»[16].

Вполне терпимо к местным способам избавляться от болезней относился и Раевский, называя их «простыми врачебными средствами, употребляемыми жителями в разных болезнях с видимою пользою»[17].

Дистанция в идейных основаниях местных врачевателей и научных медиков противоречиво трактовалась авторами медико-топографических описаний. Шуйский уездный врач Косма Смирнов рассуждал о пользе и вреде народной медицины для жителей города и его уезда. Противопоставляя врачебное вмешательство «силам натуры», он, с одной стороны, одобрял веру местных жителей в «целительную силу многих растений и небезызвестных им некоторых веществ из царств ископаемаго и животнаго, коими пользуются они при болезненных случаях»[18]. С другой стороны, он же предостерегал власти от доверия местным травникам и не одобрял самолечения, демонстрировал преимущество ученой медицины. Так, он с сожалением констатировал, что «болезнь эта[19] жителями того края лечится довольно грубо, простонародно, или же совсем не преследуется врачебными средствами, потому исходы ея часто бывают очень худы…»[20]. Болезнь оканчивалась смертью для больного в том случае, «ежели он не имел возможности заблаговременно прибегнуть к врачебным пособиям и представлял болезнь силам натуры»[21]. Уездный врач подтверждал преимущество универсиетского образования статистикой: «Умирающих в больницах бывает каждогодно 10 ти более человек. Но в частных домах, без пособий врачебных, от различных болезней, умирает до 2400 человек…»[22].

Внушительная цифра умирающих на дому противоречит свидетельству того же автора о том, что «здешние жители в болезненных случаях охотно прибегают к врачебным пособиям». Мне представляется, что подобные проговорки показывают противоречивость отношения Смирнова к не-ученым способам лечения, явному желанию автора утверждать приоритет системного и объективированного знания.

Судя по анализируемым описаниям, ученые медики прибегали к средствам и способам народного лечения только в тех случаях, когда все иные средства были уже перепробованы. Лекарь Василий Марков, описывая случай «возвращения к жизни утопающей посредством прикладывания разрезаннаго горячаго хлеба»[23], демонстрировал борьбу двух типов медицины: университетской и народной. Сначала он использовал методы, которым обучался в университете: «Очистивши нос и рот, предварительно слегка подавил я живот, но ничего не выходило, начал вдувать сначала ртом, потом трубкой воздух, употребил в дело ланцет; но ни видал ни капли крови; за тем легкое качание, трение частей и проч. все было тщетно». Не получив положительного результата, уездный лекарь был вынужден обратиться к народным средствам: «И уже отчаявшись помочь, взошел я в избу умыть руки, между тем погребальный голос матери, вой, усердныя мольбы всех родственников вторились и сливались в одно трогательное эхо: Батюшка спаси, будь отец родной нельзя ли? Кто в подобныя минуты не отдал бы часть своей жизни для спасения другого. На столе я увидал

---

[15] Центральный исторический архив Москвы (далее ЦИАМ). Ф. 418. Оп. 350. Д. 17. Медико-топографическое описание Губ. Гор. Владимира, составленное, для получения Штаб лекарскаго звания, состоящим при Заведениях Владимирскаго Приказа Общественнаго Призрения Лекарем Алексеем Орнатсим. Л. 26 об.

[16] Там же. Л. 27.

[17] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 351. Д. 116. Медико-топографическое описание Бобровского уезда Воронежской губернии в 1842 г., написанное лекарем Раевским. 16 сентя-14 окт. 1844.

[18]ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 352. Д. 96. О рассмотрении сочинения «Медико-топографическое описание города Шуи и его уезда, представленным лекарем Смирновым А. 26 июня-5 декабря 1842. Л. 29 об.

[19] Речь идет о перемежающейся лихорадке.

[20].ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 352. Д. 96. О рассмотрении сочинения «Медико-топографическое описание города Шуи и его уезда, представленным лекарем Смирновым А. 26 июня-5 декабря 1842. Л.26.

[21] Там же. Л. 28.

[22] Там же. Л. 29 об.

[23] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 350. Д. 45. «Медико-топографическое описание Саткинского завода, составленное лекарем Василием Марковым. 20 марта 1842. Л. 38.

только, что вынутый из печки ржаной хлеб, с какой-то непонятной надеждой схватил я его, разрезал и обложил им грудь и живот, а между тем принесли еще три каравая горячих, разрезавши их я снова клал на живот, грудь и спину, конечности же все были завалены золой; минут через восемь от первого приложения горячего каравая, вдруг грудь приподнялась, из носу пошла кровь, в то же время брызнула и из руки»[24].

Верхнеднепровский уездный врач Андрей Зосимович ввел в «Топографическое и медико-статистическое описание Верхнеднепровского уезда» раздел «Просто-народная медицина». Автор связал возникновение народной медицины со счастливым случаем для человека, «который наводил его на употребление полезного для него средства, к излечению какой-либо болезни»[25].

Зосимович противопоставляет медицине рациональной медицину «эмпирическую-простонародную» и утверждает их преемственность. Народная медицина виделась архаичной стадией развития: «Бросим взгляд наш и ныне на какой-нибудь дикий и грубый необразованный народ, следы эмпирической медицины найдем и у них. Самые животные инстинктуально, часто себя лечат»[26]. В просвещенном государстве, согласно Зосимовичу, как можно догадаться, нет места народной медицине.

Знахарей он называет простонародными врачами («Эскулапами»). Несмотря на предвзятое отношение к ним, лекарь, тем не менее, подробно описал «средства, употребляемые ими в разных болезнях»[27], классифицируя их и делая свое повествование структурированным и легким для понимания.

Если университетски подготовленные специалисты еще могли примириться с использованием традиционных для данной местности способов врачевания, то с методами изгнания болезней посредством религиозных практик они не соглашались ни при каких обстоятельствах: «Многие болезни лечатся нашептыванием и наговорами, ношением разных амулетов, заговорами и многими другими способами, в тайне содержимы, по понятию их дабы чрез объявление их не лишиться им самим силы действовать благотворно, но вероятно более из видов корысти»[28]. Все эти ритуальные практики оценивались как предрассудки и свидетельства цивилизационного отставания.

Для раскрытия данной темы важно выяснить критерии, которыми руководствовались авторы медико-топографических описаний в оценке эффективности лечения. Кто или что выступало мерилом истинности разного типа знания? Имеющийся у меня источниковый материал не позволяет дать на него однозначный ответ. Врачи знали о недоверии населения к методам ученой медицины и о том, что простолюдины, «которые, не доверяя иногда аптечным лекарствам, ищут пособия у известных им старух-знахарок, коих способ лечения состоит в шептаньях и других суеверных средствах»[29]. Но не мнение пациентов было для них критерием оценки. Часть авторов готовы были признать за местными лекарями искусство врачевать, но не знание. Еще больше было тех, кто отрицал любую способность травников и врачевателей исцелять и называл их шарлатанами.

Анализ содержания текстов медико-топографических описаний показал, что медикам была присуща двойственность отношения постоянного обращения населения к ненаучным способам лечения. С одной стороны, народ предстает «легковерным и простодушным»[30], когда речь идет о его доверчивости, слабости, заставляющей поверить гадалкам, колдунам и шарлатанам или «старухам, называемым знахарками»[31]. В таком случае авторы медико-топографических отчетов стараются оправдать обманутых жителей, глав-

---

[24] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 350. Д. 45. «Медико-топографическое описание Саткинского завода, составленное лекарем Василием Марковым. 20 марта 1842. Л. 38 об.-39.

[25] ЦИАМ Ф. 418. Оп. 352 Д. 79. О рассмотрении сочинения «Топографическое и медико-статистическое описание Верхнеднепровского уезда», написанное лекарем Зосимовичем. 7 мая-2 июня 1845. Л.32.

[26] Там же. Л. 32 об.

[27] Там же.

[28] Там же. Л. 35.

[29] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 352. Д. 63. О рассмотрении сочинения «Медико-топографическое описаниеие Шотинского порохового завода», написанносе лекарем Кончиоти. 25 апреля-2 июня 1844. Л. 44 об.

[30] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 350. Д. 150. «Медико-топографическое описание округа нижне-тагильских заводов, составленно лекарем Шмолиным». 1843. Л. 33.

[31] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 348. Д. 86. Медико-топографическое описание города Переяславля, составленное титулярным советником Бером. 7 апреля 1841. Л. 16 об.

ной причиной затуманивания разума называя при этом «малообразованность» населения: «Сверх сего весьма много есть и нелепых средств, ни с чем несообразных, которые по неведению или предубеждению, употребляются, и вместо пользы часто приносят им вред»[32]. Грубость, незнание, невежество, «слабое развитие умственных способностей», необразованность, желание скорейшего облегчения, «малое образование среднего и низшего классов народа и ложное понятие о физических самых простых явлениях в мире»[33], свойственные местным жителям, в особенности женщинам как отмечает лекарь Раевский[34], становится причиной их частого обращения к обманщикам. Те же, в свою очередь, советуют «сильнодействующие средства и ядовитые»[35], вредные для здоровья. От неквалифицированной помощи погибают роженицы, детей которых, желая ускорить родовспоможение, вытягивают за пуповины. Старухи купают только что родивших «пациенток» сразу после родов в корытах, заставляют их работать в дому и во дворе даже в зимнее время.

С другой стороны, когда лекари пишут об удивительных случаях излечения средствами народной медицины, народ предстает носителем сложного комплекса знаний и умений, которые черпаются из самой природы.

Ставя в один ряд такие понятия, как «предрассудок», «фанатизм» и «слепая вера», врачи признают, что не всегда следование предубеждениям вредит здоровью, в отличие от шарлатанства, которое однозначно трактуется медиками как проявление «темных действий». Иногда суеверия могут приносить пользу. Так, рабочим нижнетагильских заводов, как признается лекарь Шмолин, свойственно производить посев семян и уборку урожая в определенное время, «которого они с торжеством дожидаются»[36]. Это поверье уберегает их от многих болезней: «незрелые овощи не употребляются в пищу и оттого люди менее подвергаются болезням»[37].

Народная медицина в глазах ученых медиков предстает, прежде всего, домашней разновидностью медицины, или как они сами называют ее «домашним лечением». И если следование предрассудкам и недоверие к врачам и больницам приводит к домашнему врачеванию, то длительное и принудительное лечение с привлечением «самых деятельных и приличных»[38] медицинских пособий становится следствием готовности сотрудничества с профессионалами-лекарями. Лишь госпиталь выступает гарантом правильного содержания больного с использованием проверенных медицинских средств и пособий.

Из всего вышесказанного следует, что отношение выпускников врачебных факультетов к применению народных средств, таких как трав, растений, продуктов жизнедеятельности представителей царства животных, бань, ванн во второй четверти XIX века было неоднозначным. При составлении медико-топографических сочинений они собирали сведения о них, описывали те средства, целительную силу которых могли гарантировать, заверяя длительным наблюдением типа «в пользе этого последнего, я сам имел случай убедиться»[39]. Ученых врачей привлекало разнообразие местной природы, дешевизна использования ее ресурсов. Человек живет и развивается в условиях определенного климата, соответственно, он «и в недугах своих может находить для себя в окружающей его природе, все способы и средства к своему облегчению и врачеванию»[40]. Зачем покупать дорогостоящие иностранные лекарства, когда Российская империя, обладающая огромным природно-климатическим потенциалом, может обеспечить страждущее население всем необходимым? Видимо, подобные мысли казались государственным вра-

[32] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 348. Д. 86. Медико-топографическое описание города Переяславля, составленное титулярным советником Бером. 7 апреля 1841. Л. 17 об.

[33] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 350. Д. 150. «Медико-топографическое описание округа нижне-тагильских заводов, составленно лекарем Шмолиным». 1843. Л. 33.

[34] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 351. Д. 116. Медико-топографическое описание Бобровского уезда Воронежской губернии в 1842 г., написанное лекарем Раевским. 16 сентя-14 окт. 1844. Л. 14-14 об.

[35] Там же. Л. 14.

[36] Нижетагильские заводы. Л. 33.

[37] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 350. Д. 150. «Медико-топографическое описание округа нижне-тагильских заводов, составленно лекарем Шмолиным». 1843. Л. 33.

[38] Там же. Л. 33 об.

[39] ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 352. Д. 63. О рассмотрении сочинения «Медико-топографическое описаниеие Шотинского порохового завода», написанносе лекарем Кончиоти. 25 апреля-2 июня 1844. Л. 45.

[40] Там же. Л. 50.

чам столь привлекательными, что они не только мирились с существованием альтернативных способов лечения, но порой, проверяя эффективность их целебного действия на собственном опыте, рекомендовали к применению. Под пером ученых врачей «фольклорное» и «экзотичное» знание, обретя экспертное одобрение и научное описание, встраивалось в нормативное.

UNIVERSITY TRAINED PHYSICIANS AND FOLK HEALERS: THE PROBLEM OF INTERACTION (RUSSIA, THE FIRST HALF OF 19th CENTURY)

Z.S. GATINA

National research university «Higher school of economics», Moscow

e-mail: rizhaya8989@mail.ru

This article focuses on the study of the Russian scientific physicians' representations of popular medicine in the first half of the 19th century. Article is based on a complex of medico-topographical descriptions of Russian cities and regions. These documents are stored among archival documents of the Moscow University (Central Historical Archive of Moscow) and partly published in medical journals. This article analyses difficult system of interaction between the scientific medical knowledge from graduates of the medical faculties and the house treatment based on alternative treatment approaches.

Key words: Russian Empire, Imperial Moscow University, medical faculty, medico-topographical descriptions, illness, popular medicine.

УДК 398. 3 (477. 54 /. 62) "18/19"

СЕМАНТИКА ДНЕЙ НЕДЕЛИ В СИСТЕМЕ ВЕРОВАНИЙ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ СЛОБОДСКОЙ УКРАИНЫ XIX – НАЧАЛА XX СТ.

С.Н. ШВЫДКЫЙ

Донбасский государственный педагогический университет, г. Славянск, Украина

e-mail: shvidkuj.sergij@yandex.ru

Семантика дней недели в системе верований и представлений населения Слободской Украины XIX – начала XX ст. На материалах этнографических источников в статье исследовано семантику дней недели в системе верований и представлений населения Слободской Украины XIX – начало XX ст. и их влияние на повседневную жизнь слобожан.

Ключевые слова: день, неделя, верования, представления, слобожане.

Проблема традиционной темпоральности интересовала многих как отечественных так и зарубежных исследователей народной культуры. Вопросы временных народных представлений отображены в работах Д. Зеленина, А. Байбурина, Л. Виноградовой, Н. Криничной, М. Поповича, А. Курочкина, О. Гринива, В. Давидюка, Л. Минько[1].

На материалах этнографических источников в статье исследуется семантика дней недели в системе верований и представлений населения Слободской Украины XIX – начало XX ст., а также их влияние на повседневную жизнь слобожан.

По мнению учёных, в системе верований многих народов большое значение имело время осуществления тех или иных магических действий[2].

Неделя, или седмица, в комплексе временных представлений – первичная система, которая является основой для других временных единиц. Как и другие временные промежутки, она не была однородной по своему качественному наполнению. Среди дней недели народное представление слобожан выделяло благоприятные и неблагоприятные, «лёгкие» и «тяжёлые» дни.

Исследователи считают, что «обычай намеренного празднования некоторых дней недели, кроме церковных праздников и общепризнанного, с введением христианства, празднования воскресенья, укоренился на Украине издавна и породил даже воплощение самих этих дней в достаточно выразительных образах. К таким дням относятся понедельник, воскресенье и пятница»[3].

Значение, которое имели дни недели для слобожан в повседневной жизни, отражено, например, в песнях, записанных соответственно в слободе Араповка и в г. Купянске: «Понеділок – важкий день: весь день пролежала, а в вівторок снопів сорок пшениці нажала: а в середу возила, в четвер молотила; а в п'ятницю віяла, а в субботу міряла, а в неділю продала і грошики пропила». «Вип'ємо, куме, ще й с понеділка. Ой, зложимось, куме, копійок по сорок, Вип'ємо, куме, ще й у вівторок. Поженем, куме, корови в череду, - Вип'ємо, куме, ще й у середу. Пили вчора, п'єм же і тепер, - Вип'ємо, куме, ще й у четвер. Продамо, куме, рябу телицю, - Вип'ємо, куме, ще й у п'ятницю. Покончаєм,

---

[1] См. например: Зеленин Д.К. Имущественные запреты как пережиток первобытного коммунизма. – Л., 1934; Зеленин Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Запреты в домашней жизни. М., 1929; Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983; Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000; Криничная Н.А. Русская народная мифологическая проза. Истоки и полисемантизм образов. Т.1. СПб., 2001. Попович М.В. Мировоззрение восточных славян. Київ, 1985; Курочкін О.В. Новорічні свята українців. Традиції і сучасність. Київ, 1978; Гринів О.І. Світоглядні уявлення та вірування // Українське народознавство: Навчальний посібник. – 2-ге видання, перероблене і доповнене. Київ, 2004. С. 79 – 101; Давидюк В. Первісна міфологія українського фольклору. Луцьк, 1997; Минько Л.И. Знахарство. Источники, сущность, причины бытования. Минск, 1971.

[2] Болтарович З.Є. Народна медицина українців. Київ, 1990. С.176.

[3] Булашев Г.О. Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях: Космогонічні українські погляди та вірування. Київ, 1993. С.219.

куме, свою роботу, - Вип'ємо, куме, ще й у субботу. Ой, сложимо, куме, ми своє діло, - Вип'ємо, куме, ще й у неділю»[4].

С почтением украинцы относились к понедельнику, его представляли в образе деда, который встречал и провожал души умерших на пути их в загробную жизнь[5].

Для слобожан, как отмечал П. Иванов: «Понедельник, среда и пятница – дни тяжёлые; в эти дни не следует вообще начинать новые дела»[6]. Известный российский ученый А. Байбурин подчеркивал, что: «На Украине приступать к работе нельзя ни в понедельник, ни в среду, ни в пятницу. Понедельник, среда и пятница – дни тяжёлые, в эти дни нельзя начинать какое-либо дело»[7]. Также в эти дни не переходили в новый дом[8], «потому что считают этот день «хвиральным»[9]. А в некоторых регионах Украины в понедельник старались не начинать пахоту[10] и посев[11].

Отношение к понедельнику украинский народ зафиксировал в поговорках: «В понедельник работу не начинай и в дорогу не отправляйся»[12]. На Черниговщине говорили: «До конца дела не доведёшь, если в понедельник начнёшь»[13].

Подобные верования зафиксированы и у других народов. Так, например, белорусы понедельник и пятницу считали несчастливыми днями для посева, так как посеянная в эти дни рожь обязательно окажется изъеденной[14]. А у россиян, если кто-то начинал что-либо в понедельник или пятницу, то успеха в этом ожидать не следует[15]. Д. К. Зеленин был убеждён, что особенный статус понедельника в неделе определяется «магией первого дня»[16].

В слободе Ново-Николаевской Купянского уезда существовало поверье, если замужняя женщина мыла себе голову двенадцать понедельников подряд, не пропуская ни одного, то у неё умрёт муж[17] .

На Украине бытовал обычай «понеділкування», сущность которого заключалась в освобождении замужних женщин от выполнения каких-либо обязанностей по хозяйству.

По этому поводу Г. Булашев писал: «В таком виде обычай «понедельничания» действует ныне по всей Украине, но только он приобрёл уже исключительно христианскую окраску, вследствие чего «понедельничают» часто с клятвой, к тому же преимущественно пожилые женщины и знахари. Сущность этого обычая заключается в том, что в понедельник никогда не едят скоромного, а также (женщины) считают грехом «делать щёлочь (лугу)» (Славяносербский и Старобельский уезды)»[18]. П. Иванов также отмечал, что: «Издавна большинство женщин в Малороссии «понедельничали»; да и в наше время многие пожилые женщины-хуторянки не едят по понедельникам скоромной пищи, чтобы после смерти, поясняют они, легче было идти по дороге в будущую жизнь: «Как старому тяжело подниматься на гору без палки, так и на тот свет тяжело идти без понедельника»[19].

---

[4] Иванов П.В. Жизнь и поверья крестьян Купьянского уезда Харьковской губернии // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1907. Т.17. С.19 - 20.

[5] Иванов П.В. Указ. соч. С.9.

[6] П.И. Народные обычаи, поверья, приметы, пословицы и загадки, относящиеся к малорусской хате // Харьковский сборник. Литературно-научное приложение к «Харьковскому календарю» на1889 г./ Под. ред. В.И.Касперова; Предисловие В.С.Романовского. Харьков, 2010. С.39.

[7] Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С.48.

[8] Полісся України. Матеріали історико-етнографічного дослідження. В.1 Київське Полісся. Львів, 1997. С.118.

[9] Шевченко Л. Звичаї, пов'язані з закладинами будівлі // Первісне громадянство та його пережитки на Україні. 1928. №1-2. С. 89.

[10] Зубрицький М. Народний календар (звичаї і повірки, прив'язані до днів тижня і рокових свят). // Матеріали до українсько-руської етнології. Т.3. Львів, 1900. С. 30.

[11] Научные архивные фонды рукописей и фонозаписей Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им.М.Т.Рыльского НАН Украины. Ф.1-К.2. Б.Д. Грінченко. Л. 10.

[12] Жайворонок В.В. Знаки української етнокультури: Словник-довідник. Київ, 2006. С. 469 с.

[13] Научные архивные фонды рукописей и фонозаписей Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М.Т. Рыльского НАН Украины. Ф.28-3. В.М. Гнатюк. Л.80.

[14] Шейн П.В. Белорусские народные песни с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями. СПб, 1874. С.22.

[15] Бурцев А.Е. Народный быт великого русского Севера. СПб., 1898. Т.1-3. Т.2. С.448.

[16] Зеленин Д.К. Имущественные запреты как пережиток первобытного коммунизма. Л., 1934. С.55.

[17] Иванов П.В. Указ. соч. С.11.

[18] Булашев Г.О. Указ. соч. С.222.

[19] Иванов П.В. Указ. соч. С.9.

В системе поверий и верований, имеющих отношение к дням недели, в украинцев, а также у других восточнославянских народов наиболее благоприятными для разнообразных видов трудовой деятельности, наиболее удачными для серьёзных начинаний признавали вторник и четверг. «Лён сеют во вторник и четверг»[20]. «Вторник – добрый на всё – пашут» [21]. Это зафиксировано и в белорусских материалах. «Пахоту следует начинать во вторник или в четверг»[22]. «Засеянная во вторник или в четверг рожь уродит лучше, чем засеянная в среду или пятницу»[23].

Слобожане считали вторник «лёгким» днём. В эти дни селяне Купянского уезда начинали строительство дома[24]. Однако, затевая какое-либо важное дело, выбирали обычно те вторники, когда церковь вспоминала преподобных, а не мучеников, потому что начинать дело в день, посвящённый памяти мучеников, вообще не стоит: будешь только мучиться с ним, а толку никакого не будет[25].

Среда у слобожан была постным днём: есть в этот день скоромную пищу считали большим грехом[26]. В других регионах Украины также существовали определённые запреты. Так, «в среду нельзя кроить и шить»[27]. В этот день женщинам, которые проживали в Валуйском уезде, запрещалось мыть волосы: «Если мыться в среду и пятницу, то коса у девушки не будет расти. Если будешь мыть голову в среду, то заведёшь вшей череду»[28]. Такое же поверье бытовало и у селян Купянского уезда. Так, в среду девушкам нельзя было мыть голову, заплетать косы, иначе волосы перестанут расти и коса будет редкой. Замужним женщинам не полагалось мыть голову и расчёсывать волосы. Те, кто это нарушал, сильно страдали во время родов и до тех пор родить не могли, пока святая Среда не переберёт у них все волосы по одной волосинке на голове. У тех, кто будет мыть голову в среду – будет болеть голова[29]. Этот день считали несчастливым для женитьбы. В слободе Никольской Старобельского уезда селяне верили, что женщина, которая вышла замуж в среду, останется вдовой, а мужчина, который женился в пятницу, останется вдовцом[30].

Четверг, также как и вторник, слобожане считали наиболее благоприятным для важных начинаний. Хоть он и являлся рабочим днём, всё же действовали определённые запреты на некоторые виды работ. Четверг – день бога Перуна, потому является мужским, и женщинам не советовали в этот день начинать какую-либо работу[31]. Запрещалось, например, готовить «сыровец» (хлебный квас), однако приготовив его впервые в чистый четверг, потом можно было готовить, при необходимости, в течение всего года[32]. В четверг не золили бельё и не сеяли[33].

В народе шутили о неизбежности определённого события, которое обязательно свершится: «Пригожусь я тебе не теперь, так в четверг» или «Не теперь, так в четверг», «Кто в четверг скачет, тот в пятницу плачет»[34].

Культ пятницы в мировоззрении украинцев приобрёл гораздо большее значение по сравнению с другими днями недели. По мнению В. Иванова и В. Топорова, пятница является продолжением образа Мокоши – единственного женского божества в древнерусском пантеоне, чей идол стоял в Киеве на вершине горы рядом с кумирами Перуна и

---

[20] Научные архивные фонды рукописей и фонозаписей Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М.Т. Рыльского НАН Украины. Ф.28-3. В.М.Гнатюк. Л 7.

[21] Зубрицький М. Народний календар (звичаї і повірки, прив'язані до днів тижня і рокових свят). // Матеріали до українсько-руської етнології. Т.3. Львів, 1900. С. 33.

[22] Никифоровский Н.Я. Простонародные приметы и поверья, обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах, собранные в Витебской Белоруссии. Витебск, 1897. С.103.

[23] Там же. С.107.

[24] П.И. Указ. соч. С.39.

[25] Иванов П.В. Указ. соч. С.11.

[26] Там же. С.11.

[27] Зубрицький М. Указ. соч. С.30.

[28] Дикарєв М. Народний календар Валуйського повіту, Борисівська волость Воронезької губ. // Матеріали до українсько-руської етнології. Т.6. Львів, 1903. С. 188.

[29] Иванов П.В. Указ. соч. С.12.

[30] Иванов В.В. Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии. Очерки по этнографии края. Харьков, 1898. Т.1. С.264.

[31] Жайворонок В.В. Указ. соч. С.639.

[32] Иванов П.В. Указ. соч. С.12.

[33] Там же. С.13.

[34] Жайворонок В.В. Указ. соч. С.639.

других божеств[35]. Г. Булашев утверждал, что у славян-язычников пятница была посвящена богине весны и плодородия Фрее, или Сиве[36]. После введения христианства Мокош становится Параскевой Пятницей[37]. Пятница у населения Слободской Украины воплощалась в образе девушки[38].

Поверья же, связанные с пятницей, имеют много общих черт с легендами о среде. В первую очередь это касается запретов выполнять преимущественно женские работы. Пятницу в украинских ритуалах представляла женщина с распущенными волосами, которую водили по сёлам. «Пятница – это такая молодица, она ходит в пятницу по домам и смотрит, кто из женщин прядёт. Как увидит, что женщина прядёт, то сделает так, что той пряхе на обеих руках скрючит пальцы»[39]. Возможно, именно поэтому самым большим грехом считали прясть в этот день. «В пятницу прясть грех. Особенно большой грех прясть на прялке, которую придумала нечисть. Прясть на прялке – это всё равно, что танцевать в этот день, то есть обижать святую деву Пятницу»[40]. В слободе Араповка Купянского уезда считалось грехом золить полотно или сорочки в пятницу[41]. В.Милорадович в своей работе «Малорусские народные предания и рассказы о Пятнице» отмечал, что: «В пятницу порядочные люди не прядут, той женщине, которая прядёт в пятницу, пробивается горло клочьями», «нельзя трусить, мять коноплю, лыко драть. Если трясти коноплю, то лихорадка будет трясти. В пятницу коноплю не трусят, чтобы глаза не запорошить»[42]; «В пятницу платья не золят»[43]. Людей, которые нарушали запреты, ожидали различные наказания. «Одна женщина золила в пятницу. Приходит к ней Бог и святой Пётр, да и говорят: «Сегодня грех золить: сегодня пятница! И за то, что ты сие делаешь, выбирай себе какое хочешь наказание из трёх: или две жмени горячей золы съешь, или две ложки горячей щёлочи выпей, или двух близнецов выкорми». Она и согласилась близнецов кормить: а ей две гадюки впились в груди. Так она и ходила по всей слободе, чтобы все люди смотрели на неё и каялись и не золили в пятницу»[44]. Подобные поверья зафиксированы и в других регионах Украины. Так, например, в Каневском уезде «в одном селе женщина села в пятницу ткать полотно. В доме она была одна. Тут приходит в дом женщина-Пятница: взяла и содрала с той женщины кожу и повесила её на ткацкий станок, это за то, что она ткала в пятницу» [45].

Суббота – это шестой день недели, в переводе с древнееврейского («саббат», «сабаш») обозначает «воздержание от работы». День, который, согласно Библии, должен быть нерабочим, потому и говорили: «Суббота – кончается работа», «Суббота – не работа, а в воскресенье нет дела»[46]. Слобожане говорили: «Суббота – не работа: помой, помажь да и спать укладывайся»[47]. Несмотря на то, что суббота была нерабочим днём, для крестьянок Слободской Украины она оставалась одним из наиболее тяжёлых рабочих дней. По этому поводу П. Иванов отмечал, что кроме обычной ежедневной работы, каждая хозяйка-малороссиянка (слобожанка – С. Ш.) в субботу обязательно вымоет начисто стол и все в доме лавки, смажет земляной пол и шесток, […] нагреет воду или щёлочь (лугу), чтобы помыть мужу и детям головы, приготовит всей семье чистое бельё. Малороссы надевают чистое бельё в субботу на ночь и всегда накануне праздника; они верят, что несоблюдение мужем и женой чистоты накануне праздников или постных дней приведёт к

---

[35] Иванов В.В., Топоров В.Н. Мокошь // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М., 1992. Т. 2. К – Я. С.169.

[36] Булашев Г.О. Указ. соч. С.227.

[37] Иванов В.В., Топоров В.Н. Ук. соч. С.169.

[38] Иванов П.В. Указ. соч. С.13.

[39] Чубинський П. Мудрість віків: (Укр. Народознавство у творчій спадщині Павла Чубинського): У 2 кн. Київ, 1995. Кн. 1. С.214.

[40] Иванов П.В. Указ. соч. С.14.

[41] Там же. С.15.

[42] Милорадович В.П. Малорусские народные предания и рассказы о Пятнице // Киевская старина. 1902. №5. С. 271.

[43] Научные архивные фонды рукописей и фонозаписей Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им.М.Т.Рыльского НАН Украины. Ф.28-3. В.М. Гнатюк. Л.56.

[44] Иванов П.В. Указ. соч. С.15.

[45] Чубинський П. Указ. соч. С.214.

[46] Жайворонок В.В. Указ. соч. С.585.

[47] Иванов П.В. Указ. соч. С.17.

рождению детей с различными физическими отклонениями, болезненных, уродливых, хилых. Из уважения к воскресному дню многие родители не позволяли своим взрослым детям ходить по субботам на вечерницы[48].

Украинцы Купянского уезда верили, что в этот день нельзя начинать какую-либо работу, так как и дальше будешь делать это только по субботам[49]. Они считали, что в субботу не надо начинать новое дело, потому что и мир (сотворение) в субботу закончился [50]. Подобные верования существовали и в других регионах Украины [51]. Так, на Черниговщине «в субботу не полагалось золить сорочки» [52]. В этот день запрещалось шить[53]. Однако иногда в этот день можно было работать только до полудня[54].

В субботу крестьяне слободы Ново-Астрахань Старобельского уезда лечили детей от испуга, делали это сразу, когда выходили с вечерней службы[55]. О значении седьмого дня недели – воскресенья – для украинцев общего дня отдыха, Г. Булашев писал: «Культ Святого Воскресенья, которого так строго придерживаются по всей Украине, легко объяснить, с одной стороны, огромным значением воскресенья в христианском мире, с другой, – самим этимологическим наполнением слова Воскресенье (в украинском языке – неділя – С.Ш.) (от древнерусского – «не делать»)»[56].

Согласно народным представлениям, воскресенье – это девушка-красавица с золотыми волосами; её опекает само солнце, потому её называли Солнечной Панночкой[57]. Согласно народным поверьям, на Пасху («Светлое Воскресенье») солнце играет[58].

Слобожане говорили, что работа в воскресенье была великим грехом[59]. Украинцам в этот день запрещалось выполнять любую работу. У слобожан также в воскресенье ничего не делали[60], даже «в воскресенье не годится печь хлеб»[61], но «если крайняя необходимость заставила испечь, то лишь нужное количество хлеба»[62].

За неуважение к воскресенью человек мог ожидать наказания на протяжении семи лет и только по истечении этого срока мог успокоиться: грех за обиду святости воскресного дня ему будет прощён[63].

Таким образом, каждому дню недели у слобожан соответствовал определённый содержательный символизм в их системе представлений и верований. Сакральность каждого из них моделировала повседневную, будничную жизнь человека с определёнными морально-этическими и трудовыми предосторожностями.

---

[48] Там же. С.17.

[49] П.И. Указ. соч. С.39.

[50] Иванов П.В. Указ. соч. С.17.

[51] См. например: Научные архивные фонды рукописей и фонозаписей Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М.Т. Рыльского НАН Украины. Ф.28-3. В.М. Гнатюк. Л.42; Колеса Ф. Людові вірування по Підгір'ю в с. Ходовичах Стрийського повіту // Етнографічний збірник. Т.5. Львів, 1898. С.88; Франко І.Я. Людові вірування по Підгір'ю // Етнографічний збірник. Т.5. Львів, 1898. С.211.

[52] Научные архивные фонды рукописей и фонозаписей Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им.М.Т.Рыльского НАН Украины. Ф.28-3. В.М. Гнатюк. Л.54.

[53] Научные архивные фонды рукописей и фонозаписей Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им.М.Т.Рыльского НАН Украины. Ф.1-К.2. Б.Д. Грінченко. Л.8.

[54] Ястребов В.Н. Материалы по этнографии Новороссийского края, собранные в Елисаветградском и Александрийском уездах Херсонской губ. Одесса, 1894. С.5.

[55] Иванов В.В. Указ. соч. С.34.

[56] Булашев Г.О. Указ соч. С223.

[57] Жайворонок В.В. Указ. соч. С.391.

[58] Терещенко А. Быт русского народа. М., 1846 – 1847. Ч. 1-7. Ч.6. Обрядовые праздники. С.17.

[59] Иванов П.В. Указ. соч. С.6.

[60] Иванов В.В. Указ. соч. С.264.

[61] Научные архивные фонды рукописей и фонозаписей Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им.М.Т.Рыльского НАН Украины. Ф.28-3. В.
М. Гнатюк. Л.72.

[62] Милорадович В.П. Народные обряды и песни Лубенского уезда Полтавской губ. (записанные в 1888-1895 гг.). Харьков, 1897.С.120.

[63] Иванов П.В. Указ. соч. С.6.

SEMANTICS OF THE DAYS OF WEEK IN THE SYSTEM OF BELIEFS AND IMAGES OF THE SLOBODSKAYA UKRAINA OF THE XIXTH C.- THE BEGINNING OF THE XXTH C.

S.M. SHVIDKIY

Donbass State Pedagogical University, Slovyansk, Ukraine

e-mail: shvidkuj.sergij@yandex.ru

There is presented the research of the semanties of the days of week in the system of beliefs and images of the Slobodskaya Ukraine of the XIXth c. - the beginning of the XXth c. and their influence on the everyday life of people on the data of etnographyc sources.

Key words: day, week, beliefs, images, inhabitants of Slobozhanshchina.

УДК 94[47]

ПРОБЛЕМЫ САНИТАРНО-ГИГИЕНИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А.Н. МОШКИН[1]
Я.В. ВАЛЯЕВ[2]

[1] Белгородский государственный национальный исследовательский университет

[2] Белгородская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Я. Горина

[1] e-mail: moshkin@bsu.edu.ru

[2] e-mail: rufahnen@rambler.ru

В статье рассматривается вопрос о роли санитарно-гигиенической службы в российской армии в годы Первой мировой войны. В этой связи изучаются как положительные, так и отрицательные стороны данной организации. Автор высказывает мнение, что вопросу организации санитарно-гигиенического быта накануне и в начале Первой мировой войны не уделялось достаточного внимания, что в полной мере сказалось на общем состоянии армии.

Ключевые слова: Первая мировая война, российская армия, фронтовой быт, санитарно-гигиеническая служба.

В отечественной историографии, до недавнего времени, не уделялось достаточного внимания изучению истории повседневности, в том числе изучению повседневного быта военнослужащих во время военных конфликтов. Так вопрос о бытовых условиях жизни солдат в годы Первой мировой войны оставался почти не исследованным и до сих пор представляется весьма актуальным, особенно в канун своего векового юбилея. Между тем, от бытовой стороны в армии во многом зависит её боеспособность.

Под понятием «фронтовой быт» следует понимать техническое обеспечение войск, жильё, бытовое снабжение (питание и обмундирование), санитарно-гигиенические условия и медицинское обслуживание, денежное довольствие, а также связь с тылом»[1]. В разных условиях и этапах военного конфликта степень значения каждого из вышеперечисленных пунктов может варьироваться, но на всём протяжении войны далеко не последнее место будет занимать санитарно-гигиенический фактор.

Целью данной статьи является рассмотрение проблем, связанных с санитарно-гигиенической обстановкой, которая сложилась в российской армии в годы Первой мировой войны. Новизна работы заключена в том, что данная тема ранее не являлась объектом специальных научных разработок.

Источниковую базу исследования составляют архивные материалы, сборники документов, мемуары военачальников, офицеров, солдат российской армии, побывавших на фронтах Первой мировой войны и оставивших описания современной им действительности.

Для создания понятия о положении, в котором оказалась российская армия в годы Первой мировой войны, следует перечислить проблемы с которыми она столкнулась при организации санитарно-гигиенической составляющей армейского быта, а также мерами по их предотвращению.

Необходимо отметить, что на санитарно-гигиенические условия значительное влияние оказали проблемы, связанные с инфекционными эпидемиями и остро-кишечными заболеваниями, возникающие под влиянием как внутренних, так и внешних факторов. К внутренним факторам относится отсутствие профилактических мер в армии и культуры гигиены среди военнослужащих, к внешним – инфекционные заболевания, распространённые среди местного населения и передававшиеся солдатам в момент их расквартирования в населённых пунктах, и антисанитария, царившая на полях сражений.

О том, что в царской армии были распространены инфекционные заболевания, красноречиво свидетельствует ряд фактов. Ещё в 1912 г., по данным отчёта Главного санитарного управления, инфекционная заболеваемость в войсках выражалась в следующих цифрах: на 1 000 человек личного состава болело – брюшным тифом 4.5; сыпным

[1] Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С. 74-75.

тифом 0.13; дизентерией 0.6; оспой 0.07; гонореей 23.4; чесоткой 13.9[2]. Цифры для мирного времени высокие, особенно данные по заболеваемостью брюшным тифом, гонореей и чесоткой. Однако для полного искоренения подобной заразы командование не спешило принимать конкретные действия, например вакцинирование. Естественно, что подобная халатность не могла не сказаться на количестве больных, но уже во время войны.

С началом военного конфликта увеличилось число инфекционных заболеваний. Так, например, с августа по декабрь 1914 г. было выявлено 8 758 случаев заболеваний холерой[3]. Российскому командованию пришлось активно включиться в борьбу с искоренением (по крайней мере, пытаться уменьшить или ограничить распространение) этой заразы. Для чего было организованы следующие меры: в армии для борьбы с инфекциями на каждый корпус имелся санитарно-гигиенический отряд, а на дивизию и бригаду приходилось, как минимум по одному дезинфекционно-эпидемиологическому отряду[4]. Подобные отряды применялись для обеззараживания окопов, вокзалов, медицинских заведений[5].

Эпидемиологический отряд имел своей целью борьбу с острозаразными заболеваниями, для чего мог оказывать амбулаторное лечение больным или производить дезинфекцию местности. Персонал одного эпидемиологического отряда состоял: из старшего врача, младшего или зауряд-врача (или фельдшера или фельдшерицы), 4 сестёр милосердия, 2 дезинфекторов (на одного возлагалась обязанность заведующего хозяйством), 10 санитаров, 9 обозных санитаров. Подобные отряды находились в ведении Особоуполномоченного и в подчинении Заведующего Санитарной Частью армии. Отряд имел постоянный обоз, который состоял из 3 пароконных бричек, 6 повозок, равных 18 упряжным лошадям, 2 верховых, а также походной кухни. В случае необходимости Эпидемиологический отряд мог усиливаться подвижным Дезинфекционным отрядом[6]. Преимуществом такого отряда являлась полная оснащенность всем необходимым, частичная автономности и, самое главное, – мобильность. Следовательно, отряд мог длительное время находиться в зоне эпидемии и при необходимости делиться, что влияло на охват территории и пропускную способность, повышая тем самым эффективность своей деятельности.

Следует добавить, что с разрешения Главноуполномоченного Эпидемические отряды могли временно переформировываться в эпидемические пункты. В этих пунктах, как правило, временно размещались острозаразные больные до отправки их в «заразные» госпиталя. Пункт был рассчитан на 50 коек с 3-4 отделениями: 1) для сыпного тифа на 20 кроватей, 2) для оспы или скарлатины на 5 кроватей, 3) для желудочно-кишечных заболеваний инфекционного характера, например, дизентерии, холеры, поноса – 15 кроватей, для лихорадочных больных, с ещё не выясненным диагнозом – на 10 кроватей. Служебный персонал Эпидемического пункта состоял из 2 врачей (в том числе одного старшего), 2 фельдшеров (или фельдшериц), 2 дезинфекторов, 6 палатных сестёр милосердия, 1 сестры, заведующей хозяйством, 1 запасной сестры и 1 письмоводителя, а также 5 санитаров. Хозяйственная служба врачебного пункта состояла из 6 обозных, 1 кашевара, 1 кухарки, 4 прачек, 27 санитаров и 5 вольнонаёмных женщин. В помощь Эпидемическому пункту мог также придаваться Шоссейный Дивизионный отряд[7]. Устройство подобных отрядов свидетельствует об их универсальности, оснащенности и рациональности, что неминуемо влияло на конечный результат в борьбе с распространением эпидемии.

Шоссейно-дезинфекционные отряды использовались также для борьбы с возникновением очагов инфекционных заболеваний в местах, где такая необходимость возникала. Личный состав отряда состоял из 1 заведующего, 1 помощника его, 6 санитаров, 1 слесаря-механика и 6 обозных рабочих[8]. Свою эффективность они проявили выполняя не только функции дезинфекции, но и приходя на усиление более крупного отряда или пункта, занимаясь в основном снабжением медикаментами, инструментами, препарата-

---

[2] Санитарная служба русской армии в войне 1914-1917 гг.: Сборник документов. Куйбышев, 1942. С. 20, 292-293.

[3] Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 2126. Оп. 5. Д. 18. Л. 19.

[4] Военно-санитарный сборник Юго-Западного фронта. 1915. № 1. Бердичев, С. 3.

[5] Красный Крест на Северо-Западном фронте. Пг., 1915. С. 42-43, 50.

[6]Санитарно-Эпидемическая организация. Инфекционного Отдела Управления Главноуполномоченного Российского Общества Красного Креста при армиях Западного фронта. Часть II. М. 1916. С. 3-6.

[7]Там же. С. 23-26.

[8] Санитарно-Эпидемическая организация. Указ. соч. С. 45.

ми и транспортировкой (эвакуацией) больных и раненых. Это свидетельствует об особой подвижности и оперативности данных отрядов.

Второй проблемой, оказавшей значительное влияние на санитарное положение армии, стало использование непригодной воды для нужд личного состава. В Государственной Думе при обсуждении сметы Главного Военно-Санитарного Управления было отмечено неудовлетворительное санитарное состояние армии, в частности, высокий процент заболеваемости брюшным тифом, вызванными неудовлетворительными санитарными условиями, в особенности по отношению к водоснабжению и удалению нечистот, а также спуск «заразными» госпиталями необеззараженных нечистот в водоёмы[9].

Для решения данной задачи предполагалась ввести контроль над соблюдением чистоты источников питьевой воды при помощи создания специальной сети мобильных лабораторий для своевременной проверки воды на анализ и проведения занятий с военнослужащими по профилактике разных кишечных заболеваний[10]. Подобные меры свидетельствуют о попытке формирования у солдат культуры гигиены, внимание которой практически не уделялось армейским командованием перед войной.

Следующим фактором ухудшения санитарного положения в армии стали инфекционные заболевания, ходившие среди местного населения и передающиеся солдатам в момент их расквартирования в населённом пункте[11]. Даже если солдат не подвергался заражению, пребывая в расположении своей воинской части, то, как только он оказывался в сельской местности, вероятность заражения увеличивалась многократно. Такая ситуация объясняется тем что санитарные мероприятия, проводимые в войсках не распространялись на гражданское население[12]. Устранение этой проблемы не представлялось реально возможным, потому как государство не располагало ни планом действий для подобного шага, ни достаточными средствами для её разрешения, и тем более временем для исправления сложившейся ситуации.

Другим источником, влиявшим на эпидемиологическую обстановку в войсках, являлась антисанитария, царившая на полях сражений. Дело в том, что после боёв оставалось много трупов, которые требовали соответственного захоронения: «несколько остававшихся трупов, всё сильнее разлагаясь, стали давать такой ужасающий запах, отравлявший воздух, что становилось всё труднее и физически и морально выдерживать его»[13] – впоследствии вспоминал солдат царской армии Н.В. Буторов. Однако значительное количество тел погибших, погодные (климатические) условия и военные действия затрудняли осуществления своевременного захоронения. Так, при сильных морозах выкопать глубокую яму весьма затруднительно, а с наступлением весны происходит разложение останков человека и если они захоронены неглубоко, то это, как правило, приводило к распространению различных инфекционных заболеваний, либо через талые воды, либо через насекомых.

Не последнее значение имели и условия, в которых находились военнослужащие, пребывающие на фронте. Вот некоторые воспоминания участников войны: «Окопы кишели вшами. Насекомые проедали кожу буквально насквозь, так что на теле появлялись струпья и короста»[14], «нас пятеро в душной комнате курной избы, кишащей совершенно невероятным количеством клопов, блох и даже вшей»[15], «нам пришлось увидеть в окопах, и по тем раненым, которых доставляли в лазареты следующее: люди в буквальном смысле были одеты в «живые рубашки», сплошь всё было усеяно вшами, тело покрыто корой грязи, нижнее бельё имело буро-защитный цвет, всё это вместе взятое отдавало таким сильным специфическим запахом, что первое время было трудно привыкнуть к этому, а особенно к той куче вшей, которая моментально облепляла подушки, одеяло, простыни и даже халаты сестёр. Из расспросов солдат выяснилось, что они не мылись около 4-5 месяцев»[16]. Подобные свидетельства ярко показывают просчёты российского

[9] Военно-санитарный сборник ... С. 3; Вестник Красного Креста. 1914. № 7. С. 79.
[10] Вестник Красного Креста. 1914. № 7. С. 79.
[11] РГВИА. Ф. 2054. Оп. 1. Д. 21. Л. 206; Вестник Красного Креста. 1914. № 7. С. 80.
[12] Санитарная служба русской армии в годы войны. М., 1914. С. 389.
[13] Буторов Н. В. Прожитое (1905-1920). Париж, 1963. С. 57.
[14] Бочкарёва М. Яшка: Моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы. М., 2001. С. 150.
[15] Степун Ф.А. Из писем прапорщика артиллериста. Томск, 2009. С. 15.
[16] Лебедев А.С. О работе технических отрядов на передовых позициях: постройка бань, прачечных, дезинсекторов и пр. М., 1915. С. 3.

командования, не уделившего должного внимания вопросу гигиены военнослужащих в условиях позиционной войны.

Для исправления сложившейся ситуации были предприняты колоссальные усилия. Так объединёнными силами (государственными и общественными) всех санитарно-эпидемиологическими служб были предпринята серия мероприятий направленных на предотвращения распространения заболеваний.

Одним их самых эффективным профилактическим средством против заболеваний оказалось вакцинирование, получившее массовое распространение лишь с 1915 года[17]. Для широкой борьбы с инфекциями использовалась зарубежная вакцина (в основном противотифозная), изобретенная в Англии и США[18], а не отечественная, которая вырабатывалась не в достаточном количестве и по высокой цене в среднем по 1 руб. 45 коп. против английской в 72 коп.[19] (цена за одну дозу противостолбнячной сыворотки).

Другим средством в борьбе за гигиену военнослужащих стали химические препараты, которые использовали против кожаных паразитов, главным образом платяных вшей. Главное военно-санитарное управление использовало такие препараты как мылонафт (или суррогат мыла) и технические крезолы, а для дезинфекции препараты «насекомояд», «гелиос», «гигиена»[20]. Также для обеззараживания одежды применялся пароформалин и сера, в основном для новых полушубков ввиду возможного нахождения в них сибиреязвенной бациллы, старые – обрабатывались сернистым газом, а шерстяные вещи – паром[21]. Другими способами борьбы с накожными насекомыми следует отметить и такие меры, как «ношение двух рубах, из которой верхняя пропитана 10 % раствором дёгтя (чумацкий способ)» и «смачивание волос бензином, керосином или смазывание головы после стрижки ртутной мазью»[22]. Комплекс подобных мер был достаточно эффективным, но применялся в основном, когда были недоступны для применения более привычные средства, коем естественно относится банные процедуры, стирка белья и чистка одежды.

Следующим способом улучшения санитарно-гигиеническое положение военнослужащих, широко используемым в армии, стали бани, которые к тому же благоприятно влияли на самочувствие солдат, улучшая им настроение[23]. Вместе с банями строились прачечные и дезинсекторы, устройством которых занимались специальные технические команды и отряды, работающие под флагом Красного Креста, входившие в состав армий[24].

Для русского народа баня является традиционным средством соблюдения гигиены. Как правило, различают два вида бань: «по белому» и «по-чёрному». В российской армии предпочтение отдавалось баням «по-чёрному», так как их стоимость на 30-40 человек составляла 500 рублей (стоимость могла составлять и меньшую сумму, например 25-30 руб. но при условии, если баню не строили, а переоборудовали под нею какой-нибудь дом или сарай), что являлось главным аргументом для армейского начальства, которое имело своей задачей экономию денежных средств и заботу о состояние здоровья военнослужащего[25].

Баня состояла, как правило, из двух помещений: раздевальни и мыльня-парильня. Каждому солдату выдавали кусок мыла (из расчёта 1 фунт мыла на 5 человек). Также при банях имелась прачечная, чтобы солдаты не надевали грязное бельё на чистое тело. При входе солдаты сдавали свои грязные комплекты одежды, а взамен получали новые. Бельё выдавалось всем, у кого не было запасного чистого комплекта. При каждой бане содержался определённый запас комплектов одежды. Грязную же одежду стирали специально нанятые для этого дела женщины. Как правило, всё грязное бельё свозили в центральную прачечную, которая имела дезинфекционную камеру. По свидетельствам полковых врачей эффективность вышеперечисленных мер привела к снижению на 60 % накожных за-

---

[17] РГВИА. Ф. 2126. Оп. 5. Д. 18. Л. 18, Ф. 12675. Оп. 4. Д. 21. Л. 27; Ф. 12564. Оп. 74. Д. 46. Л. 200; Военно-санитарный сборник … С. 18.

[18] Вестник Красного Креста. 1914. № 7. С. 78-80.

[19] РГВИА. Ф. 369. Оп. 2. Д. 50. Л. 2-3.

[20] РГВИА. Ф. 546. Оп. 3. Д. 13. Л. 11; Ф. 2126. Оп. 5. Д. 18. ЛЛ. 18-19.

[21] РГВИА. Ф. 2126. Оп. 5. Д. 18. Л. 21

[22] Военно-санитарный сборник … С 27.

[23] Бочкарёва М. Указ. соч. С. 149; Оськин Д.П. Записки прапорщика. М., 2001. С. 65.

[24] Лебедев А.С. Указ. соч. С. 3.

[25] Военно-санитарный сборник … С. 24-25.

болеваний[26]. То есть улучшение гигиенического состояния тела привело к уменьшению заболеваемости, что свидетельствует о пользе и эффективности данных мер.

Ещё одним средством борьбы с инфекционными эпидемиями стало стремление командование армии провести обеззараживания мест проживания военнослужащих. О чём свидетельствует приказ Верховного Главнокомандующего, где речь идёт о том, «что бы все помещения, занимаемые войсковыми частями, постоянно подвергались самой тщательной очистки и дезинфекции[27]. Такое отношение к местам проживания влияло на санитарную обстановку, следовательно, на состояние и боевой дух бойца.

Другим комплексом мер, связанным с распространением заразных заболеваний, явилось создание системы устройства крупных заразных госпиталей, расположенных по путям следования больных до линии распределительных пунктов, тем самым создавая своеобразный заслон. Организацию такого рода госпиталей взяли на себя Земские и Городские союзы[28]. Для предотвращения распространения инфекции были организованы две линии барьеров: на первой линии обсервационно-изоляционные пункты с дезинфекционными отрядами, на второй линии заразные госпитали, для лечения заболевших с санитарно-гигиеническими отрядами для бактериологического обследования»[29].

Сами изоляционно-пропускные пункты состояли: 1) из помещений для врачебного, фельдшерского и служительского персонала, а также кухни; 2) специально-эпидемического госпиталя для приёма заразных больных и подозрительных на заболевания, а где таковых не было, из заразной больных на 15-20 кроватей для трёх инфекций; 3) изоляционного помещения для здоровых людей (с подозрением на возможное заражение); 4) дезинфекционной камеры с прачечной и баней (за неимением бани – ванными или душем; и 5) покойницкой[30]. Как мы можем видеть, это был своего рода комплекс, в котором осуществлялась выявление, сортировка и лечение заразно больных. Это объективно благоприятно влияло на борьбу с распространением инфекций. Они устраивались на станциях железных дорог на путях следования эшелонов с эвакуированными ранеными и пленными, тем самым выигрывая в оперативности применения своей деятельности.

Одним из самых действенных мер по предотвращению желудочно-кишечных заболеваний оказалась серия приказов армейского командования Юго-Западного фронта, направленная на формирование культуры гигиены у военнослужащих и проведение профилактических занятий, связанных с обеззараживанием питьевых источников[31]. В них командование призывало солдат и офицеров охранять питьевые источники, солдатам иметь кипяченую воду во флягах, не ложиться на сырую землю животом и перед едой, по возможности, мыть руки, а также заниматься обустройством в окопах новых отхожих мест. Запрещалась также продажа на железнодорожных станциях и в зоне отчуждения сырых фруктов (кроме лимонов), овощей, кваса, для чего проводилась раздача кипятильников, красного вина, клюквенного и черничного экстракта и дезинфекционных средств.

Подводя итоги проведенному исследованию можно констатировать, что командование российской армии в преддверии мировой войны не уделило должного внимания санитарной службы. В предвоенный период в царской армии острозаразные заболевания были представлены в полном своём составе. Борьба с ними практически не велась, а потому ухудшение санитарного положения в начале войны военнослужащих представляется вполне закономерным. Правительство не озаботилось массовым вакцинированием личного состава, что привело к резкому распространению различных болезней, особенно тифозных. Военным с началом позиционной войны пришлось столкнуться с распространением в окопах насекомых и накожных заболеваний, отсутствием возможности соблюдать личную гигиену. Строительство сети бань, прачечных и дезинфекторов на всём протяжении фронта потребовало значительного времени, что крайне пагубно повлияло на состояние солдат в начале кампании. Объективным следствием тяжёлого санитарного и

---

[26]Лебедев А.С. Указ. соч. С. 4, 6, 12.

[27] Приказ армиям Юго-западного фронта за № 188 от 24 октября 1914 г.

[28] РГВИА. Ф. 546. Оп. 7. Д. 14. ЛЛ. 15-17.

[29] Красный Крест на Северо-Западном фронте. Пг., 1915. С. 41-42.

[30] РГВИА. Ф. 2054. Оп. 1. Д. 19. Л. 50.

[31] Приказ Главного Начальника Снабжения армий Юго-западного фронта за № 124 от 20 декабря 1914 г.; Военно-санитарный сборник … С. 12, 14-15, 30; Красный Крест на Северо-Западном фронте. Пг., 1915. С. 42-43.

эпидемиологического положения явилось также и то, что основная ставка командованием была сделана не на предотвращения появления заболеваний, а на сдерживание их распространения по территории империи.

PROBLEMS OF SANITARY-HYGIENIC SERVICE OF THE RUSSIAN ARMY DURING THE FIRST WORLD WAR

A.N. MOSHKIN[1]
Y.V. VALYAEV[2]

[1] Belgorod National Research University
[2]Belgorod state agricultural Academy named after V. Gorin

[1] e-mail: moshkin@bsu.edu.ru
[2]e-mail: rufahnen@rambler.ru

The article examines the role of the sanitary-hygienic services in the Russian army during the First World War. In this regard, are studied both positive and negative sides of this organization. The author suggests that the issue of organization of sanitary-hygienic life before and at the beginning of the First World War was not given enough attention that fully affected on the overall condition of the army.

Key words: the First World War, the Russian army, frontline life, sanitary-hygienic service.

УДК 94(470)

ВОЗНИКНОВЕНИЕ В КПСС ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ И ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

А.М. ИВАНОВ

Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права, филиал в г. Смоленске

e-mail: Elena-I-82@yandex.ru

В условиях практически социальной неоднородности общества в КПСС в 1985-1991 годах стали образовываться разные платформы, что привело к созданию политических структур разной ориентации, многие из которых заявили о полном идейном и организационном разрыве с коммунистической партией. В работе рассмотрены особенности процесса формирования многопартийности в России в период Перестройки на примере Смоленской области.

Ключевые слова: Перестройка, многопартийность, демократическая платформа КПСС, марксистская платформа КПСС.

Реформы второй половины 1980-х гг. радикально изменили отношение к политике в российском обществе. Политическое участие стало способом проявления гражданского отношения к реформам. В 1989-90-х годах резко возрос уровень массовости в общественных движениях. Иным стало отношение к выборам, к тем, кто избирается в органы государственной власти. Формальное, пассивное, обязательное участие в комсомольско - партийно - профсозной - депутатской общественной (политической) работе сменилось массовым энтузиазмом.

XIX конференция КПСС (лето 1988 г.) положила начало под лозунгом демократизации и гласности, борьбы с бюрократизмом и построения правового государства, децентрализации и устранения монополии КПСС в Смоленской области началось формирование новых общественно-политических движений, фронтов, союзов, партий, которые сперва называли «неформальными» (в противовес таким «формальным» организациям, как профсоюзы, комсомол, официальные союзы писателей и журналистов, и т.п.)

В условиях практически социальной неоднородности общества в КПСС стали образовываться так называемые разные платформы. Не находя возможности реализации своих социальных интересов в рамках КПСС, фракционеры искали другие пути. Поэтому важной особенностью процесса формирования многопартийности в России было то, что в условиях «перестройки» возникла «демократическая оппозиция» в самой КПСС как продукт реформизма, к которому призывал М.С. Горбачев.

Появление платформ в КПСС привело к созданию политических структур разной ориентации, многие из которых впоследствии все более дистанцировались от нее и, в конечном итоге, заявили о полном идейном и организационном разрыве с компартией.

В мае 1989 г. Н.Андреева и ее сторонники создали Всесоюзное общество «Единство – за ленинизм и коммунистические идеалы». На I конференции «Единства» 18-20 мая 1989 г. Н.Андреева была избрана председателем его Координационного совета. На протяжении 1990 г. на конференциях «Единства» неоднократно поднимался вопрос о воссоздании Всесоюзной коммунистической партии большевиков, однако каждый раз такой шаг признавался несвоевременным и принималось решение «продолжать борьбу с ревизионизмом, находясь внутри КПСС»[1].

В январе 1990 г. на «правом» фланге КПСС оформляется Демократическая платформа. Она объединила приверженцев частной собственности, плюралистической демократии и концепции социального партнерства трудящихся и предпринимателей, т.е. силы ярко выраженной антикоммунистической направленности. На момент создания, по данным организаторов, Демократическая платформа насчитывала 55 тыс. членов партии[2]. Ее лидерское ядро составили полтора десятка народных депутатов СССР – членов Межрегиональной депутатской группы. В марте – мае 1990 г. руководство Демократиче-

[1]Цит. по: Холмская М.И. Коммунисты России: факты, идеи, тенденции. М., 1998. С. 32.
[2] Россия: партии, ассоциации, союзы, клубы. Справочник. Т. 1. Ч. 1. М., 1991. С. 15.

ской платформы начало регистрацию своих членов, т.е. фактически пошло на оформление фракции в КПСС.

Как отмечал второй секретарь смоленского обкома КПСС М.М. Захаров, в Демократической платформе КПСС «откровенно проповедуется отказ от ленинских принципов построения партии, насаждения фракционности, переход на парламентский тип развития»[3].

В апреле 1990 г. рядом неформальных марксистских клубов была образована Марксистская платформа в КПСС. В числе основных организаторов МП были Клуб марксистских исследований при МГУ (А.Бузгалин), Фонд социальных инициатив (С.Скворцов), бывшая коммунистическая секция Московского партклуба (А.Пригарин) и др. Они не отвергали необходимость перемен в обществе, выступали за обновление деятельности КПСС, за свободу мнений внутри партии, творческое развитие марксизма и окончательное избавление от сталинизма. В то же время основатели Марксистской платформы считали, что под руководством партийной номенклатуры КПСС попала под чуждые марксизму-ленинизму влияния и стала утрачивать революционный дух. Вскоре Марксистская платформа стала одним из ведущих оппозиционных течений в партии. К лету 1990 г. сторонниками Марксистской платформы, по данным социологических опросов, проводившихся научными центрами ЦК КПСС, считали себя от 2 до 10% членов КПСС, а в некоторых районах, где были созданы активные группы поддержки, - до 15%[4]. На II конференции сторонников Марксистской платформы в КПСС (16-17 июня 1990 г.) были приняты «Основные положения антикризисной программы». Суть предложенного Марксистской платформой варианта выхода страны из кризиса, альтернативного правительственной программе, заключалась в «соединении, с одной стороны, неотложных мер, позволяющих остановить падение жизненного уровня и рост социального неравенства, не обусловленного трудовым вкладом, обеспечить возрождение социалистического идеала и авторитета коммунистической партии, и стратегических мер, обеспечивающих структурную перестройку экономики и создание хозяйственного механизма, стимулирующего эффективный и инициативный труд работника, коллективов, народа – с другой»[5].

На III конференции «Единства» осенью 1990 г. был взят курс на «большевизацию» КПСС и также заявлено о готовности заменить ее в случае отказа от коммунистических идеалов. С весны 1991 г. были предприняты шаги по созданию Большевистской платформы в КПСС. Они были направлены на институционализацию интересов сторонников «Единства» в рамках КПСС, проведение их представителей в ЦК и оказание влияния на выработку программных документов. 13-14 июля 1991 г. в Минске по инициативе «Единства» состоялась I конференция сторонников Большевистской платформы в КПСС. На ней была принята Декларация об образовании Большевистской платформы в КПСС, выражено недоверие М.Горбачеву и образован оргкомитет внеочередного XXIX съезда КПСС. Целью Большевистской платформы в КПСС была провозглашена борьба с «ревизионизмом» внутри КПСС и возвращение к «сталинско-ленинским нормам» в политической и экономической жизни[6].

Анализируя сущность идей платформ, второй секретарь смоленского обкома КПСС М.М. Захаров отмечал следующее: «в них содержится озабоченность медленным ритмом прогрессивных изменений во всех сферах общественной жизни; фиксируется кризисное положение в партии и стране, желание содействовать его преодолению; провозглашается, как кардинальная, идея демократического социализма; говорится об отказе КПСС от монополии на власть; не исключается возможность многопартийной системы и т.д. Альтернативные платформы предлагают отказаться от принципа демократического централизма него, отказаться от производственного принципа построения КПСС, от необходимости партийной дисциплины, провести деполитизацию армии, правоохранительных органов, легализовать фракции, упразднить управленческий аппарат. Создание каких-то параллельных структур неизбежно ослабит и расколет партию, превратит ее в дискуссионный клуб. А уж об авангардной роли КПСС не может быть и речи. …чтобы избежать подобной опасности,

[3]Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее ГАНИСО). Ф. 6. Оп. 81. Д. 3. Л. 67.
[4]Бузгалин А.В. Белая ворона (Последний год жизни ЦК КПСС: взгляд изнутри). М., 1993. С. 40.
[5]Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 60.
[6]Цит. по: Холмская М.И. Указ. соч. С. 45.

нельзя отказываться от принципа демократического централизма. Вместе с тем этот принцип, естественно, должен быть обновлен, восстановлен в его ленинском понимании, гарантирующим власть партийных масс, первичных парторганизаций, отношения товарищества и партийного равенства. Отказ же от истинного, ленинского принципа демократического централизма способен превратить партию в аморфное образование, приведет ее к самоликвидации, что трагически опасно не только для КПСС, но и для всего общества, в котором и так уже явно проявляются признаки анархии»[7].

По состоянию на апрель 1990 г., расстановка сил внутри КПСС выглядела следующим образом: сторонники проекта Платформы ЦК КПСС к XXVIII съезду в том виде, в каком она была опубликована – 33%, сторонники дальнейшего пересмотра организационных и идеологических основ партии в рамках доработки проекта Платформы ЦК КПСС – 29%, сторонники Демократической платформы в КПСС – 24%, сторонники партии старого типа (традиционалисты) – 3%, сторонники самороспуска КПСС – 3%, конформисты и колеблющиеся – 8%[8].

К лету 1990 г. противостояние реформаторов и консерваторов в высшем партийном руководстве привело к созданию Российской компартии (КП РСФСР) в составе КПСС как альтернативы курсу «горбачевского» ЦК. Антиреформистски настроенные члены КПСС (делегаты XXVIII съезда), представлявшие ряд региональных парторганизаций и часть центрального руководства, объединились в Инициативное движение коммунистов РСФСР. Под давлением «снизу» высшее партийное руководство было вынуждено согласиться на создание Российской компартии. В числе её инициаторов выступили И.Полозков, О.Шенин, Г.Зюганов, В.Купцов и др. 19-20 июня 1990 г. была созвана Российская партийная конференция, которая конституировала себя как учредительный съезд Компартии РСФСР (в составе КПСС). Первым секретарем ЦК КП РСФСР был избран оппозиционно настроенный по отношению к М.Горбачеву партийный функционер из Краснодарского края И.Полозков.

Нарастание поляризации членов КПСС по принципиальным политическим, идеологическим и социально-экономическим вопросам после XXVIII съезда КПСС (2-13 июля 1990 г.) привело к тому, что процесс размежевания внутри партии фактически приобрел необратимый характер.

К августу 1991 г. КПСС охватывала собой почти весь политический спектр – от убежденных коммунистов до монархистов. В рамках номинально единой партии прогорбачевскому центру, предложившему вполне социал-демократический проект программы КПСС, противостояли несколько внутрипартийных течений (протопартий): на «правом» фланге – остатки Демократической платформы, объединившиеся под эгидой А.Руцкого и В.Липицкого в Демократическую партию коммунистов России (в составе КПСС); в «центре»- Марксистская платформа в КПСС; на крайнем «левом» фланге – Большевистская платформа в КПСС. У каждого из этих течений существовала своя идейно-теоретическая платформа, и довольно быстро формировались организационные структуры. Кроме них, в КПСС оставалась политически неактивная, достаточно размытая, фракционно не оформленная масса, в том числе большое количество аппаратчиков, колебавшихся вместе с генеральной линией партии.

По мере ухудшения социально-экономических условий жизни в 1990-1991 гг. отток коммунистов из партии принял неконтролируемые и открытые формы. Во время путча ГКЧП руководство обкомов КПСС заняло нейтральную позицию, чем окончательно подорвало свой авторитет.

Неспособность власти справиться с насущными социально-экономическими проблемами региона, внутрипартийные противоречия неизбежно вели к появлению новых альтернатив общественно-политического развития страны.

С либерализацией политического режима в конце 1985 – начале 1986 г. в политической системе стали возникать и различные объединения граждан, для которых был характерен критический настрой к существовавшей системе власти, а также стремление построить социализм «с человеческим лицом».

---

[7]ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 81. Д. 3. Л. 68.

[8]Тощенко Ж.Т., Бойков В.Э., Леванов Е.Е. Как обновляется КПСС (Опыт социологического анализа) // Вопросы истории КПСС. 1990. № 8. С. 8.

Одним из первых и наиболее распространенных видов независимых групп стали дискуссионные клубы. Они в основном организовывались молодыми людьми, получившими гуманитарное образование: научными работниками и преподавателями. На первом этапе в работе таких клубов участвовало лишь небольшое число людей старшего возраста, большинство из них не считало это занятие серьезным или перспективным. Основной целью здесь было обсуждение острых вопросов развития общества, часто поставленных в статьях известных либеральных ученых, опубликованных в официальной печати. Обсуждение проходило в свободной и неформальной атмосфере, невозможной в других официальных учреждениях, где все дискуссии контролировались партийными чиновниками и КГБ.

Так, в г. Десногорске аккумулировав предложения первичных партийных организаций, горком партии создал городские клубы – дискуссионно-политический «Поиск», общественно-политический «Историк», правовой «Правовед». Все они оказались жизнеспособны и имели свою аудиторию. Политические клубы работали и в партийных организациях АЭС и УС САЭС, проводились клубы интересных встреч, политические семинары[9].

В партийной организации завода «Двигатель» (г. Ярцево) был создан политический клуб «Мнение», действующий на основе принципов добровольности, демократичности, самоуправления. На заседаниях клуба проводились встречи с информационно-пропагандистской группой горкома КПСС, первыми руководителями завода, лекторами областной организации «Знание», с настоятелем храма Петра и Павла, проходили и общественно-политические чтения, например, на тему «Диспут по брошюре А. Солженицына «Как нам обустроить Россию?», программа 500 дней и программа действия партийной организации завода»[10].

В процессе своего развития дискуссионные клубы часто доходили до определенного этапа, когда вставал вопрос о необходимости действовать решительнее. К дискуссиям подключались более широкие слои населения, для которых «ученые споры» становились малоинтересными. С другой стороны, углублявшаяся демократизация в стране создавала возможность активизации действий. В результате дискуссионные клубы либо раскалывались на сторонников активных действий и более осторожных сторонников дискуссий, либо прекращали свое существование и их наиболее радикальные члены создавали новые группы. В таких группах наиболее активную роль играли уже не специалисты-обществоведы, а негуманитарная интеллигенция, студенты, рабочие, которые обсуждали острые политические вопросы. Так, 11 февраля 1991 г. в Общественно-политическом центре Смоленского обкома КПСС состоялось заседание политического дискуссионного клуба на тему: «Союзный договор. Станет ли он основой для демократического национально-государственного устройства и консолидации общества?», на котором обсуждался вопрос о необходимость проведения всесоюзного референдума по вопросу заключения нового союзного договора на территории Смоленской области[11].

Развитие политической ситуации в сторону демократизации и внутренняя эволюция самих независимых групп на определенном этапе вызвало их стремление к объединению. Поначалу это привело к созданию федераций и ассоциаций клубов, а затем – более централизованных организаций, имевших свои отделения во многих городах России и иногда других республик СССР. Такие организации начали возникать в 1987-1988 гг., когда речь еще чаще всего не шла о непосредственном участии в выборах, а лишь об объединении для приобретения официального статуса и большего влияния.

Например, возникший в мае 1988 г. Демократический союз, открыто провозгласивший себя «оппозиционной партией», был объединением клубов, групп и отдельных членов, отличавшихся радикализмом. С самого начала Демократический союз выступил за радикальные уличные действия: демонстрации, пикеты, голодовки и т.п. Радикализм Демократического союза в определенный период приобрел большую популярность. Пик его деятельности пришелся на вторую половину 1989 – первую половину 1990 гг., когда Демократический союз проводил регулярные далеко не всегда санкционированные ми-

---

[9]Стерхова Л. Что происходит в Десногорске? // Край Смоленский. 1991. С. 7.
[10]Михаль Т. Политический клуб на заводе. // Рабочий путь. 1990. 2 декабря.
[11] Рабочий путь. 1991. 12 февраля.

тинги в Москве на Пушкинской площади, а также во многих городах России, включая Смоленскую область.

Создание «народных фронтов», часто называвшихся народными фронтами в поддержку перестройки, так же стало следствием желания организовать более активные, крупные и влиятельные общественные движения, способные активно влиять на власти путем сочетания давления и сотрудничества с реформаторски настроенными руководителями.

Организации с названием «Народный фронт» существовали во многих городах России, однако на практике они значительно различались по составу и влиянию. Это могли быть широкие объединения многих клубов, группы, созданные на базе одного-двух клубов или просто дискуссионные клубы, как это было, например, во Владивостоке. Иногда власти пытались сами создать свой народный фронт, чтобы поставить под контроль независимое политическое движение. Однако типичные народные фронты представляли собой попытки объединить все демократические группы данного региона в одну организацию.

Смоленский народный фронт, созданный по инициативе Эдуарда Александровича Бороховав сентябре 1989 г. и зарегистрированный Смоленским городским советом 24 августа 1990 г. стал первой организационно оформленной общественно-политической силой, открыто заявившей о своей оппозиционности КПСС. Его программные документы содержали основные положения неформальных демократических организаций и движений других регионов СССР: отмена политической монополии КПСС; демократизация общества; многоукладность экономики и т.д. Деятельность СНФ заключалась в проведении митингов, демонстраций, собраний, организации пикетов, выпуске листовок. Несмотря на то, что он не имел четко выраженной программы действий и реформ, прочной социальной основы и ориентации, проводимые фронтом общественно-политические мероприятия в значительной степени политизировали население, готовили почву для будущих партий. Немногим более года понадобилось демократическим силам области, чтобы из их общего потока стали активно выделяться группировки с более четкой позицией по тем или иным вопросам текущей общественно-политической жизни страны или перспектив ее развития.

Большую роль СНФ сыграл в период предвыборной кампании в местные Советы и народных депутатов РСФСР 1989 г. Так, по инициативе членов СНФ через предприятия и организации города и области было выдвинуто более 50 кандидатов в депутаты, из которых около 30 стали депутатами районных, городских и областных Советов народных депутатов. СНФ поддерживал связи с демократическими организациями Москвы, Ленинграда, Ярославля и других городов. В пределах области устанавливались контакты с демократическими группами Верхнеднепровска, Дорогобужа, Ершичей, Десногорска и других районных центров. СНФ стал питательной средой для формирования лидеров демократических партий. В разное время участвовали и сотрудничали с СНФ Г.М. Косенков (ДПР), Г.Я. Головных (РПРФ), А.Е. Балабаев (НПСР), Н.В. Ермолаев (Демократическая Россия) и др.

Проведение выборов народных депутатов СССР (весна 1989 г.), а затем народных депутатов РСФСР и местных Советов весной 1990 г. коренным образом изменили характер российских независимых политических групп. Перспектива провести в органы власти своих кандидатов или даже быть избранному самому пробудила интерес к активной политической деятельности у гораздо более широкого круга людей, которые раньше считали участие в демократических кружках и группах занятием бесперспективным и несерьезным. Это привело к возникновению массового движения клубов и обществ избирателей.

В большинстве городов России объединения избирателей не смогли получить официальный статус и выдвигать своих кандидатов, и их успехи на выборах были скромнее, чем в столицах. Во многих регионах за свою деятельность члены подобных организаций подвергались преследованиям вплоть до административных арестов. Содержание же деятельности повсюду было сходным: поддержать «демократических» кандидатов и провести их в органы власти. Так, на одном из стихийных митингов, состоявшихся в г. Смоленске 17 февраля 1990 г. были выдвинуты лозунги «вычеркивайте коммунистов при голосовании», «За Советы без коммунистов»[12].

---

[12] На перекрестке мнений. Партийная жизнь: почта наших дней // Рабочий путь. 1990. 28 февраля.

Несмотря на уже зарождавшиеся со второй половины 1990 г. конфликты между членами Демократической России, работавшими в представительных и исполнительных органах власти, а также начинавшиеся споры по поводу сохранения территориальной целостности СССР и России, движение в целом сохраняло свое единство до путча августа 1991 г., что позволило ему организовать своих сторонников на защиту здания российского парламента.

Немаловажную роль среди общественных движений в период перестройки играло женское движение, которое в современных исследованиях определяется как коллективные действия, обусловленные положением женщин в обществе. Как справедливо отмечает А. Темкина, такие действия могут быть направлены как на изменение существующей системы тендерных ролей, так и на сохранение сложившейся позиции женщины в обществе[13].

Женское движение на данном этапе характеризовалось более поздним возникновением по сравнению с другими общественными движениями, отсутствием массовой поддержки, централизованностью развития (в Москве и Петербурге), идеологическим плюрализмом, слабым развитием феминистской идеологии, специфическим репертуаром коллективных действий[14]. На заключительном этапе перестройки возникли группы защиты интересов женщин в разных профессиональных сообществах, различных экономических структурах и политических организациях, развивалось участие женщин в благотворительности и деятельности вновь созданных общественных организаций.

Смоленский областной Совет женщин создан на учредительной конференции в январе 1987 г. Необходимость его создания была вызвана тем, что объединившись, женщины, смогли бы играть более важную роль в воспитании подрастающего поколения, в решении насущных общественно-политических вопросов[15].

Председателем Смоленского областного Совета женщин была избрана М.В. Утенкова. Смоленский областной Совет женщин на добровольной основе объединил 30 районных и городских, 9 поселковых и более 200 на предприятиях Советов женщин, в организациях, войсковых частях, сельскохозяйственных объединениях, являлся координатором действий районных и местных Советов, обобщает их опыт, отмечает лучших работников и др. С 1990 г. Смоленский областной Совет женщин являлся коллективным членом Союза женщин России.

На основе блока демократических организаций, созданного накануне выборов 1990 г. возникло движение «Демократическая Россия», платформа которой была утверждена на учредительной конференции 20-21 января 1990 г. и опубликована в газете «Московские новости» и журнале «Огонек». Присоединение к «Демократической России» происходило путем выражения той или иной организацией согласия с этой платформой. В результате к Демократической России присоединились практически все т.н. демократические организации России[16]. Среди них были Демократическая партия России (ДПР), Социал-демократическая партия Российской Федерации (СДПР), Российское христианско-демократическое движение (РХДД), Республиканская партия России (РПР), Свободная демократическая партия России (СДП), Конституционно-демократическая партия – партия народной свободы (КДП-ПНС), Союз конституционных демократов (СКД) и Крестьянская партия России. В партию «Демократическая Россия» в конце 1990 - начале 1991 гг. вошел и Смоленский народный фронт. Из тех партий и движений, что не вошли в ее состав, наиболее заметными были Народная партия свободной России (НПСР), Народная партия России (НПР) и Социалистическая партия.

На территории Смоленской области в период перестройки функционировали Демократическая партия России (ДПР), Социал-демократическая партия Российской Федерации (СДПР), Российское христианско-демократическое движение (РХДД).

Демократическая партия России была крупнейшим коллективным членом движения «Демократическая Россия». Создание ДПР планировалось теми ведущими российскими демократами, которые хотели сформировать хорошо организованную и еди-

---

[13]Темкина А. Женский путь в политику: гендерная перспектива // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период / под ред. Е. Здравомысловой и А.Темкиной. СПб, 1996, № 4.
[14] Там же.
[15] ГАНИСО. Ф. 2790. Оп. 1. Д. 2. Л.2.
[16] Россия: партии, ассоциации, союзы, клубы. Т.1. Ч.1. С.

ную партию демократов для борьбы с КПСС. Предполагалось, что партия будет опираться на различные местные демократические группы и объединения избирателей, формируя из них более дисциплинированную, чем движение «Демократическая Россия» организацию. После выборов 1990 г. эта идея получила поддержку некоторых активных членов Межрегиональной группы и демократических депутатов Верховного совета РСФСР, большинство из которых одновременно возглавляли различные демократические группы: Н.И. Травкин и Г.Э. Бурбулис (Демократическая платформа КПСС), Л.А. Пономарев (Московское объединение избирателей), А.Н. Мурашев (секретарь координационного совета Межрегиональной депутатской группы), М.Е. Салье и И.В. Константинов (Ленинградский народный фронт) и др.

ДПР имела организации в большинстве регионов России; некоторые из них были достаточно сильными. В январе 1991 г. состоялось учредительное собрание Смоленской областной организации демократической партии России (СОО ДПР). Численность впервые годы деятельности по данным партийной самооценки составила более 100 человек. Среди членов СОО ДПР присутствовали служащие, инженерно-технические работники, рабочие, военные, предприниматели и др[17].

Партия поставила своей целью содействие построению демократического, гражданского общества в России, достижение национального согласия народов России, социальную защиту граждан. Она не приемлет насилия, готова к сотрудничеству с другими общественно-политическими силами, основой свободы всех и каждого считает частную собственность (наряду с другими ее формами). Свою непосредственную задачу члены партии видят в широкой пропаганде своих взглядов и идей, в проведении массовых политических мероприятий, направленных на поддержку курса реформ, активном участии в избирательных кампаниях. В 1990 г. Смоленск посетил председатель ДПР Н. Травкин[18]. Его приезд, общение с членами партии, выступления на собраниях общественности резко подняли рейтинг ДПР, содействовали росту рядов смоленской партийной организации.

Российское христианско-демократическое движение было основано в апреле 1990 г. нонконформистскими православными учеными и священниками, многие из которых издавали свои работы в самиздате, принимали участие в правозащитных группах, а некоторые до перестройки подвергались репрессиям. Сопредседатели движения, В.В. Аксючиц и Г. Анищенко, а также священник В.С. Полосин редактировали неофициальный журнала «Выбор». Среди других лидеров движения были священник Г.П. Якунин, в прошлом - политзаключенный, и активный правозащитник В.В. Борщев. В рамках движения была создана более узкая партия для достижения чисто политических целей, в то время как задача движения виделась в широком христианском образовании населения. Однако на практике партию и движение возглавляли одни и те же люди, и они практически ничем не отличались друг от друга.

На первом съезде «Демократической России» члены РХДД образовали крупнейшую фракцию, составляя 30%[19]. Но ко второй половине 1991 г. наиболее влиятельная группа в руководстве РХДД, возглавлявшаяся В.В. Аксючицем, заняла резко критическую позицию по отношению к антигосударственной, по ее мнению, позиции большинства демократов и их поддержке сепаратизма в республиках СССР и РСФСР. Из-за этого РХДД присоединилось к блоку «Народное согласие», а позднее вышло из «Демократической России».

Смоленское отделение РХДД во главе с Г.И. Жемчужным, А.А. Сергеевым, Д.М. Давыдовым было сформировано на учредительном собрании, состоявшемся 19 декабря 1991 г., однако свою деятельность оно начало в конце 1990 г., когда на организационном собрании было принято решение о создании смоленской группы РХДД[20]. Смоленское отделение РХДД вслед за партией ставило перед собой задачу культурного возрождения и экономического становления Смоленской области. Члены партии отрекались от

[17] Партии и общественно политические объединения Смоленской области: Справочник / под общей ред. А.А. Грибкова. Смоленск. 1997. С. 28.

[18] Н. Николаев. Есть ли у них будущее? // Рабочий путь. 1991. 19 января.

[19] Россия сегодня. Политический портрет, 1985-1990. / под ред. Б.И.Коваля. М.. 1991. С.305.

[20] ГАНИСО. Ф. 2776. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-1-об.

коммунистической идеологии, связывали будущее России с президентской республикой, рыночной экономикой на базе частной собственности и христианской справедливости[21].

Социал-демократическая партия РСФСР была одной из первых официально зарегистрированных и одной из наиболее влиятельных партий в России. Ее региональные отделения возникли из множества ранних социал-демократических кружков и дискуссионных клубов, а московские лидеры и члены партии пришли туда непосредственно из клуба «Перестройка» и его региональных аналогов.

Формирование социал-демократических групп началось с 1987 г. как логичный и не слишком опасный шаг в отрицании официальной коммунистической доктрины. На конференции Всесоюзного социально-политического клуба, проводившейся в августе 1987 г. в Таганроге, была образована социал-демократическая фракция. Почти одновременно ряд членов московского клуба «Демократическая перестройка» (П. М. Кудюкин, А.В. Фадин и О.Г. Румянцев) объявили о своей социал-демократической ориентации в одном из первых неформальных журналов «Открытая зона». В мае 1990 г. на съезде в Москве российские члены Социал-демократической ассоциации создали СДПР. Оставаясь одной из самых влиятельных и организованных партий со значительным числом сторонников на местах, СДПР, как и многие другие демократические группы, стремилась стать частью более широкого движения и вскоре вступила коллективным членом в «Демократическую Россию». Это не помогло сохранить прежнее влияние. На третьем съезде СДПР в мае 1991 г. присутствовало только 162 делегата, представлявших 2500 членов из 62 организаций. К концу 1991 г. партия продолжала дробиться и лишилась большинства своих известных руководителей - многие из них были слишком заняты как депутаты парламента и как активисты «Демократической России».

СДПР имела местные организации во многих регионах, но они были, как правило, небольшими и не принимали участия в работе местных органов власти. Так, Ершичская территориальная организация СДПР берет свое начало в 1990 г. с небольшой инициативной группы «За Ершичскую организацию СДПР»[22]. 2 сентября 1990 г. состоялось Учредительное собрание Ершичской территориальной организации Социал-демократической партии России (ЕТО СДПР), на котором были обсуждены и приняты уставные и программные документы. Секретарем Совета ЕТО СДПР единогласно был избран А.А.Казмерчук[23]. В феврале 1991 г. ЕТО СДПР была зарегистрирована Правлением Социал-демократической партии России.

Ершичская территориальная организация СДПР считала себя составной частью всесоюзного и международного социал-демократического движения и приемником демократических традиций российской социал-демократии, отвергая насилие как метод осуществления своих задач и целей.

Таким образом, период перестройки (1985-1991 гг.) характеризовался возникновением и массовой мобилизацией общественных движений, массовой поддержкой населением демократических преобразований в Смоленской области. Это был период новых политических, культурных, социальных и социально-психологических возможностей для возникновения общественных движений на региональном уровне. Перестройка стала также периодом формирования новых образцов политического поведения, периодом массового политического участия, создания новых политических институтов и объединений граждан, массового участия в альтернативных выборах.

Программы большинства демократических групп были практически неразличимы, и ни одна партия или группа не была достаточно сильна, чтобы влиять на решения руководства региона, тем более страны в целом. В то же время демократы или демократическое движение обладали такой силой и нередко демонстрировали свою способность проявлять ее, организуя массовые митинги, кампании в средствах массовой информации, действуя через сочувствующих президентских советников и т.п. Хотя очень трудно точно выявить всех участников движения, по общему мнению, в него входили многочисленные партии, группы и клубы, которые, несмотря на все различия, признавали свою демократическую ориентацию.

---

[21] Там же. Д. 4. Л. 1.
[22] ГАНИСО. Ф. 2779. Оп. 1. Д. 1. Л.6.
[23] Там же. Л.23.

Таким образом, после проведения XIX конференции КПСС (лето 1988 г.) под лозунгом демократизации и гласности, борьбы с бюрократизмом и построения правового государства, децентрализации и устранения монополии КПСС в Смоленской области началось формирование новых общественно-политических движений, фронтов, союзов, партий, символизировавшее собой движение к многопартийности в регионе.

SPRINING UP OF POLITICAL MOVEMENTS WITHING THE CPSS AND THEIR ACTIVITIES

A.M. IVANOV

St. Petersburg Institute of external economic relations, economy and law, branch in the city. Smolensk

e-mail: Elena-I-82@yandex.ru

In conditions of almost the social diversity of society in the Communist party in 1985-1991 years there began to form different platforms, which led to the creation of the political structures of different orientation, many of which have declared full ideological and organizational break with the Communist party. The article deals with the peculiarities of the process of formation of the multiparty system in Russia in the period of Adjustment on the example of the Smolensk region.

Key words: Perestroika, a multi-party system, the democratic platform of the Communist party, Marxist platform of the Communist party.

УДК 94(47):374.7

РАСПРОСТРАНЕНИЕ НОВЫХ КУЛЬТУРНЫХ ИНСТИТУТОВ В ДЕРЕВНЕ ЗАПАДНОГО РЕГИОНА РОССИИ 1920-Х ГГ.

В.В. КУЛАЧКОВ

Брянская государственная инженерно-технологическая академия

e-mail: vad2517@yandex.ru

1920- е гг. для деревни Западного региона России характерны распространением технических овшеств, к которым относились радиовещание и кинематограф. Органы власти проводили достаточно активную работу по их внедрению в сельскую жизнь. Крестьянство, как правило, положительно оценивало данную деятельность. Однако главным сдерживающим фактором выступал дефицит материально-финансовых ресурсов, существующий в указанный период.

Ключевые слова: крестьянство, Западный регион, радиовещание, кинематограф.

В 1920-е гг. в культурной жизни крестьянства Западного региона России происходили положительные изменения, связанные с применением новых форм и методов работы. Радио и кино имели большой успех в среде крестьян, т.к. относились к новым культурным институтам. 1 апреля 1926 г. в эфире прозвучал первый выпуск «Крестьянской радиогазеты» (3 раза в неделю), в организации которой самое активное участие приняла Н.К.Крупская. Как отмечает исследователь Т.М.Горяева, основным содержанием радиогазеты являлись материалы, присылаемые самим крестьянами: жизнь сельсовета, школы, агрономия, антирелигиозная пропаганда, санитария и медицина – все темы, которые пользовались у деревенских слушателей, во всяком случае, у определенной ее части (деревенские активисты), наибольшей популярностью. Особое внимание уделялось журналистами простоте и доступности языка[1].

Радио вносило разнообразие и новизну в крестьянскую обычную жизнь. Так, в информационных материалах о постановке массово-политической работы в Унечской волости за 1927 г. сохранились сведения о праздновании 10 годовщины Октябрьской революции (деревня Шулаковка Унечской волости Клинцовского уезда). ...Потребительское общество Унечи в честь 100%-го вступления крестьян в кооперацию установило радиоприемник (громкоговоритель)...Погода тихая, радио слышно хорошо, вот началась передача комсомольской газеты. Правда, тишина мертвая. Старики и много взрослых сняли шапки и слушают внимательно, все прутся ближе к рупору. ...Старики справшивают друг друга: неужели это правда из Москвы, ну как это, шесты, проволока, какая - то круглая сковородка...А если б не было советской власти, похоже бы мы и не увидали ничего[2]. Понятно, что такая восторженная реакция была вызвана в первую очередь новизной и необычностью радиовещания.

Для внедрения кинематографа в середине 20-х годов было создано акционерное общество по кинофикации деревни «Селькино». Эта структура была образована в Москве, по инициативе «Крестьянской газеты», Сельскосоюза, ЦК ККОВ, Наркомпроса, Наркомзема, Всеработземлеса и ряда других учреждений и организаций. Необходимость организации этого общества была вызвана следующими причинами: во-первых – растущая активность крестьянства во всех областях жизни предъявляла к кино свои требования, как в смысле количественного охвата кинопередвижками, так и в специальном подборе содержания кинолент; во-вторых – отсутствием возможности у кинопроизводственных организаций широко поставить задачу продвижения в деревню кинематографа.

На региональном уровне вопросы распространения технических новинок, к которым относились кино и радио, занимали важное место. Так, информационные материалы Брянской губернии о постановке культурно-просветительной работы за 1928 г. свиде-

[1]Горяева Т.М. Радио России. Политический контроль радиовещания в 1920-1930-х гг. М., 2009.С.58.
[2] Государственный архив Брянской области (далее ГАБО). Ф.П-1646. Оп. 1. Д. 661. Л. 272.

тельствуют, что в решении проблемы культурной революции большое значение приобретают орудия идеологического и художественного воспитания масс как театр, кино, радио, книга. В целях успешности борьбы за лозунг «Кино вместо водки» и перенесения сюда рабочего бюджета и бюджета крестьянина считать необходимым плановое кинострои-тельство в крупных рабочих поселках и городах, прежде всего в Бежице, Брянске, Клинцах за счет привлечения средств Совкино. В деревне обеспечить кинопередвижку на волость, в крупных центрах – стационарку. Добиться за счет бюджетов крупных сельскохозяйственных коммун и совхозов организацию в них передвижного кино с обслуживанием окрестных селений. Также отмечалось, что вопросы радиофикации в последнее время занимают все большее место в быту рабочего и крестьянина. В деревне необходима радиофикация изб-читален, культочагов в коммунах, в коллективных хозяйствах. Поэтому нужно реализовать решение АПО и отдела по работе в деревне ГК об отпуске на развитие радио в деревне 20 тыс. рублей за счет хозяйственных, профсоюзных и других общественных организаций, а равно привлекая средства крестьянского населения на основе самодеятельности[3].

Сельские жители не оставались в стороне и обсуждали технические новшества, проникающие в деревню. Например, крестьянские требования к кино высказал в своем письме в «Крестьянскую газету» в 1925 г. селькор А.Аузин (с. Ильинское, Калужская губерния, Малоярославский уезд, Абрамовская волость). Он писал, что в нашей волости есть передвижное кино маленького размера, специально предназначенное для деревни. Появилось недавно – в январе этого года. Автор письма отмечал, что кино для деревни слишком дорого, 20-40 коп. – для бедняка посещение кино дороговато. Кинокартины не отвечают запросам деревни и производят впечатление, что все это делается где-то, а не у нас, в СССР. Крестьянину нужно самое главное – бытовая картина из его жизни. Нужно ближе подойти к деревне и всячески облегчить внедрение кино в деревню и приспособить кинокартины[4].

Сухие цифры помогут лучше понять ситуацию в сфере киноиндустрии того времени. В протоколах губернских совещаний при агитпропотделе Брянского губкома РКП (б) сохранились сведения за подписью губинспектора печати и зрелищ, датируемые 29 ноября 1924 г. В них указывается, что зарегистрировано кинотеатров по губернии всего 23. Из них: городских 12, военных 5, в рабочих поселках 10, сельских местностях 1. Среднее количество фильмов, демонстрируемых в неделю 40, из них: в городских 24 (1 фильм на 2 дня), в рабочих поселках 15 (1 фильм на один день), в сельских местностях постановки случайные (один фильм на две недели). В общем, за месяц от 15 до 20 фильмов удовлетворяют всю губернию. Средняя стоимость билета: в городских – от 30 до 40 коп., в рабочих – от 10 до 15 коп., в сельских – бесплатно[5].

Кроме этого, о реальном состоянии дел в этой сфере можно судить по докладу товарища Матвеева (представитель агитпропотдела Брянской губернии) о культурно-просветительной работе в деревне в 1925-1926 гг. В докладе отмечалось, что стационарных деревенских кино работает 3, в прошлом году их не было. Кинопередвижек имеется 11, но регулярно работает 8, обслуживая все уезды Брянской губернии. Итоги их работы огромны, инициатива с мест имеется, но всё упирается в дороговизну аппаратов, недостаточность кинофильмов и сравнительно тяжелые условия проката. Киноработа в деревне явно дефицитна, что служит тормозом делу расширения кинофикации деревни[6].

По поводу распространения радио в деревне также указывалось, что имеется много препятствий. Так, в марте 1926 г. была закончена установка первых 6 радиоприемников с громкоговорителями в 6 избах-читальнях. Крестьянство встречает радио с огромным интересом. С установлением его оживляется и работа изб-читален, в нее втягиваются взрослые крестьяне, чего очень часто не удается достичь многим избам-читальням. Дороговизна установки станций является препятствием к более широкому использованию радио[7].

---

[3] ГАБО. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 414. Л. 9.
[4] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 396. Оп. 3. Д. 308. Л. 6-6об.
[5] ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1205. Л. 19.
[6] ГАБО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 1624. Л. 94.
[7] ГАБО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 1624. Л. 94.

В Гомельской губернии вопросы кино и радиофикации деревни также находились на контроле у губернской власти, о чем отложились сведения в документах о состоянии агитационно-пропагандисткой и культурно-просветительной работы в губернии за 1926 г. Так, 1 июня 1926 г. состоялось заседание деревенской комиссии при Гомельском губкоме ВКП (б) на котором заслушивался вопрос «О работе кино в деревне» (тов. Мухануро). Выступающий отмечал, что в настоящее время мы имеем 19 кинопередвижек и подобраны самые лучшие картины, имеющиеся для села. ...Содержание кинопередвижек идет наполовину за счет населения, т.е. взимается небольшая плата и эта плата оправдывает содержание механика и передвижку кино. В дальнейшем необходимо расширить сеть кинопередвижек с таким расчетом, чтобы в кажлой волости была кинопередвижка. Для этого необходима сумма в размере 35 тыс. рублей[8].

В итоге на заседании постановили: необходимые суммы на кинофикацию в размере 35 тыс. изыскать следующим путем: 10 тыс. рублей из местного бюджета, увеличить местный сбор со всех киноустановок губернии до 7,5%, из которых 5% должны идти непосредственно на кино в деревне. Поручить фракции ГИКа изыскать возможность получения кредита в размере 10 тыс. рублей в год. «Новой деревне» и «Полесской правде» уделять больше внимания популяризации кино в деревне[9].

15 июня 1926 г. состоялось очередное заседание деревенской комиссии при Гомельском губкоме ВКП (б). Среди прочих слушали вопрос: «О продвижении радио в деревню» (тов. Минстер). Докладчик информировал, что на сегодняшний день имеется в деревнях 20 установок, из них 9 работает, 11 в бездействии за неимением людей, умеющих обращаться с радио и ввиду неотпуска средств на ремонт. ...Крестьяне интересуются установкой радио, в частности в Носовичской волости можно создать интерес общественным путем, привлечь для этой цели общество «Друзей Радио». Необходимо открыть курсы для волостных инструкторов, на что требуется около 1500 рублей. В отношении громкоговорителей необходима дополнительная помощь ГИКа[10].

Результатом заседания стало постановление: дальнейшее расширение сети проводить путем установки радио в государственных избах-читальнях. Средства на это дело в основном должны быть собраны на местах путем организации общественной инииативы. Частично эти средства должны быть отпущены ГИКом через бюджет Губполитпросвета. Фракции ГИКа содействовать отпуску соответствующего кредита на радиоустановки[11].

В Почепском уезде вопросы развития радио и киноработы также не оставляли без внимания. Так, на заседании коллегии АПО был заслушан доклад Уполитпросвета о состоянии радио и кинопередвижек на 1 декабря 1927 г. Отмечались значительные достижения в развертывании радио по уезду, но было необходимо добиться бесперебойной работы работающих радиоустановок в избах-читальнях, для чего созвать совещание избачей, где изучить правила обращения с аппаратом. Установить порядок плановости в дни радиоработы, составить расписание радиопередач. Продолжать работу по дальнейшему внедрению радио в деревне, главным образом путем привлечения средств самого населения. По кинопередвижкам: добиться своевременного снабжения кинопередвижек кинокартинами, идеологически выдержанными и пригодными для деревни, использовать кинопередвижки как можно рациональнее[12].

Для популяризации технических новинок, какими и были в то время радио и кино, предлагалось сделать их более доступными для самых бедных слоев населения. В частности, 14 сентября 1928 г. состоялось заседание АПО коллегии Почепского УК ВКП (б), на котором слушали вопрос «О кинопередвижках и обслуживании ими бедноты и членов союза сельхозрабочих». Коллегия была проинформирована, что всего по Почепскому уезду 5 кинопередвижек. Была предусмотрена дотация в размере 40 руб. на каждую передвижку, но пока на бумаге. Не знаем о хороших картинах, которые могли бы сами себя окупать. Постановили: добиться сохранения передвижек и утверждения дота-

---

[8] Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3008. Л. 68-69.

[9] Там же. Л. 70.

[10] ГАООГО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3008. Л. 81.

[11] Там же. Л. 82.

[12] ГАБО. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 715. Л. 41-42.

ции в размере 40 руб. в новом бюджетном году. Кроме этого, предложить Уполитпросвету практиковать проведение совещаний киномехаников перед отъездом их в деревню, на которых давать им установку о создании общественного мнения вокруг советского кино и популяризации среди населения пускаемой кинокартины. Также необходимо добиться бесплатного посещения кинокартин батрачеством и беднейшим крестьянским населением, ввести в систему пуск наиболее подходящих картин для детей и учеников с 70%-ой скидкой для всех и бесплатно для детей батраков и бедноты[13].

Распространение нового в обыденной жизни, как это обычно бывает, приносило и хорошее, и плохое. Так, в протоколах губернских совещаний при агитпропотделе Брянского губкома РКП (б) отложились сведения о работе кинопередвижек. В частности, с января 1925 г. работали регулярно две кинопередвижки Губполитпросвета, сумевшие обслужить до 20000 человек крестьян. Работа шла почти без перебоев, т.к. имелись средства на покрытие дефицита (около 600 руб.). Кинопередвижки смогли обслужить такую глушь, об обслуживании которой иными путями и мечтать нельзя было. В итоге работы имеется масса положительных отзывов о работе со стороны крестьян. Дорог прокат фильмов, главное – плох их идеологический подбор. Уклон всюду взят полукоммерческий[14].

3 июня 1926 г. состоялось заседание Агитпропколлегии АПО Брянского Губкома ВКП (б), на котором был заслушан доклад о деятельности общества радиолюбителей, организованного в конце 1925 г. Прозвучала информация о том, что по Брянской губернии организовано 350 детекторных установок, из этого числа 150 приходится на деревню. По социальному положению члены общества распределяются так: из 2200 чел. 710 являются рабочими, 72 крестьянина, остальные относятся к другим категориям населения.

В процессе обмена прениями по докладу прозвучало мнение о том, что необходимо в первую очередь ставить вопрос о развитии радиолюбительства в глухих уголках. Указанная цифра о 72 крестьянах свидетельствует о том, что деревни работа совершенно не коснулась. Также была высказана претензия, что из деревни имеются груды писем с вопросом, как организовать радиоприемник. Но сделать сейчас ничего нельзя, так как детекторные радиоприемники без широковещательной станции очень слабо передают и почти ничего не слышно. Поэтому АПО коллегия считает необходимым поставить вопрос перед соответствующими органами об отпуске средств для уличной громкоговорящей установки в г. Брянске и считает вполне своевременным в целях дальнейшего развития радиолюбительства поставить вопрос об изыскании средств на организацию широковещательной станции[15].

В Гомельской губернии радиофикация сельской местности также велась, однако этому мешали различные препятствия. В архивных материалах Государственного архива Гомельской области отложились материалы по данной тематике. Так, в переписке с правлением акционерного общества «Радиопередачи», гомельской радиостанцией, учреждениями и организациями губернии о радиофикации и о работе сети радиовещания за 1926 г. сохранились сведения о контактах между орготделом Гомельского губисполкома и радиобазой. В частности, отрготдел просил отпустить для радиприемника дер.Карпиловки Злынковской волости Новозыбковского уезда сухую батарею за счет губисполкома. Расчет будет произведен по отпуску ассигнований на эту надобность. Кроме этого, просили отпустить в кредит для радиоустановки той же деревни 4 лампочки типа «Микро»[16].

Другие деревни также не оказывались без внимания власти. Так, в письме Гомельского губисполкома Новозыбковскому УИКу указывается, что вопрос установки радиоаппаратуры в с. Софиевка и Спасская Буда Злынковской волости необходимо разрешить за счет отпуска соответствущей суммы из средств, отпущенных ГИКом на радиофикацию вашего уезда. Отпущенную сумму необходимо направить в Гомельскую радиобазу для оплаты за аппаратуру, после чего послать приемщика за аппаратурой. Одновременно Орготдел ГИКа просит указать Хлынковскому ВИКу о недопустимости неправильного

---

[13] ГАБО. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 817. Л. 133, 136.
[14] ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1205. Л. 119.
[15] ГАБО. Ф. П-9. Оп. 1. Д. 411. Л. 162-165.
[16] Государственный архив Гомельской области (ГАГО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 726. Л. 21-22.

направления по вопросу установок радиоприемников, а именно непосредственно в Губисполком, чем создается излишняя волокита и бесцельный проезд уполномоченных[17].

Таким образом, новые культурные институты, к которым относились радио и кино, вносили новизну и разнообразие в крестьянскую жизнь. Работа по их внедрению в деревню проводилась, но весьма медленными темпами из-за различных сдерживающих факторов, в первую очередь финансово-материального плана.

DISSEMINATION OF TECHNOLOGICAL INNOVATIONS IN THE VILLAGE OF WEST REGION OF RUSSIA in the 1920's.

V.V. KULACHKOV

Bryansk state engineering and technological Academy

e-mail: vad2517@yandex.ru

The 1920s to the village of West region of Russia is characterized by distribution of technical innovations, which included broadcasting and cinema. Authorities conducted sufficiently actively involved in their implementation in rural life. The peasantry as a rule, positively evaluated the the activity. However, the main limiting factor played the shortage of material and financial resources, existing in specified period.

Key words: the peasantry, the West region, broadcasting, the cinema.

[17] Там же. Л. 23.

УДК 94(477)»1930/1939»-055.2:61

ОХРАНА МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА СРЕДИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УССР В 1930-х ГОДАХ

Е.Н. НОВИКОВА

Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого, Украина

e-mail: Novikova_1202@ukr.net

Опираясь на работы авторов советского и постсоветского периода, изучавших историю медицины, ранее неиспользуемые архивные материалы, периодические издания 1930-х гг., воспоминания современников, автор ставит целью проследить процесс становления официальной медицинской помощи женщинам при беременности и родах в сельской местности, организацию дошкольного воспитания, его положительные и отрицательные аспекты. Именно в это время были заложены основы стационарной родовой помощи, полноценного медицинского обслуживания женщин в селе, разворачивалась мощная пропагандистская работа по внедрению основ гигиены и здорового образа жизни. Однако эти и другие законодательные инициативы часто принимались при несогласовании действий разных институтов органов власти, финансирование почти полностью возлагалось на местные бюджеты. Несмотря на то, что во многих моментах такие мероприятия властей, были своевременными, этот процесс отмечался часто предвзятым отношением к правительственным распоряжениям, как местных властей, так и самих женщин. Подобные процессы были схожи с другими республиками СССР, в частности РСФСР и БССР.

Ключевые слова: охрана материнства и детства, беременность, роды, декретный отпуск, колхозный родильный дом, аборт, ясли.

Тема охраны здоровья женщины и ребёнка среди сельского населения советского периода в историографии освещена достаточно неравномерно. В поле зрения исследователей чаще всего попадало развитие охраны здоровья в целом, где женский вопрос рассматривался эпизодически. Такие работы или были насыщены статистическими данными позитивной динамики, или носили пропагандистский и рекомендательно-просветительский характер[1]. Повышение интереса к данной теме отмечено в работах постсоветского периода. Этот вопрос затрагивался в работах Верхратского С.А.[2], авторского коллектива под руководством Сольского Я.П.[3], исследованиях Фёдорова А.Н.[4] Но проблема рассматривалась в контексте общей картины системы здравоохранения, или освещалась исключительно с точки зрения социальной инфраструктуры города. Реальная картина медицинского обслуживания матери и ребёнка в сельской местности в 1930-е года остаётся практически не изученной.

С момента утверждения советской власти в Украине физическому состоянию женщины было отведено одно из важных мест в политике здравоохранения. Ведь здоровая женщина – это не только полноценный работник, но и гарант воспроизведения физически здоровых трудовых ресурсов. Правительственные постановления, которые касались проблемы охраны материнства, принятые во второй половине 1920-х гг., внедрялись в жизнь при сложных политико-экономических условиях. Как результат, помимо достижений, существовали и определенные просчеты. Среди последних наиболее болезнен-

---

[1] Збірник з питань санітарної статистики. Київ, 1938; Збірник положень і інструкцій по роботі закладів родопомочі. Київ, 1941; Жінка соціалістичної України. Статистичний довідник. Київ, 1937; Леви М.Ф. История родовспоможения в СССР. М., 1950; Леви М.Ф. Что должна знать колхозница о женских болезнях. М.; Л., 1934.

[2] Верхратський С.А. Історія медицини. Київ, 2011.

[3] Сольский Я.П., Гойда Н.Г., Татарчук Т.Ф. Развитие охраны материнства и родовспоможения в Украине. Киев, 2008.

[4] Фёдоров А.Н. Охрана материнства и детства в советской России в условиях революции и гражданской войны (1917-1920 гг.) // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2009. № 9 (64). Выпуск 11. С. 175-182.

ным в сельской местности стало сокращение числа больниц и акушерских пунктов, инфраструктура медицинского обслуживания сократилась почти на 25 %[5].

Параллельно с этим, активно разворачивалась борьба против «пережитков прошлого» – баб-повитух. Вследствие этого проживание в сельской местности, в большинстве случаев, не позволяло женщине получить квалифицированную медпомощь. Физически тяжелый труд, семейно-бытовые хлопоты, отсутствие возможности полноценного отдыха, дисбаланс в питании влекли за собой рост числа заболеваний сельских женщин. В ряде случаев женщина не имела возможности даже рассказать о том, что ее беспокоит, не говоря уже о лечении. Многие факторы риска были связаны с беременностью и родами. Первый Украинский съезд акушеров и гинекологов 1927 г. констатировал, что лишь 36,6% сельского населения охвачено работой акушерских кадров, и лишь 10% крестьянок родили с помощью акушерок[6].

Власть откровенно выражала обеспокоенность ситуацией в сфере медицинского обслуживания в селе. Основными причинами неудовлетворительного состояния родовой помощи в селе, минуя напряженную политико-экономическую ситуацию, в основном назывались недостаточное количество необходимого оборудования, отдаленность стационарной помощи от большинства колхозов, низкий уровень развертывания санитарно-просветительской работы вокруг охраны материнства в селе. Стараясь улучшить ситуацию, в начале 30-х гг. XX ст. были поставлены принципиально новые акценты в предоставлении профессиональной медпомощи женщине, в том числе и в сфере рождения ребенка.

Одним из первых на повестке дня был поднят вопрос обеспечения кадрами сельских больниц. За 1931 г. на работу в село было направлено 495 врачей, в 1932 г. – 537, в 1933 г. – 666. Но, несмотря на такие меры, контролирующими органами фиксировалось уменьшение количества врачей, которые работали в селе, с 3914 чел. в 1932 г. до 2625 на 1 января 1934 г. Кое-где в сельских районах республики вместо 10-12 врачей оставалось 1-2. Последние цифры наглядно иллюстрировали большую текучесть кадров, основными причинами которой были отсутствие продуктов питания, жилья, медицинского оборудования, низкая заработная плата. Количество вакантных врачебных должностей составляло почти 42% штатных должностей. Исправление такой ситуации было возложено на фельдшерско-акушерские школы. Вводилась обязательная практика студентов медицинских учебных заведений в сельских больницах[7].

Еще одной проблемой, которая нуждалась в неотложном решении, была отдаленность больниц от населенных пунктов, которая часто приводила к неполному использованию мест для беременных в сельских больницах. Решить ее должно было строительство родильных домов за счет колхозов. По одной из версий, впервые такая инициатива прозвучала еще в 1927 г. на I-м Всеукраинском съезде акушеров-гинекологов. 1 ноября 1931 г. эту инициативу обсуждали на Коллегии Наркомздрава УССР[8]. Но лишь в октябре 1934 г. на совещании глав сельсоветов-комсомольцев Киевской области секретарь ЦК КП(б)У П.Постышев провозгласил о создании родильных домов в селе. По другой версии, автором идеи создания роддомов стала глава Сербо-Слободского сельского совета Надежда Ковальчук, которая такой роддом и организовала. Уже в апреле 1935 г. в УССР начало действовать положение «О колхозном родильном доме», которое позднее, в 1938 г., было заложено в основу положения «О колхозных родильных домах», утвержденное Наркомздоровья СССР и согласованное с Наркомюстом УССР. Главной задачей колхозного родильного дома было приближение к колхознице квалифицированной медицинской стационарной помощи при родах. Роддома должны были обеспечить полный охват беременных медпомощью при непосредственном участии акушерки и врача соответствующего врачебного участка, а также наблюдение после родов[9].

---

[5] Збірник з питань... С. 162-164.

[6] Верхратський С.А. Указ. соч. С. 334.

[7] Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее ЦГАОО Украины). Ф. 1. Оп. 20. Д. 6662. Л. 1-5.

[8] Леви М.Ф. История родовспоможения... С. 150.

[9] Государственный архив Черкасской области (далее ГАЧО). Ф.Р№ 2113. Оп.1. Ед.хр. 253. Л. 114-115; Збірник положень... С. 19-34.

На начало 1935 г., по данным Наркомздрава, в Украине было организовано и работало 136 роддомов: в Харьковской области – 31, Одесской – 25, Днепропетровской – 20, Донецкой – 20, Киевской – 15, Винницкой – 8, Черниговской – 7[10]. На конец года их насчитывалось 1215 (на 3563 места)[11].

Идеально-показательным вариантом колхозного родильного дома стал первый не только в УССР, но и в целом Союзе, Сербо-Слободской роддом (современная Житомирщина). В официальном отчете он представлялся так: «… довольно высокий дом, побеленный извне, под черепичной крышей. Вход с улицы через сени, которые отапливаются. Первая комната – приемная, с письменным столом, топчаном для осмотра беременной, двумя стульями, вешалкой, умывальником и настенным шкафчиком для термометра, бритвы, стетоскопа и др. За перегородкой – душ. Телефон. Вторая комната – послеродовая. Там стоит кровать с тумбочкой, при ней судно на стульчике, шкаф для белья, умывальник. Третья комната – родовая. Родовая кровать, стеклянный шкаф для инструментов, стол для перевязочного материала, штатив для кружки. Четвертая комната – послеродовая. Две кровати с тумбочками, две детские кровати, пеленальный столик. В комнате стоят цветы. Мебель, пол, окна покрашены светлой краской. На окнах и кроватях занавески. В окнах есть форточки. В пристройке размещен изолятор с кроватью, тумбочкой, детской кроватью, кухня с буфетом и столом, прачечная, теплая уборная. Двор чистый, огражденный. На конюшне – 2 коня, собственность дома»[12].

Однако типичными такие роддома в селе не стали, по крайней мере, сразу. В своих отчетах колхозное руководство нередко лаконично отчитывалось: «отведено дома на полах». Были случаи, когда колхозное руководство обеспечивало всем необходимым для открытия и полноценной работы роддома, а районное руководство не присылало медицинские кадры. Рейды-проверки родовой помощи по селам выявляли не только достижения, но и недостатки, а иногда – просто неудовлетворительное состояние. На протяжении всего десятилетия фиксировались случаи недостатка кроватей, постельного белья, задолженности по выплате заработной платы акушеркам, небрежного отношения к своим обязанностям последних, недостаточного питания рожениц, которым иногда просто предлагали приносить продукты из дома[13]. А при отсутствии роддома в селе, беременным женщинам приходилось ездить за несколько десятков километров к ближайшей больнице, хотя радиус обслуживания колхозного родильного дома не должен был превышать 3-5 км[14]. Из устных свидетельств современниц тех событий видно, что профессиональная медпомощь неповсеместно распространялась в украинских селах. В некоторых населенных пунктах врачи начинали свою работу лишь в конце 1930-х гг. Жительницы нынешней Черкасской области о тех временах вспоминают так: «… на селе первый врач, фельдшер, появился в 1938 г. из техникума, Яковенко, мальчик, только закончил техникум. Это был фельдшерский пункт. А на следующий год, в 1939 г. акушерка пришла и открыли акушерский пункт»[15], «Рожали по домам, роддом появился аж после войны. У нас в селе родилка аж в 47 году стала работать»[16].

Отношение самих колхозниц к организованному родовспоможению в селе на протяжении всего исследуемого периода было неоднозначным. С момента организации колхозных родильных домов часть женщин относилась к ним с недоверием и некоторые из них категорически отказывались идти в них рожать. Профессиональная медицинская родовая помощь была чужая селу. Значительная часть колхозниц при родах, несмотря на борьбу, которая развернулась на страницах газет и журналов против повитух, повивальных бабок, призывы санитарных постов о негигиеничности и вреде непрофессионального родовспоможения, полагались именно на них. А те недостатки и просчеты, которые присутствовали при внедрении в жизнь проекта колхозных роддомов, лишь содействовали

---

[10] ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6662. Л. 1.

[11] Сольский Я.П., Гойда Н.Г., Татарчук Т.Ф. Указ. соч. С. 38.

[12] ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6662. Л. 4.

[13] ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Д. 6881. Л. 30-31.

[14] Щербина В. Аборти припинилися // Колгоспниця України. 1936. №17. С. 16.

[15] Аудиозапись воспоминаний Емец Евгении Ильиничны, 1922 г.р. с. Петровская Гута Лысянского р-на Черкасской обл., 19 августа 2012 г. Домашний архив автора.

[16] Аудиозапись воспоминаний Бражник Анны Евсеевны, 1916 г.р. с. Журжинцы Лысянского р-на Черкасской обл., 1-2 июня 2012 г. Домашний архив автора.

этому. Устные свидетельства респондентов, статистические данные и информационные материалы по борьбе с деятельностью баб-повитух, которая не прекращалась до конца 1930-х гг., подтверждают тот факт, что институт повивальной бабки в советском селе не терял своей значимости. Даже смертность женщин и новорожденных в родах при участии бабы-повитухи, воспринимались населением как нормальное явление.

По состоянию на 1934 г. роддомами было охвачено лишь 37% колхозниц. Но уже в середине 1936 г., по данным официальной статистики, числилось 1980 колхозных родильных домов на 6422 кроватей, которые охватывали своей работой 65-70% колхозниц[17]. В начале 1940 г. в сельской местности республики работало 3209 колхозных роддомов, которые были способны стационарным родовспоможением обслуживать 73% женского населения[18].

До конца 1934 г. охрана женской работы, установленная Кодексом законов о труде, распространялась лишь на застрахованных горожанок и на сельских работниц, которые работали в совхозах. Колхозницы в эту категорию не входили. Существовали постановления «Об охране женского труда в сельских коллективных хозяйствах», «Об организации родовспоможения населению в жатву» и прочие, принятые до 1933 г. Согласно этим документам, был составлен список тяжелых и вредных работ, где запрещалось использование женского труда, устанавливалось ограничение при погрузочных работах, запрещались ночные смены беременным с 5 месяца и женщинам, которые имеют грудных детей. Женщины освобождались от любой работы в колхозе за 30 дней до и 30 дней после родов[19]. Но результаты внедрения этих документов в жизнь, к сожалению, широко не афишировались. Облегчение работы беременным колхозницам нередко оставалось прописанным лишь на бумаге.

17 февраля 1935 г., принятый II Всесоюзным съездом колхозников-ударников и утвержденный советом Народных комиссаров СССР и Центральным Комитетом ВКП(б) Примерный устав сельскохозяйственной артели, постановил: «относительно беременных и кормящих женщин – необходимо облегчить их труд, освобождая женщин от работы за месяц до родов и на месяц после родов с сохранением за ними содержания на эти два месяца в половинном размере средней выработки ими трудодней». Кроме того, за 2 месяца до родов и через месяц после их правление колхоза обязано было перевести колхозницу на легкий труд[20].

Для проверки воплощения в жизнь положений устава уже со второй половины 1935 г. по всей стране проходили рейды-проверки. К проверочным комиссиям привлекались областные органы здравоохранения и народного образования, районные газеты, колхозные стенгазеты, медицинские работники и просвещенцы села, председатели колхозов, женский колхозный актив. О результатах проверок комиссии должны были доложить Наркоздоровья УССР уже к 1-му января 1936 г. Невзирая на ограниченные сроки проверок до начала 1936 г., реагируя на жалобы беременных колхозниц к партийным органам и опубликованным в областных и районных газетах касательно нарушений их прав, они длились до конца десятилетия. Держа на постоянном контроле соблюдения положений устава, районное и областное руководство регулярно требовало от председателей колхозов отчитываться про количество родов в роддомах, на дому с медпомощью и без, оформление отпусков по беременности, начисление трудодней, и даже о случаях родов в поле. Для подтверждения правдивости отчетных материалов в колхозы часто направлялись встречные проверки. Члены таких комиссий лично опрашивали женщин, проверяли медицинские справки, правильность начисления трудодней за время отпуска до и после родов, и т.п. Уже первые выборочные проверки показали, что наряду с надлежащим выполнением существовали и проблемы с воплощением положений устава в жизнь. Комиссии нередко выявляли, что кое-где никакого учета беременных женщин не

---

[17] ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 20. Спр. 6881. Л. 28.

[18] Сольский Я.П., Гойда Н.Г., Татарчук Т.Ф. Указ. соч. С.42-23.

[19] Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф.1. Оп. 6. Ед. хр. 1095. Л. 103.

[20] Примірний статут сільськогосподарської артілі, прийнятий другим Всесоюзним з'їздом колгоспників-ударників і затверджений радою народних комісарів Союзу РСР і Центральним комітетом ВКП(б) 17 лютого 1935 р. Київ-Харків, 1941. С. 23.

велось, на время родов женщин даже исключали из списков работников колхоза. Не обходило такое участие даже ударниц колхозной работы. На обращение членов комиссий к руководителю одного из колхозов с просьбой предоставить сведения о количестве женщин, которые воспользовались отпуском по беременности, он заявил об отсутствии беременных как таковых. Но при проверке их оказалось более 10 лиц. Беременных женщин бригадиры не только не освобождали от работы за месяц до родов, а даже отправляли на трудные полевые работы. Такое же отношение наблюдалось и к колхозницам, которые имели младенцев. Последние нередко совсем отказывались от работы, мотивируя это наличием грудных детей[21].

В отдельных колхозах наблюдались факты перекручивания приказов Наркомздрава: правление колхозов абсолютно не соблюдало порядок начисления трудодней и оформление отпуска. Фиксировались случаи, когда беременных освобождали от работы, обещали насчитать трудодни, но фактически этого не делали или начисляли немотивированное количество трудодней, не принимали во внимание ранее наработанные трудодни. Свое поведение мужчины-бригадиры объясняли нежеланием «разбазаривать колхозные трудодни. Они (женщины) будут лентяйничать, а колхоз должен записывать трудодни. Пусть не рожают, нам нет дела до их родов», «... не приходят в конторы, а потому мы им и не начисляем», «... не требуют отпусков, а мы не знаем, когда их предоставлять»[22]. Нарушения законодательства часто происходили по молчаливому согласию, а иногда и по требованию самих женщин, которые не хотели идти в отпуск или выходили на работу сразу после родов. Их привлекала возможность оплаты этих дней сверх отпускных выплат. Исключительно по желанию самих женщин оформлялись отпуска не в два срока, а одним. Такая политика колхозного руководства нередко приводила к родам во время работы без медпомощи, которая повышала риск гибели роженицы, ребенка, получение ими осложнений, инвалидности[23].

Но даже принимая во внимание такого рода случаи, подводя итоги внедрения в жизнь политики улучшения медицинского обслуживания женщин в селе, республиканское руководство в результаты своей работы записывало значительный рост количества рождаемости и уменьшение детской смертности. При изучении же отчетных данных областных управлений Нархозучета УССР о естественном движении населения во второй половине 1935 г., выяснилось, что при общей по стране положительной тенденции в ряде областей рождаемость резко уменьшилась. И это касалось главным образом сельской местности, где общий коэффициент рождаемости снизился на 19,4%. Снижение рождаемости в определенных регионах наблюдалось и в начале 1936 г.[24]. Помимо увеличения смертности детей возрастом до 1 года, объяснение этому можно найти и в нежелании женщины рожать, что приобретало в дальнейшем большее значение. Необходимость брать более активное участие в производственной и общественной жизни содействовало такой тенденции.

Проблема нежелательной беременности решалась чаще всего абортом. Резкий рост количества искусственного прерывания беременности, когда в среднем одна из трех беременностей заканчивалась абортом, порождал острую социальную проблему. С середины 1930-х гг. республиканские отделы здравоохранения, районное руководство были вынуждены брать на себя письменные обязательства в организации борьбы с абортами. К разработанным и утвержденным мерам привлекались рабочие консультаций, больниц, амбулаторий, местный женский актив. Вводилась обязательная денежная оплата искусственного прерывания беременности. В администрации больниц направлялись инструкции о порядке расчетов за операции для разных категорий работниц, среди них отдельно упоминались колхозницы. Для последних согласно положениям нормативной документации, необходимо было «трудодни перевести на деньги, согласно справки сельского совета». Заведующие больницами, в свою очередь, рассылали сельским советам и медицинским участкам свои решения, что «абортовым больным нужно выдавать справки о соци-

---

[21] ЦГАОО Украины. Ф.1. Оп. 20. Д. 6662. Л. 9; Деньгуб К. Не вимагають відпусток ми і не даємо // Колгоспниця України. 1935. № 24. С. 28.

[22] ЦГАОО Украины. Ф.1. Оп. 20. Д. 6693. Л. 75.

[23] ЦГАОО Украины. Ф.1. Оп. 20. Д. 6693. Л. 102.

[24] ЦГАОО Украины. Ф.1. Оп. 20. Д. 6981. Л. 9-13.

альном положении. В случае прибытия без справки берется (за операцию) по 25 руб.». В среднем для колхозницы операция при наличии такой справки стоила 7-10 рублей[25].

Проблема решалась и на законодательном уровне. 27 июня 1936 г. был принят закон «О запрете абортов, увеличение материальной помощи роженицам, установление государственной помощи многосемейным, расширение сети родильных домов, детских яслей и детских садов, ужесточение криминального наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводе». Запрещая аборт, государство аргументировало это тем, что трудные экономические условия, которые обусловили подписание 18 ноября 1920 г. декрета о разрешении аборта, прошли. Проведение абортов допускалось лишь в тех случаях, когда продолжение беременности представляло угрозу жизни женщине, а также при наличии наследственных трудных заболеваний родителей. В поддержку многодетным матерям, которые имели 6 детей, при рождении каждого следующего выплачивалась государственная помощь в размере 2 тыс. руб. каждый год на протяжении 5 лет со дня рождения ребенка. Семьям, которые имели 10 детей, оформлялось единовременное пособие при рождении каждого следующего ребенка в 5 тыс. руб. и со следующего года ежегодная помощь в 3 тыс. руб., которые выплачивалась на протяжении 4 лет[26].

Однако надежды правительства полностью не оправдались. Вместо уменьшения числа абортов, последние перешли в категорию криминальных, и далеко не с низкими показателями. Прерывание беременности делалось женщинами вне больничных заведений, местными знахарками, часто в антисанитарных условиях, в ход пускались методы нетрадиционной медицины. Как результат, возросло число случаев материнской смертности и значительного количества осложнений.

Наряду с расширением медицинской сети в селах, в колхозах предполагалось и дальнейшее развитие ясельного дела. Масштабное привлечение женщины в колхозное производство требовало свести к минимуму время ухода за детьми. Государство практически полностью брало на себя воспитание детей. «Трактора и ясли - двигатели нового села» – гласили агитационные плакаты исследуемого периода. В 1930 г. действовало 6670 сезонных яслей на 320 тыс. детей, а в 1931 г. – 17678 сезонных и 757 постоянных яслей[27]. В трудные времена голода создание новых детских садов было приостановлено, а те, что действовали раньше – часто прекращали свою деятельность. Официальные отчеты в 1933 г. насчитали по селам УССР 601 детский сад на 27712 детей[28].

С 1934 г. наблюдается пристальное внимание периодических изданий к развитию детских садов. В республике объявлялись конкурсы на лучшие детские колхозные ясли. За счет фондов ЦИК УССР и редакций периодических изданий для победителей определялись награды – полное оборудование яслей на 30 кроватей, мягкий инвентарь, патефоны, денежные премии. При колхозах создавались ясельные комиссии из представителей женского актива, правления колхоза, врачей, просвещенцев села. Согласно директивам Наркомздоровья и Наркомообразования, ясли рекомендовалось размещать в хороших отремонтированных домах на несколько комнат, с садом и просторным двором, неподалеку от места работы женщин, которые могли бы наведывать и кормить своих грудных детей. Приобретение мебели, игрушек, постельного белья, одежды для детей, отопления, освещения возлагалось на колхозы, которые для этих нужд создавали специальные фонды. Их размер зависел от возможностей колхоза. Широко привлекалась помощь самих родителей в форме субботников, пошива одежды, постельных комплектов для детей и т.п.[29].

Большое внимание уделялось подготовке воспитателей. В каждом районе обязательно создавались курсы по подготовке работников детских садов и яслей из числа колхозниц. Но нередко после окончания курсов женщины отправлялись на полевые работы, а возле детей оставляли подростков 10-12 лет или женщин преклонного возраста, которые уже не могли работать на колхозных работах. Одна из воспитанниц таких курсов Анна Бражник рассказывала: «Работая в колхозе, меня как грамотную (2 класса образова-

---

[25] ГАЧО. Ф. Р № 2113. Оп. №1. Ед.хр. 253. Л. 69.
[26] Збірник положень… С. 10.
[27] Сольский Я.П., Гойда Н.Г., Татарчук Т.Ф. Указ. соч. С. 33-34.
[28] Жінка соціалістичної України. Статистичний довідник. С. 98.
[29] Епштейн. Почався конкурс дитячих ясел // Колгоспниця України. 1934. №2. С. 4; ГАЧО. Ф. Р№ 2113. Оп. №1. Ед.хр. 253. Л. 19.

ния) послали на курсы воспитательниц. Закончила, однако же молодая, здоровая, и меня снова забрали на работу в звено в колхоз, а в ясли поставили старенькую женщину»[30].

В условиях, когда в одном селе существовало 2-3 колхоза и каждый из них имел свой детский сад, последние по своим качественным показателям были нередко абсолютно противоположными. Рядом с образцовыми работали запущенные. В подтверждение последнего приводим некоторые данные из акта обследования детских яслей при Хейливском колхозе им. І-ой Пятилетки (ныне - Монастырищенский район Черкасской области): «В детских яслях находится ежедневно 83 ребенка, из них грудных 13. Для грудных – 15 шт. колыбелей и коек имеется исправных 31 шт., подушек 68 шт., матрасов 15 шт., простыней и одеял нет. Дети, для которых не хватает коек, спят по двое на одной койке. Полотенец 4 шт., мисок 55 шт., стаканов 28 шт., ложек 36 шт. Было несколько случаев, когда в доме яслей проводили общее собрание и кино»[31]. Однако постепенно масштабность ясельной кампании набирала обороты. Райздравы областей регулярно проводили рейды и проверки яслей, работу курсов воспитателей. Постепенно разворачивалось санитарно-гигиеническое обслуживание детей. Среди обязательных процедур становились мытье, стрижка волос и ногтей. Регулярными стали медицинские обследования в колхозных яслях для выявления больных детей, которые были необходимы в условиях широкого распространения среди детей чесотки и коросты и других инфекционных болезней, что служило причиной высокой смертности[32].

Таким образом, власть, заинтересованная в «продуктивной силе» советской женщины, воспроизведении трудовых ресурсов после голода и репрессий и активно ищущая пути подтверждения социалистической сущности общественного порядка в СССР, настойчиво и последовательно внедряла в жизнь разветвленную программу мер по охране материнства и детства, беря за цель обеспечение рожениц врачебной помощью и создание гигиеничных условий для родов и послеродового периода, снижение детской смертности. Однако этот процесс усложнялся недостаточным материально-техническим, кадровым обеспечением, несогласованием действий местного и высшего руководства, ощутимым влиянием нетрадиционной медицины, скептическим, а временами и негативным отношением к врачам и проводимым мерам со стороны населения.

MATERNAL AND CHILD HEALTH AMONG THE RURAL POPULATION OF THE USSR IN 1930

E.N. NOVIKOVA

Cherkassy National University named after B. Khmelnitsky, Ukraine

e-mail: Novikova_1202@ukr.net

Based on the studies of the Soviet and post-Soviet period authors, who investigate the history of medicine, previously untapped archival materials, periodicals of 1930s, memoirs of contemporaries, the author sets the goal to trace the process of becoming an official medical care for women during pregnancy and delivery in rural areas, the organization of pre-school education and its positive and negative aspects. It was the time when the foundation for a fixed generic care and full medical care for women in rural areas was laid, powerful propaganda work to implement basic hygiene and a healthy lifestyle was unfolded. However, these and other legislative initiatives were often taken with the lack of coordination between different institutions of government, funding was almost entirely entrusted to the local budgets. Despite the fact that in many moments such activities of the authorities were timely, the process was often registered by biased otnoshneniem to government orders, both local authorities and the women themselves. Similar processes were similar to the other republics of the Soviet Union, in particular the Russian Federation and the Byelorussian SSR.

Keywords: maternal and child health, pregnancy, childbirth, maternity leave, the farm maternity, abortion, nursery.

---

[30] Аудиозапись воспоминаний Бражник Анны Евсеевны, 1916 г.р. с. Журжинцы Лысянского р-на Черкасской обл., 1-2 июня 2012 г. Домашний архив автора.

[31] ГАЧО. Ф. Р № 2113. Оп. №1. Ед.хр. 253. Л. 226.

[32] ГАЧО. Ф. Р № 2113. Оп. №1. Ед.хр. 253. Л. 193, 201.

УДК 94(47).084.5-6:929:65.011(091)

НЕДОСТИГАЕМАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ: РАБОТЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ Е.Г. ЛИБЕРМАНА НА ХАРЬКОВСКОМ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОМ ЗАВОДЕ «СЕРП И МОЛОТ» (1925 – 1931 ГГ.)

Д.Ю. МИХАЙЛИЧЕНКО

Харьковский национальный экономический университет, Украина

e-mail: d.mikhajlichenko@ya.ru

В 1925 – начале 1930-х гг. группа учёных Харьковского института труда под руководством Е. Г. Либермана осуществила ряд исследовательских проектов на харьковском заводе сельскохозяйственного машиностроения «Серп и Молот». Крупнейшим из них был проект по внедрению, впервые в СССР, версии аналитического нормативного учёта – аналога метода Standard Cost. Рассматривается содержание проекта, его теоретические источники, а также контекст его практической реализации. Анализируется комплекс факторов, предопределивших конечную неудачу проекта.

Ключевые слова: Е. Г. Либерман, Standard Cost, «Серп и Молот», Харьков, эффективность, индустриализация.

«Мы ввозим механизмы, но не заимствуем опыта управления ими»[1].

В 1926 г. З. Папернов, один из авторов журнала «Хозяйство и управление», вдохновлённый докладом Комиссии Гувера, писал: «… факты убеждают нас в том, что не столько американская техника, сколько производственные методы, применяемые в американской промышленности, объясняют её высокую производительность и дешевизну американских изделий»[2]. Подобные замечания в советской инженерной и экономической прессе 1920-х гг. не были единичными.

Однако, говоря о советском индустриальном рывке, такой авторитетный исследователь, как Д. Ширер, даёт совершенно неожиданную оценку результатам усилий советской хозяйственной мысли. Амбициозные апологеты индустриализации неправильно поняли предмет своей зависти – американскую промышленную систему. Своё внимание они сосредоточили на «первичных производственных технологиях» и проигнорировали главное – такие вспомогательные системы, как внутризаводской транспорт, управленческую инфраструктуру, бухгалтерский учёт и дороги. Как результат, советские фабрики нуждались в армиях неквалифицированных рабочих, обслуживавших главные механические цехи, и в целом были недостаточно эффективны[3]. Пожалуй, с этими рассуждениями трудно не согласиться. Но насколько они противоположны по смыслу замечанию Папернова!

В чём же причина подобного «непонимания»? И какова была в этом роль советских технократов – управленцев, учёных, инженеров, исследователей? В данной статье проблема будет рассмотрена на конкретном примере: первой попытке создания советской версии одной из упоминаемых Д. Ширером «вспомогательных систем» – системы нормативного учёта производственных издержек «Standard Cost»[4]. Эта попытка тем бо-

[1] Ляховецкий Г. Место цеха в хозрасчётном предприятии // Организация управления. 1931. №6. С. 48.

[2] Папернов З. Борьба за экономию на Западе // Хозяйство и управление. 1926. № 7-8. С. 127.

[3] Shearer D.R. Industry, state, and society in Stalin's Russia, 1926-1934. Ithaca, N.Y., 1996. P. 235.

[4] Разработанный в 1910-х гг. в США, метод «Standard Cost» был одной из наиболее значимых организационных и управленческих технологий индустриального века. «Standard Cost» является действенным средством контроля издержек производства, его анализа, создания системы оперативного планирования. Без него вряд ли мыслимо эффективное поточное производство. Отмечается обоюдосторонняя связь между появлением метода стандартной калькуляции издержек и стремительным развитием научного менеджмента в промышленности. (См.: Hallbauer R.C. Standard Costing and scientific management // The Accounting Historian Journal. 1978. P. 37-49).

Как правило, приоритет в деле создания советской версии нормативного производственного учёта отдаётся М.Х. Жебраку (1889 – 1962), научному сотруднику московского Института организации управления. В 1929 г. М.Х. Жебрак посетил США, где ознакомился с деятельностью американских заводов. По возвращении,

лее интересна, поскольку она связана с именем Е.Г. Либермана (1897 – 1981) – будущего автора концепции экономической реформы 1965 г.

В начале 1920-х гг. группа талантливых исследователей-энтузиастов, сгруппировавшихся вокруг Харьковского института труда (ХИТ), развила активную деятельность, целью которой виделось использование достижений науки для кардинального повышения производительности народного труда и быстрого улучшения условий жизни трудящихся. От изучения мирового опыта харьковские исследователи переходили к собственным оригинальным разработкам в области организационных и управленческих технологий[5]. В 1924 г. в сферу интересов ХИТ входит возможность использования счётно-аналитических машин для решения хозяйственных и управленческих задач. Ведущим научным сотрудником, возглавлявшим данное направление работ института был Е.Г. Либерман.

В общем смысле, всё это укладывалось в рамки активно развернувшейся в 1920-е гг. кампании по т.н. *рационализации* хозяйства. Её сущность и задачи исследователи ХИТ понимали весьма прагматично. Е.Г. Либерман проводил разграничение двух подходов к задаче хозяйственного развития – «реконструкции» и «рационализации». Под «реконструкцией» понималось внедрение нового оборудования и технологий (вложения в основной капитал), под «рационализацией» – мероприятия, ведущие к возможно более эффективному использованию факторов производства (оптимальное использование имеющегося капитала)[6]. В определённом смысле, понятия рационализации и НОТ (научной организации труда) пересекаются. Можно лишь отметить, что находившееся под сильным влиянием германо-американской хозяйственной практики направление рационализации было менее идеологизированным и более направленным на достижение конкретных результат, чем движение НОТ. Последнее к середине 20-х годов стало клубком далёких от науки политических дискуссий[7].

В 1925 г. исследовательская группа Е.Г. Либермана получила возможность приложить свои усилия к такой проблеме, как «рационализация» деятельности целого промышленного предприятия. Этим предприятием был 1-вый государственный завод сельскохозяйственных машин «Серп и Молот». Образованный в 1923 г. путём слияния двух национализированных предприятий – завода «Товарищества Гельферих-Саде» и завода Э.И. Мельгозе – в середине 1920-х гг. «Серп и Молот» восстанавливал объёмы производства. По оценкам заводских специалистов, в 1925 г. он достиг показателей валовой выработки и производительности труда, сравнимых с 1916 г.[8] Но при этом оставался хронически убыточным. Обсуждался вопрос о передаче предприятия в концессию иностранному капиталу и даже о его закрытии.

«Укреплённое» инженерами-большевиками руководство завода предприняло ряд шагов по снижению себестоимости продукции. Были уменьшены накладные расходы цехов, сокращён обслуживающий персонал. До 20-ти видов в 1924 г., против 120-ти в 1913 г., сокращался ассортимент изделий. С 1 марта 1925 г. на заводе начало действовать оргбюро по научной организации труда (НОТ), развернувшее бурную, но хаотичную деятельность. Предлагавшиеся им мероприятия сосредотачивались на вопросах делопроиз-

---

он популяризировал метод «Standard Cost» в многочисленных публикациях, а также руководил работами по внедрению нормативного учёта на советских промышленных предприятиях. (См.: Керимов В.Э., Селиванов П.В. Организация управленческого учёта по системе «СТАНДАРТ-КОСТ» // Аудит и финансовый анализ. 2001. № 3. С. 23).

[5] Михайличенко Д.Ю. Всеукраинский институт труда и становление харьковской школы научного менеджмента (1921–1930 гг.) // Гілея: науковий вісник. Киев, 2012. Вип. 60 (№5). С.100 - 106.

[6] Либерман Е.Г. Рационализация и учёт её эффективности // О методах учёта производительности труда и эффективности рационализации: Материалы к построению пятилетнего и генерального плана. Труды Госплана УССР. Вып. XIX. Харьков, 1929. С. 42.

[7] Михайличенко Д.Ю. Движение за научную организацию труда в 1920-е гг. и его осмысление в отечественной историографии: между мифом и исследованием // Гілея: науковий вісник. Київ, 2012. Вип. 63 (№8). С. 178.

[8] Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее ЦДАВО). Ф. 539. Оп. 2. Д. 365. Лл. 374-375. – Очевидно, за базу сравнения здесь бралась сумма объёмов производства (валовой выручки в дененжном выражении) заводов Гельферих-Саде и Мельгозе в 1916 г. Производительность труда в данном случае расчитывается как объём выручки, приходящийся на одного занятого в производстве.

водства и мало касалась деятельности основных производственных подразделений[9].

Сделанное Институтом труда предложение организовать машиносчётную станцию и «построить образцовый рационализаторский учётно-аналитический аппарат» было принято правлением завода и Украинским трестом сельскохозяйственного машиностроения (УТСМ). Всё это хорошо укладывалось в образ организованной по последнему слову техники «витрины индустриализации», которой предстояло стать «Серпу и Молоту». В случае успеха, полученный опыт планировалось распространить и на другие предприятия отрасли[10].

В 1925 г. работы были начаты, а в 1926 г. руководству завода была представлена смета проекта. Стоимость учёта сокращалась вдвое при этапном повышении его эффективности. Образцы калькуляционных и зарплатных ведомостей, таблиц расхода товаров, статистические таблицы, убедили руководителей завода и треста, что «ради механизации стоит ломать существующую громоздкую систему». В марте 1927 г. Е. Г. Либерман и директор ХИТ Ф.Р. Дунаевский опубликовали общее описание проекта, сопроводив изложение примерами перфокарт и сводных ведомостей[11]. К концу 1928 г. машинным учётом были охвачены зарплата и материалы, учёт распространялся на финансовую и промышленную бухгалтерию. Машиносчётная станция «Серпа и Молота» стала первой в СССР станцией механизированного учёта на производстве[12].

Для Института труда проект изначально означал больше, чем простое снижение трудоёмкости работ в заводской бухгалтерии. Механизация производственного учёта делала информацию о работе крупного промышленного предприятия доступной для анализа, чем исследователи ХИТ желали воспользоваться – «Эти электрические машины означают дешёвую энергию для просвечивания хозяйственных процессов на той глубине, на которой становятся видимыми их корни и причины. В известном смысле, они могли бы сыграть такую же роль для изучения сложнейших организационных процессов, какую Тейлоровский хронометр сыграл для изучения простейших операций»[13].

Общее представление о втором пакете предложений, с которыми ХИТ обратился к заводоуправлению и УТСМ в 1927 г., дают «Предложения Института труда по поводу дальнейших шагов в деле рационализации учёта на заводе «Серп и Молот»[14], а также статья Е.Г. Либермана «Рационализация и учёт её эффективности». В последней, вопрос получает общее теоретическое обоснование.

Рассматривая и сравнивая американский, немецкий и советский опыт, Е.Г. Либерман подчёркивает наиболее слабое место рационализации в СССР – низкую принятия управленческих решений объективной информацией: «Принято считать, что у нас в СССР фактов гораздо меньше, чем отчётов по поводу этих фактов»; предприятия же и тресты проявляют «удивительное» равнодушие к проблемам учёта и анализа хозяйственной деятельности[15].

Материалы проводимых обследований указывали на большие потери, к которым приводила неудовлетворительная организация и планирование производства и вызванная ими неритмичность работы заводов. «Это типичная, характерная картина нашего серийного производства: план регулируемый самотёком – и некомплект деталей, вызывающий дальнейшие дёргания плана. Удивителен не этот факт, удивительно то, что этот порядок считается естественным и непреоборимым, ибо нет, как правило, удовлетворительного количественного учёта деталей при переходах от стадии к стадии и из цеха в цех»[16].

Многочисленные, но отрывочные примеры свидетельствовали о существовании больших резервов повышения производительности. Даже простые рационализаторские

---

[9] Оргбюро на предприятии // Техника управления. 1927. № 1. С. 76-77; ЦДАВО. ф.539. Оп. 6. д.859. л.895.

[10] Либерман Е.Г. Машины аналитического учёта // Техника управления. 1927. № 3. С. 30; ЦДАВО. Ф. 4508. Оп. 1. Д. 29. Л. 25.

[11] Либерман Е.Г. Машины аналитического учёта // Техника управления. 1927. № 3. С. 40-41.

[12] ЦДАВО. Ф. 4508. Оп. 1. Д. 29. Л. 18; Ф. 539. Оп. 7. Д. 647. Л. 623.

[13] Дунаевский Ф.Р. Предпосылки механизации учётного дела // Техника управления. 1927. № 3. С. 22.

[14] ЦДАВО. Ф. 4508. Оп. 1. Д. 29. Лл. 1-10 .

[15] Либерман Е.Г. Рационализация и учёт её эффективности // О методах учёта производительности труда и эффективности рационализации: Материалы к построению пятилетнего и генерального плана. Труды Госплана УССР. Вып.XIX. Харьков, 1929. С. 42.

[16] Там же. С. 48-49.

мероприятия зачастую давали кратный рост выпуска либо существенное снижение затрат. По мнению Е. Г. Либермана, предприятия нуждались в такой системе учёта, на основе которой можно было бы выстраивать меры по рационализации производства и, затем, объективно оценивать их эффективность.

Технически, такая система учёта должна была состоять в следующем. Во-первых, предполагалось использовать немецкую систему «счетов изоляции». На такие счета должны были списываться происходившие на протяжении отчётного периода колебания закупочных цен на сырьё и материалы, которые завод приобретал на свободном рынке. Это позволяло бы для внутризаводской калькуляции устанавливать неизменяемые цены на используемые цехами сырьё и полуфабрикаты. Таким образом внутризаводская калькуляция себестоимости изделий «изолировалась» от не зависящих от производства условий. Само ведение учёта упрощалось, снижалась его трудоёмкость.

Далее, на основе неизменяемых цен производилась расчётная калькуляция стоимости производства отдельных изделий. Калькуляция должна была осуществляться исходя не из его «фактической» стоимости по результатам производства, а исходя из «нормальной» себестоимости, рассчитываемой по элементам: цеховым расходам, зарплате, материалам, работам, выполняемым для других заводских подразделений и проч. Сравнение нормальной и фактической себестоимости должно было показывать экономию или перерасход, допущенные в производстве, и, при разложении себестоимости на факторы, позволять определить, что именно вызывало отклонения в ту или иную сторону. При применении в разрезе цехов этим создавались условия для оценки результатов хозяйственной деятельности каждого цеха в отдельности (цехового хозрасчёта).

Наконец, оперативным такой учёт становился за счёт использования счётно-аналитической техники. Вместо ежегодной общезаводской калькуляции «по факту», предприятие должно было получить ежемесячные детальные показатели успешности подразделений. Новый порядок учёта мог служить основой для построения системы внутризаводского оперативного планирования.

Насколько предложения Либермана были самостоятельными? Идея стандартной калькуляции была высказана американским инженером Х. Эмерсоном в 1909 г. и в законченном виде сформулирована его последователем, аудитором Ч. Гаррисоном в публикациях 1918 и 1921 гг.[17] Работы Гаррисона отличались силой аргументации, детальной проработанностью предложений и доведенностью изложения до схем и алгоритмов реализации[18]. В случае, если бы имелись свидетельства знакомства с ними Е.Г. Либермана, вопрос об источниках первой советской версии аналитического учёта не возникал бы.

Однако, в своих рассуждениях он отталкивался от критического анализа работы группы исследователей Харьковского института народного хозяйства (проф. П.И. Фомин, Е. А. Кустолян, С. Д. Ратнер), в 1927 г. также предпринявших попытку разработать методику оценки эффективности рационализаторских мероприятий в литейном цехе «Серпа и Молота». В данном случае исследователи лишь пытались оценить взаимосвязь показателей производительности труда и себестоимости, а также разложить себестоимость продукции на элементы, выделив среди них связанные с организацией производства[19]. В рассматриваемой статье, как и в более ранних своих публикациях, Е.Г. Либерман не ссылается на работы Х. Эмерсона и Ч. Гаррисона и не упоминает имён этих исследователей. Цитируемые Либерманом американские авторы (Дж. Блисс, В. Рой) уделяли внимание анализу балансов предприятий, методу экспертных оценок, выявлению характеризующих эффективность хозяйственной деятельности индексов и т.д., проблематику организации производственного учёта напрямую не затрагивая[20]. Более значительным, судя по объёму цитирования, было влияние на Е.Г. Либермана немецких авторов, отражавших

---

[17] Solomons D. Costing pioneers: Some links with the past // The Accounting Historians Journal. December 1994. Vol.21, № 2. P. 144-148.

[18] Harrison G.C. Cost accounting to aid production; a practical study of scientific cost accounting. New York, 1921. xv, 234 p.

[19] Фомин П.И. К вопросу об учёте эффективности работы промышленности // Хозяйство Украины. 1928. № 8-9. С. 46-62.

[20] Bliss J.H. Financial and operating ratios in management. New York: The Ronald press company, 1923. XII, 396 p; Roe J.W. Measurement of management. Chicago, 1922. XVIII, 513 p.

германскую хозяйственную практику. В частности, автора теории «динамического баланса» Е. Шмаленбаха.

Принимая во внимание, сколь большое место в работе Е.Г. Либермана занимают материалы из немецких хозяйственных журналов («Stahl und Eisen», «Technik Wirtschaft», «Maschinenbau»), следует предположить, что идея нормативного учёта могла быть почерпнута им уже из немецкой хозяйственной практики.

В сентябре 1928 г. второй пакет предложений института был принят заводом, УТСМ и ВСНХ УССР. На протяжении конца 1928 – 1931 гг. институт работал над их практической реализацией, однако, столкнулся с серьёзными трудностями.

Объективным, но вполне преодолимым препятствием был рост производства на заводе – с началом политики индустриализации «Серп и Молот» начал осваивать массированные капиталовложения. Гораздо сложнее было преодолевать препятствия иного рода. Уже в ходе работ по первому проекту – механизации учёта – возникла сложно разрешаемая проблема качества первичного документа. Каждый четвёртый из передаваемых на станцию нарядов содержал ошибочные данные, либо не подлежал обработке вовсе. Наряды подавались неритмично – отмечалось скапливание их в конце месяца, зачастую они подавались с опозданием.

Институт принимал меры для исправления положения. Была налажена заготовка печатных бланков нарядов, проводились занятия с нарядчиками, конструировались специальные технические приспособления для более удобного, в том числе автоматического, учёта массовых производственных операций. В конце концов, удалось добиться представления чистых – не замасленных и не загрязнённых – бланков. Совершенствовались схемы внутрицехового перемещения деталей. Сокращался и оптимизировался оборот цеховой документации. Происходило то, что Е.Г. Либерман назвал «образцом конструктивного подхода к решению административных задач»[21] – институт всё более увязал в попытках наладить деятельность заводских подразделений.

Хотело ли этого само предприятие? Если учёные ХИТ стремились прояснить реальную картину производства, то сотрудники экономических служб завода такой подход не одобряли. На машиносчётную станцию смотрели как на «механического бухгалтера», должного лишь облегчить трудоёмкие счётные операции. Бухгалтерия не видела необходимости делать что-либо с «преступно-небрежным» заполнением нарядов в цехах. По сложившейся практике, малоквалифицированные цеховые счетоводы «топили свои ошибки во внешне благополучной сводке». Эти сводки собирала бухгалтерия и использовала для составления «подогнанных» ежеквартальных и годовых балансов.

Теперь же неритмичность работы, ошибки, низкое качество первичных документов проявлялись сразу же, не давая возможность построить требуемые ежемесячные калькуляции. Как справедливо отмечал Е.Г. Либерман, проблемы механизации стали зеркалом, отражающим неслаженность и неточность не только учётных, но и собственно производственных операций[22].

Откровенное неприятие механизированного учёта высказали главные бухгалтеры «Серпа и Молота» Веллемсон и Мельников, распространявшие слухи, будто по вине машиносчётной станции не будет выдана в срок зарплата. Страсти накалялись и выплёскивались в заводскую многотиражку «Молотарка». «До настоящего времени все неполадки в учёте систематически сваливались на станцию механического учёта, независимо от действительной их причины. Дело дошло до того, что и у рабочих складывается впечатление, что если что есть плохого на заводе, то это станция механического учёта» – указывал участник работ ХИТ Я. Анциферов[23].

Не лучшим образом обстояли дела и со взаимодействием с другими заводскими подразделениями. Ведение подетальной стандартной калькуляции оказалось невозможным из-за отсутствия точной номенклатуры изделий. В наличии имелись лишь устаревшие спецификации, не отражавшие реальные нормы расхода материалов. На сборные детали спецификации отсутствовали вовсе. Попытка создать новые спецификации силами завода оказалась неудачной. Работа протекала в тяжёлых, конфликтных условиях. Конструктор-

[21] ЦДАВО. Ф. 4508. Оп. 1. Д. 29. Л. 21-22.
[22] ЦДАВО. Ф. 4508. Оп. 1. Д. 29. Л. 63.
[23] ЦДАВО. Ф. 4508. Оп. 1. Д. 29. Л. 67; Ф. 539. Оп.7. Д. 647. Л. 620.

ское бюро её бойкотировало. У исследовательской группы были отобраны чертёжные столы и отозваны заводские сотрудники. После доклада руководству предприятия, дело было полностью передано институту. Бригада ХИТ выполнила задачу. Предложенная институтом символизация предусматривала удобный порядок распределения рабочих мест по узлам и механизмам. Использование новой номенклатуры давало возможность провести реорганизацию разнарядок и использовать при планировании производства удобный способ графического учёта. Но поддерживать разработки института в дееспособном состоянии заводские подразделения оказались не в силах. В нарушение действующей инструкции, текущие изменения номенклатуру и спецификации не вносились[24].

С большими трудностями на подетальный учёт удалось перевести лишь часть цехов. Констатировалось улучшение организации производства, уточнение норм расхода материалов. Стали проясняться объёмы отходов и потери от брака.

«В полном беспорядке» пребывало на заводе нормировочное и расценочное дело. Как и в случае со спецификациями, отдел экономики труда «Серпа и Молота» был не только не способен упорядочить расценки, но и проявил отрицательное отношение к самой этой задаче, что «разлагало аппарат нормировщиков» и сказывалось на темпах и качестве работы[25]. Проведённый институтом опыт по организации разнарядки в механическом цеху дал положительные результаты. Его распространение институт также был вынужден взять на себя – завод не выделял для этого сотрудников[26]. Нормировщики несвоевременно вносили изменения в карточки расценок, вели их небрежно, информация о расценках несвоевременно передавалась в заинтересованные подразделения...

Работы затягивались. Для установления производственных программ цехов стандартная калькуляция была впервые использована только в так называемом «особом квартале» – октябре-декабре 1930 г. Сотрудникам института приходилось работать в обстановке «недостаточного внимания», «безверия в результаты и полезность мероприятия», «никто не считал своим долгом своевременно давать доброкачественный материал». Институт отмечал «невероятно медленный темп осуществления своих предложений со стороны заводских органов»[27].

В конечном итоге, сложившаяся ситуация стала предметом рассмотрения в Народном комиссариате Рабоче-Крестьянской инспекции (НК РКИ) в марте 1930 г.[28] В конце декабря 1930 г. и в марте 1931 г. работы института были обследованы комиссией НК РКИ под председательством Эйдермана, отметившей неудовлетворительное отношение к делу заводских подразделений. Выводы комиссии докладывались председателю СНК УССР В. Чубарю[29].

В разгар усилий по административному продавливанию проекта кардинально изменилась правительственная политика в отношении к самому движению НОТ, частью которого был харьковский институт. В начале 1931 г. руководство ХИТ было обвинено в политических «ошибках» и смещено. Институт был разделён и подвергся реорганизации. После ухода ведущих научных сотрудников, прежде всего, самого Е.Г. Либермана, работы на «Серпе и Молоте» фактически прекратились[30].

Общий итог деятельности группы ХИТ к началу 1932 году вряд ли можно было назвать успешным. Затянувшиеся на три года работы завершились неопределённым результатом. Создать действующую схему аналитического учёта и, используя её возможности, перейти к рационализации труда, к опробованию на практике новейших немецких концепций динамического баланса, гибкой организации производства, системы «всё в движении», – именно на это изначально были нацелены усилия исследователей ХИТ, – так и не удалось.

В чём причины подобного результата? Думается, наиболее видимая из них лежит в сфере трудовых отношений.

---

[24] ЦДАВО. Ф. 539. Оп. 7. Д. 29. Л. 49
[25] ЦДАВО. Ф. 539. Оп7. Д. 29. Л. 50.
[26] ЦДАВО. Ф. 539. Оп. 7. Д. 647. Л. 619.
[27] ЦДАВО. Ф. 4508. Оп. 1. Д. 29. Л. 67; Ф. 539. Оп. 7. Д. 647. Л. 619.
[28] ЦДАВО. Ф. 4508. Оп. 1. Д. 29. Л. 27-28.
[29] ЦДАВО. Ф. 4508. Оп. 1. Д. 29. Л. 70
[30] Михайличенко Д.Ю. Всеукраинский институт труда и становление харьковской школы научного менеджмента (1921-1930 гг.) // Гілея: науковий вісник. Київ, 2012. Вип. 60 (№5). С. 106.

Работы института тормозились не там, где требовались методологически сложные, нестандартные решения. Препятствием стали задачи, требовавшие наличия определённой культуры труда и управления. Для внедрения предложений ХИТ были необходимы исполнительные специалисты, способные, по крайне мере, аккуратно заполнить и вовремя представить наряд в бухгалтерию. Подходящих людей можно было найти среди наводнявших биржу труда и заводские корпуса масс рабочих. Их можно было мотивировать высокими заработками. Ожидаемый встречный эффект от роста производительности труда и снижения необходимого числа занятых предположительно оправдывал бы такой шаг.

Казалось бы, положение требовало систематической селекции кадров. Но на практике предприятия действовали прямо противоположным образом.

Как показывали проведённые в начале 1931 г. подсчёты, на трёх харьковских заводах-гигантах (ХПЗ, ХЭМЗ, «Серп и Молот») насчитывалось до 7 000 «лишних» рабочих. За счёт раздутых штатов заводоуправления осуществляли «манёвр» силами в условиях неритмичность производства (т. ч. вызванного сезонностью) и беспорядочно повышаемых плановых заданий[31]. «Передержка» в численности занятых шла рука об руку с прогулами, «недостаточным уплотнением рабочего дня» и браком. Нормы и расценки составлялись настолько плохо, что случаи, когда выявлялась возможность их повышения на 25 – 75%, не были редки[32].

В качестве второй причины, или группы причин, следует назвать неудовлетворительную систему хозяйствования.

В относящихся к осуществлению проекта ХИТ документах (протоколах, стенограммах, справках и проч.) не прослеживается ни роль директора завода, ни его личная позиция по отношению к возникавшим трудностям. Вероятнее всего здесь сказывалось влияние пресловутой «функциональной» система управления, делавшей предприятия по сути не управляемыми[33]. В таких условиях усилия института становились его собственными усилиями, не встречая у руководителей завода, должных «дать план», ни существенной поддержки, ни существенного сопротивления.

В публикациях 1929 – 1931-х гг. есть достаточно сведений, характеризующих подобные «Серпу и Молоту» производства. Удручающую картину рисует проведённое в 1931 г. обследование Харьковского паровозостроительного завода. Ведение расчёта себестоимости изделий «ужасное»; систематической калькуляции себестоимости нет, она осуществляется «по запросу» и постфактум. Состояние первичной документации неудовлетворительное. При составлении производственных планов используется метод «экспертной оценки» – опрос мастеров. Планируемые объёмы производства лимитируются т.н. «узкими местами», из-за чего отмечалась систематическая недогруженность оборудования. Методика оперативного планирования отсутствовала, ход производства регулировался с помощью специально выделенных сотрудников, которые ходили по цехам и участкам, сопровождая заказ и решая возникающие проблемы. На предприятии существовало несколько параллельных, не связанных между собой схем отчётности (статистико-экономическая, оперативная), к тому же, ведшихся беспорядочно. Решая нестандартные управленческие задачи, например, связанные с выполнением директив по снижению себестоимости, правление предприятия к планированию не прибегало[34]. Г. Ляховецкий, автор журнала «Организация управления», заявлял, что оперативное и календарное планирование на советских заводах начала 1930-х гг. отсутствовало[35].

Вот такое описание положения дел на подобном «Серпу и Молоту» заводе треста УТСМ «Коммунар» (Запорожье) давалось в 1931 г.: «Сборка задерживается несвоевременной доставкой деталей… многие детали, которые по заявлению администрации цеха комбайнов, отсутствуют, – при проверке находились в самом цехе… Планировщики, которые должны доставить дефицитные детали, крутятся как белка в колесе, не имея опре-

---

[31] Крыжов Л.Ц. Боротьба за зниження собівартості промислової продукції // Господарство України. 1931. № 4-5. С. 25.

[32] Куперман О. Издержки производства в машиностроительной промышленности // Господарство України. 1929. № 11-12. С. 98, 105

[33] Прояснение сущности «функционалки», и по сей день являющейся наиболее распространённой на постсоветском пространстве системой менеджмента, и её влияния на хозяйство и управление в эпоху индустриализации, требуют особого исследования, выходящего далеко за рамки данной статьи.

[34] Гусаров І. Середзаводське плянування // Господарство України. 1931. № 4-5. С. 64,69-72; Крыжов Л.Ц. Боротьба за зниження собівартості промислової продукції // Господарство України. 1931. № 4-5. С. 22.

[35] Ляховецкий Г. Место цеха в хозрасчётном предприятии // Организация управления. 1931. № 6. С. 25.

делённой системы в своей работе. Безалаберщина на складе цеха не даёт возможности предвидеть, какие детали будут дефицитными в ближайшие дни и даже часы. В сущности, планирования здесь просто не существует... Всё идёт самотёком... завод работает вразброд, кое-как, работает, но не вырабатывает... Склады хаотичны; рабочие используются безобразно, квалифицированные люди заняты чёрной работой; группы опытных рабочих бродят по цехам в поисках дела»[36].

Налицо разительный контраст между декларируемой целью построения рационального организованной эффективной плановой экономики и реальной хозяйственной практикой.

В ответ на выявляемые на предприятиях потери правления заводов реагировали своеобразно. Когда на «Серпе и Молоте» вскрылись перерасходы материалов, превышавшие установленные нормативы в среднем на 25%, завод отказался признать их, и изменил нормативы в сторону повышения. Так же поступали и другие предприятия. Пересмотр в сторону завышения технических норм стал «присущ всему украинскому машиностроению»[37]. Вероятно, именно эта ситуация приводила к наблюдаемому в масштабах всего народного хозяйства феномену: массовое внедрение новейшей техники и технологии не приводило к ожидаемому снижению производственных затрат[38].

Экономический кризис 1927 – 1931 гг., связанный с проведением политики индустриализации, можно рассматривать и как кризис организации и управления, и как кризис инвестирования. Массированное накачивание промышленности капиталовложениями вынуждало предприятия реагировать, и вело к складыванию определённой хозяйственной модели. В ряде своих черт она была противоположна направлению работ ХИТ. Представив эти противоположности в виде сравнительной таблицы, следует акцентировать следующие оппозиции (таблица).

Таблица

Характеристики перспективной хозяйственной модели, как они виделись исследователям ХИТ (1), и как они складывались в реальном хозяйстве (2)

1	2
Подбор кадров, уменьшение затрат труда	Массовый низкооплачиваемый труд
Организационно-техническое повышение эффективности труда	Морально-политическая стимуляция труда (в частности, в форме стахановского движения)
Снижение производственных издержек	Инфляция издержек
Гибкость организации, ответственное руководство	Функциональная схема управления
Приоритет организационной эффективности («рационализация»)	Приоритет технико-технологической эффективности («реконструкция»)

В данном контексте проблема экономического развития выходит за рамки традиционной для постсоветской историографии «диалектики» планового и рыночного начал. Скорее, корни складывавшейся хозяйственной модели лежали в сфере более глубоких сдвигов в культуре и в социальных процессах послереволюционного периода.

Так или иначе, по крайней мере в 1929 г. сам Е.Г. Либерман разделял оптимистический взгляд на хозяйственный механизм советской индустриализации и его возможности. С технократических позиций он выступал против самостоятельности предприятий (разделяя иллюзию о возможностях директивного насаждения передовых методов хозяйствования) и, вопреки своим позднейшим взглядам, именовал «ненаучным и неправильным» такой критерий оценки рационализационных мероприятий как рентабельность[39]. Упоминая о трудностях, из-за которых «целый ряд весьма ценных начинаний даёт всё ещё незначительный эффект», Е. Либерман лишь вскользь ссылался на «нашу общую культурную отсталость», должную быть преодолённой в ходе культурной революции.

---

[36] О положении на заводах // Организация управления.1931. № 7-8. С. 33.

[37] Фельдман Г. Шляхи економного витрачання металу // Господарство України. 1931. № 4-5. С. 80 – 81.

[38] В 1929 г. промышленностью были провалены задания пятилетнего плана по снижению себестоимости. Для покрытия возникавших дефицитов предприятия повышали отпускные цены на продукцию и широко использовали кредиты Госбанка. Нараставшая инфляции издержек стала одним из наиболее ярких проявлений экономического кризиса 1927 – 1931 гг.

[39] Либерман Е.Г. К вопросу о реконструкции промышленности // Господарство України. 1929. № 11-12. С. 50.

UNATTAINABLE EFFICIENCY: WORKS OF O.G. LIBERMAN RESEARCH TEAM ON THE KHARKIV AGRICULTURAL ENGINEERING PLANT «SERP I MOLOT» (1925 – 1931)

D.Ju. MIKHAJLICHENKO

Kharkiv National University of Economics, Ukraine

e-mail: d.mikhajlichenko@ya.ru

During the period of 1925 – 1930 research team of the Kharkiv Institute of Labor under the guidance of Ye.G.Liberman realized a series of projects carried out on the Kharkiv agricultural engineering plant «Serp I Molot». The major was a project aimed to construct and implement in practice, firstly in the USSR, an original modification of the analytical accounting method (Standard Costing). Brining into analysis the contents, theoretical sources of the project and taken it in a context of its practical realization – situation in Soviet machine-building industry and industrialization policy – the author reaches a conclusions about factors preconditioned its final failure.

Key words: Ye.G.Liberman, Standard Cost, Kharkov, «Serp I Molot», efficiency, industrialization.

УДК [930:316.344.32 (1-22)] (517.17) «1985/2008»

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ БАЗА ИЗУЧЕНИЯ СЕЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КУЗБАССА (1985-2008 ГГ.)

Н.Н. МАЛЬЦЕВА

Кемеровский государственный унивесритете

e-mail: lnk-rn@mail.ru

Проблемы сельской гуманитарной интеллигенции относятся к числу наименее изученных как в масштабах страны, так и отдельных регионов. Статья посвящена анализу состояния историографии и источниковедческой базы изучения положения и роли сельской интеллигенции, занятой в сфере образования, здравоохранения и культуры. Автор выявляет и анализирует источники по истории сельской интеллигенции Кузбасса в один из наиболее сложных периодов экономической и политической трансформации российского общества.

Ключевые слова: историография, источниковедческая база, сельская интеллигенция, трансформация, Кузбасс.

Изучение истории российской интеллигенции имеет сложившиеся традиции. Среди крупных ученых историков, занимающихся изучением интеллигенции Сибири, отметим таких, как В.Л. Соскин, Н.Я. Гущин, В.Г. Рыженко, Г.Г. Халиулин и др.

Несмотря на это, отдельные отраслевые и региональные отряды интеллигенции исследованы не одинаково. К числу малоизученных относится и сельская интеллигенция.

По-определению А. Латышева, сельская интеллигенция-это часть интеллигенции, которая проживает в селе и по профессиональному признаку не относится к аграрному производству, объединяя работников умственного труда по поселенческому признаку[1].

На основании вышесказанного, сельская интеллигенция Кузбасса в составе работников образования, медицины, культуры определена объектом изучения нашего исследования. Другая же часть интеллигенции села, к которой относятся агрономы, зоотехники, ветеринарные врачи, инженеры различных специальностей и др. представляют самостоятельную тему для изучения.

Отметим также, что тема избранного исследования не является популярной среди специалистов. В научных кругах пока еще не создано обобщающего труда по ее проблематике. Тем не менее, на наш взгляд, восстановить некоторые пробелы все же является возможным.

Таким образом, все выше перечисленное свидетельствует об актуальности.

Негативные последствия реформирования аграрной сферы в условиях трансформации социально-экономических и общественно-политических отношений в период с 1985 по 2008 гг. привели к деформированию статуса и положения интеллигенции села. В связи с чем необходимо как детальное, так и комплексное исследование всей проблематики.

В данном случае мы опираемся на точку зрения В.Л. Соскина и В.Т. Ермакова. Ученые считают, что при изучении отдельных (отраслевых) отрядов интеллигенции необходимым условием является регулярное проведение историографических срезов на базе учета и описания корпуса источников[2].

В процессе работы автором статьи изучен большой объем неопубликованных и опубликованных источников, литературы как советского, так и постсоветского периодов.

К наиболее значительной группе в составе неопубликованных источников относятся документы Государственного архива Кемеровской области (ГАКО). В исследование вошли материалы следующих фондов отраслевых департаментов администрации области: образования (Ф. Р-1208), здравоохранения (Ф. Р-864), культуры (Ф. Р-786), также обкома КПСС (Ф. П-75).

---

[1] Латышев А.А. Аграрная интеллигенция Западной Сибири половины 20-х годов как объект исторического исследования // Интеллигенция в Советском обществе: межвузовский сборник научных трудов. Кемерово, 1993. С. 99.

[2] Рыженко В.Г., Назимова В.Ш. Интеллигенция внутри потенциала региона (XX век): вариант междисциплинарного изучения // Интеллигент и интеллигентоведение на рубеже 21 в. Итоги пройденного пути и перспективы: тезисы докладов международной научно-теоретической конференции. Иваново, 1999. С. 19-20.

Архивные документы содержат богатый фактический материал, что позволило автору исследования распределить его по профессиональным отрядам сельской интеллигенции с учетом положения, условий труда и быта.

Особую ценность в исследовании проблемы вносят документы отраслевых департаментов: материалы совещаний, различные справки, отчеты, ежегодные доклады, программы, концепции, а также статьи, очерки, издания. Все это также помогает в изучении основных направлений профессиональной деятельности сельских работников образования, медицины и культуры.

Однако несмотря на большое количество имеющихся архивных документов (справки, отчеты, доклады, протоколы совещаний различных уровней и т.д.), их существенным недостатком является отрывочность сведений, что затрудняет сравнительный анализ.

К наиболее необходимому из опубликованных источников в нашем случае, бесспорно, относятся сведения статистики. Они сосредоточены как в статистических сборниках, так и в специальных изданиях. Среди них отмечаем демографические ежегодники Кемеровской области, статистические сборники социально-экономической направленности, такие как «Кемеровская область в цифрах за 20 лет (1984-2003)», «Кузбасс. История в цифрах» и ряд других[3].

Не менее высокую информативность имеют специальные отраслевые статистико-аналитические материалы. Все это в своей совокупности позволило поэтапно проследить динамику состава сельских педагогов, медработников и работников культуры, изучить особенности их развития. Одновременно следует отметить (так как исследование имеет широкие хронологические рамки с 1985 по 2008 гг.), что в процессе работы со статистическими материалами нередко возникают вопросы в сопоставимости данных, которые часто создают определенные затруднения.

В составе корпуса источников большое место отведено периодической печати общероссийского и областного уровня. Проблемы представителей сельской интеллигенции чаще всего рассматриваются на страницах газет и журналов, как на федеральном уровне(«Аргументы и факты», «Сельская новь», «Клуб», «Директор школы», «Здравоохранение РФ» и ряд других), так и на региональном («Кузбасс», «Кузнецкий край», «Педагогический поиск», «Деловой Кузбасс - новый век», «Территория-Агро» и т.д.). Здесь необходимо подчеркнуть следующее.

Во-первых, интересным обстоятельством является тот факт, что значительное количество газет и журналов, используемых по тематике исследования, в основной своей массе, прежде всего, сосредоточено в фондах библиотек высших и специальных учебных заведений. Это такие учебные заведения, как Кемеровский Государственный университет, Кемеровская медицинская академия, Кемеровский университет культуры и искусства, Кемеровский сельскохозяйственный институт, областной колледж культуры и искусства.

Кроме того, солидное количество профессиональной периодики имеется в медицинских библиотеках городских лечебных учреждений, кузбасского регионального института повышения квалификации и переподготовки работников образования.

Во-вторых, в периодике описываются конкретные примеры повседневной жизни учителей, воспитателей детских садов, медсестер, библиотекарей, заведующих фельдшерско-акушерским пунктом и клубом, и др., которые представляют собой «живой материал» и способствуют более глубокому пониманию причин снижения статуса и авторитета представителей интеллигенции села.

Как уже упоминалось ранее, изучение сельской интеллигенции не получило до настоящего времени подробного освещения ни в российских, ни в региональных работах. В числе научных трудов имеется определенное количество работ, в которых отдельные разделы посвящены различным аспектам социально-экономического развития аграрной сферы и ее сельскохозяйственных районов, Сибири и Кемеровской области.

Прежде всего следует отметить солидный научный труд Н.Я. Гущина «Крестьянство и сельское хозяйство Сибири 1960-1980-е гг.[4] Однако эта работа только частично охватывает интересующий нас период.

---

[3]Демографический ежегодник Кемеровской области: стат.сб. Кемерово, 2001.; Кемеровская область в цифрах за 20 лет (1984-2003) стат.сб. Кемерово, 2004.; Кузбасс. История в цифрах. Новосибирск, 2008.

[4] Гущин Н.Я. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири 1960-1980-е гг. Новосибирск, 1991.

Из современных ученых-историков Кузбасса заметное место занимают публикации О.В. Костюнина[5]. В его кандидатской диссертации, ряде статей и монографии анализируются проблемы социального развития сельских районов Кемеровской области в 1985-2003 гг. Необходимо отметить, что он одним из первых провел комплексное изучение данной проблематики, всесторонне рассмотрев реализацию социальной политики в сельской глубинке.

Большой научный интерес применительно к заявленной теме представляют материалы международных конференций, проводимых по инициативе ученых Томского государственного педагогического университета (20-21 ноября 2007г.), Беловского института (филиала) Кемеровского государственного университета (26-27 февраля 2004 г.; 2-3 марта 2006 г.), Кузбасской государственной педагогической академии в апреле 2009 – 2010 гг.[6]

Огромное значение имеют материалы сборников научных трудов, подготовленные коллективом кафедры новейшей отечественной истории Кем ГУ в 2005, 2007, 2008 гг.[7]

Примечательным моментом является то, что во многих авторских статьях, упомянутых выше изданий, широкое освещение получили не только общие проблемы сферы образования, медицины и культуры. В них дана оценка роли сельской интеллигенции и ее вклада в социально-экономическое развитие страны и Кузбасса.

В историографии проблемы следует отметить также публицистические труды и научно-справочные издания, раскрывающие социально-экономические особенности Кузбасса как одного из крупных субъектов в Российской Федерации и за ее пределами, в том числе его городов и сельских районов.

Здесь, прежде всего, нужно обратиться к труду доктора политических наук А.Г. Тулеева «Кузбасс. Сибирь. Россия»[8]. Будучи губернатором региона, он не понаслышке знает проблемы области и кузбасского села.

Большое значение по теме исследования интеллигенции села приобретают также публикации Н.С. Ермакова, Г.Т. Шалакина, С. Черемного и др.[9]

Нельзя не отметить и популярные издания, характеризующие основные этапы развития кузбасского села в исследуемый период - «Сегодня и завтра сел Кузбасса», «Летопись села Кузбасса», «Хлеб земли Кузнецкой», «Сельская энциклопедия Кузбасса»[10].

Не менее ценны художественно-публицистические и исторические очерки по отдельным аграрным районам области: Л.Я. Чубко «Живем Крапивинской судьбою», В.Т. Коровина «История Беловского района: события, факты, люди(1920-2000)», В. Медведева «В самом сердце Кузбасса» и многие другие[11].

---

[5] Костюнин О.В. Социальное развитие аграрных районов индустриального региона в условиях экологической и политической трансформации в середине 80-х гг. XX – начале XXI в. (по материалам Кемеровской области). Кемерово, 2012.; Костюнин О.В. Социальное развитие аграрных районов индустриального региона в середине 80-х гг. XX – начале XXI в. (по материалам Кемеровской области): дис…канд. ист. наук. Кемерово, 2012.

[6] Материалы международной конференции // Вторые исторические чтения Томского государственного педагогического университета Часть 1. Томск, 2008.; Наука и образование. Материалы V Международной научной конференции (26-27 февраля 2004 г.). Белово, 2004.; Наука и образование. Материалы IV Международной научной конференции (2-3 марта2006 г.). Белово, 2006.; V Чтения, посвященные памяти Р.Л. Яворского (1925-1995). Материалы Международной научной конференции 21-22 апреля 2005 года. Новокузнецк, 2009.; VI Чтения, посвященные памяти Р.Л. Яворского (1925-1995). Материалы Международной научной конференции 20-21 апреля 2010г. Новокузнецк, 2010.

[7] Актуальные проблемы отечественной истории XX века : сборник научных трудов. Кемерово, 2005.; Актуальные проблемы отечественной истории XX века. Сборник научных трудов. Кемерово, 2007.; Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. Сборник научных статей. Кемерово, 2008.

[8] Тулеев А.Г. Кузбасс. Сибирь. Россия. (Губернаторская пятилетка, 1997-2002 гг.). Кемерово, 2002.

[9] Ермаков Н.С. Кузбасс в XII пятилетке. Курсом ускорения. Кемерово, 1986.; Шалакин Г.Т. Кузбасс строкой Итар-ТАСС. Кемерово, 1999.; Черемнов С. Шалакин Г. Новости, цифры, факты, комментарии. Кузбасс: хроника событий, 1997-2007 гг. Кемерово, 2007.

[10] Паршинцев А., Шатров Ю. Сегодня и завтра сел Кузбасса. Кемерово 1980.; Макарчук С.В. и др. Летопись села Кузбасса. Кемерово, 2001.; Артамонов В.К. и др. Хлеб земли Кузнецкой. Кемерово, 2003.; Сельская энциклопедия Кузбасса. Кемерово, 2006.

[11] Чубко Л.Я. Живем Крапивинскойсудьбою. Новосибирск. 2004.; Коровин В.Т. История Беловского района: события, факты, люди (1920-2000), Кемерово, 2005.; Медведев В. В самом сердце Кузбасса. Новосибирск, 2006.

Таким образом, исходя из проведенного научного исследования, чтобы воссоздать объективную картину положения дел сельской интеллигенции, в первую очередь необходимо внимательное изучение ее источниковедческой и историографической базы.

В целом, проведенный нами анализ состояния и тенденций в развитии сельской интеллигенции Кузбасса с 1985 по 2008 гг. свидетельствует об утрате ее былого престижного положения и статуса. Эта проблема имеет затянувшийся и острый характер не только в отдельном регионе, но и в масштабе страны.

Опираясь на собственную практику, автор статьи имеет видение решения проблемы в изменении положения интеллигенции села. Им разработан и внедрен в течение нескольких лет ряд мероприятий по поддержке и возрождению статуса сельской интеллигенции на примере сельских поселений Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области.

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY BASE OF STUDYING OF RURAL INTELLECTUALS OF KUZBASS (1985-2008)

N.N. MALTSEVA

Kemerovo State Unievrsity

e-mail: lnk-rn@mail.ru

Problems of the rural humanitarian intellectuals are among the least studied both nationally and in individual regions. The article is devoted to the analysis of the state of historiography and source study base of studying of situation and a role of the rural intellectuals occupied in education, health care and culture. The author identifies and analyzes the sources on the history of rural intelligentsia of Kuzbass in one of the most difficult periods of economic and political transformation of Russian society.

Keywords: historiography, source study base, rural intellectuals, transformation, Kuzbass.

УДК 314.92

ПОКИНУВШИЕ ОТЕЧЕСТВО, НЕ ПОКИНУВШИЕ СЕБЯ (О ПОСЛЕДНЕЙ ВОЛНЕ ЭМИГРАНТОВ ИЗ РОССИИ)

Н.Л. ПУШКАРЕВА

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН, г. Москва

e-mail: pushkarev@mail.ru

Статья является логическим продолжением публикаций автора 1980-х гг., и посвящена истории русской и отчасти всей российской эмиграции 1980-х-2010-х годов. Анализируя мотивы отъезда, сопоставляя численность отъехавших и географию перемещений, автор делает вывод о сохранении нескольких трендов, наметившихся в 18 веке, исчезнувших в середине 19 в. и появившихся вновь в 21в. Речь о русских, длительно проживающих за рубежом и не разрывающих (как это было ранее, в годы советской власти) связей с родиной. Другой отличительной чертой эмиграции последних лет автор считает возникшее у нее «женское лицо» (увеличение числа уезжающих женщин с высшим образованием).

Ключевые слова: Русские за рубежом, русский мир, русская эмиграция, русская культурная традиция, численность населения и его динамика.

Можно бежать из отечества, но нельзя убежать от самого себя.
Гораций

Интерес к истории русской эмиграции, ее волнам в прошлом и причинам в настоящем не ослабевает, а нынешнее тревожное время перемен лишь усиливает его. Пространственные перемещения больших людских масс всегда вызывали беспокойство, поэтому не удивителен сам факт того, множество ученых разных специальностей во многих странах мира координируют свои исследования проблем миграций. Наряду с соотношением рождаемости и смертности (естественным движением населения), миграции (механическое движение людских масс, вызванное различными причинами) сохраняют значимость компоненты, определяющей динамику населения[1]. Учитывая многофакторность влияний и воздействий, миграции остаются предметом пристального внимания не только политологов и экономистов, социологов и демографов, но «чистых гуманитариев» - культурологов, социальных антропологов и историков.

Более двадцати лет назад мной было подготовлено несколько публикаций по проблемам истории перемещений россиян за рубеж[2], так что данный текст является их запоздалым продолжением и определяется желанием проследить (на новейшем материале, последнего двадцатилетия) те общие тенденции, которые были выделены мной ранее.

Не соглашаясь с утверждением о том, что на излете советской эпохи миграции из СССР вызывались (в порядке значимости) национальным, религиозным и социально-политическим факторами[3], я и ранее собирала доказательства того, что, для считавших себя именно *русскими,* первый фактор значения не имел, второй и третий же, действительно, воздействовали на увеличение количества желающих уехать. Началось все с побега из советского посольства в Дели дочери И.В.Сталина Светланы Аллилуевой. Брежневское двадцатилетие было отмечено сохранением этого тренда. По своей воле, но от ощущения нереализованности уезжали актеры (С.Крамаров), писатели (В.Некрасов),

---

[1] Полян П. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию // Демоскоп weekly. 2006. № 251–252 (19.07- 20.08.2006). С. 1.

[2] Пушкарева Н.Л. Пути формирования русской диаспоры после 1945 г. // Этнографическое обозрение. 1992. N 6. С. 18–30; Пушкарева Н.Л. Русские за рубежом // Русские: этнотерритория, расселение, численность, исторические судьбы (XII-XX вв.). М., 1995. С. 144-186; Пушкарева Н.Л. Возникновение и формирование русской диаспоры за рубежом // Отечественная история. 1996. N 1. С.53–69; Пушкарева Н.Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Русское Зарубежье. 15.06.2002. Режим доступа: htttp://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1187224&s=

[3] Jaroshevsky F.J. Immigration in the 1970s // Russian Canadians. Ottawa, 1983. P. 89-90.

кинорежиссеры (А.Тарковский), артисты балета (М.Барышников, Р.Нуриев)... Важно подчеркнуть – переходя к характеристике собственно постсоветского периода, которому и хочется дать обобщенную характеристику, - что большинство уехавших еще тогда, полвека почти тому назад, все же ностальгировало по утраченной родине[4]. Философ А.Зиновьев, писатель А.Солженицын, виолончелист М.Ростопович, считали свое возвращение возможным, но не ранее времени падения тоталитарного строя. Среди уехавших большинство составляли люди с высшим образованием, за рубежом они получали немаленькие социальные пособия, зачастую – возможность преподавать, писать, публиковаться, снимать кино и сниматься[5]. Не удивительно, что именно эти образованные социальные группы русских за рубежом выступили (как это было и в 1920-1930-е гг.) с инициативой общественных объединений. В качестве примера упомяну хотя бы состоявшийся в феврале 1973 г. учредительный съезд Конгресса русских американцев, который заставил заговорить о себе, изучая русское наследие в Америке, ставя целью помогать русским в духовном возрождении, бороться с русофобией[6]. В те же годы в Нью-Йорке возник русскоговорящий район (Брайтон-Бич), и в то же время в общественном дискурсе возникло словосочетание «русская мафия»[7].

В западной печати фигурируют разноречивые данные о численности покинувших СССР в годы стагнации до перестройки. Наиболее часто встречаются цифры: 170-180 тыс. человек за 1971-1979 гг. и 300 тыс. человек за 1970-1985 гг.[8] Однако говоря о русской эмиграции, не следует сбрасывать со счета то, что большинство эмигрантов того времени выезжали по израильским визам (только в 1968-1976 гг. было выдано 132 500 виз для выезда в Израиль). Разумеется, среди этих уехавших находились и русские, главным образом диссиденты, евреями не являвшиеся, имелись также русские – члены еврейских семей. Добавлю к этому, что ехали в те годы, как и на всем протяжении советской эпохи, в основном горожане.

Из трех составляющих последней волны политэмигрантов из России – «невозвращенчества», нового (третьего в истории) потока эмиграции деятелей культуры и науки в поисках свободы творчества и лучших условий для него, а также вынужденной эмиграции советских диссидентов – последние две часто сливались[9]. Мотивы выезда видных деятелей советской культуры были чаще всего экономические, иногда – политические или творческие, а обычно – и те, и другие. Реже люди уезжали по собственному желанию, чаще – по требованию «оставить страну», исходившему от «компетентных органов»[10]. Что же касается «чисто политических» диссидентов, то они по социальному составу были представителями главным образом технических профессий, реже – студентами, лицами со средним образованием, значительно реже – специалистами в области гуманитарных наук[11].

Довольно широко известны действия стагнировавшего государства по высылке за границу лиц, не согласных с политическим режимом в СССР. Помимо лишения гражданства и «добровольного отъезда» имел место обмен политзаключенными[12]. Конечно, в 70-е годы количество уехавших и высланных по политическим мотивам было ничтожно малым, но дело было «не в арифметике, а в качественном факте прорыва психологического барьера молчания»[13].

Постоянная дискриминация в гражданской и частной жизни способствовала тому, что вплоть до середины 1980-х гг. продолжались открытые преследования лиц с устойчи-

---

[4] Логинов В. Закон Судьбы. О трагедии Александра Галича // Человек и закон. 1989. № 6. С. 80-83.

[5] Ушкалов И. Интеллектуальная эмиграция и безопасность // Миграция и безопасность в России. М., 2000. С. 128-130.

[6] Нитобург Э. Л. Русские религиозные сектанты и староверы в США // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 34—51.

[7] Семанов С.Н. «Русская мафия». Русская ли? // Наш современник. 2001. № 9. С. 29-31.

[8] Rueschmeier M., Golomstok I. Soviet Emigre Artists. Life and Work in the USSR and the United States. N.Y.; L., 1985. P. 2.

[9] Каменский А. Наши в Париже // Литературная газета. 1991. 9 окт. С. 14.

[10] Rueschmeier M., Golomstok I. Soviet Emigre Artists... P. 60-121.

[11] Зубов Б. 17-я республика СССР: о советской эмиграции на Запад. Сан-Франциско, 1982. С. 144.

[12] Буковский В. И возвращается ветер... Нью-Йорк, 1978. С. 378.

[13] Сахаров А.Д. Тревожное время // Тревога и надежда. Нью-Йорк, 1978. С. 32.

выми религиозными убеждениями[14]. Такие преследования, а зачастую и аресты, продолжались вплоть до 1985 г., когда наступили решительные перемены[15].

Вот почему в 1989 г., в годы перестройки, по религиозным мотивам страну покинуло около 10 тыс. человек[16]. Для людей искреннее верующих, православных, известным препятствием для выезда оставались противоречия, связанные с неизжитыми последствиями Карловацкого раскола между РПЦ и РЗЦ. Но с перестройкой у уехавших православных появились надежды на новое христианство, в котором *религиозное* выступало как национально-религиозное, то есть преобладающим мотивом оставалась «русскость». Рупором «нового христианства» был «Вестник Русского (студенческого) христианского движения», издаваемый в Париже[17]. Этот журнал, наряду с другими церковными печатными органами РПЦ за рубежом, равно как и Западноевропейская Русская Православная Архиепископия, при участии общества «Икона» и Богословского института в Париже, вошли в рабочий комитет ознаменования тысячелетия крещения Руси (образован в марте 1985 г.) и активно работали в нем. В июне 1988 г. эта дата была торжественно отмечена в РФ и за рубежом. Уже тогда наметились первые шаги к сближению тех, кого разделил «карловацикй раскол», Русскую Православную церковь за рубежом перестали именовать «эмигрантской религиозно-политической группировкой», признавая ее роль в объединении разбросанных по странам соотечественников[18].

Эмиграцию 70-х – начала 80-х годов, состоявшую главным образом из инакомыслящей интеллигенции, сменила «перестроечная» волна покидающих навсегда русскую родину[19]. Старт был дан появлением «нового политического мышления» времен М.С.Горбачева, выводом войск из Афганистана, либерализацией прессы и формулировкой норм въезда/выезда – едва ли не впервые в российской истории[20]. Первым делом возможность смены места жительства была дана тем, кто имел родственников за границей (а это были евреи, немцы, в меньшей степени – греки[21]).

По сути, это была новая волна экономической эмиграции, поскольку политическая в те годы казалась навсегда сведенной «на нет», а эмиграция деятелей науки и культуры чаще всего сводилась к экономической[22], ведь уровень и качество жизни в России того времени были несопоставимы с западными. Реже мотивы покидавших тогда страну были производственными («творческими»), чаще именно экономическими, что и дало основания звать эту волну эмиграции из бывшего СССР «колбасной эмиграцией»[23]. Тот факт, что основным мотивом отъезжающих – а их было около 500 тыс чел.[24] – стало улучшение качества жизни, а не опасения за жизнь близких и репрессии со стороны государства, сделал русских эмигрантов этой волны более схожими с уезжающими из других стран. Особый и мощный поток производственной эмиграции составили тогда научные кадры: отношение к науке в реформируемой России оставляло желать лучшего[25].

---

[14] Хроника текущих событий. Нью-Йорк, 1979. Вып. 2, С. 51; Вып. 47. С. 87; Вып. 48. С. 135; Вып. 49. С. 63.

[15] Список политзаключенных в СССР. Нью-Йорк, 1982. Вып. 4-5; Алексеева Л. История инакомыслия в СССР: Новейший период. Париж, 1984. С.202.

[16] Boer S.R., Driessen E.I., Verhaar H.L. Biographical Dictionary of Dissidents in the Soviet Union. 1956-1957. The Hague; Boston; L., 1982.

[17] Kovalevsky P. La disperison russe a travers le Monde et son role culturell. Chauny (Aisne), 1951. P. 134; Ellis I. The Russian Orthodox Church. P.; N.Y., 1984. P. 265.

[18] Рар Г.А. И будет наше поколенье давать истории отчет. Воспоминания. М., 2011.

[19] Пальников М.С Четвертая волна эмиграции: особенности и послдествия // Русское зарубежье: история и современность / отв. ред. Ю.В. Мухачев. М., 2013. С. 253.

[20] Красинец Е.С. Международная миграция населения в России в условиях перехода к рынку / РАН. Институт социально-экономических проблем народонаселения. М., 1997. С. 7.

[21] Денисенко М. Исторические и актуальные тенденции эмиграции из России // Российский совет по международным делам. Общество и культура. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2223#top

[22] Иконников О.А. Эмиграция научных кадров из России. М., 1993. С.7-8.

[23] Чуприна М.В. Эмиграция гражданского населения из России в Китай и ее особенности: дисс. … канд.ист.наук. М., 2012.

[24] Скутнев А.В. Волны российской/советской эмиграции // Новые российские гуманитарные исследования. 2009. N 46. С. 7. Режим доступа: http://www.nrgumis.ru/articles/archives/full_art.php?aid=108&binn_rubrik_pl_articles=296]; Вишневский А., Зайончковская Ж. Волны миграции. Новая ситуация // Свободная мысль. 1992. № 12. С. 12.

[25] Миграционные процессы в трансформируемом обществе/ РАН. Институт международноых экономических и политических исследований / ред. Н. Чудакова. М., 1997.

Всего в 1985 г. выехало 6 100 человек; в 1987 г. – 39 129; в 1988 г. – 108 189; в 1989 г.- 234 994; а в 1990 г.- 453 600 человек[26]. Большинство эмигрантов оказалось за рубежом благодаря израильским визам и поселилось в Израиле, но не все были евреями: 3%, или около 3 тыс. человек, только в 1990 г. Значительная часть уехала в ФРГ – 32%, в Грецию – 5,3%, в США – 2,9%; остальные осели в других странах Европы и на других континентах. По данным Госкомстата, средний возраст отъезжающих был около 30 лет, львиную долю уезжавших составляли мужчины (34% – служащие, 31% – рабочие, 25% незанятое в производстве население и пенсионеры, среди уезжавших почти не было колхозников, и пока еще малую часть составляли учащиеся). Среди подавших заявления 99,3% граждан никакими языками, кроме русского, не владели[27]. Каждый год выезжали не только (хотя и преимущественно) евреи, немцы, греки, армяне[28], но и русские: доля их среди эмигрантов в 1990-е годы не падала, а росла: с 24% в 1993 г. до 36,5% в 1998 г. (почти половина уехавших русских, почти 47% перебрались в Германию, четверть – в Израиль, 15 % - в США.

Вообще в числе уехавших русские в 1998 году составили 64% подавших прошение на постоянное проживание в США, той же национальности были записаны более 75% отправившихся в Канаду и, что любопытно, не менее 55% уехавших в Израиль[29]. Что касается отправлявшихся из России в 1990-е годы по обозначенными уезжающими «творческим мотивам», то можно насчитать четыре их типа. Первый – «элита», 1% известных ученых (в том числе этнических русских, но все же большинство уехавших были евреями), которым за рубежом дали лаборатории и институты. Второй – имевшие родственников за границей. Третьи – отъезжавшие «по справочнику», кто сам нашел себе место работы, находясь на родине. Четвертые ехали по принципу «все равно куда, здесь будет хуже»[30].

Из решившихся на отъезд половина устроилась за рубежом по специальности (это были физики, математики, биологи, врачи, лингвисты), более половины (55,9%) имели степень кандидата, 16,2% – доктора наук, около половины уехавших были моложе 40 лет (48,5%)[31]. Как и музыканты, артисты балета, они сравнительно легко «вписались» в тамошнюю жизнь. Меньшая численность уехавших ученых-гуманитариев из России была обусловлена более сложным трудоустройством за рубежом. К нисходящей социальной мобильности – готовности к уходу «из науки в таксисты» (как это бывало в 1920-е годы) – русские, уезжавшие в конце XX века, уже не решались.

И все же ехали не только те, кого ждали. По экономическим мотивам страну покидали лица, достаточно молодые для трудоустройства за рубежом, ощущавшие дома материальную нестабильность. И пока бывший СССР 'открывал шлюзы', правительства зарубежных стран вводили квоты. Трудней стало получить статус «беженца» («жертвы коммунистических преследований») в Дании, Норвегии, Италии, Швеции – довод, безотказно работавший в годы застоя[32]. Резко сократили прием Швейцария, Испания, ФРГ, Австралия, Англия, Франция[33]. Но ряд государств хотел принимать и далее бывших советских граждан: Канада увеличила свою квоту до 250 тыс., а США – до 600-700 тыс. человек в год[34]. К 1993 году специалисты прогнозировали до 2,5 млн эмигрантов из Восточной Европы, а «потенциальными эмигрантами» называли до 25 млн человек. До 25% детей из крупных городов России, по данным социологического опроса 1991 года, были готовы уехать за рубеж[35].

---

[26] Большаков В. Извините, мы вас не ждали // Правда. 1991. 11 окт.; Lerner A. Refuseniks: a Special Stratum of Soviet Society. Opinion of a Veteran Refusenik // Quadrant. Sydney, 1989.P. 23-25.

[27] Юревич А. Побег с возвращением // Поиск. М., 1991. № 11 (127). С. 6.

[28] Скутнев А.В. Волны российской/советской эмиграции // Новые российские гуманитарные исследования. 2009. N 46. С. 6. Режим доступа: http://www.nrgumis.ru/articles/archives/full_art.php?aid=108&binn_rubrik_pl_articles=296]

[29] Бруй Б.П., Курилина Е.В.Ю Варшавская Н.Е., Чумарина В.Ж. О развитии демографических процессов в Российской Федерации в 1998 году //Вопросы статистики. М., 1999. № 10. С. 38.

[30] Юревич А. Побег с возвращением // Поиск. М., 1991. № 11 (127). С. 5.

[31] Некипелова Е.Ф., Гохберг Л.М., Миндели Л.Э. Эмиграция ученых: Проблемы, реальные оценки. М., 1995.

[32] Озеров М. Ждет ли Европа наших эмигрантов? // Литературная газета. 1991. 1 мая.

[33] Косинский Ю. Плохие времена для иммигрантов // Известия. 1991. 4 апр.

[34] Известия. 1990. 25 окт.; Комсомольская правда. 1991. 10 авг.; Аргументы и факты. 1991. № 9; Известия. 1990. 28 окт.; 1991. 28 фев.

[35] Аргументы и факты. 1991. № 29

Новая страница истории России была начата бурными событиями 1991 г. Постсоветский период истории страны стал и новой страницей истории отъезда из нее (на время или навсегда) части россиян.

20 мая 1991 г. был принят Закон № 2177-1 «О порядке выезда из Союза Советских Социалистических Республик и въезда в Союз Советских Социалистических Республик граждан СССР». С января 1993 вошло в действие Постановление Верховного Совета РФ N 4183-1 о необходимости соблюдения права граждан на свободу перемещения, а в августе 1996 г. на основе того же Постановления был обнародован Федеральный закон N 114 «О порядке выезда из Российской федерации и въезда в Российскую Федерацию». Неоднократно подвергавшийся изменениям, в том числе в 2012-2013 гг., он действует по сей день[36].

Перечисленные нормативные акты были поистине революционными для истории перемещений русских за рубеж и открыли новую страницу в истории российской эмиграции, ведь за долгие века до того не было принято ни одного аналогичного законодательного документа[37]: эмиграция из страны существовала, но ее никак не регулировали.

Массовые перемещения граждан из своих стран стали в 1990-е чертой времени, характеризуя не только особенности миграционно-демографических процессов РФ и постсоветского пространства, но и Европы, Америки и Азии[38]. Смена места проживания стала для россиян делом свободного выбора, и потому за десять лет (до 2002 года) в разные страны выехало более 1 млн чел. (в литературе эту волну выехавших зовут «перестроечной»[39]. Миллион выехавших – цифра, возможно, преуменьшенная МВД, заинтересованным в приукрашивании реального положения дел. Всего же за неполных полтора десятка лет (с 1989 по 2002 г.) страну покинули не менее 1 млн. 269 тыс. чел.[40]

Отъезд россиян из разных мест, где до того жили, иногда поколениями, их родители и прародители, стал органической частью всемирного движения населения, составляющей мировых потоков его движения и, кстати, подверженной их влиянию[41]. Количество уехавших этнических русских трудно выявить в данных статистики, между тем, в период с 1992 по 2000 г. только в Германию и Израиль эмигрировало более 800 тыс. россиян (хотя большинство из них были, конечно, немцами или евреями)[42].

Страны, бывшие когда-то с Россией единым целым, вмиг оказались «ближним зарубежьем». Русских там оказалось немало, да и желавшие уехать туда исчислялись не десятками и даже не сотнями (см. табл. 1).

Таблица 1

Межгосударственная миграция
в Российской Федерации за 1994-1998 гг. (тыс. человек)[43]

	1994	1995	1996	1997	1998
Эмиграция из России, в том числе	345,6	347,3	291,6	233,0	213,3
в страны СНГ и Балтии	113,9	229,3	191,4	149,5	133,0
в другие страны	231,7	118,0	100,2	83,5	80,3

С началом нового тысячелетия социологи и демографы обнаружили новую волну отъезжающих. Ее составили люди среднего возраста, которые в 1990-е годы надеялись на

[36] Федеральный закон N 114 «О порядке выезда из Российской федерации и въезда в Российскую Федерацию». Режим доступа: http://www.urprofy.ru/zakontxt_pasport4.php

[37] Де Танги Анн Великая миграция: Россия и россияне после падения железного занавеса. М., 2012.

[38] Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX—XX вв. / под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. М., 2001. С. 9—44; Цапенко И. Роль иммиграции в экономике развитых стран // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 5. С. 27–39.

[39] Вишневский А.Г., Зайончковская Ж.А. Миграция из СССР: четвертая волна. Рабочие доклады Центра демографии и экологии человека. 1991. Вып. 3 (декабрь). М., 1991; Вишневский А., Зайончковская Ж. Волны миграции. Новая ситуация // Свободная мысль. 1992. № 12. С. 4-16

[40] Полян П. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию // Демоскоп weekly. 2006. № 251–252 (19.07- 20.08.2006). С. 1.

[41] Юдина Т. Социология миграции. Учеб. пособие для вузов. М., 2006.

[42] Денисенко М. Исторические и актуальные тенденции эмиграции из России // Российский совет по международным делам. Общество и культура. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2223#top

[43] Бруй Б.П., Курилина Е.В.Ю Варшавская Н.Е., Чумарина В.Ж. О развитии демографических процессов в Российской Федерации в 1998 году //Вопросы статистики. М., 1999. № 10. С. 36.

то, что выбор либерального пути развития страны окончателен и бесповоротен, но разочаровались в скорости текущих преобразований. К ним добавилась та молодежь, которая успела побывать в детстве и подростковом возрасте (с родителями) в других странах и приняла решение, получив бесплатное или все еще недорогое образование все-таки в родной РФ, находить применение своим силам за пределами страны. Количество россиян уехавших на время за рубеж (по контрактам и без них) с готовностью вернуться в дальнейшем обратно, то есть не эмигрировать раз и навсегда, возросло в разы[44].

Вялость и невнятность целей и итогов обновления России в течение уже полутора десятилетий выталкивает этот энергичный слой молодых и рисковых людей за рубеж. Среди них можно усмотреть такие категории, как (1) лица, чья квалификация и сфера применения труда всегда востребована (IT-ники, программисты, инженеры); (2) те, чье дело задушили высокие налоги, и кто устал бороться с бюрократизмом и коррупцией, пробивая свой путь (работники малого и среднего бизнеса); (3) дети обеспеченных чиновников, чьи родители хорошо устроились на родине и, порой в силу занятости, предпочли в свое время отослать детей получать образование за рубежом, где «наследники» осели навсегда[45].

Если в брежневскую эпоху и в ходе перестроечной, «колбасной» эмиграции многие, покидая страну, продавали машины и квартиры, то теперь стали уезжать по-тихому, оставляя возможность возврата, если что-то задуманное не удастся. В итоге в начале века и тысячелетия за границами РФ (исключая страны СНГ и Балтии) оказалось более 2 млн. уроженцев России. Эти 2 млн. включают тех, кто выехал из страны до начала перестройки, причем около четверти из них сохраняют паспорта граждан РФ[46]. Если прибавить к этим уехавшим в последнюю волну (и быстро адаптировавшимся) тех, кто уезжал ранее, можно указать общую цифру соотечественников за рубежом к началу 2010-х гг. – это примерно 4–4,5 млн. чел.[47]

Таблица 2

Эмиграционный отток из России по российским и зарубежным данным (тыс. чел.)

Страны	Период оценки	Число эмигрантов по российским данным	Иммиграция из России по зарубежным данным
Израиль	2003-2009	10,1	29,4
Канада	2003-2010	4,7	24,1
США	2003-2010	20	99
Франция	2003-2008	1,3	21,4
Австралия	2003-2010	1,4	3,5
Германия	2003-2009	117,7	148,1
Испания	2003-2009	2,3	43,5
Италия	2003-2008	1,7	20,3
Финляндия	2003-2009	5,7	16,4
Австрия	2003-2009	0,7	16,8
Швейцария	2003-2009	0,5	2,1
Нидерланды	2003-2009	0,7	4,1
Дания, Норвегия, Швеция	2003-2009	2,8	20,1
Итого		169,6	448,8

Российские данные – число снявшихся с регистрационного учета по месту жительства в связи с отъездом за рубеж; зарубежные данные – статистика приезжающих[48].

[44] Ушкалов И. Интеллектуальная эмиграция и безопасность // Миграция и безопасность в России. М., 2000. С. 128-130.

[45] Жаренова О., Кечил Н., Пахомов Е. Интеллектуальная миграция россиян. Ближнее и дальнее зарубежье. М., 2002.

[46] Денисенко М. Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья // Демоскоп Weekly № 513 – 514. 4 - 17 июня 2012. Режим доступа: http://www.demoscop.ru/weekly/2012/0513/tema05.php

[47] Dumont J.C., Lemaitre G. Counting immigrants and expatriates in OECD countries: a new perspectives. Paris, 2004.

[48] Источники таблицы: Денисенко М. Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья // Демоскоп Weekly № 513 – 514. 4 - 17 июня 2012. Режим доступа: http://www.demoscop.ru/weekly/2012/0513/tema05.php; Росстат, ЦСБД. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/database/cbsd/

Как ни преуменьшает российская статистика размеров оттока из РФ в 2000-е годы, он остается значительным. И если ранее большинство покинувших нашу страну оседало в США, Германии и Израиле, то в последние 10-15 лет очевидно привлекательными стали такие страны, как Австрия, Италия, Испания, Чехия, но особенно Великобритания. Очевидно, что вместе с перечисленными в таблице странами, а также странами Азии и Восточной Европы, эмиграция из России в 2003-2012 годах превысила полмиллиона человек[49]. Изучение мотивов отъезда россиян в прошлом и настоящем считается важной социолого-демографической задачей, связанной с необходимостью преодолеть негативное отношение к ним, как и к эмиграции как таковой. Социологи заметили, что в течение десятка лет число желавших уехать оставалось почти константой, но к концу 2013 г. число решивших «свалить» возросло с 20 до 29 тысяч чел в год[50].

Таблица 3

Родившиеся на территории России, но проживающие за рубежом без сохранения российского гражданства (в тыс. чел.)

Страна	2000 – 2001 гг.	2010 – 2011 гг.
Австралия	15,0	15,4
Канада	50,9	64,1
Новая Зеландия	3,1	4,8
США	340	470
Франция	17,0	34,1
Ирландия	2,5	4,5
Дания	2,2	4,7
Норвегия	3,8	14,2
Австрия	-	27,3

Таблица 4

Сохраняющие паспорт РФ и проживающие за рубежом (в тыс. чел.)[51]

Страна	2000 – 2001 гг.	2010 – 2011 гг.
Австрия	3,7	22,8
Бельгия	2,9	12,8
Дания	2,1	3,9
Германия	136,1	191,3
Норвегия	3,2	10,8
Швейцария	5,8	11,6
Испания	4,6	48,8
Чехия	12,8	31,8
Италия	13,1	34,4
Кипр	-	8,7
Япония	4,9	7,8
Китай	-	менее 10 тыс.

Решившие покинуть Россию в последние 2010-2014 гг. мотивируют желание уехать разочарованием в перспективах проводимых в стране реформ, обеспокоенностью уровнем жизни и безопасности детей (48% опрошенных), плохими условиями жизни и труда (более 42%). Об этом прямо говорил актер Алексей Серебряков, покинувший Москву после того, как летом 2010 года городские власти не сделали ничего, чтобы вывезти из города детей во время беспрецедентной жары и опасного задымления (крайнее недовольство российским

[49] Денисенко М. Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья // Демоскоп Weekly № 513 – 514. 4 - 17 июня 2012. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0513/tema05.php

[50] Уколов Р. «Из России уезжают самые конвертируемые люди». Социолог Михаил Черныш о том, почему события на Украине замедлят эмиграцию из нашей страны, и о тех, кто сегодня хочет новой жизни // Профиль. 2014. N 15. С.40.

[51] Источник: российские и зарубежные данные статистических служб. Цит. по: Денисенко М. Исторические и актуальные тенденции эмиграции из России // Российский совет по международным делам. Общество и культура. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2223#top

правительством, которое использует данную ему власть исключительно в личных целях, не заботясь о простых гражданах»[52]). Все меньше тех, кто желает уехать для воссоединения семей; к русским не относится и такой мотив, как «преследования представителей определенной национальности» (а таковых в начале 2000-х гг было около 19%)[53].

Общий тренд десятилетия 2010-х – уменьшение количества подавших заявление на отъезд навсегда при сохранении темы необходимости отъезда в общественном дискурсе, особенно у молодого поколения[54]. Проблема не в количестве, а в качестве отъезжающих: страну покидают «самые конвертируемые люди» - молодые, образованные, готовые рисковать и рассчитывающие на успех. По данным Левада-Центра, доля желающих уехать на ПМЖ за рубеж выросла с 13% в 2009 году до 22% в 2013-м.[55] Продолжая устойчивую традицию последних 30-40 лет, они формируют в том числе и зарубежную русскую научную диаспору. К ней относят и тех, кто может быть назван научной элитой (выходцы из СССР в свое время приглашенные или легко нашедшие работу ученые с мировым именем), и тех, кто уехал позже, но сумел сделать научную карьеру с конца 1980-х – начала 1990-х гг., и особенно в последние годы молодежь, выезжавшую по грантам и получившую PhD за рубежом[56]. Именно эта молодежь образовала Интернет-сообщество «Пора валить», именно они предупреждают потенциальных эмигрантов о сложностях и путях их преодоления в повседневной эмигрантской жизни. Иногда представители зарубежной российской научной диаспоры не рвут связей с коллегами за рубежом и готовы приезжать и участвовать в реформировании науки на родине (как нобелевские лауреаты А. Гейм и К. Новоселов)[57].

Совершенно иной характер, нежели в прежние годы, приобрело взаимодействие РПЦ и РПЦЗ. И не случайно церковные деятели говорят в условиях нового столетия и тысячелетия о «соработничестве» в деле «духовного окормления соотечественников»[58], которое длится союзно, без прежнего противостояния с 2007 года (17 мая 2007 в московском Храме Христа Спасителя Патриарх Московский Алексий II и Первоиерарх РПЦЗ митрополит Лавр подписали Акт о каноническом общении). Отсутствие прежних противоречий и претензий друг к другу способствует «уточнению подходов в деле консолидации жизни наших соотечественников за рубежом» [59].

Еще одной характерной чертой российской эмиграции последнего времени является ее «женское лицо». Если ранее уезжали первыми мужчины и, лишь обустроившись, старались перевезти жен, семьи, то ныне женщины составляют весьма значительную часть и научной, и брачной эмиграции. Так от 53% (эмигрантов из РФ в Бельгию) до 83% (в Италию) составляют среди уехавших навсегда женщины, заключившие брак с иностранцем (у мужчин эта цифра колеблется от 3% до 5,5%)[60]. Женская эмиграция имеет черты «утечки умов», поскольку абсолютное большинство покидающих Россию навсегда

---

[52] Алексей Серебряков уехал в Канаду, его жена и дети // Звезды-инфо. 2.10.2012. Режим доступа: http://zvezdi-info.ru/aleksej-serebryakov-uexal-v-kanadu-ego-semya-zhena-i-deti/

[53] Де Танги Анн Великая миграция: Россия и россияне после падения железного занавеса. М., 2012.; Пронин А. А. История российской эмиграции: состояние и перспективы исследований // Вестник молодых ученых. 2001. № 5. С. 75-81.

[54] Левада-Центр: многие россияне готовы навсегда покинуть Родину // Новая газета. 12.07.2011; Чудиновских О.С., Денисенко М.Б., Донец Е.В. Миграционные намерения российского студенчества. М., 2003.

[55] Уколов Р. «Из России уезжают... С.40-43

[56] Аллахвердян А.Г., Агамова Н.С. Российская научная диаспора и мобильность учебных мигрантов в США (конец XX -начало XXI века) // Социология науки и технологий. 2012. № 3. С. 43-54; Коробков А. Российская научно-технологическая диаспора в США. Опубликовано на сайте Российского совета по международным делам 17 мая 2012 года. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=402#top

[57] Попов Д.С., Творогова СВ., Федюкин И.И., Фрумин И.Д. Российская диаспора в области социальных и экономических наук: проблемы и перспективы сотрудничества // Мир России: Социология и этнология. 2011. С. 51-73.

[58] Патриарх Кирилл (Гундяев) Зарубежные диаспоры соотечественников. Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на открытии 1.12.2009 III Всемирного конгресса соотечественников, проживающих за рубежом // Психология человека. 2010. Режим доступа: http://psibook.com/articles/zarubezhnye-diaspory-sootechestvennikov.html

[59] Две в одной. Русская православная церковь объединилась с «зарубежниками»// Лента.ру. 17.05.2007. Режим доступа: http://lenta.ru/articles/2007/05/17/church/

[60] Терентьев Д. Уж замуж за рубеж // Огонек. 2004. № 36. С. 40-42; Денисенко М. Исторические и актуальные тенденции эмиграции из России // Российский совет по международным делам. Общество и культура. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2223#top

молодых женщин имеет высшее образование, зачастую полученное в зарубежных вузах и университетах[61].

Экономическая часть российских мигрантов остается в настоящий момент сравнительно пестрой в национальном отношении. Как и столетие назад, несмотря на постоянный рост числа покидающих Россию навсегда, численность собственно русских в трудовой эмиграции остается в пределах 7-10%, а число «возвращенцев» остается наибольшим именно среди представителей этой национальности. Характерной чертой современной эмиграции из России стала ее обыденность: отъезд в другую страны перестал быть трагедией для выехавших, страна готова всегда принять возвращающихся на родину. Уехавшие уже не считаются «почти преступниками», ведь современные миграционные процессы имеют серьезное правовое основание.

Подводя итоги очерку истории отъезда россиян за рубеж в 1970-2010 гг. годы, можно сделать ряд выводов. Несомненно, что выезжавшие из России навсегда – во все времена – своим поступком чаще всего выражали несогласие с политическими порядками, освященными официальной идеологией, с жизненными устоями в стране. Главной причиной выезда в прошлом был и остается сейчас конфликт между Личностью и Обществом. Как отличительную черту нынешнего времени стоит отметить то, что в XXI в. русская диаспора вновь (как и в XVIII-начале XIX в.), отчасти формируется за счет обеспеченной части социума, длительно проживающей в Европе. В прошлом на облик русского эмигранта оказывала влияние потомственная русская аристократия. Ее представители, подолгу жившие в Европе, сохраняли дух высокой национальной культуры, иногда действенно помогали эмигрировавшим из России соотечественникам, способствуя сохранению ими душевного склада русского интеллигента. Насколько смогут повлиять на общее представление о русских нынешние эмигранты, осевшие в Европе и США, покажет время.

LEFT THE COUNTRY, HAVEN'T LEFT THEMSELVES (ABOUT THE LATEST WAVE OF RUSSIAN EMIGRATION)

N.L. PUSHKAREVA

Institute of Ethnology and anthropology N.N. Miklukho-Maklay RAS, Moscow

e-mail: pushkarev@mail.ru

The article is dedicated to the history of Russian emigration of the 1980s - 2010s and is a logical continuation of the author's publications of the 1980s. Analyzing the motives of emigrants by comparing the number and geography of slid movements , the author concludes that one can see fast all the trends emerged earlier and appeared again. For example in the late 18th - early 19th century a certain part of Russians émigrés was long living abroad and not ripping (as it was previously , during the Soviet era) the ties with their Fatherhood. This trend one can see again in the 21st c. Another distinctive feature of emigration in recent years is its "female face " (that reflect the increasing number of women with higher education leaving their domestic institutions).

Keywords: Russia abroad, Russian social history, Russian world, Russian emigration, Russian cultural tradition and its dynamics.

---

[61] Зайончковская Ж. Кто из России уезжает в эмиграцию // Протестант.ру. 17.04.2013. Режим доступа: http://www.gazetaprotestant.ru/2013/04/kto-iz-rossii-uezzhaet-v-emigraciyu

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 328.16

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Р.М. КЛЮЧНИК

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, Украина

e-mail: ruslan-dne@yandex.ru

Рассмотрены основные подходы к изучению парламентских кризисов. Исследовано влияние кризисных явлений в парламенте на развитие политической системы и законодательства страны. Отмечены функции парламентской оппозиции и её влияния на ход политического процесса.

Ключевые слова: политическая система, политический кризис, политический процесс, парламентская оппозиция.

Явление парламентаризма в той или иной форме присуще каждой современной демократической стране. Впрочем, в современном мире роль парламентов постепенно отходит на второй план, поскольку политическая ответственность и полномочия возлагаются главным образом на правительство и исполнительную власть, формируемые победившей на выборах политической силой. Исторически парламент предназначен быть представительским институтом, что качественно отличает его от других государственных органов и предоставляет ему право выступать от имени нации, следовательно, он является легитимным и полномочным органом для принятия решений общегосударственного значения, в том числе и основного закона страны.

Современный парламент сохраняет функции представительства общественных интересов, законодательную и контролирующую функции, но всё же роль парламентов постепенно сводится к уровню консультативного, совещательного органа, дискурсивная функция которого выводится на первое место. Это является следствием эволюции политических систем, четкой специализации функций политических институтов в рамках политической системы и соответствующего изменения правовых и традиционных основ политических отношений в развитых демократиях. Важным моментом для характеристики современного состояния парламентаризма является и то, что представительские органы продолжают играть значительную роль в сфере идеологического воздействия на население. Во многих странах парламент олицетворяет национальную политическую традицию. Парламенты являются ареной для разрешения противоречий, но в то же время могут использоваться политическими партиями для активной пропаганды своих программ и демократической борьбы за власть.

Таким образом, явление парламентаризма не исчерпало себя, а реальные процессы общественно-политического и государственно-правового развития стран мира свиде-

тельствуют об адаптации представительских органов к современным вызовам общественно-политической жизни. Функции парламента по отношению к политической системе можно исследовать, пользуясь системным подходом. Исходя из принципов системного подхода к анализу политики, С.В. Ставченко отмечает, что парламент выполняет системообразующую и системовоспроизводящую функции[1]. Расклад политических сил в парламенте отражает реальный расклад общественных сил в стране, а также отражает характер взаимосвязей и взаимодействия политических субъектов, то есть легислатура институционально оформляет отношения в рамках политической системы, определяя формат и содержание этих отношений. С другой стороны, парламент постоянно продуцирует нормативно-правовые акты, соответствующие данной конфигурации политических сил, то есть воспроизводит политическую систему. Функционирование парламента может быть эффективным либо неэффективным, соответствовать структуре политических интересов и раскладу политических сил в стране или отражать доминирующие политические интересы.

Руководствуясь системным и институциональным подходами, можно утверждать, что парламент играет системообразующую функцию в рамках политической системы. Институт парламентаризма, представляя собой орган власти, осуществляющий функции легитимации, принимает конституцию, обсуждает в коллегиальном режиме важнейшие политические решения, включает в себя мощный системообразующий потенциал, проявляющийся в политической системе через совокупность политических норм и отношений, которые продуцирует законодательный орган. Функционирование парламента непосредственно сказывается на политической системе. Так, если он работает эффективно, то есть отвечает на требования, предъявляемые к политической системе внешней средой, и производит соответствующие политические решения, то система функционирует адекватно и стабильно.

Парламентский кризис означает остановку адекватной деятельности, дисфункцию легислатуры, что сводит на нет эффективность данного политического института, прежде всего в законотворческой сфере. Следует отметить, что коммуникативные процессы в политической системе также существенно влияют на функционирование парламента. Так, общественная дискуссия относительно функционирования, эффективности или неэффективности, легитимности, роспуска и других аспектов деятельности законодательного органа протекает в сфере политического дискурса и может существенно влиять на ход политических событий и политические решения, которые могут сами по себе спровоцировать политический кризис. С позиций конфликтологического подхода парламентский кризис становится результатом неразрешённого политического конфликта.

Исследуя парламентский кризис, следует обратить внимание на роль парламентской оппозиции. Как отмечает В.В. Кривошеин, существование оппозиции является необходимой характеристикой политического устройства демократической страны[2]. Выступая полноправным институтом политической системы, оппозиция является эффективным средством цивилизованного разрешения противоречий между интересами различных социальных групп, высказанных на политическом уровне, неотъемлемой составляющей механизма сдержек и противовесов в структуре властных отношений. С другой стороны, отсутствие дееспособной оппозиции или легитимных каналов для реализации её взглядов вызывает повышение уровня социальной нестабильности, провоцирует политическую апатию населения, либо наоборот - развитие событий по конфликтному, силовому сценарию. Политико-правовой статус оппозиции, особенности взаимодействия между ней и правящим большинством, степень влияния парламентской оппозиции на исполнительную власть и на осуществление государственной политики в целом обусловили выделение таких разновидностей парламентской оппозиции, как «классическая» (или «британская»), «континентальная» многопартийная, «скандинавская» и «швейцарская»[3].

---

[1] Ставченко С.В. Стабілізаційний та дестабілізуючий потенціал парламентських криз у політичній системі // Нова парадигма. 2010. Вип. 95. С. 99.

[2] Кривошеїн В.В. Теоретико-методологічні засади оцінки стану опозиції як показника ризику країни // Вісник СевНТУ. Серія «Політологія». 2009. Вип.100. С. 38.

[3] Павленко Р. Опозиція: права та повноваження // Людина і політика. 2002. № 4. С. 9.

Парламентская оппозиция может быть лояльной и нелояльной; конструктивной или деструктивной. В законодательном органе оппозиция выполняет функции агрегирования и артикуляции того спектра социальных интересов, который в недостаточной мере учитывается властью. Политическая оппозиция обеспечивает ротацию элит, ограничивает монополию власти на принятие политических решений, обеспечивает канал для выражения альтернативного мнения, способствует достижению компромисса при принятии важнейших политических решений[4].

В то же время не стоит преувеличивать положительную роль оппозиции. Поскольку специфической чертой этого политического субъекта априори является вовлеченность в конфликт с властью, то в случае отсутствия эффективных механизмов включения в политический процесс следствием её деятельности может стать дестабилизация политической системы. Можно отметить, что амбивалентность является одной из ключевых характеристик оппозиции: этот необходимый для становления и функционирования демократии институт при отторжении политической системой превращается в главный источник угрозы её существованию.

Парламентский кризис является по своей сути институциональным, но одновременно содержит в себе потенциал для системного кризиса. При этом стоит отметить его стабилизационную функцию: вследствие неразрешённого парламентского кризиса могут необратимо изменяться отдельные подсистемы политической системы, в результате чего страна может изменить, например, форму правления или избирательное законодательство. Наличие парламентского кризиса является индикатором политических проблем, своевременное и адекватное разрешение которых способствует стабилизации политической системы и политического развития страны. Таким образом, стабилизационная и дестабилизирующая функции парламентского кризиса проявляются в процессе развития политической системы на институциональном и системном уровнях.

Проанализировав опыт многих государств «третьей волны» в построении демократических систем, Б. Грызлов выделил главную причину неудач на этом этапе: неспособность экспериментировать с институциональной составляющей политической системы, подражание тому, что обычно рассматривается как демократическая норма и является во многом уже дискредитировавшей себя рутинной практикой западных либеральных демократий. Новые политические системы на этапе своего конституирования занимаются преимущественно копированием рутинной практики западных демократий, которые сегодня переживают состояние упадка[5]. Политическая история стран Запада свидетельствует, что эволюция либеральной демократии и парламентаризма всегда шла сложным и противоречивым путем, она пережила как подъёмы, так и спады политического влияния и роли высшего представительного и законодательного института. Сегодня парламент по-прежнему занимает важное место в системе высших органов государственной власти западных стран, однако далеко не ведущее. Оно ныне, несомненно, принадлежит органам исполнительной власти. В этих условиях исследователи все чаще говорят о кризисе парламентской демократии. Так Р. Дарендорф отмечает, что Запад вступил в период «постдемократии» и фиксирует признаки кризиса, выражающегося, в частности, в снижении роли парламентских структур и резком усилении исполнительной власти[6].

Постепенное расширение компетенции фракций вредит позициям отдельных депутатов. В западноевропейских странах провозглашаемая конституциями независимость депутатов существенно ограничивается жёсткой фракционной дисциплиной, имеющей целью поддержание единства и солидарности. Так, в британской Палате общин дебаты проходят в основном между лицами, занимающими руководящие позиции в двух крупнейших партиях, а рядовые парламентарии при этом составляют группы поддержки. В свою очередь, правила регламента зачастую дают каждому парламентарию возможность участвовать в дебатах только в течение нескольких минут, что усложняет последовательные и согласованные дебаты.

---

[4] Helms L. Five Ways of Institutionalizing Political Opposition: Lessons from the Advanced Democracies // Government and Opposition. 2004. Vol. 39. Issue 1. P. 23.

[5] Грызлов Б.В. Кризис представительной демократии и тенденции развития западного парламентаризма // Политэкс. 2007. № 1. С. 40-41.

[6] Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М., 2002. С. 71-78.

Кризис парламентской демократии происходит на фоне глубокого кризиса общественной морали и ценностей; неолиберализм отвергает классические функции государства, создает собственный политический порядок с собственной трактовкой прав и свобод человека. Даже категория «демократия» подвергается развитию, и поэтому может принимать различные формы в различных сообществах. Как отмечает словацкий политолог И. Дзуриндин, демократические выборы в органы государственной власти и местного самоуправления превратились в борьбу за влиятельные позиции, кресла и кабинеты, а результаты выборов являются лишь формальным пропуском к желаемым должностям. Парламент, разделённый на правящую коалицию и оппозицию, перестает быть конструктивным инструментом экономического, социального, правового и морального регулирования общества. Он превращается в арену закулисных игр и интриг, цель которых - получение и удержание власти, а депутаты уже в момент выборов забывают об избирателях и начинают «играть на себя», или их действиями руководят партийные боссы. Подавляющее большинство депутатов паразитирует в представительном органе, не желая принимать активного участия в законотворческом процессе[7].

Общепринятая практика назначения на государственные (в том числе правительственные и парламентские) должности также противоречит идеям демократии. Так, правящая коалиция существует на основании коалиционного соглашения, предоставляя должности в ключевых ведомствах членам своих партий. Следовательно, министры лишь формально подчиняются премьеру, а практически во всех важнейших делах они руководствуются рекомендациями партии. Лидеры оппозиции считают поражение на выборах личным оскорблением, следовательно, их парламентская деятельность направлена, прежде всего, на достижение реванша. Взаимоотношения между коалицией и оппозицией скорее характеризуются как борьба за ресурсы, нежели партнёрские соревнования. В этой борьбе применяются «чёрные» политтехнологии, публикация компромата, что вызывает кризис в сфере политической коммуникации. Кроме того, все существенные вопросы решаются лидерами партий: они в узком кругу принимают решения, ведут борьбу и определяют политический курс, в то время как публичные заседания являются лишь представлением для публики. Парламентские речи, написанные спичрайтерами, служат росту популярности, но почти не влияют на результаты голосования. Решения принимаются не в зале заседаний, а на партийных собраниях, заседаниях комитетов или даже правительства, что является нарушением принципа разделения властей. В связи с этим Г.Г. Авдонина отмечает, что в условиях конституирования демократии до сих пор не учтены ошибки так называемой «риторики съездов», которая заключалась в том, что перед общественностью парламентарии отчитываются совсем иначе, чем перед коллегами, что приводит к кризису легитимности[8].

Риск возникновения парламентских кризисов достаточно высок в тех странах, где политические партии ориентируются на различные языковые или религиозные сообщества, например, в странах Балтии. Так, последний масштабный парламентский кризис в Латвии начался в 2011 г. из-за прогрессирующего роста общественного недовольства социально-экономическим положением страны и неспособности парламента и сформированного им правительства проводить адекватную внутреннюю и внешнюю политику. Согласно результатам голосования 18 сентября 2011 г., «Центр согласия» стал лидером избирательной гонки, набрав 28,54% голосов, но был фактически отстранен от процесса создания правительства. В течение месяца было сформировано новое правительство в составе «Единства», Партии реформ Затлерса и ультранационалистической силы «Все для Латвии». Председателем правительства стал В. Домбровскис, а ведущую роль в коалиции получила его партия «Единство». Таким образом, политический кризис обусловил инерционный сценарий развития страны, который, по мнению М. Александрова, не приведёт

---

[7] Дзуриндин И. Кризис демократического парламентаризма в условиях неолиберализма // Обозреватель. 2009. № 10. С. 106.

[8] Авдонина Г.Г. Соблюдение этических норм в публичной и кулуарной политической речи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Международные отношения. Политология. Регионоведение». 2010. № 6. С. 321.

к улучшению ситуации в Латвии[9]. Этот сценарий предусматривает, в частности, дальнейший курс на получение дотаций от ЕС и отмену реформ, которые могли бы облегчить положение русскоязычных жителей Латвии.

Впрочем, в западных странах, представляющих собой пример развитых политических систем, наблюдается иная ситуация. Парламенты большинства развитых стран, хоть не всегда справляются с возложенными на них функциями, всё-таки работают по выработанным в течение десятилетий схемам, накопив опыт, позволяющий успешно разрешать кризисы без ущерба для политической системы.

Так, примером правительственной нестабильности при парламентарной форме правления может служить Италия, где из-за нестабильности правительственных коалиций в послевоенные годы сменилось более шестидесяти правительств. В условиях раздробленности партийно-политического состава парламента и нестабильности правительственных коалиций важным средством воздействия правительства на парламент и обеспечения политической стабильности является институт постановки правительством в парламенте вопроса о доверии ему (т.н. вотума доверия). Так, вопрос о доверии правительство может поставить в парламенте при отсутствии парламентской поддержки его деятельности, в том числе в связи с отказом парламента принять предложенный правительством проект необходимого для его деятельности закона. Следует отметить, что переход от Первой ко Второй итальянской республике в начале 1990-х гг. произошел именно из-за кризисных явлений в легислатуре, следовательно, кризис явился фактором развития политической системы[10].

Впрочем, даже в странах с давними демократическими традициями парламентский кризис может привести к серьезным потрясениям, особенно если это касается этнически неоднородной страны. Так, в Бельгии ряд политических кризисов (2003, 2007, 2010-2011 гг.) был детерминирован полярностью политических ориентаций как избирателей, так и парламентских партий, их нежеланием идти на компромисс и ориентацией на разные регионы государства: франкоязычную Валлонию и нидерландоязычную Фландрию[11]. Политический кризис 2010-2011 гг., когда королевство в течение 14 месяцев не имело правительства, а парламент работал с длительными перерывами, стал одним из свидетельств опасности сепаратизма, который может привести к опасным последствиям, вплоть до распада страны.

Апатия и недоверие избирателей по отношению к легислатуре в разных странах объясняется тем, что политическая сфера из арены классовой борьбы окончательно превратилась в рынок политических услуг, и значительная часть масс в этих услугах не нуждается, преследуя свои интересы на других рынках. Подобные выводы формулируют и некоторые западные исследователи, в частности, Э. Тоффлер в книге «Третья волна» пишет, что в современном обществе «постепенно происходит отказ от принципов представительной демократии. Повышение образовательного уровня и современная техника дают возможность гражданам самостоятельно производить политические решения, имеющие юридическую силу»[12].

Учитывая многообразие политических систем мира, сложно выработать определённый список мер по предотвращению парламентских кризисов. В условиях парламентского правления одним из наиболее эффективных механизмов является конструктивный вотум недоверия, действующий в Испании, Германии, Венгрии и Бельгии: выражая недоверие кабинету, парламентское большинство должно предложить новую кандидатуру главы правительства. Конструктивный вотум способствует сохранению преемственности и стабильности исполнительной власти, но в то же время усиливает политическую ответственность власти законодательной.

---

[9] Александров М. Политический кризис в Латвии обнажил системные проблемы латвийской государственности // Обозреватель. 2011. № 12. С. 65.

[10] Любин В. Итальянская партийно-политическая система в 90-е годы (переход от Первой ко Второй республике) // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 3. С. 86.

[11] Бирюков С. Бельгийский федерализм как модель кризиса европейского федерализма // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2009. № 4. С. 28.

[12] Тоффлер Э. Третья волна. М., 2002. С. 435-436.

Таким образом, достижение стабильности правительства в условиях политической ответственности перед парламентом возможно при условии обратного влияния правительства на парламент. К средствам усиления такого влияния, кроме конструктивного вотума, относятся: формирование правительства на основании парламентского большинства, состоящего из партийных фракций, недопустимость перехода депутатов из одной фракции в другую, возможность роспуска парламента главой государства, инициирование правительством вопроса о роспуске легислатуры.

Рассматривая перспективы предотвращения парламентских кризисов на постсоветском пространстве, стоит отметить важность законодательной фиксации прав парламентской оппозиции. В частности, Л. Тимофеева предлагает обратить внимание на опыт Германии и Швеции, где депутаты каждой фракции, не поддерживающей правительство, получают дополнительную оппозиционную надбавку[13]. Таким образом, государство предоставляет оппозиционным силам дополнительную материальную гарантию, обеспечивающую их плодотворную законодательную деятельность.

Итак, парламентский кризис является нарушением привычного функционирования законодательного органа, заключающимся в ненадлежащем исполнении парламентом своих функций либо его полном бездействии. Проявления такого кризиса отличаются многообразием: невозможность сформировать правительство или даже стабильное парламентское большинство, непринятие важных для общества законов, бездеятельность отдельных депутатов или целых фракций, что приводит к отсутствию кворума и т.д. В условиях становления политической системы такой кризис часто является переломным моментом в развитии страны, приводящим к значительным изменениям в политической системе. В развитых же странах Запада парламентские кризисы часто оказывают конструктивное влияние на политическую систему, приводя к качественным изменениям в избирательном, а иногда и конституционном законодательстве.

DISTINGUISHING FEATURES OF FUNCTIONING OF PARLIAMENTARISM UNDER CRISIS

R.M. KLIUCHNYK

Oles Honchar Dnepropetrovsk National University, Ukraine

e-mail: ruslan-dne@yandex.ru

Main approaches of parliamentary crises research are considered. The influence of crisis phenomena in Parliament on political system and law is researched. Functions of parliamentary opposition and its influence on political process are described.

Key words: political system, political crisis, political process, political opposition.

[13] Тимофеева Л.Н. Власть и оппозиция в России: проблемы конструктивного конфликтного взаимодействия // Конфликтология: Теория и практика. 2004. № 1. С. 27.

УДК 323.2(470+571)

ДИАЛОГИЧНОСТЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В.В. ОГНЕВА[1]
А.В. ПАСТУХОВ[2]

[1] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиалы в г Брянске, г. Орле

[2] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в г. Орле

[1] e-mail: ognevavv@yandex.ru
[2] e-mail: manurist@yandex.ru

В статье раскрываются особенности диалогичных отношений власти и гражданского общества в современной России, представлен анализ механизмов и форм диалогового взаимодействия указанных факторов. Обращается внимание на необходимость повышения эффективности функционирования диалоговых площадок с участием широкого круга экспертов в рамках таких проектов как «Открытое правительство», «Открытый регион», движения «Общероссийский народный фронт», сетевые сообщества. Предлагается нормативное оформление универсальной правовой платформы для организации унифицированного института дискуссионных площадок при любом органе власти, любой организации и во всех случаях, когда в этом имеется общественная заинтересованность.

Ключевые слова: власть и гражданское общество, политический диалог, непосредственная демократия, диалоговые площадки, формирование коммуникационного дискурса.

Ортега-и-Гассет мудро заметил, что «власть, способная управлять, никогда не покоилась ни на чем, кроме общественного мнения». Следовательно, чтобы обеспечивать поддержку проводимой государственной политике, необходим реальный действенный диалог между властью и обществом. Его востребованность требует, по мнению А.С. Ахиезера, теоретической разработки смысла политического диалога[1].

Совершенно очевидно, что в условиях расширения публичной сферы при снижении активности избирателей электоральной демократии становится явно недостаточно для принятия политических решений, устраивающих большинство общества. В этой связи дефицит легитимности власти может быть восполнен процедурами делиберативной (совещательной) демократии, предлагающей многочисленные диалоговые практики.

Обращаясь к методологии Дж.Г. Мида, его концепту диалога, в результате которого все позиции кристаллизуются в одну – единственную точку зрения, диалог следует рассматривать как форму власти на основе рефлексивного обмена ролями. При этом участники диалога должны быть открыты к возможной трансформации своих позиций во имя достижения консенсуса по обсуждаемому кругу проблем в целях преодоления противоречий и конфликтов. По образному выражению С.П. Поцелуева, когда демократия сознательно строится по этому принципу, возникает эффект симметричного властного отношения в «борьбе за производство здравого смысла»[2].

Конструктивный политический диалог, представляя собой процесс двустороннего общения, являясь способом выражения политических взглядов, оценок действий социально – политических акторов, направлен на «выявление, согласование и координацию политических интересов. Такой диалог, как отмечает А.В. Зайцев, строится на принципах дискурсивного равноправия субъектов политической коммуникации, имеет целью достижение взаимовыгодного результата, учитывающего широкий спектр существующих мнений, позиций, точек зрения. Необходимыми условиями диалога в политике являются, во-первых, следование принципу политического плюрализма, во-вторых, обладание субъектами диалога качеством толерантности, в-третьих, их

---

[1] Ахиезер А.С. Возможен ли диалог цивилизаций. М., 2006. С.39
[2] Поцелуев С.П. Власть как диалог или диалог без власти // Полис. 2010. №1. С. 74, 75.

коммуникативная компетентность, умение использовать разнообразные формы диалогового общения (дискуссии, переговоры, консультации и т.п.)[3].

В случае, когда политика понимается как процесс, при котором граждане аффилируются для обсуждения проблем, касающихся совместных действий с властью, всегда возникает необходимость обращения к ресурсному потенциалу общества, его гражданским институтам. Такую цель преследуют проекты российской власти «Открытое правительство» и «Открытый регион», предусматривающие, что гражданское общество, независимая экспертиза (сеть экспертных советов) способны взять на себя ряд функций системы государственного управления, среди которых диагностика имеющихся социальных проблем; экспертиза проектов управленческих решений, антиципация их последствий и предложение разумных альтернатив; контроль за исполнением принятых решений; участие в подготовке кадрового резерва, выработке соответствующих интегрированных целей и задач, разработке стратегии развития гражданского общества. В этой связи нельзя согласиться с А.В. Зайцевым в том, что «вместо институционализации реальных дискурсивных механизмов и дискуссионных площадок для честного и открытого публичного диалога государства и гражданского общества, власть создает его многочисленные симулякры в виде псевдодиалоговых, ангажированных и созданных самым же государством фиктивных институтов гражданского и организаций общества»[4]. Как бы то ни было, в пилотном проекте «Открытый регион» в настоящее время участвуют 17 субъектов Российской Федерации, Открытое правительство представляют около 200 высококвалифицированных экспертов из числа известных ученых и практиков.

Следует отметить, к сожалению, что профессиональное сообщество проявляет скептицизм к экспертным площадкам, хотя они действуют не столь бюрократично по сравнению с академическими институтами или другими официальными аналитическими структурами, что крайне важно для получения оперативной обратной связи[5]. В экспертных сообществах неравномерно представлены региональный и отраслевой интересы, что приводит к распылению ресурсов между множеством объединений. Тем не менее, открытость и публичность обсуждения проектов законов, уход от субъективизма, привлечение внимания к наиболее социально значимым вопросам, - все это внушает надежду на то, что власть, наконец, услышала общество. В то же время гармоничность отношений между ними будет во многом зависеть от взаимных обязательств и ответственности как власти, так и акторов гражданского общества.

В последнее время апробируются новые формы вовлечения граждан в государственное и муниципальное управление. Развиваются сервисы и приложения на базе современных коммуникационных средств, позволяющие гражданам сигнализировать о проблемах, предлагать пути их решения, отслеживать реакцию власти на эти проблемы. В диалоге с властью целесообразно было бы задействовать публичные слушания, общественные порталы, институт референдума, общественную правотворческую инициативу, гражданское вето и др. Своевременной представляется постановка вопроса о принятии законов об общественном контроле, лоббистской деятельности, что сделало бы процедуры принятия решений органами государственной власти более прозрачными для общества.

Во взаимодействии власти и общества неоценимую роль играют СМИ – государственные и негосударственные. К сожалению, региональный мониторинг свидетельствует, что проблемой на местах остается минимизация критических выступлений в СМИ о деятельности органов государственной власти; имеет место необоснованное использование ими средств массовой информации для повышения собственного имиджа. Яркой иллюстрацией слабой информационной открытости органов государственной власти является наличие фактов отказов в предоставлении

---

[3] Зайцев А.В. Государство и гражданское общество: дефицит диалога // Гуманитарные научные исследования. Август 2013. № 8 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://human.snauka.ru/2013/08/3703

[4] Там же.

[5] Брусникин Н. Широкое вовлечение экспертов и представителей общественности в систему принятия решений само нуждается в общественном обсуждении и профессиональной экспертизе [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://большоеправительство.рф/blogs/post/1996/

информации журналистам[6]. В связи с этим не случайным выглядит снижение доверия населения к СМИ, в первую очередь к государственным, что побуждает людей искать и находить альтернативную информацию, причем не всегда и не во всем достоверную, в социальных сетях. Выход видится в законодательном урегулировании проблем концентрации и монополизации средств массовой информации, разграничении отношений «владелец-учредитель-редакция», уточнении статуса издателя, вещателя и собственника; определении границ возможного участия иностранных инвесторов в деятельности средств массовой информации.

Многообразие диалоговых взаимодействий требует формирования правовой основы функционирования дискуссионных площадок. Модернизация правовой базы деятельности диалоговых площадок способна обеспечить достижение цели поиска новых механизмов взаимодействия между государством и обществом, призвана создать институт посредничества между общественно активной частью населения и органами государственной власти[7].

Диалоговые площадки, предполагая активное привлечение к работе органов публичной власти представителей общественных объединений, социально-ориентированных некоммерческих организаций, отдельных граждан, способствуют своевременной и полной осведомленности институтов гражданского общества и населения о решениях компетентных органов, и что весьма существенно - широкой поддержке реализуемых мер со стороны общественности. Кроме того, посредством данного института непосредственной демократии обеспечивается прямая обратная связь в виде объективного информирования государственных или муниципальных органов о воздействии принимаемых решений на общественные отношения[8].

Следует согласиться с мнением Е. Исаевой в том, что дальнейшая эффективность работы диалоговых площадок напрямую будет зависеть от качества работы общественных экспертов, готовности органов власти учитывать и реализовывать выработанные этим консультативным органом инициативы, соблюдения принципа гласности функционирования экспертных сообществ[9]. К сожалению, нормы права, регулирующие институт диалоговых площадок, не содержат единых подходов к их организации и работе. Как представляется, действующее российское законодательство нуждается в юридическом оформлении универсальной правовой платформы для организации унифицированного института дискуссионных площадок при любом органе власти, любой организации и во всех случаях, когда в этом имеется общественная заинтересованность.

В указанных обстоятельствах представляется целесообразным принятие правового акта, закрепляющего своими нормами перечень оснований для организации диалоговых площадок, единые критерии их формирования и периодичности обновления участников, базовые принципы функционирования, а также правовой статус. По нашему мнению, оптимизация правовой базы института диалоговых площадок создаст условия для разрешения действительно актуальных общественных проблем.

Становится очевидным, что с развитием электронных коммуникаций происходит смещение политической активности граждан в Интернет-пространство. Основными факторами проявления политической активности в сети Интернет являются повсеместная доступность и высокая скорость коммуникации. Благодаря Интернету политические процессы и управление приобрели новые формы, обусловившие появление новых субъектов гражданского общества – сетевых сообществ[10]. Они организуют онлайновые обсуж-

---

[6] Дзялошинский И. М. СМИ в системе доступа к информации: шума много, информации мало. М., 2011. С. 55-59.

[7] Арутюнян Р.Э. Типология институтов общественного контроля при органах государственной власти России // Закон и право. 2009. N 11. С. 38 - 39.

[8] См.: Доклад ассоциации общественных объединений «Общественной палаты Орловской области» «О состоянии и тенденциях развития гражданского общества в Орловской области». Материалы текущего архива Общественной палаты Орловской области. Орел, 2012.

[9] Исаева Е. Нормативно закрепленные диалоговые площадки власти и общества в субъектах России: предпосылки эффективности // Власть. 2013. № 8. С. 39.

[10] Белянцев А.Е., Лымар А.В. Интернет-пространство как фактор модернизации институтов гражданского общества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6(1).

дения актуальных общественных проблем, излагают мнения, взгляды, позиции в тематических форумах, блогах, открытых энциклопедиях и т.д. Следует отметить, что в сети Интернет может быть осуществлен диалог между разрозненными социальными группами, который в оффлайн-пространстве мог бы и не состояться.

Наибольшая активность интернет-участников политического процесса происходит в социальных сетях, таких как «ВКонтакте», «Facebook», «Twitter», «Instagram», которые предоставляют значительные возможности коммуникации, обмена и поиска информации, что способствует созданию интернет-сообществ[11].

Оценивая достоверность информации, представленной в сети Интернет, молодые российские пользователи выражают достаточно оптимистическую позицию: 49,3 % респондентов выбрали позиции «абсолютно достоверна» и «скорее достоверна, чем недостоверна» (48,2 %). Пессимистов в два раза меньше: 2,2 % опрошенных определяют информацию в глобальной сети как «абсолютно недостоверную».

Большинство молодых российских пользователей (56%)разделяют мнение, согласно которому «В Интернете люди не должны быть ограничены в своём праве критиковать правительство». Мнение о том, что Интернет-коммуникация позволяет лучше понимать действия политиков поддерживают 45,5 % опрошенных. При исследовании восприятия молодыми российскими пользователями политической субъектности в сети Интернет, выявлены следующие зависимости: чем выше уровень доверия к достоверности Интернет-контента, тем более выражена потребность получать информацию из Интернет-источников, тем существеннее уровень комментарийной активности на дискуссионных форумах и площадках, тем интенсивнее потребление новостной информации, тем позитивнее восприятие пользователями реализации политических прав и свобод в глобальной сети[12].

Общим трендом является то, что молодежь, как и все российские пользователи в целом, скорее потребляет и тиражирует, чем создает Интернет-контент. Тем не менее, молодых российских пользователей отличает большая ориентированность на потребление новостной информации онлайн, так как Интернет выступает доминирующим источником развлечений и информации.

Ежедневно молодые российские пользователи применяют многообразные роли в глобальной сети: участвуя в играх, реализуя программу дистантного обучения, совершая покупки и платежи, скачивая развлекательный контент, осуществляя веб-серфинг и т.д. Чем больший масштаб Интернет-коммуникации выбирают для себя пользователи, тем больше ролей и связанных с ними потребностей они реализуют в виртуальном пространстве[13].

Ориентация на политические функции Интернета выражена у молодых российских пользователей значительно сильнее, чем в среднем у всех возрастных групп. Большинство представителей молодежи позитивно относятся к реализации политической субъектности в глобальной сети, понимая ее, главным образом, как расширение возможностей по защите политических прав и свобод, осуществлению открытой политической коммуникации. Тем не менее, молодые российские пользователи сдержанны в оценках потенциала влияния общественного мнения, складывающегося в глобальной сети, на деятельность властных структур.

В последнее время в научном сообществе ведется активная дискуссия о формировании «сетевой демократии», под которой в обобщенном виде понимается «основанный на применении сетевых компьютерных технологий механизм обеспечения политической коммуникации, в полной мере способствующий реализации принципов народовластия»[14]. В этой связи надо отметить, что российское законодательство, несмотря на тенденцию к росту политической интернет активности граждан, слабо

---

[11] Соколов А., Маклашин И. Особенности интернет-пространства как площадки для взаимодействия // Власть. 2013. № 12. С. 61.

[12] Интернет в России: технологии развития, социальные и политические эффекты. Материалы исследования Центра. М., 2013.

[13] Там же.

[14] Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М., 2004. С. 253.

реагирует на появление в сети неформальных способов прямого волеизъявления, хотя диалоговые интернет-площадки, процедура отзыва лиц замещающих выборные должности с использованием интернета, консультативные интернет опросы граждан активно применяется в некоторых субъектах федерации[15]. Помимо перечисленных существует еще целый ряд не урегулированных нормами права форм общественного участия - мобилизация общественного мнения, проведение мониторинга реализации публично-властных решений и социологических исследований и т.д. [16]

Следует признать, что лишь отдельные неформальные интернет-формы реализации прямого волеизъявления граждан завершили процесс своей институализации. Речь идет об общественных инициативах, получивших нормативное закрепление в Указе Президента Российской Федерации «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»[17]. Сущность положений данного указа заключается в утверждении правил рассмотрения общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива». В соответствии с указанными правилами, гражданин Российской Федерации, достигший 18-летнего возраста вправе разместить на интернет-ресурсе предложение по вопросам социально-экономического развития страны либо совершенствования государственного и муниципального управления. Поддержанной считается инициатива, которая в течение одного года после ее размещения на интернет-ресурсе получила:

а) не менее 100 тыс. голосов граждан – в поддержку инициативы федерального уровня;

б) не менее 5 процентов голосов граждан, постоянно проживающих на территории соответствующего субъекта Российской Федерации (для субъектов Российской Федерации с численностью населения более 2 млн. человек – не менее 100 тыс. голосов граждан, постоянно проживающих на территории соответствующего субъекта Российской Федерации), - в поддержку инициативы регионального уровня;

в) не менее 5 процентов голосов граждан, постоянно проживающих на территории соответствующего муниципального образования, – в поддержку инициативы муниципального уровня.

В случае если размещенная на специальном сайте общественная инициатива получит необходимую поддержку в ходе голосования с использованием интернет-ресурса, такая общественная инициатива передается экспертной рабочей группе, которая готовит экспертное заключение и решение о разработке соответствующего нормативного правового акта или принятии иных мер по реализации инициативы. Прогрессивность данного указа, по нашему мнению, состоит в юридическом оформлении первого в России института непосредственной демократии, реализовываемого через интернет-сервис.

Совершенно очевидно, что власть и ответственные институты гражданского общества в России должны стремиться к тому, чтобы диалог конфликтного типа (митинги, акции протеста) замещался диалогом кооперативного типа (переговоры, консультации, слушания, общественная экспертиза, гражданский контроль), направленным на укрепление социально – политической стабильности, конструктивное решение социально значимых проблем с участием широкой общественности. Такой диалог представляет собой непрерывный, постоянно развивающийся и совершенствующийся коммуникативный процесс, которому должны быть присущи такие демократические качества, как открытость, гласность, многосторонний обмен мнениями, наличие постоянных прямых и обратных связей между обществом и властью.

---

[15] См.: Портал правительства Тульской области. Опросы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://tularegion.ru/polls

[16] См.: Нездюров А. Классификация форм общественного участия // Гражданский диалог. 2008. N 1. С. 73 - 76.

[17] Указ Президента РФ от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» // Собрание законодательства РФ. 11.03.2013. № 10. Ст. 1019.

DIALOGUE OF COOPERATION BETWEEN THE AUTHORITIES AND THE SOCIETY AS A FACTOR OF DEVELOPMENT OF DIRECT DEMOCRACY IN MODERN RUSSIA

V.V. OGNEVA[1]
A.V. PASTUHOV[2]

[1] The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

[2] The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

[1] e-mail: ognevavv@yandex.ru

[2] e-mail: manurist@yandex.ru

The article reveals the peculiarities of dialogical relationship between the authorities and civil society in contemporary Russia, presents the analysis of mechanisms and forms of conversational interaction between these factors. Attention is drawn to the necessity of effectiveness increase of functioning of platforms for dialogue with the participation of a broad range of experts in the framework of such projects as «Open government», «Open region», of the movement «All-Russian Popular Front», the online community. Proposes regulatory clearance of the universal legal platform for organization of the unified Institute discussion forums with any authority, any organization, and in all cases when the public interest occurs.

Key words: the authority and civil society, political dialogue, direct democracy, dialogue platform, forming of communicative discourse.

УДК 324(470+571)

ОБЩЕСТВЕННЫЙ МОНИТОРИНГ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО УЧАСТИЯ ГРАЖДАН

Т.С. БОЛХОВИТИНА

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в г. Брянске

e-mail: info@bfrane.brk.ru

В статье обращается внимание на необходимость развития электоральной демократии в современной России, повышения в этих условиях эффективности гражданского контроля за проведением политических виборов. Автор характеризует правовой статус наблюдателей в Российской Федерации, их права и обязанности; раскрывает новые технологии наблюдательной деятельности. Обосновывается важность дальнейшего развития системы и методики общественного мониторинга за ходом избирательных кампаний на федеральном и региональном уровнях.

Ключевые слова: избирательный процесс, электоральное участие, институт наблюдателей, технологии общественного мониторинга.

Гражданское наблюдение на выборах распространено в большинстве стран современного мира и считается зарекомендовавшим себя инструментом соблюдения прозрачности выборного процесса. Наблюдатели отслеживают состояние транспарентности подсчета голосов, обеспечивают независимое общественное определение итогов голосования, используя при этом установленные законом способы и методы общественного контроля. Выявление наблюдателями наиболее распространенных нарушений избирательных процедур позволяет совершенствовать национальное избирательное законодательство и избирательные технологии.

Институт наблюдателей представлен совокупностью лиц – граждан того или иного национального государства и иностранных граждан, имеющих статус наблюдателя, осуществляющих полномочия по удостоверению законности процедур голосования, подсчета голосов на выборах и определения результатов голосования.

Функционирование института наблюдателей в современной России обеспечивается совокупностью правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие, изменяющиеся и прекращающиеся по поводу участия в избирательном процессе на стадии голосования и подсчета голосов специально уполномоченными лицами – наблюдателями от зарегистрированного кандидата, избирательного объединения (избирательных объединений), общественных организаций.

Правовую базу статуса наблюдателей в Российской Федерации составляют Федеральные законы от 18.05.2005 г. №51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»[1] и от 10.01.2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации»[2]. Следует отметить, что эти федеральные законы содержат идентичные нормы, текстуально совпадающие с нормами Федерального закона от 12.06.2002 г. №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие референдуме граждан Российской Федерации»[3]. Указанные нормативно-правовые акты распространяются на выборы в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ и выборы в муниципальных образованиях и имеют прямое действие на всей территории Российской Федерации.

Законодательство Российской Федерации закрепляет следующие категории

[1] Федеральный закон от 18.05.2005 г. №51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 23.05.2005. № 21. Ст. 1919.

[2] Федеральный закон от 10.01.2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 13.01.2003. № 2. Ст. 171.

[3] Федеральный закон от 12.06.2002 г. №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.06.2002. № 24. Ст. 2253.

наблюдателей, наделяемых полномочиями по удостоверению законности проведения голосования и подсчета голосов: 1) наблюдатели, имеющие гражданство Российской Федерации и представляющие интересы кандидатов, избирательных объединений и общественных организаций, а также политических партий; 2) иностранные (международные) наблюдатели – представители иностранных государств и международных организаций, основной задачей которых является осуществление контроля за законностью проводимых процедур голосования и подсчета голосов на выборах в Российской Федерации.

Полномочия наблюдателей четко изложены в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие референдуме граждан Российской Федерации». Согласно п. 9 ст. 30 указанного закона наблюдатели вправе[4]:

а) знакомиться со списками избирателей, участников референдума, реестром выдачи открепительных удостоверений, находящимися в комиссии открепительными удостоверениями, реестром заявлений (обращений) о голосовании вне помещения для голосования;

б) находиться в помещении для голосования соответствующего избирательного участка, участка референдума в день голосования, а также в дни досрочного голосования в любое время в период: с момента начала работы участковой комиссии в день голосования, а также в дни досрочного голосования и до получения сообщения о принятии вышестоящей комиссией протокола об итогах голосования, а также при повторном подсчете голосов избирателей;

б) наблюдать за выдачей бюллетеней избирателям, участникам референдума;

в) присутствовать при голосовании избирателей, участников референдума вне помещения для голосования;

г) наблюдать за подсчетом числа граждан, внесенных в списки избирателей, участников референдума, бюллетеней, выданных избирателям, участникам референдума, погашенных бюллетеней; наблюдать за подсчетом голосов избирателей, участников референдума на избирательном участке, участке референдума на расстоянии и в условиях, обеспечивающих им обозримость содержащихся в бюллетенях отметок избирателей, участников референдума; знакомиться с любым заполненным или незаполненным бюллетенем при подсчете голосов избирателей, участников референдума; наблюдать за составлением комиссией протокола об итогах голосования и иных документов в период с момента начала работы участковой комиссии в день голосования, а также в дни досрочного голосования и до получения сообщения о принятии вышестоящей комиссией протокола об итогах голосования, а также при повторном подсчете голосов избирателей;

д) обращаться к председателю участковой комиссии, а в случае его отсутствия к лицу, его замещающему, с предложениями и замечаниями по вопросам организации голосования;

е) знакомиться с протоколами соответствующей комиссии, нижестоящих комиссий об итогах голосования, о результатах выборов, референдума и приложенными к ним документами, получать от соответствующей комиссии заверенные копии указанных протоколов;

ж) носить нагрудный знак с обозначением своего статуса и указанием своих фамилии, имени и отчества, а также фамилии, имени и отчества зарегистрированного кандидата или наименования избирательного объединения, общественного объединения, направивших наблюдателя в комиссию;

з) обжаловать действия (бездействие) комиссии в вышестоящую комиссию, избирательную комиссию субъекта Российской Федерации, Центральную избирательную комиссию Российской Федерации или в суд;

и) присутствовать при повторном подсчете голосов избирателей, участников референдума в соответствующих комиссиях.

Избирательной комиссией должен быть обеспечен доступ наблюдателям в помещение участковой комиссии, сформированной на избирательном участке. Наблюдатели вправе присутствовать в иных комиссиях при проведении ими досрочного голосования, установлении итогов голосования, определении результатов выборов, составлении соот-

---

[4] Федеральный закон от 12.06.2002 г. №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие референдуме граждан Российской Федерации». П. 9, ст. 30. // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.06.2002. № 24. Ст. 2253.

ветствующих протоколов об итогах голосования, о результатах выборов, а также при повторном подсчете голосов избирателей, участников референдума.

В России общественный мониторинг на выборах используется уже более двух десятилетий, однако новым оказался его масштаб и состав участников - в марте 2012 г. наблюдателями стали сотни тысяч человек по всей стране, в то числе рекрутируемые посредством сети Интернет новыми общественными организациями. Несмотря на массовость, деятельность наблюдателей не была хаотичной. Процесс включения граждан в так называемое движение наблюдателей базировался на четко построенной системе действий: распространение рекламных видеороликов, обучение правовым основам, разработка инструкций, справочников и «дорожных карт», организация «мобильных групп» и горячей телефонной линии, а также проведение параллельного подсчета голосов. Иными словами, были созданы достаточно благоприятные условия для того, чтобы любой гражданин, желающий стать полноценным участником выборного процесса, но не имеющий опыта такого рода деятельности, мог без особых затруднений сориентироваться в деталях избирательного законодательства, примерить на себя роль наблюдателя и осуществить соответствующие этой роли функции.

В России данная практика стала возможной во многом благодаря активности созданных в последний выборный период 2011-2012 годов общественных организаций, таких как «Гражданин наблюдатель», «РосВыборы», «Лига избирателей», «Союз наблюдателей России», корпус наблюдателей «За чистые выборы» и др.

Наибольшую активность на выборах проявил Корпус наблюдателей, созданный в начале 2012 года при участии Ассоциации юристов России, представивший 86 тыс. наблюдателей, что позволило охватить 92 % избирательных участков. Лига избирателей совместно с партией «Яблоко» смогли привлечь 26 000 человек. В рамках проекта А. Навального «РосВыборы» зарегистрировалось для наблюдения за выборами 17 819 человек. Независимое объединение волонтёров «Гражданин Наблюдатель» привлекло около 11 500 человек. От Ассоциации некоммерческих организаций «В защиту прав избирателей «Голос»» на выборах наблюдали около 3000 человек[5].

Социально значимая роль гражданского активизма на парламентских выборах и выборах Президента была отмечена Миссией по наблюдению за выборами ОБСЕ, в докладе которой отмечается, что «несмотря на то, что закон не предусматривает наблюдение за выборами организациями гражданского общества, наблюдатели от таких организаций были размещены на избирательных участках. Положительным является тот факт, что власти не препятствовали этим действиям. Различные группы наблюдателей и кандидаты сотрудничали и объединили свои усилия по мониторингу выборов с целью охватить как можно большую территорию страны и достичь максимальной эффективности»[6].

Трансформация практик гражданского наблюдения на выборах в России связана с тем, что общественные организации, рекрутировавшие наблюдателей, переняли давно известный в мире опыт параллельного подсчета голосов (parallel vote tabulation). Общественным объединением «В защиту прав избирателей «Голос» были реализованы два проекта - «Сводный протокол» и «SMS-ЦИК». В рамках первого собирались итоговые протоколы с результатами голосования на конкретных участковых избирательных комиссиях для дальнейшего их сравнения с опубликованными данными на сайте Центральной избирательной комиссии (ЦИК), во втором - при помощи SMS-сообщений наблюдатели отправляли результаты голосования с того избирательного участка, на котором они находились в день выборов, затем данные в оперативном режиме обрабатывались и обнародовались.

Опыт свидетельствует, что параллельный подсчет голосов и использование SMS-технологий позволяет сделать процесс наблюдения более эффективным благодаря облегченной форме сбора данных, отсутствию логистических барьеров при передаче информации, возможности сравнить официальные результаты с результатами от наблюдателей и тем самым оперативно обнаруживать и предавать гласности все выявленные нарушения.

---

[5] См., в частности: Всем смотреть. Никогда на выборах не было столько наблюдателей [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rg.ru/2012/03/04/nabludateli-site.html

[6] Российская Федерация, выборы Президента 4 марта 2012 г. Итоговый отчет Миссии по наблюдению за выборами ОБСЕ/БДИПЧ. Варшава, 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.osce.org/ru/odihr/elections/90462

В последние годы среди наблюдателей начал развиваться новый вид активности, называемый «электоральным туризмом». Его суть состоит в том, что наиболее опытные наблюдатели (чаще всего из крупных городов) приезжают в субъект федерации или муниципалитет, где проводятся выборы, с целью наблюдения в день голосования. Это важно еще и потому, что опытные наблюдатели транслируют свой опыт местным активистам.

Другой новой формой политической активности на выборах в России становится деятельность, нацеленная на включение граждан, имеющих опыт наблюдателей, в состав участковых избирательных комиссий, что дает наблюдателям возможность полноценной реализации своих прав по контролю над ходом избирательного процесса. Это требует повышения их квалификационного уровня, организации обучающих курсов, которые ЦИК вполне мог бы организовывать совместно с общественными организациями. Попытка их проведения была реализована в проекте «Информатика для демократии - 2000+», но эти курсы не были массовыми по числу слушателей, как это требуется с учетом заинтересованности общественных организаций. К сожалению, тесного взаимодействия с ними у ЦИК не было достигнуто, в особенности на региональном уровне. В то же время организациями «Голос» и «Гражданин наблюдатель» были разработаны различные инструкции, справочники, даже «дорожные карты», помогающие наблюдателям ориентироваться в деталях избирательного законодательства. Такие материалы до сих пор находятся в открытом доступе - любой человек, желающий стать наблюдателем, вполне может ими воспользоваться.

Повышение эффективности политического участия на выборах требует совершенствования методики общественного мониторинга проведения избирательной кампании. Необходимо, как представляется, чтобы под общественным контролем находился процесс выдвижения кандидатов, сбор подписей, предвыборная агитация и многое другое. Именно в этих целях следует разрабатывать специальные сервисы для публичного размещения информации о месте и типе конкретного нарушения – например, «Карту нарушений». В некоторых городах так и поступили. Непосредственно в день голосования организациями наблюдателей были созданы горячие телефонные линии, куда можно было сообщать о нарушениях, также была организована деятельность по контролю трансляций голосования и подсчета голосов с веб-камер. Кроме того, действовали специальные мобильные группы наблюдателей, которые в случае серьезных нарушений могли выехать на конкретный избирательный участок. В составе таких мобильных групп находились известные публичные люди, журналисты, юристы, представители партий и кандидатов. Эта активность, однако, носила ограниченный характер. Что касается послевыборной активности, то следует указать на значительное число поданных исков в суд по причине «фальсификации результатов выборов», «отмены результатов выборов», «признания недействительными итогов голосования» и т.д.[7]

Таким образом, практика гражданского наблюдения на выборах в России претерпела значительные изменения в ходе последнего электорального цикла 2011-2012 гг. Ранее она носила более формализованный и незначительный по объему характер. Во-первых, если раньше наблюдателями становились люди, действительно являющиеся членами или сторонниками политических партий, то сейчас организованное движение наблюдателей создало такие неформальные правила, где при том же законодательстве у обычного наблюдателя нет необходимости даже взаимодействовать с политическими партиями. Созданные общественные организации типа «Гражданин наблюдатель», «Лига избирателей» или «РосВыборы» в лице своих организаторов сумели выстроить партнерские отношения с политическими партиями, которые выступают теперь в роли источника предоставления законодательно установленных направлений для наблюдения на выборах. Во-вторых, репертуар действий возникшего спонтанно «движения наблюдателей» пополнился новыми формами гражданской самоорганизации - например, описанным выше электоральным туризмом и деятельностью по включению граждан в состав участковых избирательных комиссий. В-третьих, наблюдение перестало быть краткосрочным. Гражданские наблюдатели разработали и применили новые механизмы интегрального мониторинга, источником финансирования которого выступают собранные

---

[7] Скокова Ю.А. Трансформация практики гражданского наблюдения на выборах в России // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. №2.

через Интернет денежные пожертвования. Такая стремительная трансформация практики гражданского наблюдения на выборах свидетельствует о том, что при определенных условиях потенциал самоорганизации населения для защиты собственных прав и интересов может иметь успешное и массовое воплощение.

Это возможно обеспечить, по нашему мнению, при том условии, что основными направлениями совершенствования избирательных технологий прозрачности политических выборов в современной России станут активное внедрение процедуры праймериз; усиление контроля над финансовыми потоками политических партий; обязательное использование для голосования прозрачных урн и систем видеонаблюдения; открытый порядок формировании участковых избирательных комиссий и наблюдателей; дальнейшее совершенствование системы «ГАС Выборы»; реализация таких новых технологий политических выборов, как электронное голосование или голосование через Интернет.

В последнее время гражданские наблюдатели разработали и применили новые механизмы интегрального мониторинга, источником финансирования которого выступают собранные через Интернет денежные пожертвования. Такая трансформация практики гражданского наблюдения на выборах свидетельствует о высоком потенциале самоорганизации населения для защиты собственных прав и интересов, что требует от власти более эффективного избирательного законодательства, повышения уровня транспарентности избирательного процесса, расширения диалогичных отношений с институтами гражданского общества. Эти и иные меры будут только способствовать повышению электоральной активности в обществе, значительной активизации политического участия граждан.

PUBLIC MONITORING OF ELECTORAL PROCESS IN RUSSIA AS A CONDITION OF EFFICIENCY OF RESULTS OF ELECTORAL PARTICIPATION OF CITIZENS

T.S. BOLKHOVITINA

Bryansk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

e-mail: info@bfrane.brk.ru

The article describes the features of information lobbying as political information technology, gives a comprehensive analysis of the forms, methods and strategies of information lobbying and provides practical recommendation on the informational support of the institutionalization of lobbying in the post-Soviet states.

Keywords: lobbying, information lobbying, information and technology policy, the institutionalization of lobbying.

УДК 32.019.5(497.11):(470+571)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ: К ПРОБЛЕМЕ ИМИДЖА РОССИИ И ЕГО РОЛИ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЕЁ ИНТЕРЕСОВ ЗА РУБЕЖОМ (НА ПРИМЕРЕ СЕРБИИ)*

С.М. АТЛАГИЧ

Белградский государственный университет, Республика Сербия

e-mail: sinisa.atlagic@fpn.bg.ac.rs

Автор рассматривает имидж с точки зрения политики, как потенциальное средство реализации интересов политического субъекта, и формулирует проблему недостаточного использования Россией своего устойчивого позитивного имиджа в Сербии для реализации своих интересов в этой стране.

Ключевые слова: политическая коммуникация, ценности, имидж, Сербия, Россия.

Политическая коммуникация представляет собой основу инфраструктуры политического процесса. Политическая коммуникация базируется на доминантных общественных ценностях, выступающих в виде неких предпочтений. Такая «предпочтительность», которая, как мы считаем, занимает центральное место в многочисленных определениях ценности, в индивидуальном плане проявляется в форме когнитивной характеристики, а также сильного эмоционального переживания, которое сопутствует осознанию добра, важности, необходимости, полезности, справедливости и красоты. В ходе истории в целях выживания общественных групп, социума и индивида идея предпочтительности в контексте каждой конкретной ситуации формулировалась в форме выражения групповой и индивидуальной заинтересованности в определенной форме поведения и субъективного восприятия[1].

В соответствии с задачами нашего исследования мы считаем важным подчеркнуть то, что предпочтительность способствует развитию коммуникативного взаимодействия и социализации индивида внутри соответствующей общественной группы, а также формированию интерпретационной призмы его восприятия и механизма оценки действительности с последующим формированием отношения к явлениям и событиям. Ценности, или иначе лежащие в их основе представления о предпочтительном, помимо всего прочего, помогают индивиду легче адаптироваться к социальной действительности и усвоить представление о реальности, т. е. имидже, включая представление о самом себе и своей группе, а также представления о других социальных группах и их членах.

Имидж является одним из ключевых феноменов современной политической коммуникации и кроме ценностей сопряжен с ещё одним аспектом общественного сознания – общественным мнением. Общественное мнение находиться на «периферии» общественного сознания и подвержено значительным изменениям в отличие от ценностей, основы которых занимают центральное место и которые представляют собой весьма стабильную составляющую общественного сознания. Целью данной работы является поиск ответа на вопрос о том, каков имидж России за рубежом и какое представление о России преобладает в иностранных СМИ. Но для этого, прежде всего, нам необходимо рассмотреть трактовку понятия имиджа в науке.

Данное понятие рассматривается в философии, индивидуальной и социальной психологии, в исследованиях коммуникаций и общественного мнения. Мы можем встретить множество определений: некоторые из них носят общий характер – так, например, по У. Липману (1922 г.) имидж представляет собой «картину мира политики», которую

---

*Статья является расширенным докладом «Политическая коммуникация и политическое самосознание», представленным автором на пленарном заседании X Международной научной конференции «Проблемы российского самосознания: патриотизм, гражданственность и отечественная культура», проходившей в г. Белгороде (Россия) 8-10 октября 2013 г. Статья подготовлена на основе исследований, проводившихся в рамках работы над проектом «Политическое самосознание Сербии в региональном и глобальном контексте» (регистрационный номер 179076), который был реализован на базе Факультета политических наук Белградского государственного университета при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Сербия.

[1]Pantić Dragomir&Pavlović Zoran. Javnomnenje: Koncepti komparativna istraživanja. Beograd. 2007. C. 51.

индивид или избиратель «держит в голове»[2]. По В. Скотчу имидж – это «совокупность атрибутов, которые индивид распознает или представляет себе, когда думает об объекте»[3],в тоже время Д. Ним, который специализируется на политическом маркетинге, говорит о том, что имидж — это «концепция качества, с которой люди ассоциируют некий предмет, продукт или персону»[4]. Мы считаем, что термины «образ» и «представление» в полной мере отражают содержание исследуемого понятия, и согласны со З. Славуевичем, который утверждает, что образ или представление об определенном объекте, каким бы общим оно не было, в тоже время может быть регламентированным, структурированным, многогранным и диффузным[5]. Тем не менее, речь идет об образе, который не охватывает все характеристики объекта, а лишь те, которые отвечают интересам субъекта имиджа. В этом случае, несмотря на отсутствие целостности, мы все же можем говорить о том, что имидж является общим представлением, т. к. выбранные аспекты объекта выступают в качестве его базовых характеристик, т. е. «генеральной квалификацией».
Субъекты политики повсеместно, в том числе, в сфере международных отношений, осуществляют коммуникации, используя имидж, т. е. оперируя представлением о явлениях, событиях и других субъектах, их стратегии нацелены на создание необходимого имиджа. Наличие image-construction (конструирование имиджа) у определенной страны на мировой арене, также как и image-building (создание репутации) у политической партии, лидера или какого-либо другого политического субъекта, подразумевают формирование и распространение определенного видения о целях данной страны, её деятельности, лидерах и т.д. При этом главной задачей при формировании имиджа не является удовлетворение элементарного любопытства общественности в других странах путем предоставления неких объективных данных. Речь идет, прежде всего, о некой «картине», в которую заложены определенные интересы страны – носительницы имиджа – с эксплицитной (прямой) и имплицитной (косвенной) структурой интересов и основанной на них интенцией (неким вектором движения), с выраженным акцентом на формирование у людей желания внести свой вклад в реализацию интересов этой страны и возможность реализации этих интересов[6].

Наличие имиджа у определенной страны на мировой арене, подразумевают формирование и распространение определенного видения о целях данной страны, её деятельности, лидерах и т.д. При этом главной задачей при формировании имиджа не является удовлетворение элементарного любопытства общественности в других странах путем предоставления неких объективных данных. Речь идет, прежде всего, о «картине», в которую заложены определенные интересы страны – носительницы имиджа, образе страны, побуждающем реализовывать интересы этой страны. Именно об этом говорит М. Батлер (M. Butler), бывший Постоянный представитель Великобритании при Европейском союзе, когда дает определение официальной дипломатии, с помощью которой на современной международной арене и глобальном информационной сообществе осуществляется применение т. н. «мягкой силы». Официальную дипломатию М. Батлер определяет как деятельность, основной целью которой является «такое воздействие на мнение в целевых странах, которое способствует достижению целей британского правительства, компаний и других британских организаций в данных странах», добавляя при этом, что «общий имидж Британии в целевых странах очень важен», но сущность официальной дипломатии не сводится только лишь к «фактору убеждения»[7].

Концепт «мягкой силы» в политическую науку и практику ввел профессор Гарвардского университета и бывший сотрудник Пентагона Дж. Най. Он считает, что в отличие от «жесткой силы», которая в международной политике служит для принуждения субъекта посредством военной силы или экономических мер воздействия сделать что-то против своей воли, «мягкая сила» обуславливает способность страны с помощью популяризации сво-

[2]LippmanW. Public Opinion. New York, 1922.
[3]Scott W. Psychological and Social Correlates of International Images. New York, 1965. P. 72.
[4]Nimmo Dan. Political Persuaders. New Jersey, 1970. P. 144.
[5]Slavujević Zoran. Političko komuniciranje, politička propaganda, politički marketing. Beograd, 2009. C.97.
[6]Там же. С.178.
[7]Leonard Mark. Public Diplomacy. London, 2002.P.1.

их политических и культурных ценностей склонить на свою сторону[8].

Если бы мы попытались провести параллель между маркетинговой деятельностью некоторой политической партии или кандидата в ходе предвыборной кампании и официальной дипломатической деятельностью определенной страны за рубежом, мы пришли бы к следующему выводу: конкретный кандидат или партия не получает никакой политической выгоды от того, что в ходе кампании у граждан сформировалось высокое мнение о них: их считают достойными уважения, ответственными и т. д. – если их не поддержат в сам день голосования, т. е. если избиратели не пойдут на выборы и не проголосуют за них. Также и отдельная страна не получает выгоды от продвижения своего имиджа за рубежом, если представители иностранной общественности не будут воздействовать на своих политических лидеров для поддержки данной страны в её международных мероприятиях, не примут решения делать капитальные вложения в данную страну, не станут покупать товары фирм из данной страны, не посетят её как туристы, не решат учиться в ней или отправить для обучения в университеты этой страны своих детей и т. д. Это те интересы, в осуществлении которых позитивный имидж может способствовать в большей или меньшей степени.

Мы можем говорить о том, что в настоящее время Россия на международной арене не располагает таким имиджем, который, выражаясь словами М. Батлера, мог бы в значительной мере способствовать реализации целей её правительства, компаний и других организаций. Мнение автора данной работы, который представляет Сербию, и большинство граждан которой положительно воспринимают русских и Россию, разделяют и исследователи из самой России. Так, И.А. Василенко, занимающаяся вопросами стратегии создания позитивного имиджа России за границей, считает, что между тем, что русские и Россия в действительности представляют собой в настоящее время и тем, как это воспринимают за границей, существует «трагический разрыв». Данный автор полагает, что современная Россия значительно уступает в этом вопросе СССР, который «в свое время был способен создать достойный образ страны и национальной культуры»[9].

Большинство сербов имеет позитивное представление о России и русских, однако это позитивное восприятие не сопровождается значительным политическим, экономическим, культурным и информационным влиянием, или, по крайней мере, влияние России в Сербии уступает влиянию многих европейских стран. Сделаем попытку разобраться, какие же элементы общественного сознания обусловили у большинства представителей сербского народа формирование и сохранение позитивного имиджа России, и почему отсутствует мотивация к поддержке реализации российских целей в практическом плане.

По результатам опроса общественного мнения в конце 2011 г. более 80% граждан Сербии считали Россию дружественной страной. Вступление Сербии в ЕС в тот момент поддерживало 47,40 % опрошенных, дружественной организацией ЕС считало всего 27,7 0%, а 42,10 % даже называло враждебной[10]. Однако результаты выборов в Сербии в мае 2012 г. показали, что партии, которые открыто говорили о необходимости установления более тесных политических и экономических связей с Россией в отдельности набрали не более 10 % голосов от общего количества участвовавших в голосовании (например, Демократическая партия Сербии) или даже не перешли порогового минимума (например, Сербская радикальная партия), в то время как партии, чьи предвыборные программы, помимо всего прочего, включали пункт о евроинтеграции Сербии, получили значительно большее количество голосов. Здесь однозначно можно говорить об уверенности избирателей в неспособности определенной партии или лидера реализовать намеченную политику, о недостаточной информированности в вопросах, затрагивавшихся в предвыборных кампаниях, о недопонимании или просто о том, что среди мотивов принятия решений избирателями доминировал т.н. «голос кошелька» и на первый план вышла рациональная компонента. Можно говорить о том, что имели место все перечисленные

---

[8]Nye Joseph. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York, 1990.

[9]Василенко И. А. Современная российская политика. М., 2014. С. 404.

[10]НОВА СРПСКА ПОЛИТИЧКА МИСАО. Часопис за политичку теориjу и друштвена истраживанья. Теренско истраживање. 1-10 октобар 2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nspm.rs/istrazivanja-javnog-mnjenja/srbija-jesen-2011.html

причины. Два года спустя, в конце 2013 г., та же самая группа исследователей пришла к выводу об увеличении числа сторонников вступления Сербии в ЕС (53,70 %). На совершенно общий и неопределенный вопрос «Поддерживаете ли Вы союз Сербии и России?» положительно ответило 67 % опрошенных. Больше половины респондентов (53 %) считают, что Россия должна увеличить свое влияние на культурную жизнь страны, 60 % считают, что строительство газопровода «Южный поток» будет способствовать экономическому росту Сербии, а Владимир Путин абсолютно превосходит по популярности в стране других иностранных политиков[11]. Более 16 % опрошенных считают, что Сербия должна стать членом НАТО, а 71 % выступает против этой идеи. Через несколько месяцев в начале 2014 г. другое представительное агентство по исследованию общественного мнения в Сербии представило результаты анкетного опроса, в соответствии с которыми на конкретный вопрос «Должна ли Сербия интенсифицировать сотрудничество с Евразийской организацией экономического сотрудничества, которую возглавляет Россия?» только пятая часть опрошенных дала положительный ответ, а более половины ответило отрицательно. Почти четверть респондентов дает положительный ответ, однако при условии сотрудничеством и с ЕС[12]. Мнение аналитиков по этому поводу таково, что когда речь идет о Евразийской организации экономического сотрудничества (ЕОЭС), граждане Сербии просто не представляют, о чем собственно идет речь и если бы Россия, по отношению к которой распространено позитивное мнение и доверие, не упоминалась в качестве лидера этой организации, то количество положительных ответов было бы ещё меньше. Очевидно, что сербы недостаточно информированы о целях ЕОЭС.

Уже с начала XVIII века общее восприятие России в Сербии в большой мере зависело от политических отношений двух стран. Данная тенденция сохранилась в период существования СССР и двух государств, членом которых была Сербия – Королевство сербов, хорватов и словенцев (чье название было позднее изменено на Королевство Югославия), а затем Социалистическая Югославия. До начала этого трехсотлетнего политического партнерства преобладающее мнение о России у сербов базировалось на религиозной идее восприятия Москвы как третьего Рима. В течение XVIII века, когда Петр Великий установил дипломатические связи с сербами, и когда большое количество сербов эмигрировало из Гамбургской монархии в Россию, на Балканах Россию воспринимали как защитницу православия. Можно говорить о том, что военная, политическая, финансовая и просветительская поддержка Россией православных сербов в борьбе за освобождение от Турции, а также культурная и духовная близость двух народов и сегодня остаются основой симпатии сербов к русским и России. Это, по нашему мнению, является фундаментом русофилии у подавляющего большинства сербов и имиджа России как «защитницы», «старшей сестры», «спасителя Сербии, сербов и православного духа» и т. д. Первое значительное разногласие во взаимоотношениях двух стран произошло в 1878 г. после подписания Соглашения в Сан-Стефано, когда Россия свои предпочтения на Балканах переориентировала на Болгарию, оставив Сербию под австро-венгерским влиянием. Эту, по мнению сербов, ошибку, исправил император Николай II, предоставив сербам бескорыстную помощь в Первой мировой войне. Отношения перешли в фазу натянутых в 1948 г. из-за противоречий по линии Сталин-Тито. В конце 90-х годов сербы ожидали большую помощь со стороны России во время агрессии НАТО против Сербии и сербов в Боснии и Герцеговине. Сегодня отношения двух стран, по крайней мере, по заявлениям официальных лиц, лучше, чем когда-либо. Президенты В. Путин и Т. Николич подписали в 2013 г. Декларацию о стратегическом партнерстве, в которой особое внимание уделяется усилению связей в сфере экономики. Россия поддерживает Сербию в борьбе за Косово. Между тем Сербия решила свою политическую судьбу связать с ЕС. Россия этому, по крайней мере, официально не противилась.

Объем инвестиций из России в Сербию постоянно увеличивается, особенно после начала строительства Южного потока, но они все ещё даже отдаленно не приближаются к размеру инвестиций с Запада. Изучение русского языка в Сербии несравнимо менее

[11]"Južni tok" isrpsko-ruski odnosi iz ugla srpskog javnog mnjenja// Medija Centar. Beograd [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mc.rs/juzni-tok-i-srpsko-ruski-odnosi-iz-ugla-srpskog-javnog-mnjenja.4.html?eventId=9211

[12]Дневни лист. Политика. 2014.3. 1.

распространено, чем изучение английского или других западных языков. Среди продуктов массовой культуры — фильмы, сериалы и т. д. – российские продукты практически не представлены. Устойчивый позитивный имидж, очевидно, не используется в целях достижения русских экономических и политических целей в Сербии в той степени, в которой этого ожидают россияне и пророссийски настроенные сербы, что признает в своем заявлении и министр иностранных дел России Сергей Лавров. Шеф русской дипломатии считает, что отношения Сербии и России не могут быть охарактеризованы иначе как «очень хорошие», они даже, по его словам, достигли степени стратегического партнерства, но очевидно, что достигнутый высокий уровень всё ещё не соответствует в полной мере потребностям и возможностям двух стран[13]. Любомир Попович, величайший из живых сербских художников, данное положение дел сумел описать в двух предложениях: «Русские — наши братья, родственные души, их культурная традиция находиться на самом высоком уровне. Однако у сербов возникают иные цели и потребности в процессе интеграции с т. н. Западом»[14]. В чем же заключается проблема?

Мы считаем, что причиной такого положения вещей составляет кризис идентичности, который достиг в Сербии и России апофеоза в 90-е годы. Все то, что явилось основными последствиями этого, проявилось и проявляется в сербской действительности до сих пор (отсутствие системы ценностей, целей и программы страны, противоречие интересов политической и экономической элиты, нестабильность национальной административной системы, дисбаланс уровня квалификации, образования и доходов и несоответствие уровня доходов людей их социальному статусу, а также высокий уровень коррупции). Сербы, зная о горьком опыте периода после распада СССР, проецируют это на Россию и проводят параллель, пребывая в уверенности о схожести с ситуаций в Сербии. Сербы, недовольные уровнем социально-экономического развития, результатами демократизации политической системы и проводимыми реформами, чувствуют симпатию по отношению к политике «твердой руки»; именно поэтому президент России пользуется исключительной популярностью в Сербии. В тоже время сербы тяготеют к западному стандарту жизни и болезненно воспринимают тот факт, что государство не в состоянии полностью принять на себя ответственность за повышение уровня жизни населения страны. Они предполагают, что в России наблюдается схожая ситуация, и что русские размышляют таким же образом. Мы полагаем, что именно поэтому устойчивый позитивный политический имидж не является достаточным условием того, чтобы сербская общественность и отдельные сербы в политическом и экономическом значении «повернули» в сторону «России-матушки». Сербы ждут «побед» России на внутреннем, прежде всего, экономическом фронте и роста экономического благосостояния индивида - тогда российский стандарт жизни мог бы стать для них привлекательным.

Данная проблема также усугубляется тем, что младшее поколение в Сербии знает о России гораздо меньше, чем старшее. Очевидно, что это является последствием того, что, по словам И.А. Василенко, «…созданная в СССР достаточно разветвленная система внешнеполитической информации и пропаганды была почти полностью демонтирована в 1990-е гг.»[15]. Мы согласны с И. А. Василенко и в части её замечания о том, что «в последние годы предпринимаются определенные шаги, чтобы исправить существующее положение»[16]. Мы можем говорить о том, что в Сербии заметны эти перемены, но объем данной работы не позволяет провести детальный анализ форм и средств продвижения имиджа России. С точки зрения иностранца, позитивным моментом в продвижении имиджа современной России за рубежом является то, что в отличие от СССР, она свою политическую идентичность базирует на основе реально существующих элементов, а также то, что она отдает себе отчет в эквивалентности идентичности и имиджа. В ретроспективе мнений современных теоретиков и практиков именно отсутствие эквивалентности явилось серьезным упущением социализма. Так, Н. Кал из университета Южной Калифорнии считает, что огромные советские инвестиции в создание культурного имиджа страны были эффективны лишь в среднесрочной перспективе и только в странах с развивающейся экономикой. По мнению

[13]Дневни лист. Блиц. 2014. 2. 2.
[14]Дневни лист. Политика. 2014.5. 1.
[15]Василенко И. А. Указ. соч. С. 404.
[16]Там же. С. 405.

данного автора, инвестиции в культурный имидж советского общества не могли компенсировать политические репрессии и экономическую слабость, которая достигла критического уровня в 80-е годы[17]. Не подвергая сомнению утверждение о том, что значение социализма преувеличивалось и что в определенный момент социалистический проект перестал быть способом достижения высших целей, таких как истинное благосостояние и самореализация человека, а стал самоцелью, тем не менее, мы не можем забыть о том, что имидж объекта в политике формируется не только в соответствии с намерениями его создателей, но и под воздействием контрпропаганды. Так в наибольшей степени разрушительно воздействовала на носителей идеи социализма контрпропаганда из той части света, которую, по мнению автора, мы все можем точно назвать.

POLITICAL COMMUNICATION: ON THE PROBLEM OF RUSSIA'S IMAGE AND ITS ROLE IN THE PROCESS OF REALIZATION OF RUSSIA'S INTERNATIONAL INTERESTS (ON THE EXAMPLE OF SERBIA)

S.M. ATLAGICH

Belgrade State University, Republic of Serbia

e-mail: sinisa.atlagic@fpn.bg.ac.rs

The author of the text sees political image as a means that can contribute to a political subject to achieve its goals and tries to explain why Russia does not get advantage of its generally positive image in Serbia to achieve its goals in full.

Key words: political communication, values, image, Serbia, Russia.

[17]Cull N. J. Public Diplomacy: Lessons from the Past. Los Angeles, 2009. P.44.

УДК [32.019.5:327.5] (477)

КРИЗИС ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УКРАИНСКИХ ГРАЖДАН: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н.П. ПАШИНА

Луганский национальный аграрный университет, Украина

e-mail: npash@mail.ru

Рассматриваются внутренние и внешние факторы объективного и субъективного характера формирования внешнеполитической идентичности украинских граждан. На основе статистического материала показана сущность конфликтов политических идентичностей украинцев, их противоречивость и амбивалентность. Делается вывод, что отсутствие консолидированной политической идентичности в государстве является серьезной угрозой в осуществлении демократических реформ, продвижения национальных интересов Украины в международных отношениях, сохранения территориальной целостности.

Ключевые слова: политическая идентичность, политическая идентификация, кризис политической идентичности, консолидированная политическая идентичность, внешнеполитическая идентичность.

В начале XXI века перед Украиной остро стоит вопрос цивилизационного самоопределения и выбора стратегического партнерства. Уровень интеграции украинского общества будет значительно влиять на её конкурентоспособность в эпоху глобализации. В то же время, разноплановые внутриполитические и международные акторы способствуют тенденциям дезинтеграции и препятствуют консолидации украинского общества. Набирают силу и активно утверждаются, в том числе при помощи политической элиты, региональные идентификационные модели, усиливается акцент локальных социокультурных различий, социально-классового противостояния. Отсутствие общего интеграла политической идентичности украинских граждан является серьезной угрозой в осуществлении демократических реформ и продвижения национальных интересов Украины в международных отношениях.

Основой формирования коллективной общегосударственной идентичности являются общие представления граждан относительно основных целей социально-экономического и политического развития государства. Однако общественная практика периода Независимости показывает, что в украинском обществе отсутствует единство взглядов на проблемы внутреннего и внешнеполитического курса развития Украины. В общественном сознании и в украинской политике накоплен целый ряд противоречий, которые не только не разрешаются взвешенной политикой государства и другими политическими институтами, но и культивируются определёнными политиками и партиями.

Особенно ярко противоречия политических идентичностей проявляются во внешнеполитических ориентациях украинцев. Причинами отсутствия консолидации украинцев во внешнеполитической сфере являются этнокультурные, языковые различия украинских регионов, конфессиональные особенности, исторические и современные политические стереотипы, противоречивая политика государства, неопределенность внешнеполитических ориентаций политических партий и элит. В то же время, выбор геополитического интеграционного вектора Украины в значительной степени будет определяться общественной поддержкой украинских граждан на основе их внешнеполитической идентичности.

Таким образом, обращение украинских исследователей к проблематике политической идентичности обусловлено практикой общественно-политического развития. События в Украине в конце 2013 года и в начале 2014 года в связи с отсрочкой подписания Украиной Соглашения об ассоциации с Европейским Союзом и ситуация с Крымом показали, что проблема консолидации украинского общества относительно внешнеполитического курса государства является не только актуальной для политической науки, но и одной из наиболее сложно разрешимых задач украинской политики в целом.

Наиболее острые дискуссии в украинском политикуме и научной мысли вызывают проблемы относительно евроинтеграции, вступления Украины в НАТО, участия в Таможенном союзе с Россией, Белоруссией и Казахстаном, создания единого восточнославянского государства в составе Украины, России и Белоруссии.

Основной геополитической дилеммой, стоящей перед украинским обществом, является вступление в Евросоюз или Таможенный союз. Сложность проблемы во многом определяется спецификой геополитического поля Украины, её принадлежностью одновременно к Европе и к Евразии. Украина является объектом интересов конкурирующих геополитических субъектов, прежде всего России, США и Евросоюза. Соблюдение в течение длительного периода доктрины «многовекторности» и неоднозначные действия во внешней политике украинского государства сохраняли и укрепляли в общественном мнении разногласия и противоречия геополитических симпатий и предпочтений. Смена правящей элиты сопровождалась заменой геополитических ориентиров, которые не воспринимались населением Украины как долгосрочные.

Это привело к тому, что и сегодня официальный курс евроинтеграции, осуществляющийся украинским государством, неоднозначно воспринимается украинскими гражданами. Социологические исследования, проведенные Центром Разумкова, в апреле 2013 года показали, что в целом, среди украинцев преобладает позитивное отношение к вступлению Украины в ЕС – его поддерживает относительное большинство (46%) опрошенных, не поддерживают – 36%; не определились – 18,4%[1].

Еще более оптимистичны подсчеты социологической группы «Рейтинг», согласно которым 50% опрошенных украинцев поддерживают присоединение к ЕС, не поддерживают – 37%, еще 13% – не определились[2].

Более спорным является отношение украинцев к вступлению в Таможенный союз: доли тех, кто поддерживает вступление, и тех, кто его не поддерживает, статистически значительно не различаются – 40% и 39% соответственно.

В случае выбора из трех вариантов – вступление Украины в ЕС / в Таможенный союз / неприсоединения к одному из них – 42% определились за вступление в ЕС, 33% – в Таможенный союз, 12% – поддержали идею неприсоединения.

Сторонники вступления в ЕС и сторонники вступления в Таможенный союз заметно различаются по социально-демографическим и социальным характеристикам. Исследования зафиксировали, что вступление Украины в ЕС чаще поддерживают жители Запада и Центра страны, украиноязычные граждане, представители младшей и средней возрастных групп, люди с высоким уровнем образования и материального благосостояния. Наибольшими сторонниками ЕС являются представители социально-профессиональных групп с высоким образовательным уровнем (специалисты, предприниматели, студенты – в этих группах вступление в ЕС поддерживают 57-68% опрошенных)[3].

За вступление в Таможенный союз чаще высказываются жители Юга и Востока Украины, русскоязычные граждане, респонденты старшего возраста, люди с низкими уровнями образования и благосостояния, представители электората Партии регионов или КПУ. Чаще поддерживают вступление Украины в Таможенный союз пенсионеры (48%) и рабочие (43%).

Анализ внешнеполитических ориентаций групп респондентов, работающих в различных отраслях экономики, показал, что более всего доля сторонников Таможенного союза превосходит долю его противников в промышленности (47% и 32% соответственно). По мнению исследователей, это связано с ориентированностью многих украинских промышленных предприятий на российский рынок. Во всех других отраслях преобладают сторонники евроинтеграции[4].

---

[1] Європейська інтеграціяУкраїни: внутрішні чинники та зовнішні впливи // Національна безпека і оборона. 2013. № 4-5. С.104.

[2] См. На перепутье или Интеграционные ребусы. Социологическое исследование 11.04.2013 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.info@ratinggroup.com.ua

[3] Європейська інтеграція України: внутрішні чинники та зовнішні впливи. С. 104.

[4] Там же.

Социологи также отмечали, что в 2013 году, по сравнению с 2010-2012 годами, наблюдалась тенденции роста сторонников как первого варианта интеграции, так и второго, сокращалось количество «неопределившихся» в этом вопросе: с 27% до 20%.

Традиционно Запад, Север и Центр Украины больше поддерживают Соглашение с Евросоюзом. Донбасс, Юг и Восток – вступление в Таможенный союз. При этом Восток и Центр остаются «переходными» регионами, где не наблюдается большого преимущества сторонников одного интеграционного вектора, над другим. Здесь же наибольшее количество тех, кто одновременно поддерживает оба интеграционных вектора.

Молодежь, люди с высшим образованием традиционно больше поддерживают подписание Соглашения об ассоциации и зоны свободной торговли с ЕС, старшие – вступление в Таможенный союз[5].

Наиболее сильными мотивациями вступления в Евросоюз респонденты называют экономические причины, а также социальные перспективы и изменения, которые должны произойти в Украине после вступления в ЕС, в том числе повышение уровня и качества жизни, свободное перемещение для украинцев в странах Евросоюза и др.

По мнению украинского политолога В. Фисенко, в определенной степени идеализированное отношение части наших граждан к евроинтеграции чем-то напоминает завышенные социальные ожидания от независимости Украины в начале 1990-х годов[6].

Основными причинами негативного отношения к вступлению в ЕС украинцы называют большую культурно-ментальную разницу со странами ЕС, боязнь неравноправия и неопределенность будущего Евросоюза.

Главными мотивами вступления в Таможенный союз респонденты определили культурную и ментальную близость людей, проживающих в странах Таможенного союза, экономическую выгоду (в том числе дешевые энергоресурсы) и стабильность. Аргументами против Таможенного союза называют доминирование России и угрозу потери Украиной независимости, а также «отсталость и бесперспективность» этого союза[7].

Ответы респондентов также показывают, что большое значение в определении геополитического вектора идентичности имеет опыт проживания или посещения стран ЕС или Таможенного союза, наличие в этих государствах друзей или родственников. Исследования подтверждают, что личный опыт посещения стран Евросоюза имеют жители Западных областей Украины, Таможенного Союза – жители Восточных и Южных[8].

В целом, 44% респондентов оценивают собственный уровень осведомленности и о ЕС, и о Таможенном союзе как низкий; как средний – 39% (по отношению к ЕС) и 38% (относительно Таможенного союза); как высокий – только 5% и 4% соответственно[9].

Таким образом, для обыкновенного украинца, не посещающего ЕС или страны Таможенного союза, любая интеграция, по большому счету, это абстракция, содержание которой может наполняться в зависимости от того, в каком регионе он живет, и какие политики и СМИ на него оказывают воздействие.

Опросы показывают, что большинство украинцев (70%) считают, что сначала нужно навести порядок внутри страны, а уже потом присоединяться куда-либо, не согласны с этим тезисом лишь 16%[10].

Значительным фактором объединения общественного мнения относительно геополитических приоритетов является целенаправленная политика власти. В то же время около трети украинцев, согласно опросам 2013 года, считали, что украинская власть, в действительности, не ведет страну ни в ЕС, ни в Таможенный союз (27%), еще 20% – уверены, что власть пытается совмещать оба интеграционных направления, столько же – не смогли ответить на вопрос. И только 22% считали, что власть ведет страну в ЕС, а 10% – что в Таможенный союз[11].

---

[5] См. На перепутье или Интеграционные ребусы…

[6] Фесенко В. Що змінилося за 20 років. // Українська правда. 2011. 15 вересня [Електронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravda.com.ua

[7] Європейська інтеграція України: внутрішні чинники та зовнішні впливи. С. 111.

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] См.: На перепутье или Интеграционные ребусы…

[11] Європейська інтеграція України: внутрішні чинники та зовнішні впливи. С. 107.

Социологическая служба Центра Разумкова 22-28 февраля 2013г. в рамках проекта «Общественное мнение о внешнеполитическом курсе Украины: европейская или евразийская интеграция» провела шесть фокус-групповых дискуссий, касающихся проблем европейской или евразийской интеграции Украины (в Киеве, Донецке, Житомире, Львове, Симферополе, Харькове). Их участниками были представители разных категорий населения, которые интересуются политической и социально-экономического жизнью страны[12].

Анализ дискуссий показал, что приверженность тому или иному вектору внешнеполитической интеграции основывается на отсутствии веры в способность Украины самостоятельно решать свои социальные, экономические, политические проблемы. Исследователи также отмечают пессимизм значительной части участников дискуссий относительно успешности любого направления внешнеполитической интеграции, низкое доверие к политической элите Украины, которая, по их мнению, не заинтересована в позитивных изменениях в рамках международных союзов. В ходе дискуссий также проявились различия позиций жителей разных регионов относительно внешнеполитических ориентаций.

Особенно настораживает факт наличия устойчивых стереотипов у граждан разных регионов Украины по отношению друг к другу. Это проявилось в таких константах, как:

«Западная Украина, в любом случае, всегда будет против вступления Украины в Таможенный союз»;

«а мы всегда будем против ЕС»;

«в любом случае усилятся разногласия между регионами»[13].

По мнению участников дискуссий, ни один из вариантов интеграции не способен устранить эту проблему и объединить страну. Напротив, окончательный выбор одного из вариантов может усилить различия[14].

Таким образом, несмотря на то, что около половины украинцев сделали свой выбор в пользу европейской интеграции, в украинском обществе сохраняется разновекторность геополитических приоритетов, а большая часть украинских граждан не определились в своей геополитической идентичности. Поэтому потенциальной проблемой в Украине (и это подтвердили последние события в Украине) является столкновение двух мифов: европейского и пророссийского.

Коллизией геополитических ориентиров украинцев является их двухвекторность. Большая часть украинских граждан хотят одновременно вступления Украины в союз с Россией и в Европейский союз. Этот феномен фиксируют разные социологические центры. Так, согласно исследованиям Социологической группы «Рейтинг», как минимум четверть опрошенных украинцев в 2012 году, которые поддерживали образование единого государства с Россией и Белоруссией, одновременно поддерживали и присоединение Украины к ЕС[15].

Всего в 2012 году поддерживали образование единого государства в составе Украины, России, Беларуси 41% опрошенных, не поддерживали – 44%, еще 15% – не определились.

Исследования зафиксировали, что образование общего государства с Россией больше всего поддерживали старшее поколение (53%), меньше всего – молодежь (32%), больше в городах, чем в селах.

Так же, как и в вопросах евроинтеграции, наблюдается размежевание взглядов по региональному принципу. Более всего инициативу поддерживают на Юге (64%), Донбассе (57%) и на Востоке (54%) страны. В то же время более половины жителей Центральной и Северной Украины и более 80% Западной не поддерживают образование единого государства в составе Украины, России, Белоруссии[16].

Несмотря на все противоречия во внешнеполитических ориентациях украинцев существуют проблемы, по которым украинское общество проявляет значительную солидарность. Например, в 2012 году лишь 19% опрошенных украинцев поддерживали вступ-

---

[12] Там же.

[13] Європейська інтеграція України: внутрішні чинники та зовнішні впливи. С. 107.

[14] Там же.

[15] Динамика идеологических маркеров. Социологическое исследование 27.12.2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.info@ratinggroup.com.ua

[16] Там же.

ление Украины в НАТО, при этом почти две трети не поддерживали. Более того, по сравнению с 2010 годом (24-26%) наблюдалась тенденция снижения числа граждан, поддерживающих вступление Украины в Североатлантический Альянс.

Ярко выраженной поддержка присоединения Украины к Североатлантическому Альянсу была только на Западе страны (около половины респондентов). Отношение к НАТО среди молодежи несколько лучше, чем среди людей среднего и старшего возраста[17].

Поэтому призывы некоторых украинских политиков, на фоне событий в Крыму, о вступлении Украины в НАТО вызывают бурную негативную реакцию среди жителей Юго-Восточных областей. Это может еще больше усилить противоречия политических идентичностей украинских граждан и обострить гражданское противостояние между регионами.

Данные эмпирических исследований также подтверждают, что поддержка украинцев вступления Украины в Евросоюз и в НАТО значительно зависит от их конфессиональной идентичности. Так, в Западных областях, где доминирует греко-католическая церковь, население исторически ориентировано на западные ценности и традиции, поддерживает вступление Украины в Евросоюз и НАТО. А украинские православные (причем и Московского и Украинского патриархата) ощущают себя частью православной цивилизации, больше склоняются к союзным институциям вместе с Россией и Белоруссией.

По мнению некоторых украинских исследователей, религиозные корни украинской ментальности настолько сильны, что вряд ли просветительские программы о Евросоюзе и НАТО смогут переломить общественное мнение. По мнению М. Шульги, «властные и политические элиты могут пренебречь культурными преференциями граждан Украины, но совсем не факт, что общество примет это спокойно и бесконфликтно»[18].

Отличительные особенности внешнеполитической идентичности украинских граждан проявляются в электоральных предпочтениях. Анализ внешнеполитического блока предвыборных программ партий, которые прошли в Верховную Раду Украины в результате выборов 2012 года, проявил следующие тенденции[19]:

1. Внешнеполитический курс предвыборных программ традиционно был рассчитан на свой электорат в регионах (Партия Регионов, ВО «Батькивщина», КПУ). Наиболее четко свои позиции во внешнеполитической деятельности определяла КПУ. Позиция ВО «Батькивщина», была рассчитана на Центральные и Западные регионы. Партия Регионов пыталась в своей программе объединить все направления внешней политики, в то же время обходила наиболее конфликтный вопрос о Таможенном союзе.

2. ВО «Свобода» задекларировала только один пункт: «Отменить предательские «Харьковские соглашения». По остальным направлениям открыто не определялась в надежде получить какую-то поддержку на Востоке и Юге Украины.

3. Партия «Удар» не зафиксировала в предвыборной программе свои цели во внешней политике, чтобы «не обидеть» электорат в поляризованных регионах.

Наиболее четко украинские партии проявили свои внешнеполитические позиции осенью 2013 года в связи с событиями на Вильнюсском саммите «Восточное партнерство», когда Украина воздержалась от подписания Соглашения об ассоциации с Европейским союзом. Их позиции определились следующим образом: ВО «Батькивщина», ВО «Свобода» и партия «Удар» четко выразили свою проевропейскую позицию и объединили свои усилия в борьбе за европейский вектор внешнеполитического курса Украины. КПУ отстаивает направление, связанное с Таможенным союзом. Партия Регионов пытается лавировать между Западным и Восточным векторами геополитической интеграции. Непримиримая позиция политических партий, отсутствие компромисса внутри политических элит, диалогичности и общественного консенсуса относительно внешнеполитических целей еще более усиливают имеющееся противоречия политических идентичностей украинского общества.

Таким образом, политическую идентичность украинских граждан во внешнеполитическом аспекте можно охарактеризовать как кризисную, которая проявляется в суще-

---

[17] Динамика идеологических маркеров…

[18] Геополітичні орієнтації населення і безпека України. За даними соціологів. К., 2009. С. 56.

[19] Парламент і парламентські вибори в Україні 2012 р.: політична ситуація, суспільні настрої та очікування // Національна безпека і оборона. 2012. №7-8. С. 113.

ственных противоречиях видения геополитического курса Украины, в отношении к стратегическим международным партнерам и международным организациям.

В значительной степени выбор украинскими гражданами своей идентичности является реакцией на социально-экономические и политические условия в стране. Противоречия во внутренней и внешней политике, неопределенность реформ снижают вероятность консолидации граждан по отношению к целям общественного развития, формирования общегосударственной коллективной идентичности украинских граждан.

События в Крыму в марте 2014 года показали, насколько серьезными могут быть последствия отсутствия консолидированной политической идентичности в государстве. Исходя из вышеизложенного, проблема формирования консолидированной политической идентичности в Украине является одной из самых актуальных задач, стоящих перед украинским государством и обществом.

CRISIS OF POLITICAL IDENTITY OF UKRAINIAN CITIZENS: FOREIGN POLICY ASPECT

N.P. PASHINA

Luhansk National Agrarian University, Ukraine

e-mail: npash@mail.ru

Internal and external factors of objective and subjective character of forming foreign policy identity of Ukrainian citizens are considered. The conflict essence of political identities of Ukrainian citizens, their inconsistency and ambivalence have been highlighted on the basis of statistical data. The conclusion has been drawn that a lack of consolidated political identity in the state proves to be a serious threat to realization of democratic reforms, advance of national interests of Ukraine in the international relations, preservation of territorial integrity.

Key words: political identity, political identification, crisis of political identity, consolidated political identity, foreign policy identity.

УДК [323.1; 322](47+57)"1920/1930"

УЧЁТ ПОЛИЭТНИЧНОСТИ СОВЕТСКОГО ПОГРАНИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА В РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1920-30 ГГ.)

Л.Б. КРИСТАЛИНСКИЙ

Национальный институт бизнеса, г. Москва

e-mail: kris-leon@hotmail.com

В статье в ретроспективном плане рассматриваются теоретические основы и политическая практика реализации интересов государственной безопасности в пограничном пространстве. Внимание акцентируется на учёте полиэтничности приграничья как факторе принятия политических решений, формирования специфических методов управления и развития пограничной политики советского государства.

Ключевые слова: государственная безопасность, пограничное пространство, приграничный регион, полиэтничность, этнополитический фактор, пограничная политика.

Трагические для Российской империи события Октябрьской революции 1917 г. привели к тому, что единая держава перестала существовать. Сбылось мрачное воззвание М. А. Бакунина, который, желая «обрушения петровскому государству», предрекал: «Мы же сами подтолкнём его [государство] в пропасть, и воля нам! Воля героической Польше! Воля Белоруссии, Литве, Украйне! Пусть будет Польшею всё, что хочет быть Польшею. Воля Финляндии! Воля Чухонцам и Латышам в Остзейских провинциях!»[1].

Данная идея была установлена В.И. Лениным в качестве одной из целей деятельности, возглавляемой им партии: «... провозглашение и немедленное осуществление полной свободы отделения от России всех наций и народностей, угнетенных царизмом, насильственно присоединенных или насильственно удерживаемых в границах государства»[2]. Реализовавшись на практике, она привела к тому, что «национальные окраины» после революций 1917 г. фактически потеряли скрепляющую систему российского управления.

С самого начала существования советского государства стал проявляться деструктивный этнополитический потенциал приграничья. Множество постреволюционных событий на территории бывшей империи указывает на то, что в пограничных пространствах этническая специфика жителей выступала значимым факторов дестабилизации социально-политической обстановки. Например, архивные данные свидетельствуют: «В марте 1918 г. оппозиционная эмиру Бухары партия младобухарцев попыталась поднять восстание ... Восстание закончилось неудачей и привело к разгрому русских посёлков и российской пограничной стражи, стоявшей вдоль бухаро-афганской границы. ... 12800 русских беженцев ушли в Ташкент...»[3].

Приведённый факт, как и многие другие, иллюстрирует особенную сложность задачи стабилизации политической ситуации в «национальных окраинах». Этническая специфика многих из них детерминировала попытки политического размежевания коренного населения с большевистским режимом. Так, почти год (с марта 1920 г. по февраль 1921 г.) остро стоял вопрос об отделении Карелии от России.

В г. Ухте в марте 1920 г. на съезде крестьян было создано «Временное Карельское правительство». От его имени представителям советской пограничной охраны было вручено требование об отделении Карелии. Активные действия сепаратистов начались осенью 1920 г., когда началось крестьянское восстание. Мятежников поддержали добровольцы из Финляндии. «К концу декабря их отряды, насчитывавшие от пяти до семи ты-

[1] Бакунин М.А. Народное дело // Бакунин М. Избранные сочинения. Том III. Федерализм, социализм и антитеологизм. Петербург-Москва, 1920. С. 86.

[2] Ленин В.И. Задачи пролетариата в нашей революции (проект платформы пролетарской партии) / Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Т. 31. М., 1969. С. 167.

[3] Российский Государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 122. Оп. 1. Д. 268. Л. 95,123.

сяч человек, заняли районы Ухты, Кокосальмы, Ругозера, Сегозера и ряд других»[4]. В организации действий восставших значительную роль играл созданный 10 октября 1920 г. в Гельсинфорсе «Карельский союз». Подавить восстание частям Красной Армии удалось только в феврале 1921 г.

Вместе с тем, большинство «национальных окраин» сохранили сложившееся в течение длительного времени тяготение к прежде имперскому центру. Спустя пять лет, образовалось новое государство (СССР) с составом территорий почти тождественным Российской империи. Пограничное пространство Советского Союза при этом во многом было эквивалентно приграничью дореволюционной державы.

Закономерно, что обновление политической системы детерминировало модернизацию всего спектра отношений в сфере государственной безопасности, включая пересмотр её содержания, механизмов обеспечения, специфики проявления на различных территориях страны, в том числе в пограничном пространстве. Естественна и трансформация национальной политики, которая в условиях построения принципиально новой государственной системы стала одним из инструментов реализации властных установок новых руководителей державы.

Теоретические основы советской политической практики реализации интересов государственной безопасности в полиэтничном пограничном пространстве. Теоретической базой формирования советской этнополитики стали труды основоположников коммунизма, мыслителей, развивших указанную теорию, и приверженцев близких идеологических доктрин. Среди таковых следует рассматривать наследие К. Маркса, Ф. Энгельса, М.А. Бакунина, В.И. Ленина, И.В. Сталина и др.

Основные задачи рабочего класса В. И. Ленин обозначил в статье «О праве наций на самоопределение»[5]. Они впоследствии, судя по национальной политике советского государства, выполнялись буквально, в том числе и в интересах государственной безопасности. «Двусторонняя задача» борьбы «со всяким национализмом» тщательно осуществлялась в отношении «национализма великорусского» (в соответствии с акцентом в статье на внимание к нему «в первую голову»). Особенно явственно его искоренение наблюдалось в приграничных территориях, так как преимущественно они были «национальными окраинами» прежней империи. Так историк В.Ф. Нэх отмечает, что в решениях партийного руководства страны определённо прослеживается не только стремление «сделать более посильными темпы социалистических преобразований для пограничных национальных районов», но нередко и осуществить их «за счёт русского населения окраин»[6].

В теоретическом обосновании механизмов построения советского государства заметную роль играли и труды И.В. Сталина. Он достаточно жёстко выдвигал положение о недопустимости национальной доминанты над классовой, поскольку национальные интересы и требования «достойны внимания лишь настолько, насколько они двигают вперёд или могут двинуть вперёд классовое самосознание пролетариата, его классовое развитие»[7]. Следовательно, преобладание национального самосознания над классовым может привести к объединению на этнической основе антагонистических буржуазии и пролетариата. В этом случае последний не в состоянии одержать победу.

В императивах советской этнополитики и политики обеспечения государственной безопасности заметна и опора на сталинские тезисы, касающиеся адаптации конституции к местностям отличающимся «своеобразными бытовыми условиями и составом населения». Совершенно чётко обозначена необходимость предоставления права применения «специфической формы» конституции на территориях населённых представителями коренных национальностей. Данная позиция разъясняется не менее чёткой постановкой вопроса об обязательности «добиваться того, чтобы желания этих национальностей были подлинно социал-демократичными». И.В. Сталин в этой связи указывал: «… необходимо

---

[4] Нэх В.Ф. История советской пограничной политики: 1917-1941 гг. М., 2008. С. 73.

[5] См.: Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // В.И. Ленин, И.В. Сталин о национальном вопросе. М., 2013. С. 73.

[6] См.: Нэх В.Ф. Пограничная политика советского государства (1917-1941 гг.). М., 2006. С. 194.

[7] Сталин И.В. Как понимает социал-демократия национальный вопрос? // Он же. Сочинения. Т. 1. М., 1946. С. 42.

в социал-демократическом духе просвещать пролетариев этих национальностей, подвергнуть суровой социал-демократической критике некоторые реакционные «национальные» нравы, обычаи и учреждения...»[8]. Как показала история, «суровой» оказалась не только критика, но и вполне определённые действия советской власти, названные впоследствии репрессиями в отношении отдельных этносов.

В другой работе И.В. Сталин определял «стремление империализма покорить чужие нации и страх этих наций перед угрозой национального порабощения» как значимые факторы обострения межэтнических отношений[9]. Он недвусмысленно указывал на «мировой империализм» как на врага, способного привести к межэтнической дестабилизации. Следовательно, были определены не только обстоятельства, способные нанести ущерб стабильности многонационального советского государства, но обозначена взаимосвязь между устремлениями «мирового империализма» и любой деструктивной деятельностью в межнациональной сфере советской страны. Закономерна, в данной связи, необходимость сосредоточения усилий органов государственной безопасности в пограничном пространстве СССР, и их направленность против «происков мирового империализма» извне. Это следует как из полиэтничности приграничья, так и из возможности проникновения в страну через границу всего того, что способно препятствовать формированию, как указал И.В. Сталин, «мировых основ социалистического хозяйства».

Касательно границ в теории построения советского государства также имелись особенные воззрения, обусловленные революционной идеологией. Взгляды на пограничное пространство не могли избежать влияния своеобразного понимания разграничения территорий, высказанных теоретиками антиимперских мировоззрений. Например, анархист М.А. Бакунин призывал: «Долой искусственные границы, насильно проведённые конгрессами деспотов, ради так называемых исторических, географических, коммерческих, стратегических необходимостей! Не должно быть никаких других границ разделения между нациями, кроме границ, согласных с природою, проведённых справедливо в духе демократии, которые начертает верховная воля самих народов на основании их национальных особенностей!»[10].

Об отсутствии государственных границ, как о далёкой, осознанной, но в большей мере теоретической перспективе заявлял и В.И. Ленин: «Мы стоим за необходимость государства, а государство предполагает границы. ... Что значит «прочь границы»? Здесь начинается анархия... «Метод» социалистической революции под лозунгом «прочь границы» – это просто каша. Когда социалистическая революция назреет, когда она произойдет, она будет перекидываться в другие страны... Тогда будет верен лозунг «прочь границы», когда социалистическая революция станет реальностью, а не методом...»[11].

В последующем в истории советского государства нашли подтверждение конкретно-исторические подходы к значимости границы, определявшие отношение советской власти к ней и приграничью. Была, например, в послереволюционное время готовность правительства большевиков уступать значительные пограничные пространства в обмен на окончание военных действий против социалистической республики («Брестский мир») или для получения экономической выгоды. Так, В. И. Ленин в 1920 г. заявил: «И нам гораздо выгоднее не рисковать, отдать Камчатку в аренду и получать оттуда часть продуктов, тем более, что фактически мы ею все равно не распоряжаемся и использовать не можем. ... Полтора года назад мы хотели подписать мир, по которому огромная часть земли оставалась Деникину и Колчаку. Они отказались от этого и потеряли всё»[12]. Вместе с тем, укоренившись, советская власть твёрдо руководствовалась принципом недопустимости отторжения территории государства. С момента образования СССР (30 декабря 1922 г.) его площадь лишь увеличивалась.

---

[8] Там же. С. 52.

[9] См.: Сталин И.В. Национальный вопрос и ленинизм // В.И. Ленин, И.В. Сталин о национальном вопросе. С. 147.

[10] Бакунин М.А. Воззвание к славянам // Бакунин М. Избранные сочинения. Том III. С. 49.

[11] Ленин В.И. Речь по национальному вопросу 29 апреля (12 мая) 1917 г.// Он же. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Т. 31. 1969. С. 435-436.

[12] Ленин В.И. Речь на собрании секретарей ячеек Московской организации РКП(б) 26 ноября 1920 г. Газетный отчёт // Он же. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Т. 42. М., 1970. С. 44.

Государственная граница СССР стала рубежом не только отделявшим его пределы от земель других стран, но и олицетворяла линию раздела идеологий, социально-политических систем, общественно-экономических формаций. Соответственно пограничное пространство имело важное политическое значение. Сфера же государственной безопасности в нём помимо традиционных военного, разведывательного, оперативного, включала также идеологический, психологический, конфессиональный, этнический и другие сегменты, которые определяли политическое содержание и пограничного пространства, и государственной безопасности, и деятельности по её обеспечению уполномоченных органов.

К моменту относительной социально-политической стабилизации постимперской территории и созданию СССР его приграничье в определённой мере отличалось от порубежья Российской империи по конфигурации, национальному составу, религиозным предпочтениям, специфике отношений с сопредельными странами, организацией охраны границы и другим характеристикам. Значимым фактором реализации интересов государственной безопасности в пограничном пространстве Советского Союза была его полиэтничность. Порубежье после «трансформации» Российской империи в СССР не перестало быть многонациональным. В.И. Ленин, размышляя о данной специфике державы, выделил отличия, часть из которых явно указывает на эти особенности. Он отмечал, что испытывающие больший социальный гнёт, чем в других странах, «инородцы» составляют большинство российского населения (57%), «населяют как раз окраины» и «имеют своих сородичей по ту сторону границы, пользующихся большей национальной независимостью».

Закономерно, что этническая специфика пограничного пространства советского государства всегда оказывала влияние на деятельность органов безопасности, что стало очевидным с первых послереволюционных лет. Автор полностью солидарен с мнением историка В.Ф. Нэха, который подчёркивает: «В условиях, когда значительная часть государственной границы проходила по территориям, населённым представителями национальных меньшинств, национальный вопрос играл важнейшую роль в пограничной политике, проводимой советским руководством»[13].

Этноконфессиональные отношения в политической практике реализации интересов государственной безопасности в приграничье. Несмотря на подробно разработанную марксистами теорию первичности классовой общности трудящихся разных стран, национальностей, вероисповедания и т.п., на практике далеко не всегда население окраинных регионов страны предпочитало пролетарскую солидарность привычным ценностям. Несмотря на отрицание необходимости религии, советское государство придавало важное значение реальности её влияния на население. Например, с учётом практической целесообразности Совет Народных Комиссаров уже 3 декабря 1917 г. принимает обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», которое было призвано привлечь эту категорию граждан на сторону революционеров.

Однако, религиозность населения вообще и приграничья в частности воспринималась как негативный фактор для интересов государственной безопасности, особенно, в периферийных территориях державы. В данной связи профессор Г.П. Герейханов, говоря о Северном Кавказе 1930-х гг., отмечает: «Любая социальная активность мусульман, проявленная в указанный период, отождествлялась с антигосударственной деятельностью»[14]. Но нельзя сказать, что этнорелигиозный фактор в советском государстве учитывался только относительно ислама.

Важное значение придавалось католическому фактору в пограничном пространстве Украины и Белоруссии, которые были населены поляками, исторически исповедавшими католицизм. В западном приграничье борьба с его влиянием выходила на приоритетные позиции. Так, исследователь В.Ф. Нэх, ссылаясь на архивные источники, пишет: «В ходе обследования западной пограничной полосы в 1927 г. отмечалось: «Особо следует остановиться на положении в национальных районах. Здесь приходится констатировать почти безграничное влияние ксендза. ... Среди польской молодёжи почти открыто ведётся агитация за вступление в случае войны в польскую армию, причём в этой агита-

---

[13] Нэх В. Ф. Пограничная политика советского государства (1917-1941 гг.). С. 191.
[14] Герейханов Г.П. Мусульманская умма: исторический опыт интеграции и современность. М., 2011. С. 198.

ции деятельное участие принимает большая часть польского учредительства, также находящегося под большим влиянием ксендзов»[15].

На другой приграничной территории (Бурятии) беспокойство советского руководства вызывало распространение буддизма. Архивные материалы, датированные 1926 г. («Ламский вопрос в Бурятии. Материалы и документы»), свидетельствуют: «... Бурятия, несмотря на её советизацию, твёрдую государственную границу и её охрану, в лице своего ламства имеет тесные сношения, взаимную и постоянную информацию не только с соседней Монголией, но и с Тибетом во главе с далай-ламой. ... ламство претендует на власть, политическое и экономическое его укрепление недопустимо»[16].

Приведённые тезисы, по мнению автора, в определённой мере отражают причины, которые обусловили активизацию атеистической деятельности государства. Марксистская теория, как говорилось выше, предусматривала в качестве объединяющей идеи классовую общность. Следовательно, всё, что могло быть ей противопоставлено (в том числе и религия) в интересах государственной безопасности должно было искореняться. Советскому правительству необходимо было противостоять конфессиональному сплочению населения, в особенности приграничных регионов.

Активный атеистический процесс был активизирован государством со второй половины 1920-х гг. В указанный период вышел ряд нормативных актов, регламентирующих атеистические действия государственных органов (Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 08.04.1929 г., Инструкция НКВД «Оправах и обязанностях религиозных объединений» от 10.10.1929 г., Постановление правительства «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений» от 15.02.1930 г. и др.). В интересах атеизации общества широко использовался потенциал театров, снимались антирелигиозные фильмы, создавались музеи атеизма (в 1930 г. их было 44), публиковалась антирелигиозная литература на 88 языках и наречиях народов СССР, все советские радиостанции передавали программы союза Воинствующих Безбожников на четырнадцати языках[17].

Следует отметить, что антирелигиозная борьба в СССР проводилась в отношении всех конфессий. В Союзе Воинствующих Безбожников имелась, например, антикатолическая секция национальных меньшинств. Кроме того, в 1929 г. была организована польская антикатолическая секция воинствующих безбожников, которая должна была заниматься поляками, проживающими на приграничных территориях. Специально для них вся антирелигиозная литература издавалась на польском языке[18]. О деисламизации красноречиво свидетельствуют данные исследователя А.В. Малашенко: за вторую половину 1920-х гг. (к 1930 г.) в СССР было закрыто 70% мечетей, 90-97% мулл и муэдзинов лишились возможности вести религиозную деятельность[19].

В силу исторической «конфигурации» пограничного пространства Советского Союза религиозная принадлежность значительной части его населения соответствовала традиционным вероисповеданиям, распространённым прежде в «национальных окраинах» Российской империи. Следовательно, вектор борьбы с религией в приграничье был направлен наряду с православием, преимущественно на ислам (Кавказ, Средняя Азия), католицизм (запад Украины и Белоруссии, Прибалтика), буддизм (Забайкалье).

Вместе с тем, в руководстве страны имелось вполне осознанное отношение к реальностям, связанным с религиозными предпочтениями населения. Вполне естественно, что в течение нескольких лет искоренить подобного масштаба духовное явление невозможно. Поэтому в интересах державы параллельно с повсеместной атеистической кампанией практиковались и отдельные факты принятия решений, призванных по отдельным вопросам учесть и упорядочить отношение государства с приверженцами тех или иных религиозных течений. Например, касательно пограничного пространства подобный факт

---

[15] Нэх В.Ф. Пограничная политика советского государства (1917-1941 гг.). С. 198.

[16] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 54. Л. 99, 100-101.

[17] См.: Пасечник О.А. Римско-католическая церковь в Каменец-подольской (Хмельницкой) области в 1920-1941 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://exercises.comxa.com/_ii/2__c0f2e5e8e7e0f6e8ff_eee1f9e5f1f2e2e0.html

[18] См.: Стронский Г. Приречена на мовчання. Римо-католицька Церква на Україні в 20-30-і роки // Людина і Світ, 1994. Н.3-4, С. 19.

[19] См.: Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998. С. 15.

упоминает историк В.Ф. Нэх: «В начале 30-х годов Политбюро ВКП(б) принимает специальное решение о том, что советским исмаилитам [таджики и памирцы, исповедующие соответствующее ответвление ислама] позволяется беспрепятственно вывозить серебро в качестве закята для своего духовного лидера Ага-хана. Эта мера, несомненно, должна была обеспечить сотрудничество исмаилитского населения с пограничниками и прекратить конфликты с ними на религиозной почве…»[20].

Таким образом, важным направлением реализации этнополитических положений теории марксизма, адаптированной В.И. Лениным и И.В. Сталиным к российской действительности, было системное искоренение религиозных отношений из жизни советского общества. Государственная практика снижения роли религии в жизни советского общества имела системную направленность на явление как таковое, а не в отношении его разновидностей. Объектом атеистической деятельности государства являлись все конфессии, приверженцы которых проживали в СССР.

Приграничье, как «фасад» советской власти в «национальных» регионах. Определённый интерес представляет политическая практика советского государства, направленная на создание позитивного имиджа советского народа как социальной общности «нового типа». Значительная роль в этом отводилась приграничным регионам, а предметом демонстрации подчёркнутого благополучия определялись национальные административно-территориальные образования.

Нельзя не согласиться с мнением эксперта В.Ф. Нэха, который констатирует: «В сопредельных государствах, особенно населённых родственными народами, необходимо было, с одной стороны создать представление о том, что советская власть удовлетворяет национальные интересы этнических меньшинств в пограничных районах СССР, а с другой – использовать этнические противоречия в сопредельных государствах для усиления своего влияния на них и создание буферных зон … приграничные территории, населённые национальными меньшинствами, рассматриваются как витрина для привлечения симпатий сопредельных народов и как плацдарм для ведения революционной войны»[21].

Необходимость приоритетного развития национальных приграничных территорий понимали не только руководители страны, но и местное управление. Например, для увеличения преференций в полной мере использовало значение своего региона как «витрины» социализма руководство Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической республики. Её руководитель, аппелируя к этнической близости, культурной общности, религиозной принадлежности и равной хозяйственно-бытовой практике народов, разделённых Государственной границей СССР на «бурятском» участке писал: «Бурреспублика одна из тех национальных автономных единиц, которая не только территориально прилегает к соседней Монголии, Тану-Туве и Китаю, но и в своей повседневной работе имеет постоянную связь с указанными странами. … В Бурреспублику приезжают и проезжают через неё представители Монголии, Китая и Тибета. Бурреспублика должна, как в зеркале, отражать всю политику СССР в деле хозяйственного и культурного возрождения отсталых народов под эгидой советской власти»[22]. Сами же преференции подобным национальным субъектам заключались, как свидетельствуют архивные источники, в дополнительных поставках финансовых средств и продовольствия, увеличении финансирования культуры, снижение налогов и др.

Национальный вопрос в кадровой политике советской власти в пограничном пространстве. Большое внимание советская власть уделяла вопросам комплектования национальными кадрами государственных институтов. В первую очередь это касалось партийных органов. В этой сфере дискриминация представителей местных этнических групп в любой форме не допускалась. Показательно, например, следующее постановление политбюро ВКП(б) от 17 апреля 1923 г.: «ЦИКам Республик ускорить организацию национальных советов, добиваться более полного участия трудящихся национальных меньшинств в Советах и Исполкомах, увеличить сеть национальных школ, снабдить пограничную полосу национальной литературой, строго преследовать случаи административного насилия и грубого отношения к национальным меньшинствам. Соответствующим ЦК национальных компартий

---

[20] Нэх В.Ф. Пограничная политика советского государства (1917-1941 гг.). С. 200.
[21] Там же. С. 191-192.
[22] Там же. С. 193.

усилить погранполосу работниками из национальных меньшинств. Партийным организациям усилить работу среди национальных меньшинств»[23].

Многонациональность страны вообще и её пограничного пространства в частности влияла и на кадровую политику органов безопасности. Первым таким институтом стала Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности при Совете народных комиссаров РСФСР (ВЧК)[24]. Понимание необходимости активного участия коренного населения в её деятельности отражено, например, в письме к В. И. Ленину Ф. Э. Дзержинского. Работая в г. Харькове, он писал: «В области моей специальности здесь обильный урожай… Громадной помехой в борьбе – отсутствие чекистов-украинцев»[25]. Отсутствие преданных и профессиональных чекистов из представителей коренного населения было «помехой» и в других национальных регионах.

В пополнении органов ВЧК значительную роль играли партийные мобилизации. Ротация же сотрудников учитывала знание ими национальных обычаев и традиций населения, а также владение языком коренных жителей. При этом, как отмечают эксперты «Даже в очень трудные годы было запрещено откомандирование чекистов из национальных районов»[26]. Таким образом, всемерная помощь национальным органам ВЧК была важнейшим направлением кадровой работы органов безопасности.

Вместе с тем активное вовлечение в их деятельность коренного населения приграничья имело как позитивный, так и значительный негативный потенциал. Естественно, что представители местного населения в качестве пограничников вызывали большее доверие жителей «национального» порубежья. Однако, как пишет В. Ф. Нэх « … включение в состав пограохраны представителей национальных меньшинств создавало основу для сговора на этнической или конфессиональной почве пограничников и нарушителей границы или пограничного режима. В многонациональных коллективах возникали конфликты на этнической основе. Были случаи и прямого предательства представителей национальных меньшинств»[27]. Во многом данные обстоятельства были причиной доминирования на должностях командиров в пограничных органах русскоязычных сотрудников.

Этнический фактор в советской пограничной политике. Использование национального фактора в значительной мере характеризовало и пограничную политику советского руководства. Его учёт позволял определённым образом регулировать этнические отношения в советском приграничье, выстраивая позитивные контакты с руководством и пограничными властями сопредельного государства. Данные отношения также строились в интересах влияния СССР на национальные отношения за пределами советской территории. Необходимо отметить, что характер данного направления пограничной политики не был одинаковым на всех участках государственной границы. Деятельность пограничных органов в этническом аспекте тщательно дифференцировалась в зависимости от конкретно-политических условий, глубокого анализа предполагаемых последствий и складывающейся практики международных отношений с сопредельной страной (странами).

Примером такого дифференцированного отношения СССР к участию в этнополитических процессах у своих границ может быть позиция по вопросам права этнических общностей на самоопределение. Так, в Румынии и Польше СССР активно поддерживал стремление этнических молдаван, украинцев и белорусов на воссоединение Бессарабии, Западной Украины и Западной Белоруссии соответственно с Молдавской автономной республикой, с Украинской и Белорусской республиками. При этом, как свидетельствуют архивные данные, использовался широкий спектр методов поддержки: от дипломатического влияния до оказания финансовой помощи этническим движениям, а научной элите даже выплачивались пособия в валюте[28].

---

[23] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 519. Л.12.

[24] См.: Постановление СНК о создании ВЧК от 7 (20) декабря 1917 г.; Постановление СНК о красном терроре от 5 сентября 1918 г.

[25] ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 14505 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://leninism.su/works/115-conspect/4238-v-i-lenin-i-vchk-chast-1.html?showall=&start=4

[26] Государственная безопасность России: История и современность. М., 2004. С. 447.

[27] Нэх В.Ф. Пограничная политика советского государства (1917-1941 гг.). С. 201.

[28] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 13. Л. 1.

Вместе с тем, в отношениях с другим государством – Турцией подобного рода устремления этнических меньшинств сдерживались. Например, в апреле 1930 г. Политбюро требовало «... немедленно и решительно прекратить всякую работу против Турции в Лазистане. Закрыть издающуюся в Абхазии газету для турецких лазов»[29].

Выводы. Революционное применение положений коммунистической теории на практике привело в СССР к искоренению многовекового российского опыта реализации интересов государственной безопасности в условиях многонациональности приграничья. Советская власть стала вырабатывать собственные подходы и приёмы обеспечения государственной безопасности в обновлённом пограничном пространстве.

Особое значение в приграничье приобретала борьба с религией, что обусловливалось не только исторической спецификой этноконфессиональных предпочтений его жителей, но и их религиозной общностью с населением сопредельных государств. В определённых условиях данное обстоятельство способно создавать риски для интересов государственной безопасности. Снижение же роли религиозного фактора в формировании духовной общности населения в рамках идеологии советской державы являлось необходимым условием укрепления государственной безопасности.

В значительной мере интересами государственной безопасности было обусловлено и преимущественное развитие национальных районов приграничья, что не только уменьшало вероятность возникновения протестных настроений его коренного населения, но и формировало у него патриотические чувства. Следовательно, снижался внутренний деструктивный потенциал посягательств на политический строй СССР, и обеспечивалась возможность развития всей державы. Внешнеполитический имиджевый эффект заключался в создании всесторонне развитого советского приграничья, бывшего прежде отсталыми «национальными окраинами».

Трансграничный характер советской этнополитики отражал её направленность на создание в пограничном пространстве условий, способствующих реализации интересов государственной безопасности. Сами же указанные условия формировались с опорой на этнополитические интересы приграничного населения.

Таким образом, многонациональность пограничного пространства в советском государстве обусловила процессы формирования широкого спектра управленческих механизмов, способов урегулирования религиозных противоречий, моделей межкультурного взаимодействия, технологий демографической политики, методов стабилизации хозяйственно-бытовых отношений. Преимущественно их содержание отличалось от соответствующей политической практики Российской империи. Иными были и результаты, что необходимо рассматривать в рамках другой работы.

ACCOUNTING POLY-ETHNICITY OF THE SOVIET EDGE OF SPACE IN PURSUING THE INTERESTS OF STATE SECURITY AFTER THE OCTOBER REVOLUTION (1920-30)

L.B. KRISTALINSKIY

National Institute of Business, Moscow

e-mail: kris-leon@hotmail.com

In the article political practice of realization of interests of state security in the border space is considered in retrospect. It emphases on considering poly-ethnicity of borderland as a factor in political decision-making, formation of specific management practices and development of the border policy of the Soviet state.

Key words: state security, boundary space, frontier region, poly-ethnicity, ethno-political factor, border policy.

[29] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 145.

УДК 321.6/.8(73) "18/20"

ПРОЦЕССЫ ТРАНСФОРМАЦИИ АМЕРИКАНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ НА РАННИХ ЭТАПАХ ЕЕ РАЗВИТИЯ

С.Б. ЛУГВИН

Гомельский государственный технический университет им. П.О. Сухого, Беларусь

e-mail: lugvinsergey@rambler.ru

В статье рассматриваются процессы трансформации американской государственной службы в контексте утверждения ее рационально-бюрократических черт. Характеризуются особенности американской государственной службы на ранних этапах ее развития.

Ключевые слова: американское чиновничество, «система добычи», «система заслуг», политика и управление, рационально-бюрократическая модернизация государственной службы.

Исторически американская система управления сложилась как своеобразная модификация английской администрации, как продолжение той линии развития, которая с давних пор была присуща государственному управлению Соединенного королевства. Административные учреждения Великобритании, перенесенные в иную географическую и историческую среду, по мнению американского профессора В. Вильсона, который в дальнейшем стал 28-м президентом США, не утратили английского характера, но «выработали американские формы и пропитались американским духом»[1]. Ученый обратил внимание также на ряд общих черт становления английской и американской государственности. Он, в частности, подчеркивал, что и в том, и в другом случае, данный процесс «шел от мелких, крепких, глубоко пустивших корни местных учреждений, от маленьких самоуправляющихся общин и, расширяясь, привел к созданию национальных учреждений, связавших отдельные общины в сильный и прочный центральный союз»[2]. Подобная особенность генезиса государственных институтов существенно отличала английскую и американскую системы управления от административных систем большинства европейских стран, где, как, например, во Франции, процесс строительства государственных учреждений шел параллельно с созданием централизованного государства, а потому исторически развивался не снизу вверх, а сверху вниз. Отсюда не случайно, что формирование государственной бюрократии в Великобритании и США происходило более медленными темпами, нежели в большинстве европейских стран, где иерархические структуры создавались целенаправленными усилиями центральной власти.

В первой половине XIX в. Соединенные Штаты являлись весьма децентрализованным государством. Американские штаты имели полномочия, сопоставимые с полномочиями государств. Они обладали почти полным суверенитетом на своей территории, правом эмиссии денежных знаков, возможностью самостоятельно распоряжаться взимаемыми налогами, создавать собственные воинские подразделения, вести свою внешнюю торговлю и пр. Все это отнюдь не благоприятствовало появлению государственной бюрократии. Не последнюю роль сыграло и то обстоятельство, что на территории США никогда не существовало монархической власти, которая неизменно стремится к созданию послушной и преданной ей бюрократии. Нельзя не учитывать и традиционное недоверие американцев к чиновникам, которые в их глазах ассоциировались с ненавистной им британской администрацией, бесконтрольно хозяйничающей в североамериканских колониях. Так, автор Декларации независимости Т. Джефферсон резко критиковал английского короля за то, что он «присылал к нам сонмища чиновников, чтобы притеснять народ и

---

[1] Вильсон В. Государство. Прошлое и настоящее конституционных учреждений. М., 1905. С. 391.
[2] Там же. С. 404.

лишать его средств к существованию»[3]. А потому не случайно, что американцы «более боялись иметь правительство слишком сильное, чем правительство слишком слабое»[4].

В первые десятилетия существования США обсуждение общих вопросов государственного устройства отодвинуло на второй план решение более частных вопросов, связанных с организацией государственной службы. А потому данные проблемы практически не затрагивались в американской конституции. В ней, в частности, говорилось лишь о полномочиях президента в назначении должностных лиц федерального уровня, судей Верховного суда и официальных представителей страны за рубежом. Одновременно отмечалось, что конгресс может самостоятельно расширять список назначаемых президентом и главами исполнительных ведомств должностных лиц. В 1789 г. американский конгресс предоставил президенту право самостоятельно смещать всех должностных лиц федерального государственного аппарата. В подобных условиях президент получил возможность назначать и контролировать назначения федеральных чиновников, добиваясь от них проведения нужной ему политики. Тем не менее, вплоть до середины XIX в. в США не было издано ни одного закона, который бы определял порядок комплектования служебного персонала федеральных учреждений, замещения должностей, прохождения государственной службы и т. п.[5] На начальных этапах организации американской государственной службы значительную роль в ее упорядочении сыграли политические прецеденты, которые создавались как американскими президентами, так и министерствами, обладающими широкими полномочиями в разработке собственных правил и инструкций.

Исследователями отмечается, что характерной чертой американской государственной службы на всем протяжении ее существования явилось сочетание и противоборство двух доминирующих архетипов – «системы заслуг», исходящей из предпочтительности правления просвещенных, знающих и высокоморальных лиц и «системы добычи», сводившейся к праву сильного комплектовать и формировать государственный аппарат по собственной воле и усмотрению[6]. В период правления первых президентов США – Дж. Вашингтона, Дж. Адамса, Т. Джефферсона – превалировала «система заслуг», ориентированная на привлечение на государственную службу тех, кого Т. Джефферсон называл «естественной аристократией», т.е. людей компетентных, знающих, владеющих собственностью, пользующихся общественным признанием и репутацией. В своем письме Дж. Адамсу в 1813 г. он риторически вопрошает: «Разве нельзя сказать, что та форма правления наилучшая, которая наиболее эффективно предусматривает чистый отбор естественных аристократов для правительственных учреждений?»[7]. На первых порах главным кадровым резервом государственной службы являлись крупные землевладельцы (джентри), которые в последующем стали активно дополняться торговцами, врачами, юристами, священниками, военными и учителями[8]. От претендентов на государственную должность не требовалось каких-либо специальных административных познаний. Считалось, что хорошее управление – это минимальное управление с минимальным числом чиновников.

На протяжении длительного времени государственная служба США формировалась посредством патронажа. Однако на ранних периодах ее развития наряду с политическими заслугами претендентов учитывались также их образованность, социальный статус, репутация и пр. Такая система подбора кадров порождала определенную элитарность, замкнутость и некоторую оторванность от интересов простых людей, а также возможность влияния на государственную службу со стороны групповых и клановых интересов, например, «джентльменов» из Виргинии или Новой Англии. Тем не менее, положительной стороной такой системы являлась стабильность кадров и сравнительно невысокий уровень коррупции.

---

[3] Джефферсон Т. Декларация независимости. 4 июля 1776 г. // Международные акты о правах человека. Сб. документов. М., 1998. С. 22.

[4] Вильсон В. Указ. соч. С. 413.

[5] Новиков А.В. Правовые формы организации государственной службы США. М., 1974. С. 74.

[6] Абрамов Ю.К. Эволюция концепции государственной службы в США // США. Экономика. Политика. Идеология. 1997, № 1. С. 33-34.

[7] Американские просветители. Избр. произв: в 2-х т. М., 1969. Т. 2. С. 96.

[8] Aronson, Sidney H. Status and Kinship in the Higher Civil Service. Standards of Selection in the Administrations of John Adams, Thomas Jefferson, and Andrew Jackson. Harvard University press., 1964. P. 35.

Американская конституция обошла стороной не только вопрос об организации федерального государственного аппарата, но и вопрос об организации управления на уровне штатов, графств (округов) и общин, в результате чего он стал исключительной прерогативой региональных и местных властей. Последние, пользуясь полной свободой действий, самостоятельно решали все вопросы, связанные с работой своего административного аппарата. «В этом смысле, – писал В. Вильсон, – у американцев нет местного самоуправления, а есть «местное самоправление», которое не представляет из себя применение принципов центрального правительства, а является проявлением независимой инициативы»[9].

Большой интерес для понимания особенностей организации американской региональной и местной администрации представляет книга французского политолога А. Токвиля «Демократия в Америке», в которой он обобщил свои наблюдения, сделанные им во время посещения Соединенных Штатов в начале 30-х гг. XIX в. В частности, он отметил широко распространенную практику выборности должности лиц, при которой все чиновники за исключением немногочисленного штата назначаемых президентом федеральных служащих избирались населением на ограниченный срок. Другим характерным признаком американского управления Токвиль назвал отсутствие административной иерархии. «...Власти округа, – пишет А. Токвиль, – не имеют право вмешиваться в деятельность общины. Они могут давать ей распоряжения лишь тогда, когда речь идет о делах, касающихся всего округа»[10]. Выборные чиновники штатов, графств (округов) и общин обладали почти полной самостоятельностью и являлись практически не подконтрольными центральному/региональному правительству.

Исследуя специфические признаки американской системы управления, А. Токвиля поставил вопрос: как в условиях отсутствия административной иерархии обеспечивается подчинение чиновников? Ведь «выборное должностное лицо нельзя ни сместить, ни повысить. В самой природе выборной должности заложен принцип несменяемости до окончания срока полномочий»[11]. По мнению ученого, выход из данной ситуации американцы находят в использовании судебных санкций: «Так как в стране полностью отсутствует административная иерархия..., появляется необходимость в большей или меньшей степени приобщать судебную власть к сфере управления. Отсюда, в свою очередь, возникает система наложения штрафов, с помощью которых нижестоящие образования и их представители понуждаются к исполнению законов»[12]. А значит, только судьи в США могут заставить чиновников повиноваться, что превращает их в своеобразных посредников между центральной властью и выборными органами на местах. Отсутствие административной иерархии во многом компенсируется также законодательным регулированием управленческой сферы. «Законодатель, – по словам А. Токвиля, – проникает, так сказать, в самую сердцевину управления обществом, определяя всё до мельчайших подробностей; закон одновременно устанавливает как основные положения, так и средства их воплощения в жизнь...»[13].

Акцентируя внимание на основных отличиях европейской бюрократии от американского чиновничества, А. Токвиль пишет: «Зачастую европеец видит в государственном чиновнике лишь силу; американец же видит в нем право. Таким образом, можно утверждать, что в Америке человек никогда подчиняется другому человеку, а повинуется лишь правосудию или закону»[14]. К числу положительных сторон американского чиновничества А. Токвиль отнес также присущий ему стиль управления: «Не могу себе представить никого, кто бы действовал так спокойно, был бы так для всех доступен, так внимателен к просьбам и так учтиво отвечал бы на ваши вопросы, как американские государственные чиновники»[15]. Однако, несмотря на признание отдельных преимуществ американской системы управления, он оценивал ее достаточно критично. Ученый, в частности, отметил, что чрезмерная децентрализация управления практически полно-

---

[9] Вильсон В. Указ. соч. С. 447.
[10] Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992. С. 73.
[11] Там же. С. 74.
[12] Там же. С. 80.
[13] Там же. С. 74.
[14] Там же. С. 89.
[15] Там же. С. 165.

стью изолирует местные власти от центрального правительства. Периодические выборы и опасность оказаться неизбранным снижают престиж государственной службы, делают невозможным карьерный рост, в результате чего чиновниками зачастую становятся люди «заурядные», настоящие «обыватели». Выборность чиновников, по мнению А. Токвиля, порождает также нестабильность управления, что проявляется в отсутствии преемственности в административной работе, в нежелании следовать лучшим образцам, в неумении работать с документами, накапливать их по мере необходимости, составлять своды правил и т. п. Всё это, как полагал А. Токвиль, приводит к непрофессионализму и некомпетентности управленцев, которые, не имея специальной административной подготовки, руководствуются лишь здравым смыслом и житейским опытом.

С приходом к власти президента Э. Джексона ситуация в государственном управлении США изменилась в худшую сторону. В период его правления, который иногда именуется «джексоновским переворотом», был положен конец исключительному праву «естественной аристократии» на занятие государственных должностей. В одном из своих посланий конгрессу Э. Джексон высказал следующую мысль: «Функции всех общественных учреждений столь понятны и просты..., что люди, обладающие интеллектом могут быстро подготовить себя к их выполнению, и я убежден, что из-за длительного пребывания человека в должности больше теряется, чем выгадывается, благодаря его опыту.... В стране, где общественные учреждения создаются единственно ради блага народа, никто не имеет больше, чем другой, какого-то присущего ему одному права занимать в них должности»[16]. (Здесь уместно вспомнить В.И. Ленина, по мнению которого при социализме все трудящиеся должны участвовать в управлении государством. Он считал, что капитализм создает для этого все необходимые предпосылки: крупное производство, фабрики, железные дороги, почта и банки, упрощающие функции управления «до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответствующих расписок»[17].) Подобные идеи порождали крайне упрощенное представление об управленческом труде и сопровождались непрофессионализмом и дилетантизмом управленческих кадров. А потому не случайно, что кадровая политика Э. Джексона, стремящегося привнести в государственную службу элементы равенства и открытости, на деле обернулась снижением её качества и эффективности.

В период президентства Э. Джексона главное внимание при назначениях федеральных чиновников обращалось не на их образованность и практический опыт, а на их политические заслуги и партийную принадлежность. Созданный им прецедент в дальнейшем оказался востребован, а партийно-политический подход к государственному управлению стал общепринятым. Каждый новый президент, придя к власти, увольнял почти всех должностных лиц, назначенных его предшественником, а на освободившиеся места ставил своих друзей и соратников. Такой способ замещения кадров именовался «системой добычи», которая, будучи разновидностью патронажа, требовала не личной, а партийно-политической преданности. Наряду с президентами ее использовали губернаторы штатов, мэры городов и другие выборные должностные лица.

Политика Джексона, изначально направленная на демократизацию государственной службы, на деле привела к усилению политической борьбы за распределение и перераспределение государственных постов, к превращению их в «доходное место». В подобных условиях распространилось мнение, что «чиновничьи посты просто должны по очереди переходить от одного к другому, чтобы каждый побывал у кормушки»[18]. Прямым следствием такой политики стал периодический хаос в управлении, вызываемый массовой сменяемостью служащих. Административная работа чиновников оказалась чем-то второстепенным по сравнению с их политической деятельностью. В обмен на должности, которые обычно ценились не по получаемому вознаграждению, а по реальной доходности, они были обязаны оказывать материальную поддержку своей партии, расходуя значительную часть своего жалованья (обычно около четверти) на содержание её админи-

---

[16] Хофстедтер Р. Американская политическая традиция и ее создатели. М., 1992. С. 70.

[17] Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч.: в 55 т. М., 1981. Т. 33. С. 101.

[18] Вебер М. Социализм. Речь, произнесенная в Вене перед австрийскими офицерами с целью их общей ориентации (июнь 1918) // Он же. Политические работы (1895-1919). М., 2003. С. 306.

стративного аппарата и проведение избирательной кампании. Все это существенно деформировало сознание американских чиновников, которые ориентировались уже не на государственные, а на узкопартийные цели. «…Эта ситуация, - по мнению М. Вебера, - не могла существовать без чудовищных непорядков: не имеющих себе равных коррупции и расточительства…»[19].

Подобное положение вещей породило деградацию и упадок всей системы государственного управления. Между тем в обществе все острее ощущалась потребность в преодолении коррупции, в повышении профессиональности и компетентности государственного аппарата. Своеобразным выражением этой потребности стало стремление ряда политиков рационализировать комплектование и деятельность государственного аппарата. Одна из первых таких попыток была предпринята в 1853 г. сенатором Хантером, который провел через Конгресс закон, предусматривающий разделение всех клерков на 4 класса, выплату им соразмерного и строго фиксированного жалованья и введение экзаменационных испытаний при поступлении на должность. Данный закон был направлен на повышение образовательного уровня чиновничества и установление административной иерархии. Однако большинство «партийных боссов» вовсе не спешило расставаться с «системой добычи», которая позволяла им достаточно эффективно контролировать чиновников. А потому первая попытка реформировать государственную службу была, по сути дела, провалена.

Гражданская война радикально изменила американское общество и активизировала модернизационные процессы. По мнению американских историков А. Невинса и Г. Коммаджера, «именно война стала отправным моментом настоящего возникновения Америки»[20]. Она привела к развитию промышленности, строительству железных дорог, расширению внутренней и внешней торговли. Все это еще более усилило потребность в создании рационально организованной государственной службы и компетентного государственного аппарата. Растущее осознание этой потребности в интеллектуальной элите общества, а также недовольство населения коррупцией и другими злоупотреблениями в сфере государственного управления привели к возникновению движения за проведение реформ. Особый размах оно приобрело с середины 70-х гг., когда последовала череда крупных коррупционных скандалов, скомпрометировавших многих влиятельных политиков. Все это побудило сторонников перемен объединиться в Национальную лигу за реформу государственной службы, председателем которой в середине 80-х гг. стал В. Вильсон. Он считал необходимым четко разграничивать политическую и административную деятельность: политическое руководство принимает решения, а административные органы быстро и профессионально проводят их в жизнь. Смена политического руководства не должна сказываться на работе государственного аппарата. «Сфера государственного управления, – писал В.Вильсон в своем, ставшем классическом, эссе «Наука государственного управления», – это деловая сфера (сфера исполнения обязанностей). Она свободна от спешки и борьбы, свойственной политике… <…> Вопросы государственного управления не являются политическими вопросами. Хотя политика и определяет задачи для органов управления, ее вмешательство в процессы управления недопустимо»[21]. Концепция В. Вильсона стала убедительным теоретическим обоснованием необходимости перехода к профессиональной бюрократии (несколько лет спустя подобные идеи развил другой американец – Ф. Гудноу), а принцип дихотомии политики и управления приобрел широкую популярность и был признан большинством американских политиков.

Президент Р. Гайес, избранный в 1876 г., впервые при распределении должностей стал ориентироваться не на политические заслуги кандидатов, а на их способности и деловые качества. Однако инициативы Р. Гайеса вызвали широкое недовольство его сторонников: его обвинили в том, что он предал партию, которой был обязан своим избра-

---

[19] Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избр. произв. М., 1990. С. 682.

[20] Невинс А., Коммаджер Г. История США. От английской колонии до мировой державы. Нью-Йорк, 1991. С. 252.

[21] Вильсон, В. Наука государственного управления // Классики теории государственного управления: американская школа. М., 2003. С. 33-34.

нием[22]. Тем не менее, начавшийся процесс уже нельзя было остановить. Убийство в 1881 г. президента Дж. Гарфилда, совершенное одним из разочарованных претендентов на государственную должность (он не получил должность посла во Франции), вызвало сильное возмущение населения, что заставило обе партии провести через Конгресс Закон об усовершенствовании и регулировании гражданской службы Соединенных Штатов, названный по имени его автора законом Пендлтона (с этого времени государственная служба США стала именоваться гражданской службой).

Закон Пендлтона позволил серьёзно рационализировать государственную службу и создать постоянный бюрократический аппарат. Он исходил из разделения всех государственных служащих на две категории: первая – политические руководители и политические назначенцы, а вторая – карьерные чиновники или гражданские служащие в собственном смысле этого слова. Было признано, что если политические руководители занимают свои должности временно, меняясь в зависимости от политической конъюнктуры и нахождения у власти той или иной партии, то карьерные чиновники сохраняют свои должности постоянно независимо от персонального состава руководства и проводимой им политической линии. Согласно закону Пендлтона, по отношению к карьерным чиновникам должны применяться следующие принципы: 1) замещение должностей на основе беспристрастных конкурсных экзаменов, позволяющих объективно оценивать степень пригодности претендентов на государственные должности; 2) запрет на принуждение чиновников к какой-либо политической деятельности, включая уплату ими денежных средств на политические цели; 3) невозможность их увольнения по политическим мотивам. Закон о гражданской службе выработал и некоторые антикоррупционные меры. В частности, он запретил поступление на службу лицам, двое близких родственников которых уже являлись служащими федерального аппарата, а также установил испытательный срок для новичков. Кроме того, он запретил лицам, регулярно и чрезмерно употребляющим спиртные напитки, занимать государственные должности.

Для координации работ по организации государственной службы была создана независимая от президента Комиссия по делам гражданской службы. В её обязанности входило составление списков кандидатов на государственные посты, удовлетворяющим установленным квалификационным требованиям; контроль над проведением конкурсных экзаменов; решение вопросов, связанных с повышением эффективности государственной службы и др.

Отделив сферу управления от политики и возродив «систему заслуг», закон Пендлтона способствовал созданию политически нейтральной государственной службы, что потенциально порождало угрозу формирования внутренне замкнутой и нечувствительной к общественным потребностям элитарной бюрократии. Однако в действительности этого не произошло, поскольку Закон сохранил «систему добычи», ограничив, однако, сферу ее применения. Составители закона Пендлтона исходили из того, что политические цели должны определяться выборными должностными лицами, опирающимися на своих назначенцев в государственном аппарате. Это, по их мнению, должно обеспечить широкое политическое представительство всех наиболее значимых интересов гражданского общества. В этой связи нельзя не согласиться с Ю.К. Абрамовым, который считал, что «разделение государственных служащих на два ключевых отряда – политических назначенцев и карьерных служащих позволило американцам совместить принципы «системы добычи» и «системы заслуг», сохраняя их преимущества и в значительной степени ограничивая отрицательное воздействие» [23].

Предпринятое в США реформирование государственной службы осуществлялось на основе широких заимствований из опыта проведения английской административной реформы середины 50-х гг. XIX в. Еще до начала процесса преобразований один из руководителей Национальной лиги за реформу государственной службы Д. Итон специально посетил Соединенное Королевство с целью изучения накопленного там опыта. В дальнейшем основные выводы его доклада, который был сделан в Конгрессе по итогам поездки, были использованы при разработке Закона о гражданской службе. Однако, опираясь на британ-

---

[22] История XIX. (Западная Европа и внеевропейские государства): в 8 т. М., 1907. Т. 8: Конец века 1870-1900: ч. 2. С. 127.

[23] Абрамов Ю.К. Указ. соч. С. 38.

ский опыт, США не встали на путь его механического копирования. Так, например, позаимствовав у англичан идею конкурсных экзаменов, американцы отказались от их схоластического характера и постарались максимально сблизить с управленческой практикой. В отличие от английской гражданской службы, требующей для всех чиновников начинать службу с самых низших должностей, закон Пендлтона предусмотрел возможность заполнения государственных постов на всех уровнях власти людьми, не находившимися прежде на государственной службе. В дальнейшем это одним из факторов, препятствующим превращению американской бюрократии в замкнутую корпорацию. Этой же цели служили отказ американцев от английской системы закрытых классов и отсутствие увязок приема на должность с окончанием определенного учебного заведения.

Значение закона Пендлтона заключается в том, что он законодательно оформил профессиональный характер гражданской службы и выделил в рамках государственной администрации большую группу чиновников, являющейся бюрократией в собственном смысле этого слова. В дальнейшем президенты могли самостоятельно распространять его основные положения на те или иные федеральные учреждения путём издания соответствующих приказов. После принятия Закона в сферу его действия вошло лишь 14 тыс. мелких чиновников в столице, в крупных почтовых отделениях и в таможнях, что составило лишь 10,5 % от общего числа федеральных служащих. Первоначально закон не распространялся также на штаты и органы местного самоуправления[24]. Однако в дальнейшем по образцу закона Пендлтона были приняты аналогичные законы в большинстве штатов, что свидетельствовало об активизации тенденции к унификации чиновничьего аппарата в масштабах всей страны. Она быстро набирала свою силу, в результате чего к концу президентства Т. Рузвельта (1909 г.) закон Пендлтона распространялся уже на 60 % служащих федеральных органов[25].

Рационально-бюрократическая модернизация государственной службы США, начатая с принятием закона Пендлтона, в основном завершилась в начале XX в., когда в практику административной работы стали внедряться принципы «научного управления» Ф. Тейлора, первоначально разработанные для промышленных предприятий. Здесь наглядно проявилась господствующая в США идеология: то, что оправдало себя в бизнесе, может с успехом применяться и в сфере государственного управления. Система «научного управления» Ф. Тейлора предусматривала разработку многочисленных законов, правил и инструкций, которые «заменяют собой личное суждение индивидуального работника...»[26]. Под влиянием тейлоровских идей утвердилось мнение, что правильные умозаключения, сделанные в соответствии с требованиями «научного управления», позволяют сформулировать универсальные правила построения и эффективного функционирования любой организации, в т. ч. административно-государственной. В дальнейшем теория «научного управления» стала широко внедряться в деятельность государственного аппарата США и стала основой для стандартизации и классификации должностей американской государственной службы, совершенствования ее организационной структуры, разработки методик отбора служащих, уточнения тарифной сетки оплаты труда и пр. Тейлоровская теория разрабатывалась в рамках бюрократического рационализма, с позиций которого любая деятельность чиновников характеризовалась как сугубо формализованная, принципиально отвергающая любые отношения, не предписанные их функциональными обязанностями. Именно в рамках такого подхода зародилась «классическая школа» управления и тесно связанная с ней модель «рациональной бюрократии» М.Вебера, которая, обозначив идеальный тип административной организации, отразила в себе ряд нормативных требований к структуре государственного управления индустриального общества.

Таким образом, в начале XX в. в США в основном завершилось создание профессиональной государственной службы, основанной на рационально-бюрократических принципах. Такая служба, будучи свободной от политических пристрастий и идеологической

[24] Завражнов И. И., Четвериков С. Б. Государственная служба в США // Государственная служба основных капиталистических стран. М., 1977. С. 35-36.

[25] Миллс Р. Властвующая элита. М.,1959. С. 326.

[26] Тейлор Ф.У. Научная организация труда. М., 1925. С. 30.

ангажированности, позволяла достаточно успешно решать экономические и социальные проблемы, обеспечивая поступательное развитие гражданского общества.

PROCESSES OF TRANSFORMATION AMERICAN PUBLIC SERVICE AT EARLY STAGES OF ITS DEVELOPMENT

S.B. LUGVIN

Pavel Sukhoi State Technical University the of Gomel, Belarus

e-mail: lugvinsergey@rambler.ru

In article processes of transformation of the American public service in a context of the statement of its is rational-bureaucratic fig. are examined. Features of the American public service at early stages of its development are characterized.

Keywords: the American official, «extraction system», «system of merits», a policy and management, is rational-bureaucratic modernization of public service.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Атлагич С.М.	–	профессор кафедры коммуникативистики и журналистики факультета политических наук Белградского государственного университета, Республика Сербия, доктор политических наук
Баруткин Д.Н.	–	аспирант кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета
Болгова А.М.	–	доцент кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат педагогических наук
Болховитина Т.С.	–	заведующая кафедрой менеджмента, государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в г. Брянске, кандидат политических наук, доцент
Валяев Я.В.	–	старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин Белгородской государственной сельскохозяйственной академии, кандидат исторических наук
Габелко Д.Е.	–	старший преподаватель кафедры истории военного искусства Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», г. Воронеж, кандидат исторических наук
Гатина З.С.	–	аспирант факультета истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва
Гущин Е.В.	–	аспирант кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета
Джаббарлы А.Г.	–	ст. преподаватель кафедры истории Нахичеванского государственного университета, Азербайджанская Республика
Иванов А.М.		старший преподаватель кафедры юридических дисциплин Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права, филиал в г. Смоленске
Клейменов А.А.	–	доцент кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, кандидат исторических наук
Ключник Р.М.	–	аспирант кафедры политологии Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара, Украина
Кристалинский Л.Б.	–	докторант кафедры психологии и управления Национального института бизнеса, г. Москва, кандидат политических наук, доцент
Кулачков В.В.	–	доцент кафедры философии, истории и социологии Брянской государственной инженерно-технологической академии кандидат, исторических наук
Курбанов А.В.	–	аспирант кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета
Лугвин С.Б.	–	доцент кафедры политологии и истории Гомельского государственного технического университета им. П.О. Сухого, Беларусь, кандидат философских наук
Мальцева Н.Н.	–	аспирант кафедры новейшей отечественной истории Кемеровского государственного университета
Мехамадиев Е.А.	–	ассистент кафедры истории средних веков Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук
Михайличенко Д.Ю.	–	доцент кафедры политической экономии Харьковского национального экономического университета, Украина, кандидат исторических наук
Мошкин А.Н.	–	профессор кафедры российской истории Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук

Новикова Е.Н.	–	аспирант кафедры архивоведения, новейшей истории и специальных исторических дисциплин Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого, Украина
Огнева В.В.	–	профессор кафедры политологии, государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиалы в г. Брянске, г. Орле, доктор политических наук
Олейник Н.Н.	–	профессор кафедры международных отношений и укроиноведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук
Олейник Ю.А.	–	преподаватель кафедры экономической теории Харьковского национального педагогического университета имени Г.С.Сковороды, Украина, кандидат педагогических наук
Пастухов А.В.	–	аспирант кафедры политологии, государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в г. Орле
Пашина Н.П.	–	доцент кафедры политологии и социологии Луганского национального аграрного университета, Украина, кандидат исторических наук
Пушкарева Н.Л.	–	завсектором гендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН, доктор исторических наук
Семененко А.А.	–	учитель муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Гимназия № 2», г. Воронеж, кандидат исторических наук
Семичева Е.А.	–	доцент кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук
Сивкина Н.Ю.	–	профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор исторических наук
Черная Н.Н.	–	доцент кафедры философии и экономической теории Винницкого торгово-экономического института Киевского национального торгово-экономического университета, Украина, кандидат исторических наук
Швыдкый С.Н.	–	проректор по научно-педагогической работе Донбасского государственного педагогического университета, г. Славянск, Украина, кандидат исторических наук, доцент

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Материалы необходимо высылать в двух экземплярах:

- по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный национальный исследовательский университет;
- по электронной почте редакторам разделов: «Актуальные вопросы отечественной истории» – shatohin@bsu. edu. ru (Шатохин Иван Тихонович – заместитель главного редактора); «Актуальные вопросы всеобщей истории» – bolgov@bsu. edu. ru (Болгов Николай Николаевич); «Актуальные вопросы политологии» – Shilov@bsu. edu. ru (Шилов Владимир Николаевич – заместитель главного редактора); «Актуальные проблемы экономики» – Lomovceva@bsu. edu. ru (Ломовцева Ольга Алексеевна – заместитель главного редактора); ответственный секретарь серии журнала – onoprienko@bsu. edu. ru (Оноприенко Инна Григорьевна); сайт журнала: http://unid. bsu. edu. ru/unid/res/pub/index. php.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются. Материалы, присланные без соблюдения правил, редколлегией не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ «ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА. ИНФОРМАТИКА» ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БЕЛГУ»

В материалы включается следующая информация:

1) УДК научной статьи;
2) аннотация статьи (не более 1200 знаков);
3) ключевые слова;
4) сведения об авторах (Ф. И. О., должность с указанием места работы (без сокращений), ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны);

на русском и английском языках (пп. 2–4)

5) внешняя рецензия доктора наук (для аспирантов и кандидатов наук);
6) текст статьи;
7) ссылки.

на русском языке (пп. 5–7)

Технические требования к оформлению текста

1. Текст набирается в Microsoft Word 2000/2003. Лист – А4, портретный. Без переносов.
2. Поля:
- правое – 1,5 см;
- левое – 3,0 см;
- нижнее – 2,0 см;
- верхнее – 2,0 см.
3. Шрифт:
- гарнитура: текст – **Georgia**; УДК, название, ФИО автора – **Impact**;
- размер: в тексте – **11 пт**; в таблице – **9 пт**; в названии – **14 пт.**
4. Абзац:
- отступ 1,25 мм, выравнивание – по ширине;
- межстрочный интервал – одинарный.
5. Ссылки:
- номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
- нумерация – автоматическая, сквозная;
- текст сноски внизу каждой страницы;
- размер шрифта – 9 пт.
6. Объем статей: до **8 страниц** (**Georgia, 11 пт).**
7. Формулы набираются в «Редакторе формул» Word, допускается оформление формул только в одну строку, не принимаются формулы, выполненные в виде рисунков, формулы отделяются от текста пустой строкой.
8. Требования к оформлению статей, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. **Оформление статьи**

УДК 65. 01

КЛЮЧЕВЫЕ ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЮ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ*

А. В. ИВАНОВ[1)]
Л. Н. ПЕТРОВ[2)]

[1)] Департамент экономического развития Белгородской области

[2)] Белгородский государственный национальный исследовательский университет

e-mail: bor@bsu. edu. ru

При выборе пути инновационного развития необходимо учитывать возможные риски и ограничения социально-экономического развития, продуцированные перспективами постепенного вступления России в единое мировое экономическое пространство. В работе рассмотрены ключевые вызовы развитию России и регионов на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: глобализация, вызовы развитию, риски и ограничения социально-экономического развития, региональная политика.

В последние годы в российском обществе обозначился явный дефицит долгосрочного (на 10-15 и более лет) видения перспектив развития национальной экономики[1].

KEY CHALLENGES TO REGION DEVELOPMENT IN CONDITIONS OF GLOBALIZATION OF THE RUSSIAN ECONOMY

A. V. IVANOV[1)]
L. N. PETROV[2)]

[1)] Department of Economic Development, Belgorod Region

[2)] Belgorod National Research University

e-mail: bo@bsu. edu. ru

Choosing a way of innovative development it is necessary to take into account the risks and restrictions of socio-economic development, produced by prospects of the gradual introduction of Russia into the whole world economic space. There considered key challenges to development of Russia and its regions for the long-term prospect.

Keywords: globalization, challenges to development, risks and restrictions of socio-economic development, regional policy.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов А. В. – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и права Белгородского государственного университета
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
e-mail: dizelsnab@mail. ru, тел. 33-22-44

[1] Караганов С. А. XXI век и интересы России // Современная Европа. 2004. №3. С. 6; Айналов Д. В. Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1900. С. 2.

Приложение 2. **Оформление таблиц**

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на 2-х страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Расположение начала таблицы.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Продолжение таблицы, расположенное на следующей странице.

Приложение 3. **Оформление графических объектов**

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру под рисунком.

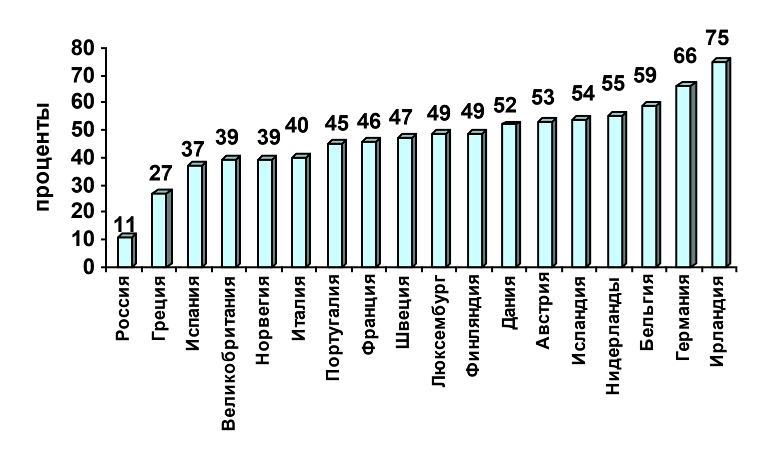


Рис. 1. Уровень инновационной активности в России,
странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

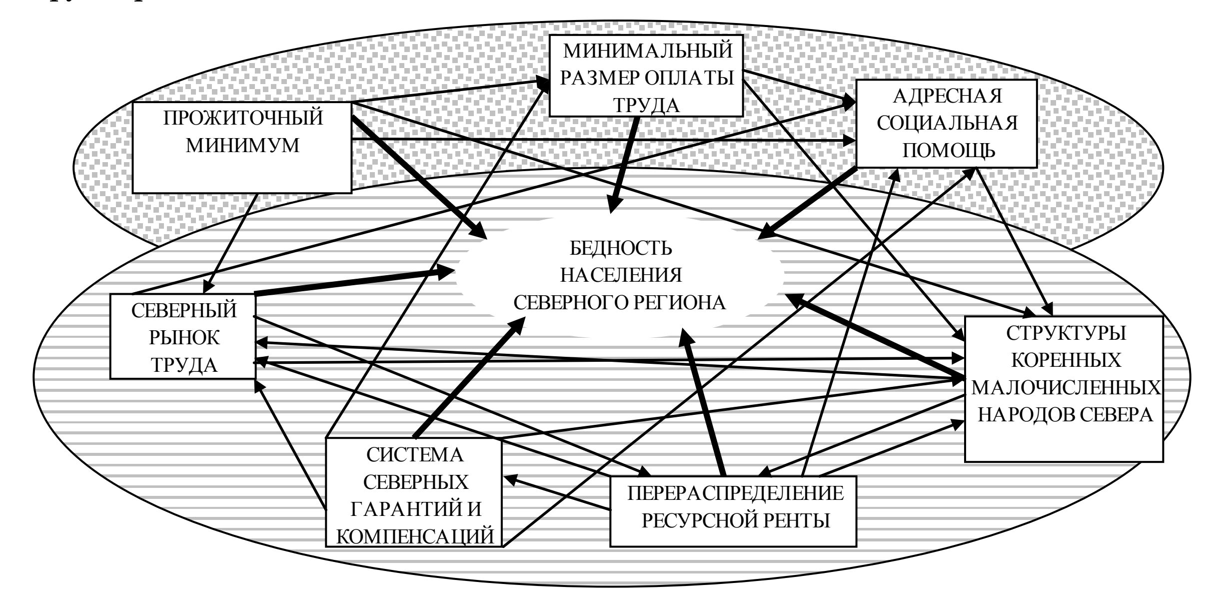


Рис. 2. Институциональная среда
существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.
4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.

За публикацию рукописи в журнале «Научные ведомости Белгородского государственного университета» плата с авторов не взимается.